

Лауреат Артиады народов России

**Международный
литературный
альманах**

Выпуск 34

МОСКВА
Издание Валерия Лебединского
2018

**Муза. Международный литературный альманах. № 34.
М.: Издание Валерия Лебединского. 2018. с. 472**

**Главный редактор
Валерий Лебединский**

**Редакционная коллегия:
Лев Аннинский, Зиновий Вальшонок, Сэда Вермишева,
Александр Городницкий, Борис Дубровин, Лола Звонарёва,
Леонид Подольский, Михаил Попов**

**Художник
Анна Сонц**

**Регистрационный номер ПИ № 77-7878 от 27 апреля 2001 г.
в Госкомпечати РФ**

ПАМЯТИ ЛАРИСЫ ВАСИЛЬЕВОЙ

Не стало Ларисы Васильевой...

Казалось, ещё вчера она приезжала в Центральный дом литераторов, чтоб выступить на очередном мероприятии. Ничто не предвещало близкой смерти. До дня ухода она оставалась бодрой, включённой в работу, отзывчивой на любое приглашение.

...Я был знаком с Ларисой Николаевной в последние 4 года её жизни, но знал её по литературе с давних лет. Нас познакомила Мария Арбатова, достаточно близко её знавшая. И тут же возникла близость взаимопонимания, взаимоуважения творчества друг друга. Я предложил ей принять участие в «Музе», а позже — войти в

состав редколлегии. Она охотно откликнулась на оба предложения, и в трёх последних номерах — её стихи.

Жила она относительно далеко, в семнадцати километрах от МКАДа, при созданном ею Музее «История танка Т-34», сконструированном, в числе других, её отцом. Сколько инициативы было ею проявлено, какая громадная работа в архивах, сколько встреч с ветеранами войны... Она стала основателем, экскурсоводом, смотрителем — душой боевого музея...

Встречались мы относительно редко, так как нечасто она наезжала в Москву. Я знал, что у неё большие ноги, и был приятно удивлён, когда, вскоре после знакомства, увидел её входящей в зал Центрального дома литераторов на мой юбилейный вечер. Она успела познакомиться с «Музой» и выступила, сказав о ней добрые слова.

Вскоре ко мне приехал человек, доставивший «в дар от Ларисы Васильевой» пять книг её прозы — великолепных, в твёрдых обложках, фолиантов художественных исследований и мемуаров. Книги эти — о друзьях и врагах, о Пушкине и его тайной и самой глубокой любви, о которой даже сейчас далеко не все знают, и которая оставалась пожизненной с юных лет, не соприкасаясь с любовью к Натали, но и не уступая ей. Любви к... императрице, жене Александра Первого, которая была старше Пушкина на двадцать лет и которую он впервые увидел ещё в Царскосельском лицее. Здесь поэсса явила себя как глубокий учёный, исследовав и приведя архив писем императрицы и всесторонне раскрыв её образ — женщины любопытствующей, чуткой, писавшей письма как дневники...

О, многогранная Лариса Николаевна, я и сейчас читаю и перечитываю Ваши книги... Новизна и прекрасный язык, умение держать в напряжении — то, из чего складывается мастерство прозаика, — это ещё одна, наряду с поэзией, полноценная грань её творчества.

В книгах много открытий.

Знаете, как делаются открытия? Все знают, что здесь копать нет смысла: всё перекопано до вас, всё известно. А один не знает и копает...

Все знают, что стихотворение «Я помню чудное мгновенье...» посвящено Анне Керн. А Лариса Васильева копнула! И убедительно доказала, что... не ей, а **той** его любви. В самом деле, ничто не совпадает: Анна вряд ли являла собой «гения чистой красоты». И «голос нежный» не мог относиться к ней. А с той все черты совпадали. И ещё насторожило Васильеву: почему она — видение мимолётное, в то время, как они часто виделись, были близки? Нет, тут что-то не так... Анна была замужем за старым генералом и вела вольный образ жизни, изменяла. Пушкин пишет в письме к брату Льву: «Вчера переспал с Анной Керн». Так, между прочим... Да мог ли он ей посвятить такие строки? Автор исследовала воспоминания Керн глубже, чем делали до неё, и показала, как Анна... сама себя выдаёт, не подозревая об этом. Пушкин зашёл к ней перед её отъездом из Тригорского и, вдохновенный написанным, прочёл. Решив, что это о ней, она взяла из его рук листочек, но он... стал вырывать его, не желая, чтоб он остался у неё! Разве это логично? — ставит вопрос Л. Васильева: стихи, посвящённые той, кому прочёл, он должен был трепетно вручить, подарить, а не вырывать из её рук, чтоб они у неё не остались. А он вырывал. Ибо это — святое, тайное — не должно быть в **чужих** руках.

...Увы, очень редко встречался я с ней, прекрасной поэтессой, прозаиком... Работая над романом о Зинаиде Гиппиус, я увидел Васильеву в кадрах документального фильма, где она, с глубоким подходом и своим отношением к Гиппиус, говорит о ней в разных местах. Я позвонил ей. Оказалось, она не знала, что фильм давно вышел, и секретарь её помогла ей его посмотреть.

И был другой вечер в Центральном доме литераторов, который я проводил совместно с другим писателем. Васильева болела. Я знал, что её не будет, но вдруг... обнаружил её скромно сидящей где-то в середине зала. Я представил её присутствующим как выдающуюся русскую поэтессу (что, если и не дотягивало до этого слова, то больше формально, а не по существу). Пришла она в белых валенках, которые помогали ей, о чём назавтра напишет «Независимая газета». Так и вышла она к микрофону — небольшая, уютная, милая, с цветом валенок под стать снегу, и рассказывала о двух книгах прозы, над которыми завершала работу...

Ей было немного за восемьдесят. И хоть внешне ничто о том не говорило, она чувствовала близкий конец, как остро его чувствует художник. Это звучит в её стихах в «Музе».

И вот — злая весть: её не стало. Я позвонил её секретарю.

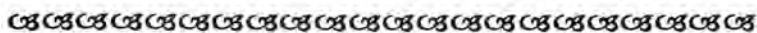
— Она села в кресло, — сказала секретарь, — как бывало после обеда. И тут же, как всегда, задремала. Потом увидели: умерла.

Любая беда — разве это не благо
для сердца, для буйной его полноты,
иначе о чём бы сказала бумага,
какие бы в ней отразились черты?

*Валерий Лебединский,
член Союза писателей Москвы
и Союза российских писателей,
лауреат литературных премий.*

**ЛИТИНСТИТУТ
НА СТРАНИЦАХ «МУЗЫ»**

**Раздел ведёт профессор
Михаил Попов**

МИХАИЛ ПОПОВ

Профессор кафедры зарубежной литературы.

МАКСИМ ГОРЬКИЙ — СТЕФАН ЦВЕЙГ

Переписка

Юбилей крупного художника — это, как правило, не только торжественные мероприятия на официальном уровне, научные конференции, публикации, но и возможность заново перечитать, вновь поразмышлять, пропустить через себя, осознать, в чём же неповторимость юбиляра, чем он притягивает и тревожит, чем же он дорог именно тебе. А юбилей такого крупного дарования, как Алексей Максимович Горький, который мы отмечаем в этом году, примечателен ещё и тем, что даёт возможность определить своё отношение к писателю, который уже при жизни стал флагманом советской литературы, а в 90-е годы был дискредитирован в кругах либеральной интеллигенции прежде всего за его место на литературном Олимпе, особое внимание, оказываемое ему властями, преувеличение его литературных

заслуг. Эпитеты «великий пролетарский писатель», «Буревестник революции» во многом заслонили от нас его истинное лицо, где сложно сочетаются взлёты и падения, моменты творческого вдохновения и изматывающих тело и душу кризисов, нервных срывов, сопутствующих поискам истины.

Можно без преувеличения сказать, что в творческом наследии Максима Горького переписка с зарубежными деятелями литературы занимает чрезвычайно важное место. Хронологически она охватывает обширный период времени, начиная с первых лет его существования в литературе и до последних лет его жизни. Материалы переписки, представленные в архиве А.М. Горького, опубликованы в 8 томе академического издания «Переписка А.М. Горького с зарубежными литераторами». (Изд-во Академии наук СССР, М., 1960 г.)

Помимо интенсивности переписки впечатляет сам перечень иностранных корреспондентов, среди которых большое число принадлежит видным деятелям зарубежной литературы. Достаточно назвать лишь некоторые имена: Ромен Роллан, Анри Барбюс, Жан-Ришар Блок, Стефан Цвейг, Георг Гауптман, Генрих и Томас Манны, Иоганнес Бехер, Теодор Драйзер, Герберт Уэллс, Бернард Шоу, Кнут Гамсун — и это далеко не полный перечень авторов, с которыми Горький состоял в переписке. В чём же состояла та особая притягательность, которая вовлекала в его орбиту таких разных по взглядам, но талантливых и ярких писателей Запада? Следует предположить, что здесь немалую роль сыграли его непререкаемый авторитет, сложившийся в Европе, особая магия его имени, особое место в культурной жизни Европы. В нём почувствовали, как выразился аргентинский писатель Кастиньерас, «совершенное проявление славянского гения». К нему обращаются как учителю жизни, как борцу за справедливость, как

к человеку, который сохраняет верность избранным принципам и умеет их отстаивать. В складывающейся в Европе тех лет сложной общественно-политической обстановке Горький становится не только глашатаем творческих преобразующих идей, столь необходимых демократической интеллигенции Запада, но и умным наставником, к которому можно обратиться и раскрыть свои сокровенные мысли.

Переписка с австрийским писателем Стефаном Цвейгом завязалась в начале 20-годов и продолжалась до начала 30-х. Отправной точкой послужило желание Горького опубликовать один из рассказов Стефана Цвейга, популярность которого в это время уже набирала силу, в литературном альманахе, который он готовил к изданию. Цвейг не задумываясь принял это предложение и предложил для публикации новеллу «Письмо незнакомки». Уже в первых письмах Цвейга установилась особая доверительная нота, трогательное эмоциональное признание в любви к творчеству его кумира. В письме от 29 августа 1923 года мы читаем: «Я люблю Ваше творчество бесконечно: уже много лет меня ничто так не потрясло, как описание Вашего первого брака в «Воспоминаниях». В немецкой литературе нет никого, в чьих произведениях была бы эта непосредственность правды, — я знаю, её можно достигнуть также с помощью искусства, может быть даже с помощью искусных приёмов. Но Ваша непосредственность является для меня единственной: даже у Толстого не было такой естественности повествования. Как я люблю Ваши книги! Как уважаю гуманистическую позицию, которую Вы занимаете в течение всех этих преступных лет». Глубочайшее чувство уважения к Максиму Горькому проявляется даже в самом выборе обращений: если в первых письмах Цвейг употребляет традиционные клише вежливости «Глубокоуважаемый господин Горький!», то в последующих посланиях обращение звучит: «Мой до-

рогой и великий Горький» или «Мой дорогой, дорогой мэтр!»

И это исходит от автора, чей вклад в литературу Европы уже был значим и по достоинству оценён его современниками. В его послужном списке удачные переводы Бодлера, Верлена, Рембо, Верхарна. Он обнаружил незаурядное мастерство в различных литературных жанрах: новелле, лирике, драме.

Восторженное отношение Цвейга к русскому писателю с особой остротой выражено в письме от 19 декабря 1926 года. Он восхищается «великой простотой» (Горького), «острой и ясной прозорливостью и даром воспринимать человека таким, каков он есть...» «Как многим Вам обязана психологическая правда и как мы в Европе нуждаемся в творческой ясности Ваших произведений».

Переписка Цвейга с Горьким начинается в тот период, когда под влиянием жизненных обстоятельств, а также внешнего фона, писатель попадает в полосу глубокого кризиса. Катастрофическая ситуация в стране, стоящей на грани фашистской диктатуры, разочарование в своём творчестве, ощущение собственного бессилия, страх перед будущим — всё это заставило Цвейга искать новые пути и способы своей творческой реализации. И завязавшаяся переписка давала ему, как он полагал, эту возможность.

И, несомненно, М. Горький обладал даром подержать своих корреспондентов, найти нужные слова одобрения, утешения, при необходимости даже оказать материальную помощь. Интересно в этой связи напомнить один из эпизодов, который наглядно иллюстрирует тот тип доверительных дружеских отношений, которые начинают складываться между ними. Прочитав книгу-эссе Цвейга, посвящённую творчеству Романа Роллана, Горький в письме к автору даёт высокую оценку этому произведению. «Не буду говорить о

том, как много значит в наше дикое время тот факт, что такая книга о французе написана немцем. С этой точки зрения Ваша работа является для меня одной из тех побед человека над действительностью, которыми все разумные и честные люди имеют право гордиться как неопровержимым доказательством их моральной, их интеллектуальной силы». В ответном письме Цвейга мы читаем: «Не знаю, как благодарить Вас. Ваш отзыв о моей работе смущает меня. Я чувствую, что мне ещё очень далеко до той простоты, которая присуща подлинно трагическому, я упрекаю себя в излишнем психологизме и в отсутствии той великой непосредственности, которая так обаятельна у Вас, русских. Мы вынуждены вновь искать пути наши, вновь становиться естественными, вам же дух естественности присущ, вы иными быть не можете. Нам надо слишком много «культуры» преодолевать в себе, и самые глубины народные остаются от нас скрытыми. Я прекрасно понимаю, каким следует быть писателю, и поэтому никогда не бываю удовлетворён».

Помимо чувства глубокой признательности и благодарности, столь важных для него, особенно из уст великого мэтра, мнением которого, как мы уже видели, он чрезвычайно дорожит, в ответе содержится мысль о глубокой творческой неудовлетворённости не только собой, но и общей тенденцией в европейской культуре, которая, по мнению Цвейга, уводит её в сторону от гуманистических традиций предшествующего периода. Имеются в виду в первую очередь явления декаданса и авангардизма с их излишним умствованием, интеллектуальной псевдоглубиной, избыточностью в стиливыражении, творческим эгоцентризмом.

И, как идеал истинного художника, перед мастерами слова Запада стоит пример русской литературы с её неповторимой духовностью, сопереживанием судьбе отдельного человека, поисками великой правды, то есть

всем тем, что сделало её высшим достоянием мировой культуры.

И ещё одна особенность переписки, которая приносит в неё особую трогательную ноту. Это забота Цвейга о здоровье Горького. Он интересуется самочувствием своего русского друга, постоянно спрашивает его о бытовых проблемах, настроении. Выражая озабоченность в связи с некомфортным пребыванием Горького в Германии, Цвейг приглашает его приехать в Австрию, где, по его словам, он получит то тихое и спокойное место, где ничто не будет отвлекать его от напряжённой умственной работы. «Мысль о том, что Вы живёте среди этого страшного урагана, ужасает меня. Вы так много страдали в последние годы, что имеете полное право жить для Вашего прекрасного искусства. Я отрёкся от моей веры в то, что в нашу эпоху, находящуюся в горячечном бреду, разум может чем-то помочь. Надо переждать, чтобы этот лихорадочный жар спал, — но увы, он всё увеличивается и увеличивается».

Цвейг чрезвычайно откровенен и резок в оценке политической обстановки на европейской сцене в преддверии установления фашистской диктатуры в Германии. Горький в основном разделяет его точку зрения: «Да, жизнь здесь становится очень суровой. Быть зрителем драмы гораздо труднее, чем её участником. Видеть, как люди, которые лишь недавно обладали способностью жить культурными интересами, были в полном расцвете своих умственных сил, поглощены сейчас исключительно борьбой за хлеб насущный, — это зрелище очень печальное! А большинство лихорадочно ждёт «твёрдой власти», чем отчасти объясняются сепаратистские стремления и захолустный эгоизм, который показывает, с какой быстротой люди утрачивают сознание общности умственных интересов».

Переписка Горького с Цвейгом даёт нам возможность открыть для себя новые страницы в их биографии-

ях, а главное — почувствовать силу взаимопритяжения, творческого и личного, взаимоучастия, которые показывают истинный масштаб этих незаурядных личностей. А для Цвейга контакт с Горьким оказался поистине судьбоносным. Благодаря ему классик австрийской литературы получил моральную поддержку, которая давала ему надежду преодолеть внутренний кризис и, хотя бы на время, сохранить то духовное равновесие, которое позднее, уже после смерти Горького, было окончательно разрушено и привело его к трагической развязке.

БОРИС ТАРАСОВ

Писатель, философ, литературовед, доктор филологических наук. С 2006 по 2014 гг. — ректор Литературного института имени Горького, заведующий кафедрой зарубежной литературы. Сопредседатель Союза писателей России, заслуженный деятель науки РФ. Лауреат Международной литературной премии им. Ф.М. Достоевского, Всероссийской литературной премии им. Ф.И. Тютчева, Всероссийской премии им. Александра Невского, Бунинской премии, Горьковской литературной премии, премии Правительства РФ, премии Правительства Москвы.

ХРИСТИАНСКИЙ КОНТЕКСТ ОБРАЗА ТАТЬЯНЫ ЛАРИНОЙ В «ПАРТИТУРЕ ИСПОЛНИТЕЛЯ» ОПЕРЫ «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»

Работа над «Партитурой исполнителя» как некоей идеальной моделью художественного мышления певца-актёра в том или ином образе партии-роли необходима для более глубокого и полного проникновения в соответствующий творческий замысел и его адекватного, осознанного, одушевлённого воплощения на сцене.

К.С. Станиславский предупреждал артистов о губительных последствиях умственной недогруженности, душевной незаполненности, внутреннего безразличия в вокально-игровом исполнении, что, безусловно, ощущается и за рампой и что не может искупить никакой чисто технический талант: «Не могу же я без конца любоваться тембром вашего голоса. Вы должны подбрасывать мне «пучки мыслей», а я, зритель, в силу моего разума, подхватываю что-нибудь и уйду из театра обогащенный, взволнованный, очищенный от пыли житейской суеты».

«Партитура исполнителя» и призвана как раз усилить «мыслительный акт» и активизировать душевно-духовную восприимчивость артиста, органически соединить их с музыкальной драматургией, вокальным пением и сценическим поведением на основе возможной и искомой полноты знания всех обстоятельств, связанных личностью и местом персонажа в целостной структуре художественного произведения. Объёмная интеллектуально-чувственная оценка исполняемой роли становится залогом жизненной правдивости и содержательности сценического поведения. Предполагается в идеале, что артист должен знать всё о своем герое, ясно представлять бытовые, исторические, национальные и социальные условия его существования, проникновенно понимать его ценностную ориентацию, мировоззренческую позицию, психологическую доминанту, нравственную установку, верно оценивать духовный диапазон и масштаб его личности, чтобы «уметь думать так, как думает создаваемый им образ» (М.О. Кнебель). Именно от такого знания, представления, понимания и оценки во многом зависит полнокровная жизнь либретто, клавира и партитуры на сцене, умение, как говорил Станиславский, выпевать не слова, а мысли. «Чем яснее будете передавать мысли в пении, тем лучше у вас будет голос звучать, потому что тогда и чувства возникнут, а от настоящих чувств голос удесятерится».

Степень перевоплощения в образ, способность найти точные «пучки мыслей», подлинные чувства и верные ощущения обуславливают формирование сквозной интонации для передачи внутренней жизни персонажа, поиск необходимой тембрально-смысловой окраски звучащей речи, определение подходящих поз, манеры сидеть, стоять, слушать, смотреть, жестикуляции, мимики, выражения глаз для построения пластического рисунка роли в соответствующих сценических ситуациях, например, в «зоне молчания» или выходе из неё в «зону звучания». Если вести речь о «Партитуре исполнителя» для оперы Чайковского «Евгений Онегин», то в этом случае обозначенные выше цели и задачи осложняются и одновременно укрупняются проблемой «согласования переводов». Поясним коротко, что имеется в виду. Каждое произведение искусства можно представить как своеобразный перевод. Так, «свободный роман» с открытым финалом под названием «Евгений Онегин» является «переводом» «романа Жизни» (сцепления, пересечения и совмещения в нём существенных онтологических, религиозно-нравственных, культурно-исторических, социально-психологических, личностных, душевно-духовных проблем) на язык литературных образов и персонажей, сюжетных конфликтов и композиционных построений. В оперном же варианте язык музыки, либретто и партитуры, сценического действия и вокального исполнения становится инструментом уже нового «перевода», который, в свою очередь, преломляется не только сквозь устоявшееся мировоззрение, сложившийся опыт, возрастные особенности певца-актёра, режиссёра, дирижёра, сценографа, но и через подвижную энергетику их эмоциональных состояний, настроений и колебаний (наличие узко профессионального таланта и чисто технического мастерства подразумевается само собой).

Успешное воплощение замыслов писателя и композитора зависит в известной степени от точного понимания специфики каждого из «языков», правильной оценки качества «перевода», соответствующего уяснения получаемых в результате изменений, приобретений и потерь, а следовательно, и от возможности предотвратить или преодолеть потенциальные искажающие «преломления». В начальный период при создании «Партитуры исполнителя» на первый план, естественно, выходит всестороннее изучение самого романа, который являет собой сложную жанровую структуру с внятно выраженной авторской позицией и отступлениями, с эпическим повествованием, драматическими сценами и лирическими монологами. «Белинский, — пишет М.М. Бахтин, — назвал роман Пушкина «энциклопедией русской жизни». И это не немая вещно-бытовая энциклопедия. Русская жизнь говорит здесь всеми своими голосами, всеми языками и стилями эпохи».

Эпическая широта и горизонтальная «многоукладность» пушкинского романа неразрывно связаны с вертикальной глубиной и иерархией его разных семантических уровней. В художественном тексте реализуются не только индивидуальные установки автора или ближайшие результаты историко-культурного развития, но и неизменные проявления человеческого сознания. Взятые сами по себе бытовые, социальные, психологические, философские аспекты «собрания пестрых глав» теряют существенную долю своего главного смысла без учёта незримо пронизывающих и корректирующих их религиозных, эпических, фольклорных, сказочных мотивов, которые содержат в себе наиболее «спрятанные» и вместе с тем наиболее значимые слои произведения, его архетипы и символы, заключают коренную проблематику человеческого бытия вообще. В вертикальном измерении романа находят своё место вопросы подлинной и мнимой свободы, добра и зла, долга и счастья, служения

и наслаждения, самопожертвования и эгоцентризма, сопоставляются деревня и город как особые культурные полюсы, Россия и Европа, народная мудрость и заимствованное просвещение, традиция и подражание, внутренняя и внешняя образованность и т.п.

Существование в романе и опере «видимых» и «невидимых» планов, «текста» и «подтекста», сочетание «простого» и «великого», «конкретного» и «универсального», «христианского» и «языческого», неразрывная связь высших ценностей, глубинного зондирования человеческой души и бытовых реалий обуславливают особые задачи для сценического воплощения авторских замыслов и актёрской игры прежде всего в партии Татьяны. Чтобы в соединении свободной фантазии и обширного знания проникнуть в тайну этого образа, в неотъемлемые от него «пучки мыслей», необходимо не только постичь творческий мир поэта или познакомиться с выразительными тенденциями эпохи, но и осознать, соотнося их с личным опытом, качественное своеобразие тех традиций, которые составляют питательную основу и среду создаваемого характера, его связующую, объединяющую, противящуюся всякому распаду и дезинтеграции бытия роль. «Ничего не выйдет, — предупреждал К.С. Станиславский исполнительницу партии Татьяны, — пока вы не узнаете, кто вы и что, пока не узнаете всех обстоятельств, связанных с жизнью этого образа». Именно из-за трудностей подбора артистки для партии Татьяны более всего волновался, как известно, сам композитор. В письме к Н.Ф. фон Мекк он тревожился: «...где я найду Татьяну, которую изображал Пушкин и которую я пытался иллюстрировать музыкально».

Ответ на вопрос, какую именно Татьяну изображал в романе писатель и стремился воплотить в опере композитор, оказывается далеко не простой задачей и может приводить не только к разным мнениям, но и

порою к полярным оценкам. Для правильного отношения к этим мнениям и оценкам необходимо иметь в виду принципиальную закономерность пушкинского творчества, отмеченную Л. Толстым: «Область поэзии бесконечна, как жизнь, но все предметы поэзии предвечно распределены по известной иерархии и смешение высших с низшими, или принятие низшего за высший есть один из главных камней преткновения. У великих поэтов, у Пушкина, гармоническая правильность распределения предметов доведена до совершенства».

Приведём лишь несколько примеров модернизирующего преломления образа Татьяны Пушкина и Чайковского, ведущего к искажению в нём «гармонической правильности» в иерархическом соотношении традиционных ценностей и в соответствующем распределении изобразительных красок. Так, В.Г. Белинский оценивал образ Татьяны и замысел его создателя, исходя из чуждых и автору, и героине идей эмансипации, игнорирования именно универсальных и вечных категорий бытия, заключённых в романе. В прощальном объяснении Татьяны с Онегиным в восьмой главе он обнаруживает «и резонерство, и оскорбленное самолюбие, и тщеславие добродетелью, под которой замаскирована рабская боязнь общественного мнения, и хитрые силлогизмы ума, светскою моралью парализовавшего великодушные движения сердца...» Мировоззрение Белинского наделяет героиню романа такими чертами, которых не только у неё нет, но которые диаметрально противоположны её натуре. Исполнение же ею супружеского долга воспринимается в «преломляющей» оптике критика как «гордость женской добродетели», «верность таким отношениям, которые составляют профанацию чувства и чистоты женственности».

По убеждению другого критика, Д.И. Писарева, Татьяна — это девушка, живущая в «ядовитой атмосфере фантастических видений и глупых романов», «её болез-

ненно развитое воображение постоянно создает ей поддельные чувства, поддельные потребности, поддельные обязанности, целую искусственную программу жизни». Он уравнивает Татьяну и Онегина в «исковерканности», т.е. в неспособности действовать «с пользойю для себя и для других».

Шоры утончённого мистического философствования могут оказаться не менее искажающими, нежели «демократические» или «позитивистские». Например, Д.С. Мережковский видел в Татьяне вариацию «первобытного человека», «застигнутого, но не укрощённого ни византийскою, ни западной культурой, но всё ещё близкого к своей природе». Хотя эта природа «замутняется» наслоениями современной светской культуры и умением «властвовать собой», страсти и инстинкт влекут её к бездне и хаосу. Представитель «нового религиозного сознания» находил даже возможным сравнивать Татьяну с Клеопатрой, поскольку, по его мнению, «уездная русская барышня, подобно Клеопатре, любит загадочный мрак, любит ужас».

Примером музыковедческого смещения принципиальных смысловых обертонов, вытекающего из нарушения «гармонической правильности распределения предметов» и избыточного осовременивания образа Татьяны, наложения на него несоизмеримых (в большей или меньшей степени) категорий, может служить один из выводов Б. Ярустовского в книге «Оперная драматургия Чайковского»: «Композитор вводит совершенно чуждую для романа мысль — начало фатализма, тему роковой и непреодолимой страсти. Если мы проанализируем аналогичное изменение и других центральных образов романа, — невольно перед нами тема Катерины из «Грозы» — тема настойчивых, но бесплодных стремлений человека к своему счастью».

Понятия «страсти» или «счастья» не являются ни для автора «Евгения Онегина», ни для его любимой ге-

роини ни самыми главными, ни более высокими, хотя бы по отношению к понятиям «покоя» и «воли». Для Пушкина «на свете счастья нет, но есть покой и воля». Татьяна в конце романа «стоит покойна и вольна». Раскрытие качественного содержания и иерархического соотношения этих и других значимых для понимания личности Татьяны понятий показывает, как они, отражаясь в её самобытном характере, поворачиваются нетривиальной стороной. Тем более оказываются неприменимыми к ней акценты на ужас, мрак, фатализм, хаос, рабство, профанацию и т.д.

Чайковский, озабоченный передачей истинных чувств пушкинской героини, использовал для этого совсем иную терминологию: «она — полная чистой женственной красоты девическая душа, ещё не тронутая прикосновением к действительной жизни; это мечтательная натура, ищущая смутно идеала и страстно гоняющаяся за ним. Не видя ничего подходящего к идеалу, она остается неудовлетворённой, но покойной. Но стоило появиться лицу, по внешности отличающемуся от среды пошло-провинциальной, она вообразила, что это — идеал, и страсть охватила ее до самозабвения...»

Любовная страсть, находясь «внутри», в окружении таких состояний сознания (пропитываясь и окрашиваясь ими), которые обозначаются словами «идеал», «покой», «самозабвение», «чистая красота», «девическая душа», теряет присущую ей самостийность и приобретает новое качество. Весьма показательны словосочетания, которыми автор романа охватывает «Татьяны милый идеал», говоря о ней как о «смиренной девочке», «чужой девочке» (чужой для рутинных взаимоотношений), «невинной деве», «страстной деве», «простой деве». Образ Татьяны весьма трудно оценить в его уникальной аутентичности, если не учитывать существенных смыслов приведённых эпитетов и их иерархических комбинаций, той органической взаиморастворённости «простого» и

«высокого» («простая дева»), которая составляет его до конца невыразимое единство и снимает видимые противоречия между «девочкой» и «дамой», «княгиней», «богиней», «законодательницей зал».

К действительному пониманию Татьяны, которую изображал Пушкин и которую вслед за ним «музыкально иллюстрировал» Чайковский, гораздо более приближаются писатели и мыслители, литературоведы и музыковеды, выявлявшие связь её самобытного характера с многовековыми национальными традициями («Татьяна русская душою»), культурными корнями и христианскими началами. Коллективное бессознательное (если воспользоваться юнгианской терминологией) активно «прорастает» в её душе, соединяясь с влияниями среды и индивидуальным своеобразием. «Преданья старины» преформируют не только поэтический строй её души, но и глубокий, во многом равновеликий авторскому, ум (достаточно вспомнить «разгадывание» Онегина по следам прочитанных им книг), а также твёрдые религиозно-нравственные представления. К ней вполне применимы слова, сказанные А.С. Хомяковым по другому поводу: «Эти-то лучшие инстинкты души русской, образованной и облагороженной христианством, эти-то воспоминания древности неизвестной, но живущей в нас тайно, произвели все хорошее, чем мы можем гордиться».

В одном из прозаических отрывков Пушкин говорит о существенных достоинствах уездных барышень, «из коих главное, особенность характера, самобытность (*individualité*), без чего, по мнению Жана-Поля, не существует и человеческого величия». Уездная барышня противопоставлена записным кокеткам, холодным красавицам и модным причудницам, а «тихий свет» деревенского уединения — «шуму блистательных сует» столицы. В отличие от Пушкина, известный музыковед А. Альшванг в книге «Чайковский» скептически

относится к духовным возможностям уездных барышень, когда подчёркивает: «Можно сомневаться в том, что пушкинская героиня, жившая в глухой деревне в 20-х годах XIX в., могла переживать так остро, так сложно, как переживает Татьяна Чайковского».

Среди разных измерений народного сознания, подспудно и ненавязчиво формировавших самобытный характер и «человеческое величие» Татьяны, первостепенное место занимает православно-христианское. И, хотя прямая апелляция к трансцендентному была несвойственна Пушкину, тем не менее тема о бессмертии, вере и неверии проходит через пушкинскую лирику 20-х гг., и её драматическое существование в сознании писателя не могло не претвориться и в «Евгении Онегине», в образе Татьяны. Татьяна «бедным помогала... молилась», и эти движения её души имеют отношение к фундаментальным свойствам её характера. Так, раздражавшая Белинского твёрдость в супружеской верности диктовалась не неким абстрактным послушанием или капитуляцией перед светскими приличиями, а целомудрием и особым восприятием брака как таинства. «Пушкиным, — отмечал С. Соловьёв, — завещаны нравственные основания христианства в образе Татьяны, воплотившем всё стремление русской природы и русской души к самоотречению».

Светлая аура, «лучезарность», «лучеиспускание» образа Татьяны тайно питаются религиозно-мистическим началом и соответствующей атмосферой, которую хорошо чувствовал К.С. Станиславский. Например, он подчёркивал необходимость в «сцене письма» иконы и мерцающей лампы, перед которыми няня кладёт поклоны, а затем окропляет святой водой «горящую» девушку.

Именно в такой атмосфере совесть и обусловленное ею чувство долга получают, выражаясь казённым языком, приоритетное значение и составляют существен-

ную сторону поведения Татьяны, на фоне которого без натяжки, самым ходом событий раскрывается уязвимость загадочной жизненной позиции героя. Причём совесть в поэтике послеромантических произведений Пушкина оказывается не изолированным нравственно-психологическим понятием, а связана опять-таки духовно-историческими нитями с христианским идеалом и вековыми традициями народа. У «бессовестных» или «теплохладных» его персонажей эти нити порваны.

Скрадывавшиеся в восприятии более поздних поколений иерархические акценты и гармоническое распределение оттенков в незаметно-героическом характере Татьяны живо ощущались современниками Пушкина. По мнению К. Полевого, «Татьяна представляет нам собою благородную борьбу человека с несчастьем; она является героинею и, следственно, возвышается над обыкновенными событиями...» А критик «Сына Отечества» замечал, что героиня романа меняет читателя «своим умом, настроенным по сердцу и воображению, и своею верою в существование идеалов». Скрытая от поверхностного взора сила духа, непоколебимая верность собственным нравственным принципам, твёрдое мужество самостояния в жизненных испытаниях в соединении с чистотою, благородством и возвышенностью души, с ясным и проницательным умом, с непосредственностью и открытостью натуры и составляют внутреннюю необыкновенность внешне как будто бы обыкновенной Татьяны, её неприметное величие.

В таком качестве образ Татьяны занимает одно из центральных мест в художественной философии Пушкина, сравнивавшего разные культурно-исторические типы людей. В обозначенном ракурсе и в предельном значении представляемого ею человеческого типа Татьяна является не только деревенской или романтической девушкой, но героиней мировых коллизий, которая как бы выполняет роль «удерживающей» и

стабилизирующей силы, в своих конкретных поступках осуществляет живую связь между Богом и другими людьми, прошлым и будущим, традицией и новыми тенденциями, вносит спасительное начало в теряющие прочные духовные опоры и расползающиеся на зыбкой почве расчёта, успеха, престижа, репутации, субординации, моды и т.п. взаимоотношения людей.

Эту сокровенную значительность, крупность и созидательность личности Татьяны хорошо чувствовал А.А. Григорьев, находивший в ней «полный художественный образ русской женщины, тип ее». Другой известный мыслитель и критик Н.Н. Страхов особую заслугу Пушкина видел в том, что «у нас в России он первый поставил женщину на ее место, первый заговорил о любви без шутливой веселости, без фальшивой восторженности, без грубой фальшивости, заговорил как о существенном деле человеческой жизни. Свой идеал женщины он воплотил в Татьяне и заставил Онегина преклониться перед нею с уважением и раскаянием...»

Показательно и обращение Достоевского в пушкинской речи к образу Татьяны, который является для него воплощением положительней бесспорной красоты, «апофеозной русской женщины». «Не люблю всех этих любвей без долгу», — заметил он однажды, характеризуя однобокость чувственно-эгоистического понимания самого глубокого и самого высокого состояния человеческой души. Образ Татьяны служил для него примером такого понимания счастья, которое заключается «не в одних только наслаждениях любви, а и в высшей гармонии духа».

ТВОРЧЕСТВО СТУДЕНТОВ

АРТЕМИЙ БЕСПОЛОВ

Студент второго курса Литературного института
им. А.М. Горького (семинар Михаила Попова).

НЕБО ПОД СОСНАМИ

Воздух ночи мне треплет дыхание:
В час притихший предутренний, росный
В лес иду, ослеплённый желанием
Поглядеть на могучие сосны.

Я гляжу в состоянии неги
Прямо ввысь, где кометы со звёздами, —
И как будто не сосны под небом,
А огромное небо под соснами.

Лето 2016 г.

* * *

Мы с друзьями
На даче

Жевали
Изгородь —
Просто жизнь
Тогда
Была
Впроголодь.
Нам соседи
Из окон
Кричали
«Изверги!» —
Видимо,
Сами
Стеснялись
Попробовать.
Лето 2016 г.

АЛЕКСЕЙ ТЕРЕНИЧЕНКО

Родился в городе Донской Тульской области в 1975 году. Окончил Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого (исторический факультет), аспирантуру Российского университета дружбы народов. Живёт и работает в Москве. Преподаёт исторические и правовые дисциплины.

Автор двух книг стихов. Публиковался в «Литературной газете», журнале «Москва» и др. Студент Литературного института им. А.М. Горького (семинар Г.И. Седых).

СТРИЖИ

Мы не знаем на суше запретной межи,
но давно ли мы небо открыли?
Посмотри, как бросаются с кручи стрижи,
словно нет у отчаянных крыльев.

Там и пусто, и голо, но ветер и тот
для горластых послужит оплотом.
Получившему право на вольный полёт
не дано насладиться полётом.
Чёрной, маленькой молнией стать довелось —
суетится, мелькает, бликует.
Прорезается визгом охотничья злость:
раздражается, а не ликует.

Мы не можем безумства себе позволять:
не схватиться за воздух руками.
А тому, кого кромка шагнуть позвала —
миг восторга и острые камни.

Знаю, знаю. Но вновь над обрывом кружит
невесомая хищная стая.
Как за ней не качнуться безвольно, скажи,
упоительный ужас глотая?

ФЕОДОСИЯ

*Окружена высокими холмами,
Овечьим стадом ты с горы
сбегаешь...*

О. Мандельштам

Осип Эмильевич, а Богоданная та же,
что и была перед вами в двадцатом году:

розовы камни, и дали прозрачны, и даже хриплое «Яблочко» у музыкантов в ходу.

Так же простые её пешеходы нескоры:
и обругать, и помочь тебе каждый готов.
К небу лицо запрокинь — облетают софоры
жёлто-зелёным дождём невесомых цветов.

Послеполуденный воздух дрожит от нагрева.
Спят, где попало, вповалку в такие часы
самые наипочётные жители Фео —
чёрные, белые с рыжим, лохматые псы.

Так же упруги хрустальные волны залива,
с морем сошлись невысокие горы и степь.
Длинный и крепкий, там бродит
впервые счастливый
разнорабочий с сюжетом про деву и цепь.

И по извилистым улочкам шляясь бездумно,
без удивления видишь в смещение таком:
на Итальянской, отстав от компании шумной,
в шёлковом платье Цветаева курит тайком.

ПОСЛЕ ПРОВИНЦИИ

Там труден, здесь отравлен хлеб,
а сердцу так же неуютно.
Сменил на серпентарий хлеб,
а здесь быстрее убьют. — Убьют, но
не тесаками кустарей
навозным, пьяным русским летом —
дадут цикуту в хрустале,
заколют вежливым стилетом.

**НАВСТРЕЧУ ЮБИЛЕЮ
ЗИНОВИЯ ВАЛЬШОНКА**

В преддверии восьмидесятилетия большого советского и российского поэта, члена редколлегии альманаха «Муза» Зиновия Михайловича Вальшонка редакция в этом и следующем номерах даёт развёрнутую подборку его творчества.

ПОЭТ МИЛОСТЬЮ БОЖИЕЙ

Зиновий Вальшонок стоит особняком в ряду мастеров русского стихосложения, присутствие поэта в пространстве поэтической культуры значительно и весомо. Что всё-таки отличает его творчество, его манеру письма, что выделяет его из плеяды талантливых коллег?

Он всесторонне вглядывается, буквально исследует стихом экзистенциальную ситуацию, имя или предмет бытия. Развивая, детализируя, дополняя, приводит кропотливый анализ к художественному синтезу, что в сочетании с мастерством, дающим богатство красок, умением писать интересно и самобытно, влечёт и побуждает читателя отслеживать работу поэта, даёт эстетическое наслаждение. Даже на фоне ярких имён его творчество выделяют глубокое философское наполнение, широкий охват тематики, лёгкость и музыка стиха.

Способ и стиль поэтического письма Зиновия Вальшонка отмечены энергией мысли и добросовестностью труда. Мне вспоминается в этой связи игра нынешнего чемпиона мира по шахматам норвежца Магнуса Карлсена, который «играет там, где другие обычно соглашались на ничью». Творческая одержимость и упорство — залог победы.

Поэт в почтенном возрасте, но он бодр и крепок, ему нельзя дать его лет. Он ездит по городам и стра-

нам, множит впечатления как чуткий и наблюдательный художник. Он вдумчивый театрал и пристальный кинозритель, проникновенный философ и эстет. Он пишет и издаётся постоянно. К нему, как, может быть, ни к кому из нынешних русских поэтов, подходят слова Горького о Есенине, как об органе, созданном природой исключительно для поэзии. В его стихах — раздумья о душе и Боге, о смысле жизни и бренности земного бытия, о Вечности и сиюминутности:

Мой разум отрешён от гула повседневья,
всемирностью болит озябшая душа.
Со мною говорят бессмертные деревья,
и шепчут о любви мне стебли камыша.

Но сердцу, что вросло в двухвременную смутность,
не разрешить вопрос, нависший, как беда:
как с Вечностью смирить судьбы сиюминутность?
Я в двух мирах живу: сегодня и всегда.

(«Двухвременность»)

Обратите внимание на медитативную мудрость, пронизательный лиризм поэта, богатство и пластику его языка.

У Вальшонка более пятидесяти книг стихов и прозы, Собрание сочинений в семи томах. И может показаться, что путь его был гладок и благополучен. Увы, это не так. На раннем этапе замеченный Твардовским, подборкой стихов в «Новом мире» открывшим ему светфор, поэт впоследствии был подвергнут жестокой и огульной критике, и целые десять лет был отвержен и отлучён от литературы.

Там, целясь в грудь мою в упор, плетя интриги,
ханжи рассыпали набор заветной книги.

(«Возвращение»)

Художник пережил трагическое «испытание молча-нием». Его не печатали, не издавали. Разве может поэт забыть, как вынужден был работать ночным сторожем?! (Об этом — его двухтомный мемуарный роман «Записки ночного сторожа»). Надо иметь большое мужество, чтобы не сломаться в такие годы. Это произошло на спаде «оттепели», в пору идеологических заморозков.

Слава Богу, всё позади. Вернулись возможности. Но снова окружающий мир ранит и потрясает «озябшую душу». И в новых книгах возникают сложные и неоднозначные образы, перемежаются светлые и тёмные краски.

Передо мной — одна из поздних книг Зиновия Вальшонка — «Прогулки с Гамлетом» (2011 г.) Здесь фиорды Норвегии, дороги Швеции, Датское королевство... Мастер создаёт «Скандинавскую сагу» — объёмный цикл стихов, навеянных впечатлениями от этого путешествия. «Радуга над фиордом», «Крик» Эдварда Мунка», «Парк Густава Вигеланна» — кажется, поэт старается исчерпать тему сурового северного края. Я почти одновременно с ним проехал по Скандинавии, но тонкое виденье Вальшонка, проникновение в детали многое добавили к моему восприятию, по-новому осветили картины этой земли и нравственный мир её людей.

И тут же, в рамках одной книги, сквозь страницы проступает величественная «Шекспириада», с глубинным постижением театрального таинства, и трепетные стихи о поэтах («Голос Беллы», «Фазиль», «Музей Евтушенко», «Плач по Андрею Вознесенскому», «Свеча Пастернака»). Читая книгу, я ощущаю нерв Времени («Следы бездуховной пустыни мешают свободно творить»), снова испытываю острую боль:

Да, мы — шестидесятники, надежды переброд,
прорабы и десятники очнувшихся свобод.
Поэты, математики, толкавшие прогресс.
Очкарики, романтики, метатели словес.

С Евгением Евтушенко в Музее-галерее поэта.
Перedelкино, 5 августа 2010 г.

Растили бунт на кухне мы, крушители химер.
Увы, они не рухнули от наших полумер.
Нас охватила оторопь, и нас подмяла власть,
когда святая «оттепель» на взлёте пресеклась.
(«Мы — шестидесятники»)

И — кровью сердца — бросок в наши дни:

Давно исчез цензурный кляп
и страх пред лагерною тьмою.
Но после всех державных клятв
художник — с нищенской сумою.
(«Угас пророческий глагол...»)

Здесь «Бабочки Набокова» и «Бунин в Париже», а
рядом — цикл об ускользящей красоте музыки и ве-
ликих композиторах, пронзительные по гуманизму
строки о «братьях меньших».

Вникая в творчество Зиновия Михайловича, я осо-
бенно остро ощущаю, что

...в час, когда накатит вдохновенье,
и сердце ищет образы и звуки,
минуты сокровенного прозренья
становятся моментом высшей муки.
Тогда, подвластен горнему искусу,
духовную пророча катастрофу,
поэт уподобляется Иусу,
идушему смиренно на Голгофу.
(«Восхождение на Голгофу»)

Вальшонок **обогащает** поэзию. Он делает её такой,
что в будущем она уже непредставима без учёта его
опыта и наследия.

Поэт темпераментно и артистично читает свои
стихи. Однажды сидящая рядом со мной, случайно за-
шедшая в ЦДЛ, далёкая от литературы женщина под

Со Львом Разгоном.
Москва, ЦДЛ. 13 ноября 1997 г.

влиянием его выступления на моих глазах буквально преображалась: становилась вдумчивой, серьёзной, глубокой... Когда уходили, она сказала: «Я теперь всегда буду искать книги Зиновия Вальшонка. Я не знала...» Духовность и магнетизм его поэзии впечатляют.

Не боясь возвышенных слов, можно сказать, что творчество Вальшонка — художественная панорама

эпохи. Не случаен и его альбом в традициях пушкинской России, куда, на манер элитных салонов, занесены автографы и рисунки, экспромты и высказывания известных писателей о жизни и любви, о творчестве и поэзии. В этой уникальной Антологии под названием «Тайна «Зелёной книги» (2013 г.) — россыпи высоких слов и о её авторе и собирателе Вальшонке, принадлежащие перу Павла Антокольского и Арсения Тарковского, Степана Щипачёва и Булата Окуджавы, Ирины Одоевцевой и Давида Самойлова.

И всё же Зиновий Вальшонок не до конца оценён. Не оценён, как явление русской классической литературы.

Валерий Лебединский

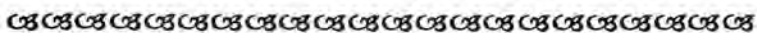
2014 г.

С критиком и литературоведом Львом Аннинским

Со Львом Гумилёвым на празднике поэзии
Анны Ахматовой. Ленинград. Июнь 1989 г.

ЗИНОВИЙ ВАЛЬШОНОК

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

* * *

Талант и совесть неразъединимы.
И взрывчаты поэты, и ранимы,
поскольку душу таинство томит,
как спрятанный в подвале динамит.
Без дара совесть неосуществима,
невоплотима, словно пантомима,
где в жестах — и огонь, и страсть, и зов,
но не хватает голоса и слов.
А совести лишённые таланты
нелепы, как безрукие атланты,
чьи мускулы, и мощь, и удальство
не держат никого и ничего.

ВОСХОЖДЕНИЕ НА ГОЛГОФУ

1

...Но в час, когда накатит вдохновенье
и сердце ищет образы и звуки,
минута сокровенного прозренья
становится моментом высшей муки.
Взывает плач тишайшего моленья,
и зоркости провидческой избыток,
и жертвенное слово искупленья
к душе, изнемогающей от пыток.
Тогда, подвластен горнему искусу,
духовную пророка катастрофу,
поэт уподобляется Исусу,
идушему смиренно на Голгофу.

2.

Мне выпало в мире жестоком родиться,
что разуму непостижим,
где нет милосердья, но есть любопытство
к смертям и страданиям чужим.
Века притерпелись к мольбам и проклятьям,
и, брэнностью быта объят,
народ мельтешит под библейским распятем
бесстрастней, чем циник Пилат.
Кто хлебом надежды поделится с голюю,
кто крикнет толпе: «Аз воздам!»?
Привыкли к лицу, искажённому болюю,
к пробившим ладони гвоздям.
И братья-земляне, в ком дух умирает,
чью совесть сожгла суета,
две тысячи лет равнодушно взирают
на крестные муки Христа.

* * *

Мне помогают жить слова
и впасть в отчаянье мешают.
Когда в тревоге голова,
они, как люди, утешают.
Свою спасительную роль
играют честно и без страха.
И могут снять любую боль,
как жест тибетского монаха.
Им чужды выпренность и ложь.
Лишь Истина — для них святое.
Постмодернистский выпендрёж
несовместим с их простотою.
Для моды не беря в залог
злой эпатаж блатного флёра,
они трагичный монолог
судьбе диктуют без суфлёра.
И сердце до таких высот

возносят к Божьему покою,
что можно, кажется, вот-вот
потрогать ангела рукою.
В них — благодать и забытьё
души среди жизни оголтелой.
А ржавой фальши остриё —
как гвоздь, что вбит в Христово тело.

КЛАССИЦИСТ

Прощай, эпоха сантиментов,
чувствительных интеллигентов,
способных плакать над строкой.
Теперь крутые москвиты,
и холодны, и деловиты,
творят свой бизнес день-деньской.
Им не до слёз и не до шуток,
их прагматический рассудок
нацелен в область барыша.
Век — в беготне, скороговорках...
А на залузганных задворках
ютится брэнная душа.
Лишь я, романтик вдохновенный,
стучась в бесчувственные стены,
дурацкий расшибаю лоб.
Среди лихого постмодерна
и впрямь я выгляжу, наверно,
как ретроград и остолоп.
Над прахом поправанного духа
царит житуха-нескладуха
в извечном поиске монет.
Кому благоволит удача,
имеет баксы, тачку, дачу...
И только Бога, Бога нет!
Среди трагического мира
не знаю высшего кумира,
чем царскосельский лицеист.

Но от тусовок в отдаленье
бросают мне, как оскорбленье:
«Да ты, дружище, классицист!»
Нет, классицист — не значит классик,
но этот титул душу красит.
И пусть я нынче нищ и гол,
я — чувств возвышенных наследник,
и, может быть, я из последних,
в ком жив классический глагол!

МАСТЕР-КЛАСС

Северянинским ананасом,
хлебом с хлебниковской руки
и есенинским ассонансом
насыщал я свои стихи.
Всё цветаевское дикарство,
мандельштамовское клише
и кирсановское шукарство
примерял я к своей душе.
И портачил я, и ишачил,
гумилёвил и пастерначил,
чичибабил даже чуть-чуть.
С переимчивой ноты начал,
но себя я переиначил —
и нашёл свой особый путь!
От мычаний, рычаний, ржаний,
веря Голосу и Судьбе,
от ребяческих подражаний
я пришёл к самому себе.
И из песен-незавершёнок,
то наивных, то отрешённых,
на виду изумлённых рож —
из поношенных распашонок
вырос, выпростался Вальшонок,
тот, что сам на себя похож!

Я — ПОЛЕ БОЛИ!

Триптих

1

Жесток и мнителен, как Цезарь,
не первый день, не первый год
во мне живёт незримый цензор
и строки лучшие сечёт.
Он в покровители рядится,
моим пеняющий добром.
И мысли, не успев родиться,
мертвеют под его пером.
Он озарения, как скверну,
жжёт, не скрывая торжество.
О совесть! Помогите мне свергнуть
в груди тирана моего...

2

Я — поле брани, я — поле дряни,
что так искусно в меня внедряли,
внушая догмы и постулаты,
что величавы и туповаты.
Я — поле битвы, я — поле бритвы,
прижатой к горлу в момент молитвы.
Но уберите от горла руки,
чтобы свободно исторгло звуки.
Я — поле боя, я — поле боли,
меня топтали, меня мололи,
но жив остался под жерновами,
и потому я — сегодня с вами!
Быть полем схваток мне так обрыдло,
быть надоело рабом и быдлом.
Хочу быть просто зелёным полем
любви и света, добра и воли.

С Марком Лисянским. За кулисами Большого зала ЦДЛ перед творческой встречей. Москва, 5 апреля 1986 г.

С драматургом Михаилом Роциным.
Дом творчества «Переделкино». 25 февраля 1996 г.

Мученики слова, страстотерпцы,
 все мы так от жизни далеки.
 Как ребѣнка, пестуем под сердцем
 вѣщее младенчество строки.
 Ощувив интимность, как глобальность,
 в мощь глагола веруем всерьѣз,
 превращая в зримую реальность
 смутные виденья наших грѣз.
 С яростью наивных Дон Кихотов
 воздевая копья и щиты,
 заразить надеемся кого-то
 пламенем любви и доброты.
 Что толпе до Божеского света?
 Что для повседневности — века?
 И зеваки смотрят на поэта,
 как на городского дурачка.

ВЕЧЕРНЯЯ МОЛИТВА

Теней и бликов смутных битва
 багрит закатный материк.
 Моя вечерняя молитва
 похожа на беззвучный крик.
 В слезах, без позы и без грима,
 стою, отверженная голь.
 Жестока и неутолима
 в груди клокочущая боль.
 Перед эпохой, злой и жгучей,
 с её срамной неправотой,
 как Достоевский, бьюсь в падучей,
 бунтую гневно, как Толстой.
 Когда сердца гнетёт разруха,
 спит царство Божие внутри.
 О, где вы, трубадуры духа,
 провидцы и поводыри?

С восходом, душу не гнетущим,
я верил радужной судьбе.
Огни надежд на день грядущий
мерцали в утренней мольбе.
Но перед призраками ночи,
где тьма беззвёздная окрест,
слова тревожней и короче,
и всё надсадней жизни крест.
Мятежный шёпот, в храме рея,
едва колеблет тишину.
Я не виню чумное время,
но сам за всё себя кляню.
В миру, корыстном и убогом,
где ум и совесть не в чести,
я прикипаю к лику Бога,
чтоб душу грешную спасти.
Меня трясёт, как малярия,
разгул бесстыдства наяву.
Скоропослушницу Марию
губами терпкими зову.
Прошу у выси светлоокой
ни славы и ни серебра, —
лишь участи неодинокой
да мудрой дерзости пера.
Но, бесам ночи окаянной
ища святой противовес,
смогу ли болью покаянной
я докричаться до небес?..

МЫ — ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

Да, мы — шестидесятники,
надежды переброд,
прорабы и десятники
очнувшихся свобод.
Поэты, математики,
толкавшие прогресс.

Очкарики, романтики,
метатели словес.
Растили бунт на кухне мы,
крушители химер.
Увы, они не рухнули
от наших полумер.
Нас охватила оторопь
и нас подмяла власть,
когда святая «оттепель»
на взлёте пресеклась.
За наши неумения,
за то, что нрав обмяк,
швыряет в нас камни
бедовый молодняк.
Так, по Господней милости
подросшие, щенки
вонзают в грудь кормилицы
окрепшие клыки.
Мы шли, чтоб стать мессиями,
не потеряв лица,
да только не осилили
работу до конца.
Сломить шестидесятники
эпоху не смогли.
Грядущего десантники,
подбитые с земли.

В ЗАЩИТУ БАРДА

Не знаю я, кто это выдумал:
фанатик или лиходея —
лепить непогрешимых идиолов
из грешных, путаных людей.
Певца вчерашние гонители
сегодня делают святым.
А ведь ему в земной обители
противен был каильный дым.

От поздних славословий сладостных
унылый гул стоит в ушах.
Увы, от наделенья святостью
до святотатства — только шаг.
Когда иконами разменными
навешен бард на все углы,
пыл поклонения безмерного —
лишь продолжение хулы.
О, эти копии несметные!
Не отразит людской любви
обронзовение посмертное
Судьбы на хрипе и крови.

КОЛОКОЛЬЧИКИ БУЛАТА

Я побывал на даче Окуджавы.
Ввела меня из нервной маеты
калитка в листьях,
бронзовых и ржавых,
в пространство аскетичной чистоты.
Там с потолка, вися на тонких нитях,
высокой тайне вторят бубенцы.
Звоните, мои милые, звоните,
скитальцы, правдолюбцы, мудрецы!
О, сколько вас, святых и окаянных,
подаренных хорошими людьми,
фарфоровых, железных, деревянных,
лепечущих о горечи любви.
И, глядя в мир, что зелен и игольчат,
внимая вашим трепетам, Булат
уверен был, что каждый колокольчик
таит в себе младенческий набат.
Как трудно вам, смиренникам, страдальцам,
великую разлуку выносить!
Без нежности родных хозяйских пальцев
так хочется роптать и голосить.
Статичность фотографий поминальных

страстей провидца не отобразит.
В ухоженных вещах мемориальных
приглаженность какая-то сквозит.
Дом — сирота, и грусть его безмерна.
Всё есть: очки, тетрадь, карандаши...
Жилая обстановка достоверна.
И только нет трагической души.
За резкое признание извините,
не смею нарушать музейный лад.
Звоните, колокольчики, звоните!
Быть может, и откликнется Булат...

ТРИ БОРИСА

Грустные ромашки,
хвощ да лопухи.
Тяпнем по рюмашке,
заведём стихи.
В тайне полумрака
здесь, за гаражом,
свечку Пастернака
мысленно зажжём.
И скорбящий Слуцкий,
как родных людей,
помянёт по-русски
рыжих лошадей.
Чичибабин, взором
прост и не мастит,
горстью помидоров
красных угостит.
Клевер да сурепка,
плющ да лебеда.
Век стегал их крепко,
дар секла беда.
Тот сдыхал в опале,
этот гнил в тюрьме.
Цензоры не спали,

бдел стукач во тьме.
В мире барбарисов,
хмеля да крапив
судьбы трёх Борисов
горькой окропим.
И читать до третьих
будем петухов.
Можно ль жить на свете
без таких стихов?..

* * *

Даруй мне, время, мудрость немоты,
чтоб не утратить голоса былого
в поспешности и суетности слова,
озвучившего призраки тщеты.
Как будто нам язык щекочет бес,
поэты все — немного краснобаи.
И речь изнемогает, погибая
в пучине необузданных словес.
О, эта разговорчивая прыть!
В ней — парадокс, отраднй для сатрапов,
когда страшнее всех цензурных кляпов
безбрежная свобода говорить.
Даруй мне, время, мудрость немоты,
чтоб накопить в душе неизречённость.
Маячит в суесловье обречённость
духовности, любви и красоты.
Там, где сиял российской речи храм,
возвышенные фрески и детали
лихие словоблуды заболтали
и музыку преобразили в хлам.
Так пусть же храм, обугленный дотла,
восстанет вновь, прекрасен и спокоен,
всей мощью куполов и колоколен,
и запоют его колокола!..
Сквозь пытку бессловесной черноты

пусть мысль, как из бессвязного мычания,
нам явит Слово — детище молчанья.
Даруй мне, время, мудрость немоты.

КОМПЛЕКС ПОЛНОЦЕННОСТИ

На веку монолитной цельности,
что понятия все смешал,
древний комплекс неполноценности
непростительно обветшал.
Не в почёте теперь растерянность,
поединки с самим собой.
В моде — собранность и уверенность,
и владычество над судьбой.
Человек деловитой цепкости,
что и в чувствах непогрешим,
трезвым комплексом полноценности
заменяет разлад души.
Нет в глубинах сердец недвойственных
ни смятения, ни вины.
Колебания им не свойственны,
и сомнения не нужны.
Может, в мире сменились ценности?
Но сильнее день ото дня
полноценность — неполноценностью
настораживает меня.

БЕСЦЕНЗУРНОЕ ВРЕМЯ

*Свобода приходит нагая,
Бросая на сердце цветы,
И мы, с нею в ногу шагая,
Беседуем с небом на ты.*

Велимир Хлебников

Кричали: Погибла культура
от злого всевластья чинуш,
и давит лихая цензура
прозрения праведных душ!
Вопили: Тупые генсеки,
лелея свой хиленький культ,
безжалостно, как дровосеки,
таланты под корень секут!
Но ветер мятежного века
смял тяжесть огульных угроз.
Ни цензоров нет, ни генсеков,
ни сонмищ обкомовских бонз.
Но где ж вы, творцы и пророки,
где новых времён златоуст?
Где звёздные мысли и строки
из вещей провидческих уст?
Нагая явилась Свобода,
но в мир не пришла благодать:
печальны культурные всходы,
шедевров пока не видать!
Следы бездуховной пустыни
мешают свободно творить.
Увы, не умеем поныне
мы с небом на ты говорить!

РОДЕНОВСКИЙ «МЫСЛИТЕЛЬ»

Мыслителя согбенная фигура
смутила мой скептический покой.

Глядит в себя он горестно и хмуро,
лицо могучей подперев рукой.
Наверное, в жестокую минуту
поддался мрамор ярости резца
и в плоть вобрал мучительную смуту
сомнением одержимого творца.
Напрасно в одиночестве и скорби
ваятель гордый лик изобразил.
Пусть бременем ума философ сгорблен,
таится в глыбе мощь надмирных сил.
Есть свет высоких дум и яркой речи...
О, ясновидец истин и причин,
вскинь голову, расправь крутые плечи,
избавь свой лоб от тягостных морщин.
Ты разогни страдальческую спину
и каменную боль сотри с лица,
и докажи, что радость совместима
с трагической мыслью мудреца!

* * *

Важно лишь то, что при жизни
пелось горючей душе.
Слово, что скажут на тризне,
ты не услышишь уже.
Может быть, дальним и близким
ты опостылел давно.
И под какимobeliskом
будешь лежать — всё равно.
Из-под земли не заметишь,
крест над тобой иль плита.
Как ты потомкам ответишь,
если твой крик — немота?
Стерпишь и то, что однажды,
вытоптав муки и труд,
ноги беспечных сограждан
скорбный твой холмик сотрут.

Всё, что звонил для России
ямбов твоих благовест,
века болезнь — амнезия
с подлой ухмылкой съест.
В годы беспамятной люти
тщетно, про Вечность темня,
требовать: «Помните, люди!
Не забывают меня!»

Опыт бессмертия горек.
С верой в землян не в ладу,
я, как шекспировский Йорик,
слёз благодарных не жду...

ЛАЮТ СОБАКИ

В Салтовских безднах и переулках,
что утопают в пьянстве и мраке,
злыми ночами властно и гулко
лают собаки.
Сколько их, жалких, бродит — о боже! —
пленников свалки, рыцарей драки,
драных дворняжек, брошенных бомжей.
Лают собаки.
Музыки этой горькие корни
знают скитальцы и забияки.
Им не хватает ласки и корма.
Лают собаки.
Слившимся в банды, сбившимся в стаи,
проще в охоте, легче в атаке.
Из подворотен вдруг вырастая,
лают собаки.
Люди не знают собственных судеб,
их окружают сплетни и враки.
В роли провидцев, в качестве судей
лают собаки.

Если вознёсся яркий художник,
ревности звуки, зависти знаки
реют повсюду в заметь и в дождик.
Лают собаки.

В травле немало низости личной
было при Блоке и Пастернаке.
Чем вы достойней, тем истеричней
лают собаки.

**СОЮЗ РОССИЙСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ**

ОТ РЕДАКЦИИ

С 27 июня до 15 июля 2018 г. Союзом российских писателей совместно с международным литературным альманахом «Муза» проводился сбор материалов в 34-й номер альманаха.

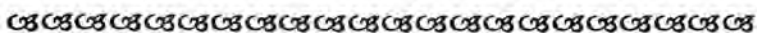
Объявление вызвало живой отклик в Москве и регионах. Материалы прислали 69 авторов, представляющих 20 отделений и представительств — от Калининграда до Владивостока, 21 город и два села. Кроме того, прислали материалы члены СРП из четырёх стран дальнего зарубежья (Франции, Испании, Норвегии и Израиля) и один — из ближнего (Эстонии).

В номер вошли 34 лучших, своевременных присланных материала. Но и уровень большинства не вошедших так же достаточно высок.

К причинам, по которым не включён ряд авторов, относятся: нарушение контрольного срока присылки материалов (последние письма поступили 20–23 июля, позже на 5–9 дней); непомерный объём, превышающий 20 компьютерных страниц, и др. В одном случае текст не имел отношения к альманаху как литературно-художественному изданию (материалы для следствия по разоблачению политика).

В целом, опыт совместной инициативы Союза российских писателей и литературного альманаха «Муза» дал положительные результаты. Радует периферия. Достойно представлены Мурманск и Норильск, Астрахань и Белгород, Ялта и Ярославль, Омск, Томск, Барнаул, Набережные Челны... Впервые за годы издания «Музы» в ней одновременно участвует такое представительное количество членов Союза российских писателей. Надеемся, это станет традицией.

*Валерий Лебединский,
главный редактор альманаха.*

НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ (Набережные Челны)

Николай Петрович Алешков родился в селе Орловка Челнинского района ТАССР в 1945 году. Работал монтёром связи, электриком, кровельщиком, диспетчером домостроительного комбината. Но основная трудовая деятельность связана с журналистикой и литературной работой. Через год после окончания средней школы был принят в редакцию районной газеты «Знамя коммунизма» на должность литсотрудника. После службы в армии работал корреспондентом газеты Московского округа ПВО «На боевом посту». В 1972 году вернулся на родину. Был редактором набережночелнинской городской газеты «Время» и межрегиональной литературной газеты «Звезда полей». Сейчас — председатель Татарстанского отделения Союза российских писателей и главный редактор литературного журнала «Аргамак. Татарстан».

Закончил Литературный институт им. А.М. Горького (семинар Н.Н. Сидоренко). В 1984 году принят в Союз писателей СССР. Автор двенадцати книг стихов, изданных в Москве, Санкт-Петербурге, Казани и Набережных Челнах. Лауреат четырёх литературных премий. Заслуженный деятель искусств Республики Татарстан. Почётный гражданин города Набережные Челны.

РАДИ МУЗЫКИ, СЛЫШНОЙ НЕ ВСЕМ...

* * *

Я тоже в демона играл,
Был молодым и одиноким,
В себе старательно стирал
Грань между низким и высоким.
Я умереть хотел во сне,
Когда луна в окошко светит:
Мир не нуждается во мне,
Уйду — никто и не заметит.
Мир был действительно жесток.
Ревел бульдозер меж развалин.
Сверчок, забывший свой шесток,
Я этим рёвом был раздавлен.
Но наступала тишина.
Окно вечернее темнело.
И «демон» плакал у окна
Неартистично, неумело.
Но даже тех светлейших слёз
Мир не увидеть умудрился.
А лунный свет среди берёз,
Переливаясь, серебрился...

* * *

Уж листья ржавые стряхнули
Дубы. Их ветер подхватил.
И то ли гвозди, то ли пули
В суглинок ветер вколотил.
И по исхлётанной дороге
Вода катилась, пузырьась.
И на родительском пороге
Я ждал, когда просохнет грязь.
А осень, ветреная дама,
Всё хохотала надо мной:
«Герой! Сиди уж лучше дома,

Покуда непогодь стеной...»
Куда рвалась, о чём томилась
Моя душа... давным-давно?
Исход один. Скажи на милость —
Не всё ль равно?

Наверно, верил — не случайно
Там, за дождём, в туманной мгле
Когда-нибудь открою тайну,
Зачем я нужен на Земле...

* * *

Торт разрезан — извольте откусать.
Кто-то кофе по чашкам разлил...
Человек, не умеющий слушать,
Говорил, говорил, говорил —
О сверхнациях, супердержавах,
О великих народных вождях,
На идеях затасканных, ржавых
Поднимался он, как на дрожжах.
И возвысился — солнце в зените,
Мавр в трагедии! Прямо — беда.
Встал я с кресла, сказал: «Извините!»
И ушёл от него. Навсегда.

БОБРЫ

Обернётся орлом или решкой
Ремесло — не гадай до поры...
Вот на озере в парке «Прибрежный»
Обитают трудяги-бобры.
Строят дамбы довольно умело
День за днём, никуда не спешат,
И своё землеройное дело
Вдоль по берегу молча вершат.
Подгрызают и валят деревья
Для никчёмной затеи своей.

Вот такая у них «лотерея» —
Понапрасну... До пасмурных дней.
Сбросят листья дубы и осины
И повалит снежок. А потом
Аж до самой болотной трясины
Позатянется озеро льдом.
Всё слышнее гудки паровозов.
Всё короче предзимние дни.
Но на берег до самых морозов
Вылезают по норам они...
После спячки весной проснутся
И с бобрятами — вновь за своё.
Да! За новую дамбу возьмутся,
Ё-моё!

Холст словесный помечу то сажей,
То белилами — эх занесло!
Неужели и вправду — вот так же
Безнадёжно моё ремесло?

ПУЧИНИН ПРИЕХАЛ. 1952...

— Нагрязнули гости. Мариша, встречай!
— Пельмени готовы, заварен и чай.

— Петруха, годок¹, доставай самогон,
Покуда в подполье не выдохся он.
Пучинин приехал, твой друг фронтовой!
Не вы ль обещали с соседкой-вдовой
Меня познакомить? Я год как вдовец.
Товар покажите — приехал купец!
Вы ж помните, Лида мне дочь родила,
Потом заболела, потом... умерла.
Уж лучше бы я не вернулся с войны!
Налей на помин ненаглядной жены!

¹ Годок — одногодок, ровесник (диалект.)

(Ах, пусть не соврёт у поэта строка!
Не чокаясь выпили два мужика).

— Два года прошло. Тяжело одному.
Кто дочку полюбит, я ту и возьму.
Жених-то лицом скособочен слегка —
Немецким осколком задета щека.
Повешу (смеётся) медали на грудь...
Вот дети меня не боятся ничуть.
Директором школы назначен в Бетьках.
Башка вроде варит, есть сила в руках.
Зарплата, хозяйство, дрова про запас.
Учителя ценят в деревне у нас.

— Да мы молодые ещё мужики,
Любая достойна солдатской руки!

— Твоя-то рука заживает, кузнец?
(Был в правую ранен на фронте отец).
Как левой рукой — не возьму себе в толк —
Ты, Пётр, научился держать молоток?

— Секрет небольшой, понимаешь ли, тут.
Подручные — Борька и Санька — растут.
А третий — Колянъка — с Маришей у нас.
Вот осень наступит — пойдёт в первый класс.
А вырастет он (я на печке притих),
Чем Люське твоей, сироте, не жених?..
Ходил с полусогнутой я по земле.
(Тут гость рассмеялся: «Как Сталин в Кремле».)
И пальцы, и кисть разработать помог
Всё тот же кузнечный простой молоток.
Теперь я и правой работать могу,
И врезать могу по сопатке¹ врагу.
Давай за Победу ещё по одной!
Мариша, не спорь! Не ругайся со мной!

¹ Сопатка — лицо, морда, харя (диалект.)

По сорок годков ветеранам войны.
Не раз ещё сдвинут они стаканы́.
Не вышло в тот вечер у них сватовства.
Мариша двоих проводила едва
До летней пристройки. Уснули бойцы,
Всему моему поколению отцы.
Их слушать и дальше хотелось бы мне,
Да только ни слова они о войне...

* * *

В морозном воздухе двоится
Крестьянский острый серп луны.
Кто любит Бога, не боится
Иной, неведомой страны.

Земная жизнь — подарок царский.
Что небеса откроют мне?
А серп заточен по-татарски
Здесь, на казанской стороне.

А рядом с ним, над зимней Камой,
Горит Полярная звезда.
С землёю этой, словно с мамой,
Легко ль расстаться навсегда?

Мы в небеса с рожденья метим.
Но почему-то всё равно
Живой душе смириться с этим
Вплоть до ухода не дано.

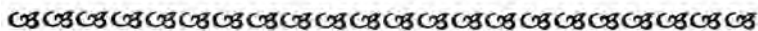
ПОХМЕЛЬЕ

*Подхожу к родному дому —
Дом невесело стоит.*

Частушка

Где я был? Не помню точно.
Что я делал, хрен с бугра?

С кем я пил минувшей ночью?
Голова гудит с утра.
Тучи низкие висели
Над моею головой.
Возвращаюсь еле-еле,
Весь помятый, чуть живой.
Подхожу к родному дому –
Дом невесело стоит.
Катерина (грянуть грому?)
Даже губки не кривит.
Боже, как она красива!
И броня её крепка.
— Чемодан, вокзал!
Россия,
Спрячь от гнева мужика!
Погляжу, как враг народа,
На четыре стороны.
На какой мне хрен свобода
Без детей и без жены?
Помолчим. А время — к полдню.
Сердце ёкает в груди.
— Где ты был?
— Убей, не помню!
— Ладно, вспомнишь! Проходи...

ОЛЬГА АЛЬТОВСКАЯ (Адыгея)

Ольга Альтовская родом из Новосибирска. Жила и работала на Колыме, в Нижнем Тагиле. Теперь живёт на Кубани. Член Союза российских писателей (Краснодарское отделение).

ВЕНОК КУБАНИ

ЖИМОЛОСТЬ

Теперь вокруг меня совсем иная флора:
Как свечки — тополя, акации в цвету.
И вижу из окна за лёгкой дымкой горы
Кавказского хребта... Но не забыть мне ту

Особую красу — Урала самоцветы:
Природы малахит, и яшму, и слюду;
и время, где прошло моё хмельное лето;
и россыпи росы в заброшенном саду.

Там ягода своя — царит без славы лишней,
Впитавшая в себя суровый дух зимы.

И сказами земли поил её Всевышний,
И радостями дня, и горестями тьмы.

Мне б жимолости горсть! С Уралом неразлучна,
Она проста, как быт уральских мастеров.
С названьями тех мест неслышимо созвучна —
Тавда, Тагил, Невьянск. И горький дым костров

Всегда напомним мне тот вкус чернично-горький
И горы, что моих волшебней и древней, —
Те прошлые года, когда с утра на зорьке,
Как за живой водой, ходила я за ней.

ВДАЛИ ОТ СТОЛИЦЫ

Провинция. Воздух прозрачен и чист.
Молитвенный дух и мечтательный взгляд.
Листвы опадающей шорох.
Чуть слышно с платана срывается лист.
А где-то нешуточно страсти кипят,
и копыа ломаются в спорах.

Но тих на отшибе мой дом на юру —
вдали от столичных излюбленных тем
о жизни народа, о власти.
Росой умывается сад поутру.
Горят, припозднившись, кусты хризантем
с прощальной распатланной страстью.

На землю столица глядит свысока:
не знает соседей, не любит гостей.
Но рядом — за МКАД и за краем —
довольна поляна водой родника,
деревня — теченьем своих скоростей,
а нива — своим караваем.

Как будто два мира в единой стране.
Что более важно — судить не берусь.
Для Родины — спор пустяковый.
Она бесконечно родная — в окне.
Мне более к сердцу —исконная Русь:
своей чистотой родниковой.

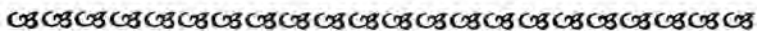
* * *

Какая мощь! Какая красота!
Какой обзор и вид с отвесной кручи!
Я с высоты Кавказского хребта
Смотрю, как подо мной клубятся тучи.

И прячутся туманы в глубине,
В тени горами сжатого ущелья.
И где-то там, внизу, на самом дне
Бурлит река, и мгла — как в подземелье.

А тут — покой и свет. И тишина
Величественна, непоколебима.
Заоблачная дивная страна,
В которой Бог присутствует незримо.

Гряда в сиянье снежного венца
И радужная дымка перед нею.
Пред этим откровением Творца
Немеет мир, и я благоговю.

ЕВГЕНИЙ АСТАШКИН (Омск)

Евгений Иванович Асташкин — по образованию журналист. Автор пятнадцати художественных книг, дипломант областного конкурса Министерства культуры и Союза российских писателей «Лучший рассказ XXI века» (2006). Печатался в «Литературной России», «Невском альманахе» и многих других журналах. Член Союза российских писателей.

ТЕРЕНТИЙ

Рассказ

Не в натуре деда Терентия сидеть без дела. Он постоянно чем-нибудь занят. Даже когда ничего не делает. Выйдет, задумавшись, во двор, постоит немного; потом подойдёт к забору, поправит наклонившийся столбик. Поднимет с земли половинку кирпича, отнесёт в укромное место — когда-нибудь пригодится. Даже на лавочке за разговорами Терентий зачастую выстрегивает потихоньку ручку для стамески или иную мелочь.

Терентий уже разменял девятый десяток, но сила в руках ещё играет. Троицким своим сыновьям он помог отстроить собственные хоромы. С четвёртым, самым младшим сыном Федыкой он жил в одном доме. Не разрешил ему отделяться, когда тот женился. Надеялся передать ему все секреты столярного дела. А мастер Терентий первостатейный — одно слово краснодеревщик. Во многих домах Атбасара стоят вещи, сработанные его руками: комоды, столики, стулья.

Проходя с Федыкой, как он до сих пор его называет, по городу, Терентий обычно не удерживается, чтобы не сказать:

— Мои наличники на этих окнах. А вон, видишь, крыльцо у того углового дома? Тоже моя работа...

Фёдор вплоть до своего тридцатилетия помогал отцу в его столярных делах. Уроки Терентия не прошли для него даром. А обучал он круто. Раз заставил Федыку самостоятельно сделать десять оконных рам. Предупредил:

— Не шибко торопись. Делай по размерам, а не на глазок.

Два выходных дня Фёдор не разгибал спины в домашней мастерской, оборудованной в просторной пристройке, куда вела дверь прямо из дома. Рамы получились ровненькие как на подбор. Фёдор ожидал, что хоть одно скупое слово похвалы нечаянно соскользнёт с губ привередливого Терентия.

Явился Терентий принимать работу, видно, специально хотел проверить сына, на что он способен. Поставил первую раму на верстак, осмотрел с профессиональным прищуром. Попробовал раму ручищами наперекос — планки чуть-чуть шатались. Хрястнул раму об пол — развалилась она. Федыка едва не заплакал от обиды, но переборол себя: знал, что это не по-может. Взял Терентий вторую раму и тоже через минуту разбил её, отпнув сапогами обломки в сторону. Из десятка рам пощадил лишь две:

— Вот эти годятся, не зря тебя учил...

— Да ведь остальные были не хуже серийных! — не выдержал Фёдор.

— Знаю, что не хуже, — согласился мастер. — Только ты не порть мою марку...

Терентий взял новый брусок, нанёс размеры.

— Вот, смотри!..

Он вырезал лучковой пилой пазы. Провёл рейсмусом вдоль бруска черту. Сделал фальцхебелем выемку под стекло. Постучал немного стамеской и бросил готовую деталь в угол. Принялся за новый брус. Через какое-то время весь угол мастерской был завален деталями. Фёдка засомневался:

— Да ведь они не сойдутся. Надо к одной раме подгонять...

— А ты попробуй. Ну-ка, собери раму!..

Фёдка собрал одну раму и удивился, насколько плотно подошли все детали друг к дружке, не то что у него — даже не перекошишь, сколь ни нажимаешь. Терентий довольно усмехнулся, разговорился:

— Помню, где-то в тридцатом году пришёл ко мне бывший поп. Говорит, возьми подручным в мастерскую. Я ему: а что ты умеешь делать? Да всё, говорит. Я ему даю заготовку: сделай-ка мне линейку! Он ещё удивился: экое плёвое дело. Через день приносит готовую линейку. Я положил её на доску, провёл карандашом линию. Перевернул линейку другой стороной и рядом провёл другую линию. Они не совпали. Отдал попу его «изделие» и говорю: «Иди!..»

Так бы и пошёл Фёдор по стопам отца, но внезапно его потянуло к железкам. Через дорогу от их дома находился ремзавод, куда после сезона пригоняли трактора или комбайны. Запах мазута был для Фёдора словно эликсир, и он устроился работать на завод. После этого Терентий надулся. Два дня не разговаривал ни с кем из домашних, даже со своей женой Анисьей, которая

была второй по счёту и младше его на пятнадцать лет. Но обиду свою не высказал, в себе схоронил. На эмоции он был особенно скуп.

Жизнь научила Терентия изворотливости, у него был особый нюх на опасность. В те далёкие годы это зачастую было вопросом жизни и смерти. Лишь недавно Фёдор узнал, что бревенчатое добротное здание военкомата в тридцатые годы было домом и мастерской Терентия. Он это очень долго скрывал — в его плоть вошло то, что когда-то за одно неосторожное словечко, за малейший проступок, даже просто за неудачную фамилию могли запросто угробить. Такое было страшное время. У Терентия были наёмные работники в мастерской, обычные подмастерья. Стороной ему удалось узнать, что его собираются раскулачивать, а что это такое, он ведал не понаслышке. Людей в одночасье лишали не только всего нажитого, но ещё и ссылали в дикие места на верную гибель. Ночью Терентий погрузил на подводу всю свою ребятню и махнул в степи к кочевникам-казахам, чтобы его вообще не могли найти. Когда лихолетье прошло, он вернулся в Атбасар. Построил новый дом, а о старом долгие годы даже боялся упоминать. Маска непроницаемости стала для Терентия вторым лицом.

Фёдор всегда с удивлением припоминал случай, когда он единственный раз заметил следы растерянности на каменном лице Терентия. Дело было так.

...Во дворе залаял Полкан. Терентий (он сидел на веранде за столиком) отложил газету и вопросительно глянул поверх очков на Фёдора, собиравшего снасти к своей обычной воскресной рыбалке. Фёдор выглянул на улицу.

— Тебя спрашивают.

— Когда уж, наконец, оставят меня в покое, — заворчал Терентий, впрочем, с лукавинкой. — Сколько раз отказывал, нет, по старой памяти всё идут и идут со своими заказами...

На веранду зашёл старик неопределённого возраста, одет он был в дублёнку, несмотря на то, что на дворе стояло бабье лето, и пчёлки в саду брали последние взятки у пожухлых цветов.

— Добрый день! Это вы будете Терентий Санин?..

— День добрый! Если насчёт заказов, то я их давно не принимаю. Не те уже годы. — Терентий решил не затягивать ненужного разговора. Незнакомец, взглянув на висящие по стенам полочки с плотницким инструментом, понял, к чему таков ответ, и сказал:

— Я не за этим приехал с Камчатки. Я — Дмитрий Санин. Говорит вам это о чём-то?..

Вот тут-то Терентий чуть не выронил из рук снятые очки. Он, не моргая, смотрел своими выцветшими глазами на неожиданного гостя, а тот, не дождавшись ответа, стал говорить более подробно:

— В Атбасаре я жил в детстве, примерно до десятилетнего возраста. Отца звали Гаврила. Помню, у меня был старший брат, звали его Терентий. Я приехал с Камчатки уточнить свой возраст и заодно поискать родных, может, кто найдётся. В паспортном столе мне дали ваше имя. Вот я и пришёл сюда...

— Я действительно тоже Гаврилович, — недоверчиво произнёс Терентий. — И у меня был брат Дима. Но он утонул в Иртыше ещё в Гражданскую, когда белые отступали. Его мать, а она мне мачехой приходилась, написала, мол, Дима утонул при переправе...

Фёдор, забыв про свои снасти, ловил каждое слово гостя. Вот это да! Явился с улицы человек и называет Терентия своим братом. По рассказам отца он помнил, что Мария, мачеха Терентия, во время интервенции сошлась с белым офицером, который жил у неё на квартире. Её муж Гаврила в это время служил в Красной Армии. Когда белые отступали, вместе с ними подалась в бега и Мария. Она боялась расплаты. Спустя несколько лет она прислала письмо из какого-то далёкого сибир-

ского села. О себе ничего не сообщила, лишь про Диму написала, что утонул при переправе через Иртыш.

Наконец, Фёдор догадался поставить гостью табурет. Анисья выглянула на веранду и застыла в дверях, женским чутьём угадав, что разговор идёт о чём-то далеко не второстепенном.

Незнакомец опустился на табурет. Видно, ему были в новость слова Терентия. Некоторое время он не мог прийти в себя. Пожевал губами, стал рассуждать:

— Не помню никакой переправы. Помню только, что мать оставила меня в Семипалатинском детдоме. Обещала позже забрать, но больше я её не видел. А в детдоме мою фамилию переврали, записали неправильно: Санкин. Теперь вот хочу и фамилию выправить, если найдутся в архивах какие документы...

Фёдор заметил, что Терентий и верит, и не верит словам пришельца. Вглядывается в лицо человека, называющего его своим братом, и, видимо, не находит в нём каких-либо родственных чёрточек. И действительно, незнакомец чернявый, а Терентий — русский.

Наконец, Терентий оглянулся и скомандовал Анисье:

— Мать, собирай на стол!..

Через четверть часа вся семья сидела за самоваром в зале. Анисья расспрашивала гостя о камчатском житье. Терентий настоял, чтобы Дмитрий не возвращался в гостиницу, чемодан заберут оттуда завтра. Пусть здесь останавливается, места много. Дмитрий только попросил никому не говорить, что он с Камчатки: люди разные, ещё подумают, что у него куча денег.

Под вечер Анисья, столкнувшись в дверях с Фёдором, шепнула ему:

— Ты всё-таки посматривай за ним. Шут его знает, что у него на уме. Может, проходимец какой. Ишь, говорит, чтобы никому про Камчатку не сказывали...

Фёдор покачал головой:

— Не похож он на проходимца...

А гость, видимо, чувствовал некоторое смятение домашних. Тон его рассказов стал каким-то извиняющимся:

— Во время войны я работал на лесосеке. Потом обосновался на Камчатке. Каждый год собирался съездить на родину, а сподобился только на пенсии...

На следующий день Терентий с Дмитрием отправились в архив. Пошёл с ними и Фёдор, какая теперь рыбалка, к чёрту! Тут вон какие дела, даже во сне не приснится. Фёдор сразу заметил, что Терентий выбрал не самый короткий путь, а просто так он ничего не будет делать, он всегда себе на уме. И тут до Фёдора дошло: они же будут проходить мимо военкомата. Терентия на мякине не проведёшь, хочет испытать приезжего. Хоть и было ему тогда десять лет, дом-то свой должен помнить. Дом добротный, его и не надо было перестраивать, лишь вывеску прикрепили к стене, да забор меняли несколько раз.

Вот и военкомат по левую руку. Терентий молчит, хитёр. А сам посматривает на спутника. Фёдор видит: Дмитрий сбился с шага, приостановился.

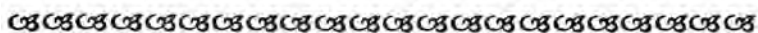
— Постой, постой!..

Жадно оглядел бревенчатое здание.

— Вот он, мой дом!..

Терентий прослезился, обнял Дмитрия:

— Прости, брат, не признал ведь я тебя сначала...

ТАТЬЯНА БЕЗРИДНАЯ (Братск)

Выпускница Литературного института им. А.М. Горького.
Автор двух книг, член Союза российских писателей.

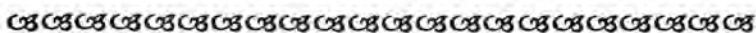
* * *

Гримаса Белого, ухмылка Рыжего...
Они вдвоём всегда, а я одна.
Цветёт бессовестно всё то, что выжило —
пришла бесстыжая весна, весна!

Глумится Рыжий мой, а Белый мается:
один из циников, другой — простак.
Я даже в зеркале порой красавица,
и сердце плавится, сбивает такт.

Да разве ангелы такими созданы?!
Один — пощёчины, другой — цветы...
Менять их, Господи, наверно, поздно мне...
Здесь даже в воздухе повсюду Ты.

Глубокий обморок, блаженство морока,
но Рыжий Белого всегда спасёт.
И стыд, и оторопь, и любо-дорого,
и влюблена уже, и всё, и всё...

ИСААК БЕККЕР (Набережные Челны)

Исаак Михайлович Беккер родился в Вильнюсе, вырос в Свердловске. Окончил медицинский институт, работал врачом-психиатром на Урале, в Крыму, Татарстане. С 1984 г. — главный врач Набережночелнинского диспансера филиала РКПБ им. акад. В.М. Бехтерева. Подготовил и издал два пособия для врачей, три публицистических и шесть художественных книг. Член Союза российских писателей.

КРИК В НОЧИ...

*Дней наших семьдесят лет,
а при большей крепости
восемьдесят лет, и самая
лучшая пора их — труд и
болезнь, ибо проходят быстро,
и мы летим.*

Псалом 89

В три часа ночи, на перегоне Муром-Москва, в пятом купе раздался тонкий, пронзительный крик.

Поначалу казалось, что визжит молочный поросёнок, подвешенный на перекладине. Рядом стоит старик с паяльной лампой. Он наготове! Сейчас он начнёт смолить невинную жертву чревоугодия. Под рёбра бело-розовой тушки мягко входит длинный соседский нож...

Но крик в купе то замирал, то поднимался до звука «соль» третьей октавы — так не уходит жизнь, а вторгается в мир новая. В дверь купе дружно барабанили проснувшиеся пассажиры, требуя прекратить просмотр дурацкого боевика...

Матвей Семёнович не соглашался с Тютчевым.

— Когда дряхлеющие силы нам начинают изменять, и мы должны, как старожилы, пришельцам новым место дать...

— Тютчев мудр, но когда это было, — убеждал себя старый доктор. Чего только не повидал он на своём веку. Работал сутками на «скорой», терапевтом на участке, последние годы заведующим неотложки в районной поликлинике. Был тихим трудягой и философом-мудрецом. Подползло время итогов, пора было чётко определиться и внятно произнести: «Здравствуй, племя младое...» Но он всё медлил...

Матвей Семёнович засыпал. Глухой перестук колёс и храп коллеги пели долгожданную колыбельную. Доктор давно мечтал отключиться от текучки и забот своей неотложки. Он ехал с Евгением Андреевичем на международную конференцию в Питер. Вдруг постучал проводник и попросил помочь женщине, занедужившей в соседнем купе. Растолкав Женю (тот был на тридцать лет моложе), с помятым лицом, едва натянув спортивные штаны, Матвей Семёнович вышел в коридор. Следом выполз Женя, бурча невнятные ругательства. Проводник откатил дверь пятого купе, и доктора обомлели. На нижней полке, в сорочке мелким горошком лежала молодая женщина с огромным животом. Сорочка, про-

стыня и матрас были мокрыми. Женщина тихо ойкала и постанывала.

— Бог ты мой, уже воды отошли. Женя, предстоит тяжёлая ночь, — тихо промолвил доктор и тут же послал проводника за чистыми простынями, бутылкой коньяка «Ной», стоящим на столике в их купе, и флакончиком йода из аптечки.

— Почему тяжёлая, Матвей Семёнович? Подумаешь, роды принять!

— Наш профессор любил цитировать 7-ю главу Евангелия от Матфея. На экзаменах требовал повторить наизусть, как один из важных постулатов акушерства: «...Потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их». Вот, Женечка, тебе и предстоит найти и врата тесные, и путь узкий! — говорил доктор, усаживаясь подле женщины. Дверь отъехала, заглянул проводник, высокий, молодой парень, со слегка пропитым лицом. Хитро похихикивал, радуясь, что вовремя нашёл медицину, и нет нужды устраивать великий переполох. Матвей Семёнович подставил обе руки, приказал налить ему на ладони коньяк. Тщательно промыл руки, помахал ими, высушил и начал осмотр роженицы. То, что довольно быстро нащупали его руки, испугало доктора, он покрылся бисером холодного пота и спросил шёпотом коллегу, помнит ли тот что-нибудь о тазовом предлежании.

— Я принимал только обычные роды, — смутившись, быстро ответил Женя.

— Вот и я тоже. Всё помню (нужно отметить, что Матвей Семёнович обладал феноменальной памятью), но самому не довелось, ни разу. Обычно с тазовым предлежанием заранее укладывают в роддом и кесарят. Кстати, с минуты на минуту начнутся потуги. Готовься, коллега, будешь принимать, а я буду подсказывать. У меня руки трясутся, не смогу.

Время пошло. Матвей Семёнович усадил Евгения Андреевича на середину нижней полки. Сам располо-

жился слева от Жени, положив правую ногу роженицы на своё плечо. Справа от Жени, возле двери, поместил проводника. Тот перестал улыбаться, озирался, нахохлившись, как испуганный воробей, поняв, что самому придётся влезать в опасную ситуацию.

— Делай, как я, — приказал доктор проводнику, и тот поместил ногу женщины на своё левое плечо. Евгений Андреевич располагался посередине, и прямо перед ним сверкали «врата тесные и путь узкий».

— Принимают тазовое шестью моментами, — начал вмиг состарившийся и осунувшийся врач. — Сначала ты должен увидеть внутренний поворот ягодич. На выходе ягодички ребёнка встанут в прямом размере таза, и передняя подойдёт под лоно. Задняя установится над копчиком. Как только это случится, ты должен быть предельно собранным и готовым к дальнейшим пяти моментам. Помни, самое важное — не дать головке разогнуться!

Зрелище было невиданное! Три мужика сидели в ярко освещённом купе напротив мучающейся женщины с широко расставленными, поднятыми ногами и разверзшимися воротами жизни. На тот момент ей был безразличен их пол, все их действия и любые их слова.

— Господи, быстрее бы всё кончилось, — шептала роженица, начав краснеть и тужиться.

— Женя, приготовься, как только ягодички выйдут, нужно будет положить на них по четыре пальца рук, а большие — на бёдра ребёнка, слегка помогая выходу.

Стучали колёса, мелькали огни пролетавших мимо встречных поездов, редкие гудки вспарывали тишину ночи, вагон спал. Женщина, как выяснилось, Марья, продолжала тужиться.

— Надо же, — проронил проводник, — и с именем-то нам повезло! Вот уж, подсунул Бог мадонну. А отец-то у Христосика есть, красавица? Или непорочно, от Всевышнего?

— Отца Сашкой зовут, — прошептала роженица, — аборт требовал, я и послала его. Теперь мучаюсь одна!

— Ты не одна, смотри, целых три апостола в ногах у тебя валяются, прародителя твоего просят помочь. Держись! — уверенно и спокойно говорил Матвей Семёнович.

— Женя, туловище вышло, теперь нужно помогать головке. Сейчас она повернётся. Вот-вот, встала затылком под лоном, теперь помоги ей согнуться, чтобы первым вылез подбородок. Так, хорошо, я тебе помогу, поддержку дно матки.

— Маш, не спи, тужься, сколько сможешь. Лучше, если сама чадо вытолкнешь, чем мы начнём вытягивать, — командовал Матвей Семёнович, с лица которого падали крупные солёные капли, будто это он сам тужился изо всех сил. Проводник побледнел, вот-вот бухнется в обмороке.

— Слышь, надежда железных дорог, подними с пола бутылку, хлебни пару глотков, полегчает, — отдал очередной приказ доктор. Он понимал, что ни в коем случае нельзя отпускать ногу роженицы. Через несколько секунд лицо парня начало розоветь.

Ещё несколько минут, и ребёнок уже лежал на коленях Жени. Он, а вернее она, громко закричала. В дверь беспрестанно стучали, требовали прекратить безобразия, не мешать спать, выключить телевизор! Пуповину перевязали двумя шнурками от ботинок, вымоченными в коньяке. Маникюрные ножницы получили от проводницы соседнего вагона, рассекли пуповину и обернули розоватое тельце девочки в чистую простыню. Новорождённую с проводником отправили в его купе. Обессиленные, почти в прострации, доктора дождались послета. В коньяк добавили немного йода, оторвали кусок простыни, намочили в адской жидкости, отжали и обработали, и врата узкие, и маленький разрыв, и всё остальное, что положено. Спустя полчаса Маше при-

несли дочку, она несколько раз соснула грудь и благополучно заснула, как и мать. Евгений Андреевич унёс девочку назад к проводнику и ушёл к себе. На нижней полке лежал Матвей Семёнович и охал:

— Помоги захворавшему. Что-то голова разрывается. Наверняка, давление скакнуло. Достань из моей сумки тонометр. Всё своё ношу с собой, — пошутил старый доктор и устало закрыл глаза. Давление действительно зашкаливало за двести. Приняв удвоенную дозу гипотензивного и таблетку кордафена, Матвей Семёнович наконец-то заснул. Было всего пять часов утра...

После возвращения с конференции Матвей Семёнович написал заявление, согласившись с Тютчевым. Он зашёл к главному и торжественно процитировал: «Когда дряхлеющие силы нам начинают изменять...»

— Женя, принимай ключи от кабинета заведующего! Главный согласился с моей рекомендацией!

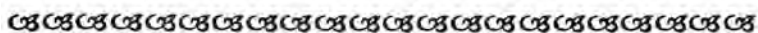
По проспекту, посаженному цветущими липами, шёл с работы седой доктор и с грустной улыбкой шептал каждому встречному ребёнку:

— Здравствуй, племя младое, незнакомое...

— Люба, как быстро пролетела жизнь, но я успел, — тише обычного прошептал жене Матвей Семёнович.

— Что ты успел, старик неугомонный?

— Я успел принести тебе обезжиренный кефир, — еле ворочая языком, пробормотал доктор и рухнул на руки жены, с навсегда уснувшим, изношенным сердцем.

ЕКАТЕРИНА БЕЛОУС (Мурманск)

Екатерина Владимировна Белоус родилась и выросла в Мурманске. Окончила факультет иностранных языков Мурманского государственного педагогического института и Московский институт экономики и права им. А.С. Грибоедова. Училась в университете г. Осло. Работала юристом, переводчиком с английского и норвежского языков. Автор трёх книг стихов, член Союза российских писателей.

В СВОЕЙ СТИХИИ

* * *

Бездомного серого цвета,
Меняя мечты на рубли,
Катилось озябшее лето
По влажной ладони Земли.

И облаком пыльной дремоты,
Клубком немоты шерстяной

Встречало идущих с работы,
Шуршало у них за спиной.

Цепляясь за мокрые скалы,
Ваяло слова-города,
И солнце во сне остывало,
И все понимали тогда,

Какая бездонная участь,
Какой ослепительный мрак
Глядит, не страдая, не мучась,
Глазами детей и собак.

НЕХОЛОД

Рождённый засветло нехолод,
Неотличимый от тепла,
Качнув беззвёздной ночи полог,
Расправит мягкие крыла.

Моей тревогой оперённый,
Взращённый жалостью твоей,
Он серой птахой несмышлёной
Во тьме таится от людей.

И этот мир неумолимый
Ты осязаешь вместе с ним —
Не чтоб любить и быть любимым,
А чтобы жить и быть живым,

Ведь солнечной небесной манной
Из мира, что угрюм и нем,
Огонь колючий, первозданный,
На землю сходит не ко всем.

Сметая пыль и паутину,
Мы, остальные, род людской,

Упрямо платим десятину
За наш нечаянный покой.

Перед рассветом сон расколот,
Тускнеет лунная тропа,
И нежный прячется нехолод
В тени тревожного серпа.

* * *

Мы шли вперёд. Мыгнулись,
не ломались,
Мы падали и поднимались
вновь,
И вечная аврора бореалис
Светила нам из ветхих облаков,

И, слепо опрокинув
вертикали,
Когда в лицо зияла
пустота,
Мы светлые одежды замарали
И выкрасили в новые цвета.

И ты — не Бог,
и я — не мать Тереза,
Мы не из тех, что судят
и вершат,
И с вечностью калёного железа
Мы не спешили пить
на брудершафт.

Так, заслонившись
томиком Вульгаты,
Стыдливо сознавая,
что живу,
Я потихоньку ладила заплаты

И скашивала годы,
как траву.

Пускай луна —
клинком у изголовья,
И очи застит пыль бессчётных стран,
Исторгнутый пугливой
тёмной кровью,
Слетает с губ рассудок —
хитрый вран,

Что с нас возьмёшь?
Кочевники, номады,
Мы выучим турецкий и иврит
И выйдем в путь.
И все нам
будут рады,
И всякий житель
двери отворит.

Мы улыбнёмся
ветреному краю,
Где все во всём —
черта. Предел. Алеф, —
И маленьких чудес
приманим стаю,
Украдкой на ладонях отогрев:

Взовьются роем
золотых цехинов,
Как мотыльки — попробуй, излови! —
И все поймём,
неверие отринув,
Что знать дано о жизни
и любви.

* * *

Полночь. Дождь. Добела умыт,
Край земли молчалив и топок.
Мокрый город — колючий скит —
Растянулся по склонам сопок.

Остывающий рой минут.
Хрупких дней ледяная груда.
Горожане чего-то ждут —
Может, лета, а может, чуда.

* * *

Я в сети сентября валькирией ныряю —
Осенняя вода
ласкает и бодрит,
И солнца медный шар,
лениво проплывая,
Расчётливо незряч
и смутно ледовит.

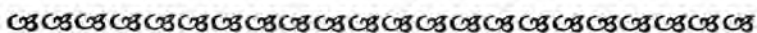
Насмешливый сентябрь
по-летнему искусен,
Небесные шелка нечаянно соткал:
Тяжёлой бахромой —
гирлянды алых бусин,
Рябиновая вязь
узорных покрывал.

Безлесные холмы
всё ниже, всё положе,
Лиловый горизонт безоблачен и тих.
За призрачной мечтой бежать —
себе дороже.
Смотреть — туда, где свет.
Мечтать — от сих до сих.

Гляди — сочится лист
отчаянным багрянцем,
Рябиновая кровь
раздует стебли вен...
Октябрь уже в пути.
Он пахнет померанцем —
Пронзительный, как смерть,
и пряный, как глинтвейн.

Рождается зима — клыки её
и косы,
Рябиновая кровь
течёт из наших ран.
Рассеется туман,
прервётся сон белесый,
И встанет новый день,
молчаньем осиян.

Робею — отчего?
Ведь я — в своей стихии...
Глухие берега
надвинутся стеной,
Надменные валы
согнут воловьи выи,
И воды талых лет
сомкнутся надо мной.

ГЕННАДИЙ ВАСИЛЬЕВ (Красноярск)

Геннадий Михайлович Васильев родился в 1959 году. По образованию журналист, в настоящее время фрилансер. Автор двух поэтических сборников и двух книг прозы. Печатался в журналах «День и ночь» (Красноярск), «Байкал» (Улан-Удэ), альманахах и коллективных сборниках. Член Союза российских писателей.

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

*Камень, речь поведи!
Говорите со мною, чертоги!
И. В. Гёте, «Римские элегии»*

Уплывает в небо
серая тоска.
Был ты или не был —
знать наверняка

не дано ни нам, ни
тем, чей пробил час.
Знают только камни.
Камни помнят нас.

Каркнула ворона,
в небе крик повис.
Заморозок тронул
палый жухлый лист.

Каркнула — не нам ли
прочила печаль?
Знают только камни,
но они молчат.

Колокол толкает
утреннюю мглу.
Время утекает
смолкой по стволу.

Не дано не нам, ни
тем, о ком печаль,
знать, что помнят камни
и о чём молчат.

ГРУЗИЯ

Фрагменты

О, горы Грузии! Языческий восторг
и христианский трепет неподдельный!

Горел сентябрь. Наш отпуск двухнедельный
стоял в зените. Плавился восток,

а вечерами запад напоказ
катил закат на алой колеснице.

И нам порой казалось: только снится
нам вольный край по имени Кавказ.

Тифлис дышал покоем и родством,
струил вино и аромат хинкали.
И «мамин хлеб» из дедовых пекарен
был так пахуч, что пахло волшебством!

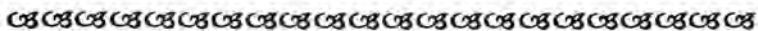
И волшебством дышало всё: река —
её валы желтели под мостами, —
и над рекой волшебный Пиросмани
держал барашка в бережных руках.

Волшебно пел булыжник под ногой,
мы шли наверх, к короне Нарикала.
И синева прозрачно намекала,
что пропустить пора бокал-другой.

Пылал в стекле рубиновый пожар.
Бокал вскипал лозою Алазани.
И мы у груши сердце вырезали —
нас грушей щедро одарил Важа.

И это было тоже волшебство —
грузин Важа (хоть правильнее — Ва́жа;
порой, ища изящного пассажа,
мы не щадим буквально никого),

и виноград, и сливы сизый бок,
и спелой груши мягкая истома...
Нам хорошо. Мы далеко от дома.
Тифлис дышал.
И плавился восток.

ЛЕОНИД ВОЛОДАРСКИЙ (Москва)

Член Союза российских писателей и Союза писателей Москвы. Поэт, прозаик, публицист, переводчик. Автор многих книг, лауреат российских и международных (Венгрия) литературных премий. Председатель независимой эзотерическо-писательской ассоциации «Лютня Ориолы». Переводился на венгерский, польский, немецкий и английский языки, публикуется в центральной прессе.

ЗВЕЗДА ПРЕДНАЗНАЧЕНИЯ

* * *

Всё проходим кругами,
Закрывая глаза.
Столько света над нами!
А без тьмы вот нельзя!

ЗВЕЗДА ПРЕДНАЗНАЧЕНИЯ

Звезда предназначения! Звезда!
Легка к тебе дорога и проста,
Когда душою лёгок ты и прост
И не завидуешь сиянью звёзд,
Чей свет сильнее, чем у твоей звезды,
И веки к ней— твоих же дней труды,
В которых место и пирам найдётся!
Идущий за звездой не надорвётся,
Когда он верный путь определит.
Звезда предназначения, ты быт
Преобразуешь в чудо бытия!
Звезда, дойду ли до тебя и я?

ТВОРЯЩАЯ ИЗ ЛИВНЯ

На даче неуютно. Ливень.
Но ты художница сама.
И ты из этих влажных линий
Умешь складывать дома.
Да что дома! Дворцы и парки,
Театры, рестораны, арки,
Машины, площади, мосты.
А королева только ты
В тобою сотворённом граде
Средь непогоды Света ради!

АЛХИМИК ВЕЧЕР

Алхимик вечер ночь приготавлиал,
Алхимик человек искал металл,
Что золотом готов был обернуться!
Колдун алхимик вглядывался в блюдце,
Чтоб в нём судьбу планеты увидеть.
Поэт-алхимик взял перо опять
И снова начал оду сочинять
О том, как ночью целовались двое...

И это было золото живое,
Которое сквозь ночь к утру текло.
И засветилось золотом стекло
Окна убогой комнаты поэта.
И сноп ворвался золотого света
В сон девушки, с поэтом незнакомой.
И за мгновенье золотой истомой
Была полна девическая грудь.
А выше всех Алхимик Бог свой путь
Любовью беспредельной золотил
К сердцам людей, зверей, цветов, светил.

ЕДИНСТВЕННЫЙ ГЕНИЙ

На кладбище наград, карьер,
Чинов, тщеславий, самомнений
Поверить верою из вер,
Что есть Один на свете Гений!
Создатель, Бог, Творец, Господь,—
Вот Имена Его навскидку!
А остальное — это плоть,
Что не догонит и улитку.
И с каждым шагом будет ниже
В своей мечте достигнуть ниши,
Где звук Его бессмертных нот.
Кто это понял, счастлив тот.

НЕВЫНОСИМО АЛ

Как этот май невыносимо ал
И как одновременно изумруден!
И в Женщине ты видишь идеал,—
К ней путь уже не кажется так труден.
И Женщина, вся в мае растворясь,
Средь Света находясь, как средь восстанья,
С тобою тоже ощущает связь
На уровне почти что подсознания!

И эта алость, этот изумруд
Присутствуют и здесь, и там, и тут!
Окрашивают звуки и беззвучья,
И пятится поспешно с неба туча,
Предугадав на чёрное запрет.
Зато везде желанный алый цвет
С игрою переливной изумруда.
Ещё мгновенье, и свершится чудо
Святого узнавания Двоих!
Поэтому и мир на миг затих.
А май ещё сильнее засверкал,
И путь к любви уже совсем не труден.
Сегодня май невыносимо ал,
И так невыносимо изумруден.

БЫТЬ ПОЭТОМ

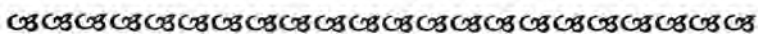
Дерзнул в эпоху нашу быть поэтом,
И ни минуты не жалел об этом!
И нёс свой крест, да и пока несу.
И, может, парой строк своих спасу
Какую-то надломленную душу!
Нет, я предназначенья не нарушу,
И даже в гуще полной темноты
Я разгляжу небесные цветы,
Сплету из них венок для музыки муз,
Что помогла нести мой тяжкий груз.
Сниму с себя на миг плетенья ношу,
Но никогда совсем её не брошу.
И с ней пойду сквозь жизни и века
Туда, где ноша станет так легка,
Что я пойму, век золотой пришёл.
И сяду я за пиршественный стол
Таких же точно, кто дойти сумел!
И будет белый свет и вправду бел.

ПРОЗРЕТЬ

Что значит «прозреть»? Это значит суметь,
Пройдя воплощений земных круговерть,
Однажды увидеть, что больше не будет
Всех этих земных, затянувшихся буден.
Что больше не будет ни взлёта, ни спада,
И что ничего совершенно не надо,
Когда над тобой у желаний нет власти,
Когда у тебя только Вечность в запасе.

СИРЕНЕВЫЙ РАЗГУЛ

На улице сиреневый разгул,
Сиренью дышит каждая вещица.
И даже взял Армагеддон отгул,
И тоже к миру хочет приобщиться.
Пусть мир на миг. Какая благодать!
Вот если бы сейчас исчезло время,
И миг бы сам стал Вечностью опять,
Каким когда-то был он там, в Эдеме!
И мы б сиренью радовали глаз,
И нам никто б не отдавал приказ
О том, как жить, кого считать врагами,
И ангелы б ходили между нами,
Как в те века, где не было веков,
А был над всеми общий Божий кров,
Где не рождаясь, умирали тени,
И было столько радостной сирени,
Что нам любовь царицею была!
А всех других правителей дела
За неимением оных мифом были.
Цвети, сирень! Цвети, не зная пыли,
Ни даже не пылиночки одной!
Разгул твой не окончится земной,
А станет бесконечным, неземным,
И, может быть, мы породнимся с ним.

ФАРИДА ГАБДРАУПОВА (Барнаул)

Фарида Анваровна Габдраупова — председатель Алтайского регионального представительства СРП. Родилась в Барнауле. Закончила филологический факультет Алтайского государственного университета. Многолетний член жюри краевых и международного литературного конкурсов для детей и молодёжи «Устами детей говорит мир» (Томск). Автор четырёх поэтических сборников и книги прозы, изданной на грант Министерства культуры РФ и Союза российских писателей. Победитель краевого издательского конкурса в 2018 году (сборник избранных стихотворений «Окно на Восток»). Печаталась в ряде журналов Алтая, в Красноярске, Казани и др., в библиотечной серии «Писатели Алтая» и альманахе «Голоса Сибири».

КАК ЗНАКОМО ВСЁ И КАК СТАРИННО...

* * *

Ты думаешь, яблоня белым жива?
Наивный, невежа, незрячий.
Сияет безумная голова,
Избытком любви горячая.

Легко ль осыпается белым любовью?
Легко ли за грань шагнуть?
Смотри, ударяюсь сияющим лбом
В сестрицу свою — Луну!

Весна! И на всё мотануть головой —
На числа, судьбу и работу,
И даже на то, к чему давно
Артериями примотан.

Смоги! У тебя несерьёзный взгляд,
Не бойся того, что можешь.
Вдохни баламутящий белый смрад
Уставшей от холода кожей.

Я — нет. Я — весна. Я скоро умру.
Не быть голове моей белою.
И потому, потому, потому —
Люблю — это всё, что я делаю!

ГЕРОЙ

Когда опускается липкая тьма,
И бесы свистят во мраке,
Останься в себе, не сойди с ума,
Не стань ни козлом, ни собакой!

А если к тебе присмотрелся зверь
(На воле они отныне!),
Смотри ему прямо в глаза и верь:
Он душу твою не отнимет!

Взмахнёт он торжественно молотком!..
Но даже голодным и босым —
Храни свою душу, как отчий дом, —
Не бойся, герой, не бойся!

Духом-скалой, победным орлом —
Стой напролом!

* * *

Мы сидели за столиком и говорили о Фрейде.
Он ломал шоколад и пива мне подливал.
Я сказала: «Послушайте! Лучше меня убейте,
Только не обрывайте сверкающий мой карнавал».
Он ответил задумчиво: «Я слишком верю в Исуса,

Ничего не получится, детка, у нас с тобой.
Я чуждаюсь всего, что красиво, легко и вкусно,
Чёрным хлебом питаюсь и запиваю водой».
Я смотрела и плакала: боже, какая нелепость!
Он же язву желудка скоро себе наест.
...Значит, хлебом — всю жизнь неизменным хлебом,
Ни на час не снимая с сутулых лопаток крест.

МАСКАРАД

Как знакомо всё и как старинно,
Каждый миг наш кем-то повторим.
Потихоньку плачет Арлекино,
Кулаком размазывая грим.

Это вечно, это уже было,
Это будет вечным и потом.
Грустный Арлекин глядит уныло,
Улыбаясь ярко-красным ртом.

Мы живём в жестоком маскараде,
Нам приятен шорох мишуры.
Даже если кто-то плачет рядом,
Это тоже в правилах игры.

ЛИШНЯЯ

Ослепнуть, оглохнуть, сжаться,
Вслепую бежать с полверсты.
Всего-то и дел, что сорваться
С какой-нибудь высоты.

Я — лишняя, я чужая,
Глаза лишь мозолю я.
И всюду меня ругают,
И всюду меня бранят.

Но я не могу по-другому.
Мне трудно среди людей.
Набейте меня соломой,
Поставьте меня в музей!

* * *

Я светлая девочка на пуантах,
Атласные ленточки на лодыжках.
Стянули мне талию крупным бантом —
Капроновым, вздрагивающим вприпрыжку...
И вся в колокольчиках чудо-юбка,
И локоны рыжею львиной гривой.
Я буду такую одни лишь сутки,
Тобою придуманной и любимой!

* * *

...А я люблю по-другому —
Я наискось, мимо мишени,
Без грозных разрывов грома,
Не бабой, повисшей на шее...
Зачем тебе столько груза? —
Шпоры, хомут и омут!
Иная, тебе не лишняя,
Прибьётся цветочная Муза —

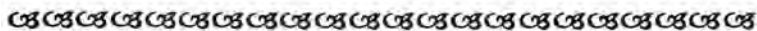
Бабочка, в пальцах твоих
Прилипшая...
Медовой пыльцы следы
Останутся в складках рта,
И крыльев моих красота
Коснётся волос седых.
И, полная сока твоей печали,
Я уплыву, на ветру качаясь.

* * *

Зажми моё дыхание в кулак,
Держи моё дыхание в руке.
В тебе нуждаясь, доверяю так
Способность жить, сокрытую в цветке.

Впервые я не презираю плоть,
Всё потому, что я в неё не верю.
Я, словно душу, открываю рот,
Хочу вдохнуть, вдыхаю и немею...

Я задыхаюсь! Сорванный букет —
Я не умею без тебя никак.
Держи моё дыхание в руке,
Зажми моё дыхание в кулак!

ЕКАТЕРИНА ГЛАДЫШЕВСКАЯ (Мурманск)

Родилась в 1982 году в Мурманске. Окончила школу с серебряной медалью, Мурманский государственный технический университет по специальности «Прикладная информатика в экономике» и с отличием — магистратуру Мурманского арктического государственного университета по специальности «Мультимедийная журналистика». Корреспондент, редактор регионального телеканала «Арктик-ТВ».

Автор двух книг, лауреат региональной губернаторской литературной премии им. Баева-Подстаницкого; фестиваля молодых литераторов «Знаки». Грант губернатора на поддержку издательской деятельности для молодых писателей. Член Союза российских писателей.

ВРЕМЯ ДЕЛАЕТ ВЗГЛЯД ОСТРЕЕ...

TERRA INCOGNITA

Terra incognita. Вновь не пускают на борт.
Чай предлагает буфет до противного сладкий.
Баки наполнены. Свеж продуктовый набор.
Но не объявит никто о начале посадки.

Жмёт временная петля, но безжалостен суд:
Плата за трусость — латанье кармических трещин.
Бремя вранья и предательств сутулясь несут
Толпы безвольных мужчин и безнравственных
женщин.

День бесконечен. И взлётная снова пуста.
Жизнь уместается в крохотность ёмкого «вкратце».
Кто-то сдаётся. Но ты уже знаешь расклад —
Все улетят! Надо только терпеть и держаться.

Ты здесь бывал. Но готов очутиться опять.
Ссылка сюда — не цена за экспрессию рисков:
Кодекс моральный условен. Мы можем менять
Всё, кроме правила — не информировать близких.

Срок ожидания не предвещает добра.
Солнце висит над душою навязчиво низко.
...Рейс объявляют! И всех приглашают на трап!
...Кроме тебя — твоё имя не значится в списках.

Можно оттачивать опыт в метании слов,
Став для других подлецов путеводной скрижалю...
Но зачастую и самое малое зло
Даже создателя может смертельно ужалить.

13 марта 2018 г.

ПОСТКАЛИНИНГРАДСКОЕ

Мы хохотали, впуская в лёгкие
Дым сигаретный, со счастьем смешанный, —
Малознакомые и далёкие —
Очень родные мужчины и женщины.

Головоломок житейских вычеты
Хлюпали тихо в стекле бокаловом,

А в интершуме зимы расплывчато
Женский вокал «Серебром»¹ покалывал.

Жар-энергетик взрывался искрами.
Только саднило нутро вопросами:
Как получилось, что люди близкие
«От фонаря» по земле разбросаны?

Спящее небо укрылось тучами.
Все аргументы казались вздорными.
...Мы хохотали. А кто-то вдумчиво
Что-то чертил на полях истории.

5 марта 2018 г.

* * *

Солнечный свет струится сквозь плотность штор.
Перебивают пульс в ожиданье своей минуты
Отзвуки тех, кто за руку по жизни шёл,
Увековеченных в строках моих талмудов.

Каждый эпитет болью бумагу жёг,
Переплавляя ушедшее в двойственность истин.
И, заполняя рюмки, «на посошок»
Переливалось в пространное «ныне и присно».

В полутона укутавшись, дремлет зал,
Став для ценителей рифмы уютней и ближе...
Спряталось солнце, в сумраке показав
Образ, оставленный в недрах истории книжной.

Сколько гнилой иронии было в том! —
Мир зазеркалья взорвался волной канонады.
Все наши планы — чёртово спортлото:
Было так жизненно важно. Сегодня — не надо.

¹ «Серебро» — песня группы «БИ-2».

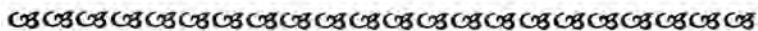
Пылью осел вопросов ненужных рой:
Миф о фатальности чувств устарел и развенчан.
Просто ковчег небесный штормит порой...
Впрочем, пора начинать:
— Всем привет! Добрый вечер!

* * *

Купалось солнце в озёрной ряби, устав от зноя.
И кутал полдень июньский Питер в цветы и травы.
И жизнь, казалось, осталась где-то за той весной.
Но Вы сказали, что заблуждаюсь. И были правы.

И нежно гладил чумную голову тёплый ветер.
От километров дорог исхоженных ныли ноги.
И мне дышалось легко и шумно на этом свете.
И Вы сказали: очисти мысли от душ убогих.

Взметнулись чувства тревожной стайкой. И стало тихо.
Как будто кто-то убавил громкость моих видений.
Вы улыбались готовым образом акростиха.
Неслись над нами освобождённые светотени.

ОЛЬГА ГРИГОРЬЕВА (Омск)

Ольга Николаевна Григорьева родилась в 1957 году в г. Новосибирске. Окончила факультет журналистики Казахского государственного университета им. Кирова (Алма-Ата). Автор восемнадцати поэтических книг, двенадцати книжек для детей, четырёх книг очерков, изданных в Павлодаре, Омске, Алма-Ате и Москве. Стихи и очерки О. Григорьевой печатались в журналах «Знамя», «Юность», «Наш современник» и др., во многих альманахах России. Член Союза российских писателей. Лауреат литературных премий: им. Марины Цветаевой (2008) и им. Павла Васильева (2010).

ГУЛ НЕБЕСНЫЙ, ШЁПОТ БОЖИЙ...

ПЕРЕВОДЧИК

С головой накрывает невидимая волна,
И не важен убогий быт или свет тусклый,
Ведь поэзия — перевод с Божественного на
Русский.
Кто впервые сказал об этом — Бог весть.

Может, это умная мысль, может — ересь.
Но пока хоть один переводчик на свете есть —
Человечество не погибнет,
Надеюсь.
Слушай Голос и не придумывай ничего.
Подбирай слова, учись, доходи до сути.
И не мни себя автором. Все мы только Его
Слуги.
Но когда однажды, рассекая веслом волну,
Увозя меня в никуда, седой перевозчик
Будет требовать плату, я ему протяну
Пару строчек.

ОТКРЫТО. СТУЧИТЕ

«Открыто. Стучите» — вот надпись на книжном киоске.
Но мимо спешат современники в блеске и лоске.
Важнее всего — что насыпано в личном корыте.
К чему им Платонов и Чехов? Открыто. Стучите.
«Открыто. Стучите» — на совести, вере и Храме.
Но — пьяны и сыты, и музыка глушится в храпе.
Какие убожества ныне сияют в зените!
Они и читать не умеют... «От-кры-то. Сту-чи-те».
Открыто. Стучите. Лишь руку поднять, постучаться.
Жующим животным не стать. Человеком остаться,
Пока не повесил Господь на картине распада
Табличку: «Закрыто навеки. Стучаться не надо».

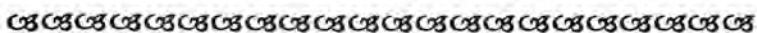
НИКОГДА НЕПОВТОРЕНЬЕ

...А с тобой неповторимы
Годы, дни, часы, мгновенья.
Ты всегда немножко разный,
Неизведанный, другой...
Наши судьбы, наши встречи —
Никогданеповторенье,
Никогданеувяданье

Нашей слитности с тобой.
Гул небесный, шёпот Божий:
Родилось стихотворенье.
Буду этому подарку
Удивляться до конца.
Слово, музыка, картина —
Никогданеповторенье,
Никогданеумиранье,
Даже если нет творца.
А природы нашей роскошь!
А детей моих рожденье!
А мордашки внуков милых!
А друзей моих глаза!
Жизнь, люблю тебя за это
Никогданеповторенье!
Сохрани меня в потомках,
Если повторить — нельзя.

ОБЛАКА БЕЛЫЙ МЕДВЕДЬ

Ах, как вольготно лежит
Облака белый медведь...
Хочется пристально жить
И никогда не стареть.
Хочется всё разглядеть —
Даже медвежий зрачок!
Облака белый медведь
Солнцу залёг под бочок.
И, пробиваясь, лучи
Строят воздушный чертог.
Криком кричи иль молчи —
Кончится жизненный срок.
Холод забвенья придёт...
Что может душу согреть?
Что никогда не умрёт
Облака белый медведь.

ЛАРИСА ДЕГТЯРЁВА (Астрахань)

Родилась в Астрахани. Окончила Астраханский технический институт рыбной промышленности и хозяйства, работает в Каспийском НИИ рыбного хозяйства. Имеет более пятидесяти научных публикаций.

Член Союза писателей России (1996 г.) и Союза российских писателей (2015 г.). Автор пяти поэтических сборников. Лонг-лист Международного литературного Лермонтовского конкурса в честь 200-летия М. Ю. Лермонтова.

НАЙТИ СЛОВА...

* * *

Пески. Руины города. Тоска...
Прекрасный повод пригубить арак...
И знать, что время — самый сильный враг
любой тоски, что можно из песка

построить новый город вдалеке
от всех дорог, от суеты вдали,
что ветер улетает налегке,
свою тоску со мною разделив.

* * *

Придѣшь домой. Опять часы пойдут
тебе навстречу. Вечер будет длинным,
добыча — скромной (лишь один невинный
короткий поцелуй). Опять по ту,

другую, сторону экрана будут знать,
как прожит день, но знать гораздо хуже,
чем знаешь ты. Опять остынет ужин.
И будет брошен беглый взгляд назад.

Где дом, где ветер, плачущий в трубе,
сирень у дома, лодка у причала...
То место, где берѣт своё начало
то время, что отпущено тебе.

* * *

*Босая нога утопала в ковре...
К.С. Петров-Водкин*

В ковре утопает босая нога.
Во тьме города утопают.
Плывущие мимо ветра иногда
пески оставляют на память.

Ещё в Самарканде не ночь, но уже
так тихо, спокойно, пустынно.
И так непривычно светло на душе
при виде привычной картины.

Астральный орнамент, майолика, синь
и золото, звѣздная россыпь.
стекаются в город вчерашние сны
и нового зрителя просят.

Впускают их в дом свой радушно, тепло
всегда полусонные сарты.
Предложат на ужин шербет с пастилой.
Попросят остаться до завтра.

Обычная ночь — ни любви, ни тоски,
ни сна. И опять до восхода
с горячим дыханием ветра пески
скрывают ушедшие годы.

* * *

Из всех морей пересечь —
я выберу море времени.
Возьму нелёгкий багаж:
дырявую память. В ней
невзрачный старенький дом,
стоящий так близко к берегу,
что кажется, будто он
качается на волне.

Цветёт густая сирень
в саду за забором сетчатым,
и редкий рваный туман
колышется на ветру.

И так легко угадать,
что даже с другого берега
мне будут видны и дом,
и сад, и сирень в цвету...

* * *

Измерив эту комнату в шагах,
я насчитаю сто причин остаться.
И с мнимым равнодушием скитальцев,
привыкших за собой мосты сжигать,

и с призрачным спокойствием людей,
готовых к переменам и потерям,
полночи прометавшись на постели,
увиду сон. И силясь разглядеть

хоть что-то, с точной памятью слепца
увиджу этот дом и эту спальню,
как мелкую деталь на дальнем плане,
последний штрих Творца.

* * *

Пусть времени осталось
только на глоток,
из блюда циферблата
всё до капли выпью.
Из жадности, от жажды,
для того,
чтоб успокоиться,
и сделать верный выбор.

Найти слова,
что в памяти твоей
остались бы.
И пусть хотя бы смутно,
но ты всегда бы помнил
обо мне,
на чёрный день не отложившей ни минуты.

* * *

Я где-то здесь, я рядом, под рукою...
Но знай — как только я глаза закрою —
я окажусь за тридевять земель...

Воздушный замок в царстве тридевятом.
Обычные дела — и без тебя там
мир катится, как водится, к зиме.

По звёздной россыпи, опавшим жёлтым
листьям
подобной, чтобы вовсе удалиться
за пелену дождя, за облака.

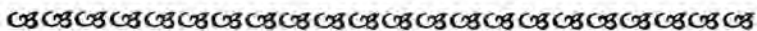
Но помни: где-то здесь одно из самых
любимых мест моих — один воздушный
замок.
Он мне дороже, чем твоя рука...

* * *

Часам придётся шаркать уходя,
топтаться у дверей, притворно кашлять.
И маятник бессильно станет биться, даже
не зная, что не сможет никогда

взлететь чуть выше. Только на разбег
и хватит сил. Бессмысленность какая!

Он словно предрекает мне прожить свой век,
туда-сюда бессмысленно шагая...

ВЯЧЕСЛАВ ЕГИАЗАРОВ (Ялта)

Вячеслав Фараонович Егиазаров родился в 1940 году в Ялте. Окончил Донецкий институт советской торговли. Поэт. Председатель Крымского отделения Союза российских писателей и Ялтинского филиала республиканского творческого союза «Крымская ассоциация писателей», член Международного союза писателей Крыма. Автор девяти поэтических книг. Печатался в «Литературной газете», журналах, антологиях и коллективных сборниках. Редактор поэтического альманаха «Ялос» и поэзии тематических сборников «Наш Чехов», «Наш Пушкин». Дважды лауреат Государственной премии Республики Крым в номинации «Литература» (1998 и 2006 гг.); литературных премий: имени А.П. Чехова (1998), имени А.И. Домбровского (2005); первый лауреат Международной премии имени Владимира Коробова (Москва, 2013) и др. Заслуженный деятель искусств Республики Крым.

ДЕТИ ВОЙНЫ

Цикл стихотворений

* * *

Мы пришли в этот мир накануне жестокой войны,
чёрной свастики тень
стала тенью невиданных бедствий,
и уже от рожденья мы были с тобой не вольны,
а верней, лишены льгот и ласк, что положены детству.

Всё в стихах описать невозможно, не тот это жанр,
но семейные фото, — какие в них строгие лица!
В 45-ом казалось — потушен военный пожар,
да разруха и голод — от них ни уйти, ни укрыться.

И уже нас зовут с некой жалостью «Дети войны»,
и уже в нашу сторону тёплым как будто подуло.
Нам с тобой повезло, мы хоть вспомнить о прошлом
вольны,
а скольких уже нет, их безжалостно время слизнуло.

И работать пришлось на износ,
чтоб не сгинуть стране,
и бороться с недугом, и верить: я сильный, я буду!
Никогда не забуду, как шёл я по колкой стерне,
по холодной стерне,
чтоб найти горстку зёрен, как чудо.

И вослед ветеранам войны тают дети войны,
и об этом сказать всё стесняются громко поэты:
мы гордились всегда нашей Родиной, были верны
ей всегда, и она, наконец-то, заметила это...

НЕ ВСЕ ОТЦЫ ЕЩЁ ВЕРНУЛИСЬ С ФРОНТА

Послевоенных лет ход жизни скверный,
предел мечтаний — палка колбасы:
до посиненья нанырившись, в сквер мы
бежали, чтоб отжать в кустах трусы.
Мы, малолетки, бич садов окрестных,
кто, как не я, поведает о нас:
всё меньше остаётся чисто местных,
кто помнит оккупацию сейчас.
Да я и сам, я сам всего не знаю,
но вдруг увижу даль, хоть зашибись:
там Ганс цепной — овчарка очень злая,
с цепи срывался, если мы дрались.
Там взорванной гостиницы руины,
там снять могли с прохожего часы,
облазили от солнца плечи, спины,
ну и носы, конечно же, носы.
Не все отцы ещё вернулись с фронта,
и фрицев пленных гнал с работ конвой;
ещё эсминцы возле горизонта
на Севастополь шли иль от него.
Мать с тёткой на работе. Год — до школы.
Сбиваться в стаи. Врать. Курить. Дружить.
Но летом жизнь всегда была весёлой,
нам только бы вот зиму пережить.
Напротив «Ореанды» — пляж ничейный.
О время беспризорщины и драк!
Ещё не знали кожаных мячей мы,
зато гоняли банки только так.
А то, что без рентгена рёбра видно,
что в класс пришёл, а он — неполный, класс,
нам наплевать... и лишь сейчас обидно,
что с каждым годом меньше, меньше нас...

КОЖА ДА РЁБРА

Мне никуда уже, видно, не деться,
так и летать мне во снах дорогих;
дети, войною лишённые детства,
будут всегда уязвимей других.

Будут отзывчивы, искренни, добры,
будут деревья высаживать в сквер,
(мамины вздохи: «кожа да рёбра»,
хлебные карточки, тубдиспансер).

Город снесёт блиндажи и руины,
город воспрянет от моря до гор,
в этих работах я детские спины
вижу во снах дорогих до сих пор.

Я в них летаю, как в детстве летал я,
мне не забыть, как, разруху кляня,
мама одёжку простую латала
и рыбьим жиром поила меня.

Всё позади. Но печать лихолетий
нам не стереть в зыбких снах дорогих:
детства войною лишённые дети
будут всегда уязвимей других.

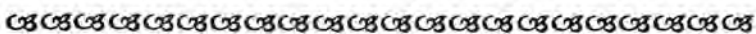
ВРЕМЯ НИЩИХ, КАЛЕК И СИРОТ

С неба падали хлопья холодные
на поля и хибары пустые,
мы голодные были, немодные,
непутёвые, строгие, злые.
И небритые фрицы пленённые,
от которых отрёкся их Бог,
копошились в карьере, как сонные,
в щебень камни дробя для дорог.
Почему-то лишь это из детства

и запомнил — сподобил Господь,
навсегда всенародные бедствия
в кровь вошли мою, душу и плоть.
И уже ни за что мне не вытравить
время нищих, калек и сирот.
Нувориши, по-честному, вы-то ведь
нас давно уж списали в расход?
Долго ж, Родина, долго скрывала ты
и таила всё чувство вины;
то ль очнулась, то ль тоже устала ты,
причисляя нас к «жертвам войны»...

ДЕТДОМ

Раздетый. То слякоть, то холод.
Подвал. Мы ютимся в углу.
И голод. Космический голод.
Наестся с тех пор не могу.
Что помню?.. Я палец слюнявил,
к муке прикасался — и в рот.
А друг мой, Ананиев Павел,
подался из детства на фронт.
Вернули. И снова бежал он.
Ругался всюю военком.
Что помню?.. А помню я мало.
Отчётливо помню детдом.
Стоял трёхэтажный. Безмолвный.
И строгий, как ночью поля.
Мой друг сиротою был полным,
и, значит, неполным был я.
Я не был детдомовцем. Не был.
И верил сильнее всего,
что если обрушится небо,
то мама поднимет его.
И рушилось... И поднимала...
И вдруг задохнусь на бегу:
— Ах, мама! Прости меня, мама!
Когда ж я тебе помогу?..

ВЛАДИМИР ЗАНГИЕВ (Франция)

Владимир Зангиев окончил Махачкалинский автомобильно-дорожный техникум. С 1995 года печатался в прессе Краснодарского края. Был корреспондентом городской газеты «Горячий Ключ», диктором радио, членом Координационного совета краевой «Ассоциации молодых писателей Кубани». Автор 11 книг. Дважды лауреат Международного фонда ВСМ. Член Союза российских писателей (Краснодарское региональное отделение).

В 1998 году эмигрировал в Чили, где прожил более пяти лет. В 2004 году обосновался во Франции, в Страсбурге. Имеет двойное гражданство — России и Франции.

ЭЛВИС *Рассказ*

Он уже проснулся. Я слышу его возню за спиной: бумажное шуршание, стеклянное побрякивание, приглушённое покашливание. Солнце давно в зените, а он только поднимается с постели... нет, скорее

с ложа, ибо постелью это не назовёшь. Я продолжаю поливать клумбу и делаю вид, будто его не вижу. Почему я не замечаю его? А потому, что я — иностранец, белый, европеец. А он — местный абориген, индеец. И к тому же, выходец из побласьона, из самой низшей ступени общественной пирамиды. И он это чётко усвоил, впитал с молоком матери. Он должен первым поздороваться, и только после этого я могу себе позволить снизойти до его уровня и пренебрежительно проронить несколько любезных фраз. Иначе нельзя, я в этой стране гость, и не мне рушить её вековые устои. И руки ему подать я не могу — этого уже не поймёт патрон, тот, который даёт мне работу и кров. Для хозяина я хоть и обреро (работник), но белый иностранец, а значит загадка. Здесь на какой бы ступени общественной лестницы человек ни находился, всегда завидует европейскому происхождению иностранца. И я уже привык к постоянному повышенному вниманию к собственной персоне. Привык к тому, что должен держаться обособленно в местном обществе, ориентироваться на богатых, поддерживать с ними подобие дружбы, правда с некоторыми меркантильными умыслами с обеих сторон: с моей — как бы побольше сорвать суэльдо (оплата) и при этом поменьше трудиться, с их — загрузить меня по полной работами, не входящими в контракт, и при этом ухитриться возможно больше недоплатить мне. Что делаешь, таковы здешние нравы.

— Буэнос диас, сеньор! — наконец раздаётся у меня за спиной весёлый хриплый голос.

— Оля, Элвис! — равнодушно отвечаю я на приветствие, продолжая внимательно изучать водяную струю из шланга.

— Не правда ли, сеньор, сегодня прекрасное утро!

— Несколько жарковатое. Впрочем, уже и не утро вовсе, а день. Ты утро проспал, бэсино (сосед).

Индеец глупо улыбается и согласно кивает своей курчавой немойтой шевелюрой:

— Это верно. Я вернулся домой только под утро.

Я откровенно ухмыляюсь про себя: и это он называет домом! Жалкий полиэтиленовый полог, натянутый под деревом в углу между столбом и сараем. Натаскал какого-то хлама с ближайшей помойки, соорудил себе ложе и радуется жизни как ребёнок. У него там даже телевизор есть. Я-то это знаю наверняка. Вон и провод-временку кое-как приладил к столбу и протянул к своему жилищу. Даже не удосужился замаскировать как следует. Я хоть и не подаю вида, но мне жалко Элвиса, и поэтому вынужден не замечать, что он по сути дела крадёт у меня электричество, ведь я здесь приставлен надзирать за порядком и должен докладывать хозяину о замеченных нарушениях. Ладно, в случае чего, оправдаюсь, мол, не ведал, не знал, не видел. Опять скажу, что в Европе не воруют и всё такое прочее. Хозяин поверит, для них тут эта сказка представляется действительностью.

— Дон Владимир, могу ли я вас попросить об одном одолжении? — доносится до меня из угла.

Я неторопливо скользя взглядом в сторону вопрошающего. Элвис уже полностью выбрался из-под покрывавших его грязных лохмотьев и почти голый сидит на поломанном пластиковом ящике из-под пива. Его смуглое коротконогое тело прикрывают лишь широкие выцветшие неопределённого цвета шорты.

— Говори, я слушаю.

— Не могли бы вы полить на меня из шланга?

— Нет. Ты ведь знаешь, хозяин будет недоволен, если увидит. Иди, искупайся в бассейне, ты знаешь, где он находится.

Небольшой бассейн, где воды — пониже колена, находится здесь же, в тридцати метрах выше по улице. Элвис ленив, как и все латиносы, ему лень поднимать-

ся и идти умываться. Он поколебался некоторое время и, всё же, сделав над собой усилие, нехотя поднялся и вразвалочку поплёлся к водоёму. Откровенно говоря, я брезгую в этом мутном отстойнике даже руку намочить. Вечно там болтаются какие-то потрёпанные типы, шелудивые уличные псы утоляют жажду, грязные индейские ребятишки в летний зной весело плескаются здесь, справляя большую и малую нужду прямо в воду. Но у Элвиса, видимо, стойкий иммунитет против подобной заразы. Он не боится инфекции. С четверть часа латинос блаженствует среди зловония: плещется, хрюкает, полощет во рту... Освежившись таким образом, возвращается к своему пристанищу. Скоро ему потребуется кушать, а еды, как всегда, у него нет про запас, её ещё предстоит заработать. Поэтому бездомный индеец отправляется на ближайшую помойку, привычно роется там, тщательно выискивая старые жестяные крышки, прохудившиеся вёдра, тазики, сковородки, кастрюли, обрезки шпаката либо тонкого электрического кабеля, какие-то деревянные бруски. Тяжело нагрузившись, всё это он притаскивает в свой вонючий угол и начинает ладить импровизированное подобие эстрадных ударных инструментов: делает каркас из брусков и на него навешивает найденные крышки, кастрюли, тазики... Здесь же настраивает свой инструмент и репетирует. В это время он так увлечён, что ничего не замечает вокруг, весь погрузившись в звуки. И такие джазовые импровизации выделяет на ржавых тазах и мятых кастрюлях! Заслушаешься. А голос!.. Это уже вовсе не тот пропитый и каркающий, которым он пользуется в быту. Теперь звучит полноценный сценический баритон. Элвис — музыкант, уличный профессиональный. Тем он живёт и кормится. Иногда, в летние месяцы, отправляется в турне на побережье — веселит отпускников на пляжах и бульварах Ла Серены, Вальпараисо, Вальдивии... Никого не интересуется, кто он такой, как

его настоящее имя. Элвис и всё тут. Прозвище напрочь сжилось с ним. В центральных районах Сантьяго многие слушатели так и знают его под этим именем.

А теперь тихо! Идёт отлаживание инструмента. Звуки сплетаются в комбинации, рождая мелодичные аккорды. Сейчас Элвис — бог, нищий индейский уличный бог. На улицах чилийской столицы много уличных музыкантов, играющих на гитарах, на барабанах, на флейтах и трубах, даже встречал я играющего на арфе. Но Элвис — один. Только он может извлечь божественные звуки из помятых тазов и прогоревших сковородок. Но вот репетиция закончена, в пустом желудке у «бога» начинает урчать — организм требует своё, и надо подумать о хлебе насущном. И Элвис, взгромоздив на спину свою незамысловатую конструкцию, отправляется добывать пропитание. Он подмигивает мне на прощание и весело кричит: «Аста пронто! (До скорого!)»

Я небрежно киваю в ответ. Сам продолжаю возиться в клумбе с цветами и думаю о нём. Слухи разные ходят. Говорят, у него на юге Чили большая семья, есть дом и хозяйство... а раньше он работал на телевидении — вёл какую-то музыкальную программу...

* * *

А вечером Элвис еле притащился в свою лачугу. С какой-то измызганной подружкой. Без инструмента (значит, завтра будет сооружать новый, у него это быстро получается — уже привык, поднаторел). То ли он её тащил, то ли она его — не разберёшь. Оба в стельку пьяные, либо обкуренные марихуаной. Тяжело опираются друг о дружку и так продвигаются. Физиономии расцарапаны в кровь, одежда измазана в свежей грязи. Ничего особенного — это их жизнь. Нам не понять их, они не понимают нас. Вроде, как бы, сосуществуют разные параллельные миры, слегка контактируя друг с другом.

Утром, как всегда, я занят зелёными насаждениями: поливаю, выщипываю травку, рыхлю землю и прочее. Ближе к полудню Элвис тяжело выползает из-под полога, здороваётся со мной и, взгромоздившись на свой ящик, принимается в осколке зеркала изучать ссадины на своей физиономии. Он нежно трогает засохшие царапины грязными потрескавшимися пальцами и сокрушённо прищёлкивает языком. Я сочувственно спрашиваю:

— Что, досталось тебе вчера?

— Да я совершенно не помню, откуда у меня это взялось, — усмехается Элвис. — Помню, купили с друзьями пиво, выпили его. Потом пришли ещё двое. Мы угостили их. У них не было денег. Один говорит: «Я сейчас приведу женщин...» и ушёл. Мы пили ещё что-то, кажется «Токорналь». Женщин привели двух... или трёх. Иностранки... из Перу... я выбрал самую красивую. А тот, который привёл их, всё время указывал мне на другую. Надоел, каямпа (поганый гриб). Затем... кажется, я ушёл с ней... Карамба, точно не помню. Ладно, это не важно. Но откуда у меня эти царапины?

— А где твоя иностранка? — интересуюсь я. — Хоть бы познакомил с ней.

Элвис самодовольно улыбается и показывает большим пальцем за спину в свой закуток:

— Там, спит ещё.

Но затем спохватывается и, посерьёзнев, продолжает:

— Сеньор шутить изволит? Разве вам интересно знакомство с глупой индейской женщиной? Ваши белые женщины вон какие красивые: блондинки, голубоглазые. На меня такие и не смотрят.

— Не расстраивайся. Тебе хватает своих женщин, — успокаиваю я бродягу.

В это время под пологом зашевелился ворох тряпья, и из-под него выползло нечто человекоподобное. Но такое потасканное, грязное и вонючее, что челове-

ка признать в нём можно лишь с большим трудом. Да, гурманские чувства амурных отношений моего чилийского знакомого имели сугубо специфический оттенок. Красота перуанки выходила за рамки моего понимания о прекрасном. Но, как известно, о вкусах не спорят...

— Вот, Каролина, познакомься, этот сеньор русский, он мой друг, его зовут дон Владимир, — с гордостью показал на меня Элвис.

Каролина, раскрыв неопрятный щербатый рот, дебилно уставилась на меня. Некоторое время она бесцеремонно разглядывала представшее её взору создание, словно перед ней возникло какое-то диковинное экзотическое животное, а затем, вытянув заскорузлый указательный палец, спросила, обращаясь к Элвису:

— Это далеко отсюда... Русия?

— Да-да. Дальше, чем Перу. И даже дальше, чем Бразилия, — тоном знатока стал объяснять индеец.

— Как ваши дела, сеньор? — наконец решилась она задать мне традиционный у латиносов вопрос.

— Более или менее, — тоже традиционно ответил я.

Но до неё, кажется, не дошёл смысл моего ответа, она просто трудно вникала в разгадку того, что какое-то непонятное ей существо из другого мира издаёт звуки на её языке. Это для бедняги было событием жизни. Я же понял, что на сегодня достаточно впечатлений для моей новой знакомой, и на том беседа закончена. А посему, любезно кивнув на прощанье влюблённым, я спешно ретировался со своим садовым инвентарём вглубь территории.

* * *

Вчера патрон был очень недоволен, раздражён, темпераментно жестикуюлировал, разговаривая с проверяющим инспектором из муниципалитета. А сегодня выяснилось, что инспектор подал рекламацию на то, что наша улица захламлена мусором, не соблюдаются сани-

тарные нормы. Теперь дону Мигелю придётся платить мульту (штраф). Утром шеф вызвал меня к себе в офис и уже обычным успокоившимся тоном прояснил ситуацию. Я заметил, в рядах его свиты царило непривычное оживление. Это уникальное событие для меня здесь — видеть, как напускающие на себя при мне важный напыщенный вид служащие-латиносы, кроме обычных пустых разговоров в рабочее время, заняты, наконец, хоть каким-то делом.

Одним из шагов по восстановлению санитарного порядка дон Мигель наметил: выдворение с подведомственной территории бездомного Элвиса. Моя задача — очистить угол от всего, что туда натаскал уличный музыкант. Мне жаль Элвиса, но я ничего не значу в этом мире, а ему уже объявили решение дона Мигеля. Бездомный заметно расстроен, беспорядочно суетлив, но хочет показать, будто ему всё нипочём. И тут я вполне понимаю его. Трудно покидать привычное обжитое место. Говорят, прожил он здесь года три или четыре. Теперь нужно искать новое пристанище. А это не так просто, ведь здесь не Россия. Каждый клочок земли имеет хозяина, который зорко следит за тем, чтобы никто не покусился на принадлежащую ему частную собственность. Что поделаешь — мир развитого капитализма!

Мы перебрасываемся с Элвисом ничего не значащими фразами. Да и чем я могу его сейчас утешить? Чилийцы, сами по себе, — народ, не поддающийся унынию. Живут настоящим моментом. Радуются тому, что имеют. Если же что-нибудь усложняет их жизнь — то просто надеются, что завтра будет лучше. И всегда готовы к веселью, шутке. Не зря здесь бытует такая поговорка. Когда чилийца в разговоре спрашивают в первый раз, как дела, он радостно сообщает: всё хорошо! Дальше, во второй раз, на данный вопрос он уже отвечает без улыбки: более или менее. В третий раз на этот же самый вопрос он срывающимся голосом при-

знаётся, что дела дрянь, работу потерял, жена болеет, детей не во что одеть и т.д. Таков их национальный менталитет. Народ малочисленный, но гордый. И когда чилийца спрашивают: «Вы местный?», он с достоинством отвечает: «Soy chileno como porotos!» (Я чилиец словно поротос! — чилийская фасоль, из которой готовят национальные блюда). Поэтому я не успокаиваю Элвиса, а непринуждённо интересуюсь:

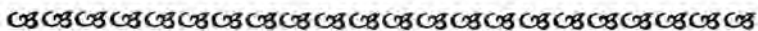
— Куда теперь пойдёшь?

Он беззаботно оскаливается жёлтозубой улыбкой и делает неопределённый жест рукой:

— Сантьяго — город большой, места хватит.

Дальше он деловито укладывает какое-то своё тряпье в огромный матерчатый узел, ещё что-то собирает в пару драных полиэтиленовых пакетов — и на этом, видимо, сборы завершаются. Я не могу со спокойствием взирать на всё это, а посему углубляюсь в свои клумбы, но не выпускаю из поля зрения беднягу. Вот он напоследок тоскующим взглядом окидывает место, некоторое время служившее ему надёжным пристанищем, и решительно отворачивается. До меня только доносится удаляющееся:

— Чао, русо. Кэ те вайа бьен! (Пока, русский. Желаю тебе всего хорошего!)

ТАТЬЯНА ИВАНЧЕНКО (Астрахань)

Татьяна Иванченко родилась в Астрахани в 1966 г. В 1996 г. на Всероссийском совещании в Ярославле была принята в Союз российских писателей. Председатель Астраханского регионального представительства СРП. Автор пяти стихотворных сборников. Стихи и проза публиковались в журналах и альманахах многих городов.

НОВЫЕ СТИХИ

* * *

*Дитя не плачет — мать не понимает.
Народная пословица*

Как хочется не думать ни о чём,
Не вспоминать, ещё — не строить планы.
Мать понимает — и дитя не плачет,
Ещё — не ноет левое плечо.

Почти покой, — ну, разве что не свет,
И тишина, и умиротворенье.
И к навсегда растерянному зрению
Претензий нет — и предложений нет.

Без суеты творимые дела,
Без маеты плывущие минуты...
Всё разуместь — и говорить кому-то,
Как тихо ночь ещё одна прошла.

Ещё одна, — но нет желанья знать
О максимальных времени значеньях.
Ещё лимит покуда не исчерпан —
И это всё, что разумеет мать.

Дитя не плачет — значит, время есть
Перевести и стрелки, и дыханье.
Дитя молчит — и матери покамест
В его дела и сны не стоит лезть.

Да, время есть, — и стрелок перевод
Вперёд-назад запутает расчёты.
Я разумею: в сердце или в чём-то,
Что рядом с ним, кончается завод.

Я разумею, но пока летят
По кругу стрелки, полируя годы,
Уже не знаю, обретёт ли голос
Моё немое — сердце и дитя.

* * *

Что же я писала так недавно?
Письма с берегов Большой Реки —
В детские неведомые дали,
На холмах зелёных городки.

В те сады, где так сияло лето,
В те дома, где так легко спалось,
Где хватало мне и тьмы, и света,
Были там и холод, и тепло.

Где растенья оплетали тропы,
В лабиринт сплетаясь без конца,
Где клевали бисерное просо
Стаи птиц в кормушке у крыльца.

Где печаль имела силу знания
Обо всех ушедших и живых,
Где года казались временами,
Небеса клонились до травы.

Где со всех сторон слетались ветры,
В них кружились кольцами стрижи,
Где любовь имела силу веры
Воскрешать и близких, и чужих.

Мелких речек быстрое течение
Не пугало мрачной глубиной, —
Что же слова не могу прочесть я,
На воде написанного мной?

Где-то там остались и пропали
Дорогие сердцу пустыки.
И моя встревоженная память
Шлёт и шлёт им письма и стихи.

И идут нечастые ответы —
В полусне, — дорога нелегка.
Но проснусь — ни отсвета, ни света,
И тоска, какая же тоска!

* * *

Как два ведра на старом коромысле,
На мне повисли скука и печаль.
Одна скрипит ломотою в плечах,
Другая ищет вымысла и смысла.

Одна лениво бродит по углам
И выбирает книги и занятия,
То новое придумывает платье,
То, ГОЭЛРО сродни, великий план.

Велосипед изобретает смело,
И механизм, который сдвинет мир,
И вспоминает, сколько чёрных дыр
Осталось нам, и сколько пятен белых.

Нанизывает бусы по ночам,
А по утрам их снова рассыпает.
И всё искусней двигаются пальцы,
И всё бесстрастней часики стучат.

Другая ждёт, соседке не мешая.
Она молчит, укрывшись в полутьме.
Ей ничего не надо ни уметь,
Ни изучать, просчитывая шансы.

Ей ничего не надо. Серый день
Она раскрасит серой акварелью
И будет наблюдать, как зреет время
В плодах растений и умах людей.

С приходом ночи высветятся краски
Вокруг неё, как в круге фонаря,
И я придвинусь к ней, благодаря
За этот свет, бесплотный и прекрасный.

СЕЛЬСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Холм, как перевёрнутая чаша,
Прикрывает прежние века.
Где-то в нём скрываются начала
И концы житейского клубка.

В нём лежат и радости, и скорби
Вперемешку с грудой кирпичей, —
Охранитель вечного покоя,
Мёртвых тайн спасительный ковчег.

Соревнуясь, с ним сверяют силы
То дожди, то знойные ветра,
Размывая ветхие могилы,
Засыпая столбики оград.

На поверхность, что зовут дневною,
Не вернуть кипение страстей, —
Но какой-то силою иною
Этот холм пронизан до костей.

Эта бездна старого погоста,
Что хранится в чаши глубине,
Не о страхе, нет, и не о горе —
О другом рассказывает мне.

О каких-то светлых утешеньях,
О согласиях с собственной судьбой,
И о том, что память об ушедших
Нас неспешно тянет за собой.

Этот холм, как выпитая чаша,
Посреди житейского стола,
Утолил и жажды, и печали, —
Может, капля мимо протекла.

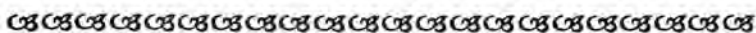
* * *

Платан, который мог бы помнить Пушкина,
Сегодня надо мной качает ветвями.
Кому и сколько времени отпущено,
Платаном — как астрологом — измерено.

Он умудрён ветрами и столетиями, —
Когда бы все дались ему так запросто! —
Он знает как причины, так и следствия
Всех человеческих помыслов и замыслов.

Он вознесён над старою Алупкою
В переплетенье улочек и лестничек,
Как молчаливый, но пристрастный слушатель
Всех голосов, и шорохов, и лепетов.

Ему всё ясно — и неясно заново:
Ну, как же век людской настолько короток! —
И в промежутках меж былым и завтрашним
На всех покой распределяет поровну.

ЕЛЕНА КИРИЛЛОВА (Томск)

Елена Николаевна Кириллова родилась в Хабаровске. Окончила физический и психологический факультеты Томского государственного университета. Кандидат физико-математических наук, доцент кафедры теоретической физики Томского государственного педагогического университета.

Автор трёх поэтических сборников, публикаций в журналах и альманахах. Председатель томского представительства Союза российских писателей, член Союза журналистов России.

КРАЕМ ОСЕНИ ПО СИНЕВЕ

* * *

Это время по имени Осень
Пахнет дымом и свежестью утр,
Тёплым хлебом и ветками сосен,
Бороздящих небес перламутр,

Незаметно подходит, неслышно,
Выбирая момент наугад.

Голоса вдруг становятся тише,
Но краснее и ярче закат.

А пока ты стоишь на пороге
Новой осени — долгой, как сон,
Раствори в своём сердце тревоги
И войди с желтизной в унисон:

Это цвет побеждающей силы,
Радость жизни и солнечный свет.
Там, за гранью лесного массива
Брежит что-то, чего ещё нет.

* * *

Мой звёздный час остался в прошлом,
А может, вовсе не прожит,
Отягощён незвёздной ношей,
Наш путь в грядущее лежит.

Один ли он, пучок ли оных —
Равновозможных — или нет?
Надуй воздушные баллоны,
Мы полетим искать ответ.

Возможно, станет он понятен,
Когда я сверху погляжу,
И чехарду невнятных пятен
В одну мозаику сложу:

Растенья, зданья, тени, лица...
Однонаправленной стрелой
Несётся Время — и стремится
Куда-то в Космос нежилой.

* * *

Времена меняются. Однако
Дух общения — непобедим.
Приходи, соседская собака,
Посидим на кухне, поедим.

Помолчим. За окнами позёмка,
Снег летит, пригнувшись до земли.
Воет ветер, медленно и тонко,
Затихая где-нибудь вдали,

Где визжат машины тормозами,
Уходя в ночные виражи...
Ночь глядит холодными глазами,
Не деля на ближних и чужих.

* * *

...И, ностальгически весомы,
Стоят деревья под дождём.
А тело — по латыни «сома» —
Промокло вдрызг, пока бредём

По вечеряющей аллее —
И час, и два, и три часа.
Я жду — в эпоху Водолея, —
Когда наступят чудеса,

Хотя, на самом деле, рано —
Всего на двести-триста лет.
Но я готова ждать обмана,
Которого всё нет и нет.

Упорно, хоть и бесполезно,
Тяну из будущего нить.

Я знаю, космос — тьма и бездна,
А если так, «куда ж нам плыть»¹?

* * *

По зелёной траве,
По горе под уклон,
Через шум в голове,
Через радостный звон

Моих вёсен и лет,
Моих песен и снов.
Я купила билет
В эту сказку без слов.

Ненадолго зайду,
Погляжу, постою —
В неизвестном году,
В незнакомом краю.

И для каждого есть
Этот дом, этот дым,
Этот яр, этот лес,
Где гулял молодым.

* * *

Не пей из треснувшей посуды,
Осколков милых не храни:
Благополучия не будет,
И потекут за днями дни —

Не в русле мощного потока,
А бессистемно, кое-как,
Возможно — зло и одиноко,
И в общем, наперекосяк.

¹ А.С.Пушкин. «Осень».

Никак из маленьких осколков
Единый образ не сложить.
Повиновенье букве долга
Парализует волю жить

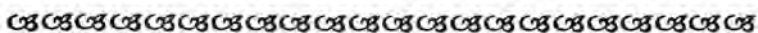
И быть спонтанным, совершенным,
Прекрасным телом и душой.
...Не опасайся перемены:
Она не будет столь большой.

* * *

Октября берега — и грустны, и тихи,
И красны — краем осени на синеве.
Я была молода и писала стихи,
Нарезая круги по опавшей листве,

Погружаясь в стремительный водоворот
Перемен и волнений, потерь и утех,
И не зная, что в мире простой водород
Максимально представлен, легчайший из всех.

...Берега уплывают, а я на плоту,
Неподвижно стою посреди бытия —
Часовой или воин, но я на посту:
Слышу вздохи Вселенной. А точно ли я?

СЕРГЕЙ КРУЛЬ (Уфа)

Родился в 1953 году в Уфе. Окончил Уфимский авиационный институт. Автор восьми художественно-исторических книг об Уфе и более ста пятидесяти авторских песен и романсов. Лауреат республиканской премии «Струны души» за вклад в развитие авторской песни в Республике Башкортостан (2017). Включён в хрестоматию «Современная уфимская художественная проза 1992–2012». В 2013 году награждён Почётной грамотой Министерства культуры Республики Башкортостан. Член Союза российских писателей.

ГЕРАНЬ

Рассказ

На широком белом подоконнике стоял горшок с геранью. Мама купила его для Саши ко дню рождения. Нина Михайловна с детства любила цветы, но не те, которые срезанными продаются в цветочных киосках или в палатках на улице и после продажи увядают на следующий день, а именно в горшочках, так, чтобы цветок рос и дальше, принося людям счастье и радость.

Саша проснулась, увидела цветок и улыбнулась ему. Цветок ответил ей лёгким покачиванием, напоминающим светский поклон. Она протёрла глаза и вскочила, вытаращившись на странное растение. Герань не шевелилась. Показалось, подумала Саша и стала одеваться. Сегодня день её рождения, шестнадцать лет. Придут гости, будет праздник, все станут поздравлять, дарить подарки — Саша зажмурилась от удовольствия.

В дверь постучали: — Можно?

— Нет, нельзя. Я не готова.

— Хорошо, мы подождём, — ответили за дверью.

Саша долго причёсывалась, налаживая выбранную с вечера причёску, потом влезла в платье и посмотрелась в зеркало. Хороша или не хороша? Кто мне об этом скажет? Ах, да, цветок. Она повернулась к цветку и спросила: — Ну, как я выгляжу?

Цветок наклонил голову, по лепесткам пробежала лёгкая, едва заметная дрожь, и ответил:

— Вы, сударыня, нынче превосходно выглядите.

«Чудеса», — весело подумала Саша и крикнула: — Можно, заходите.

Дверь распахнулась, и в комнату влетели, ворвались домочадцы во главе с мамой, которая держала в руках большой свёрток, перехваченный розовой гофрированной лентой.

— Поздравляем тебя, поздравляем тебя, — понеслась, закружилась по комнате знакомая американская песенка. Но сегодня она звучала для Саши, и поэтому она чувствовала в мелодии особую нежность и очарование.

Празднество началось. Оно длилось весь день, бесконечный и кружащийся, как игрушечная карусель в парке, до самого вечера, до темноты, когда, проводив последних гостей, именинница упала без сил на постель.

— Ну, как? — спросил цветок.

- Что как?
- Как прошёл день рождения?
- Нормально, — Саша вскочила с кровати. — Кто со мной разговаривает, кто здесь?
- Я, — ответил цветок. — Меня подарили тебе на совершеннолетие. Помнишь?
- Помню. Но разве цветы умеют разговаривать?
- Сказок начиталась? Конечно, нет. Тебе нужно поспать.
- Я не хочу спать, я влюблена, разве ты об этом не знаешь?
- Знаю, но сейчас не время.
- А когда время?
- Не знаю. Об этом лучше поговорить завтра.
- Завтра я всё забуду, давай сегодня.
- Если забудешь, значит, тебе он не нужен.
- Кто, Юра мне не нужен?
- Не знаю. А ты о ком говорила?
- О Юре.
- А я о тебе. Давай спать.
- Ты меня совсем заговорил.

Цветок замолчал. Не снимая праздничного платья, Саша калачиком забралась на постель, укрылась покрывалом и заснула.

Первая влюблённость приходит стремительно и всегда неожиданна, как весенняя вода, как ураган, как сотрясение вулкана, разбивая и перемешивая в беспорядке мысли, чувства, поступки, и Саша не знала, как себя вести. В одно и то же время ей казалось, что Юра любит её и что она ему безразлична, что он ради неё готов идти на край света и что он слишком практичен и приземлён, завтрашние заботы волнуют его больше, чем чувства, которые она к нему испытывает. Словом, она запуталась. Спросить совета было не у кого, не у мамы же спрашивать, и Саша решила посоветоваться с цветком.

— Доброе утро, — сказала она цветку, когда проснулась.

— Доброе утро, — вежливо ответил цветок.

— Как спал?

— Ты знаешь, цветы ведь не спят, мы всё время бодрствуем.

— Как, совсем?

— Совсем. Ты, кажется, хотела меня о чём-то спросить?

— Да, я хотела тебя спросить. Как ты думаешь, Юра ко мне хорошо относится?

— Ты хотела сказать, любит ли он тебя?

— Ну да, — Саша занервничала, села на кровати.

Цветок замолчал.

— Что ты молчишь? Не знаешь?

— Я думаю, — после некоторого размышления ответил цветок. — Думаю, что да.

— Ура! — закричала Саша, соскочила с кровати и стала бегать по комнате.

Цветок укоризненно покачал головой: — Как она легкомысленна!

С этого дня Саша разговаривала с цветком как с близким другом, спрашивала совета, делилась тайными мыслями и переживаниями. Высказавшись, она успокаивалась, ей как будто становилось легче. Цветок отвечал взаимностью, не перебивая нескончаемых Сашиных монологов, и терпеливо выслушивал всё до конца.

— Ну, что, как твои дела? — спрашивал цветок у Саши по приходе её из школы.

— Нормально, — отвечала она, бросая ранец на кресло.

— Значит, всё хорошо.

— Не хорошо, а нормально. Как всегда.

— Как всегда хорошо не бывает.

— Значит, не хорошо.

— Что-то случилось?

— Да ничего не случилось. Что ты заладил!

Цветок замолчал. Он привык к Саше, её характеру, переменчивому как апрельская погода, её переживаниям, бурным, спонтанным и искренним. И поэтому умолкал, не мешая ей разбираться в себе самой.

— Что ты молчишь? Скажи что-нибудь. Ну, пожалуйста.

После слов «Ну, пожалуйста!» цветок обычно начинал говорить. Так сложилось у них с некоторых пор. И фраза эта из обычных слов превратилась в пароль и означала, что Саша успокоилась, пришла в себя и больше ни на кого не сердится.

— Что сказать?

— Сказать, что я хорошая, что ты меня любишь.

— Я полюбил тебя с первого взгляда, как только ты взглянула на меня.

Сказав это, цветок смутился.

— Дальше, — попросила Саша.

Цветок молчал. Он и так сказал больше, чем положено.

— Ладно, не говори. Спасибо, что ты у меня есть. Спасибо. — И Саша прильнула к цветку, обняла горшочек, погладила стебли.

Всё было бы хорошо, но вышло так, что Юре цветок не понравился. С первой же встречи он невлюбил герань.

— Убери его, он смотрит на нас.

— Ну и что, пускай смотрит. Мне он нравится.

— А мне нет. Выбирай — или он, или я. Тебе что, цветок дороже?

— Разве можно так, Юра? Это мамин подарок на совершеннолетие.

— Ну и что, подарок! Повторяю, мне он не нравится.

— Слушай, ты что, ревнуешь его ко мне? Вот новость! Это же обычный цветок, каких полно в любом магазине.

— Он необычный, повторяю тебе. Смотрит, как человек.

— Ладно, если уж ты так хочешь, задвину его в угол и прикрою шторой. Ты доволен?

— Ну, хотя бы так.

Теперь цветок стоял в углу, за шторой, и дрожал от холода, потому что за окном наступила зима, выпал снег, но просить Сашу, чтобы она переставила его на стол, поближе к теплу, он не решался, опасаясь её гнева. Но и прикрытый плотной, бязевой шторой он всё чувствовал так, будто ему была видна вся комната.

— А вот и Саша, — говорил он, слыша поворот дверной ручки.

Саша влетала в комнату, бросая, как обычно, ранец на кресло.

— Всё-то ты видишь, никуда от тебя не скроешься.

— И не надо от меня скрываться. Я тебе ещё пригожусь, — отвечал скромно цветок.

— А ты меня ещё любишь, скажи? — спрашивала Саша.

— Люблю, — тихо отвечал цветок.

— Какой ты славный. А я, я просто негодница. Не смогла защитить тебя от Юрки. Цветок, видите ли, ему не понравился. И вообще, достал меня своими советами. Что делать, не знаю. Привязалась к нему как дура.

Цветок молчал. В самом деле, что тут скажешь?

Подступили новогодние каникулы, и Саша с друзьями уехала кататься на лыжах. Как ни противилась мама отъезду дочери — одна, с мальчиками, с ночевьем в неизвестном доме — Саша уехала всё равно. Ни угрозы, ни угрозы не подействовали.

На четвёртые сутки она вернулась, расстроенная и в слезах. Кинула лыжи у порога и в комнату. Не услышав приветствия, бросилась к окну, отдёрнула штору — цветок лежал в горшке, уронив стебли на высохшую землю.

— Что я наделала! Он совсем замёрз. И пить хочет. Бедненький мой цветочек!

Она схватила цветок, перенесла на стол и обильно полила. Сначала водой, потом — своими слезами.

— Знаешь, а он бросил меня. Ну, и чёрт с ним, пусть катится. Не больно и нужен. Все дни с Катькой провёл. Обнимался у всех на виду. Назло мне. Ну, что ты молчишь? Ты живой вообще?

— Живой, — распрямляя увядшие стебельки, ответил цветок. — Ты вовремя подросла. Иначе бы я умер. Век у цветов короткий.

— Я не разрешаю тебе умирать. Только попробуй! Как же я? Ты обо мне подумал?

— Когда цветы умирают, они ни о ком не думают. Некогда думать, когда силы покидают тебя.

— Хорошо, я больше никуда не уйду, буду всегда рядом с тобой. Только ты не умирай, ладно?

— Это зависит не от меня.

— А от кого это зависит?

— Не знаю. Давай помолчим. Я устал, — цветок умолк. Ему стало так хорошо, что он нарушил данное Саше обещание и заснул.

Прошёл год. Саша окончила школу, поступила в институт. Появились новые привязанности, симпатии, появился Дима. Дима вошёл в комнату и воскликнул:

— Как у тебя здесь хорошо! Какой красивый цветок! — и нагнулся к горшку, чтобы разглядеть поближе. Но цветок уклонился от встречи, и Дима, вздрогнув, посмотрел недоуменно на Сашу. — Что это было?

— Это ветер, — объяснила Саша. — Я не закрыла окно, я всегда оставляю его открытым, чтобы в комнате было свежо.

— Да?! — протянул Дима. — А я-то уж подумал...

Дима ушёл, а Саша с недовольством спросила цветок:

— Почему ты не дал себя посмотреть?

— Не водись с ним, он тебя обманет.

— Откуда ты знаешь? Кто ты вообще такой, чтобы лезть в мою жизнь?

— Я твой друг. Ты забыла, что я люблю тебя?

Саша задумалась. Говорящие цветки редко встречаются на свете, и если уж он ей встретился, то, видимо, неспроста. Но неужели и дальше он будет ею командовать? Вот ещё новость!

— Значит, так, — выпалила Саша. — Через месяц я собираю вечеринку, будут мои новые друзья, подруги. Посмотри на всех и дай совет, с кем мне водиться, а от кого держаться в стороне.

— Предупреждаю, моё мнение может тебе не понравиться. Больше того, оно может расстроить всю твою жизнь. Знать всё совершенно необязательно, — ответил цветок.

— Ну и что! Всё равно скажи. Я хочу знать, я должна быть готова ко всему, что со мной может произойти, — крикнула она в нетерпении.

«Что ты хочешь знать, моя девочка? — спросил цветок. Спросил мысленно, потому что Саша ничего не услышала. — К чему хочешь себя подготовить: к будущей жизни? Зачем тебе знать будущее, ещё никого это знание не делало счастливым. Если бы люди могли предвидеть будущее, они не захотели бы жить. Потому что людьми управляет надежда, а жизнью — необходимость».

«Зря я это затеял, — подумал цветок. — Ни к чему хорошему разговоры эти не приведут. Прости меня, Саша».

И он замолчал. Замолчал навсегда. Потому что любил Сашеньку и не хотел причинить ей зла.

Вечеринка закончилась, и, когда все разошлись, Саша с надеждой и тревогой спросила:

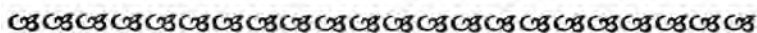
— Ну, что скажешь? Как тебе мои друзья? Правда, хорошие? Я знала, что тебе они понравятся. Вот только не знаю, с кем мне лучше дружить — с Ромкой или всё

же с Дмитрием. Диму ты уже знаешь — это тот, который хотел тебя погладить. Вспомнил? А вот Ромка у меня впервые. Ну, и как он тебе? Что молчишь? Ответь хоть что-нибудь. Ну, хоть полсловечка. Цветочек, миленький мой цветочек, скажи что-нибудь...

Но, что бы Саша ни делала, как бы ни просила, цветок не отвечал, словно никогда не разговаривал. И Саша взорвалась от злости.

— Ты разлюбил меня, негодный цветок! Ты обманул, ты обманывал меня всё это время, только делал вид, что любишь, а на самом деле никогда меня не любил! Предатель!

Цветок с нежной грустью смотрел на Сашу и думал: сначала она выплечется, потом успокоится, забудет, и всё пойдёт, потечёт по-прежнему, как это было и будет у всех, всегда.

ВЛАДИМИР КРЮКОВ (Томская область)

Владимир Михайлович Крюков родился в 1949 году на севере Томской области. Окончил историко-филологический факультет Томского университета. Работал учителем в сельских школах, в школе зоны строгого режима, в газетах Томска.

Автор нескольких сборников стихов, книг прозы и книги воспоминаний «Заметки о нашем времени». Печатался в журналах «Звезда», «Знамя», «Москва», «День и ночь», в русскоязычных альманахах Германии, польском альманахе «Aspekty». Член Союза российских писателей с 1998 г. В 2007–2017 гг. — председатель Томского регионального отделения СРП. Живёт в с. Тимирязевском под Томском.

DESENZANO DEL GARDA

Теперь, когда чудесная, небывалая эта поездка всё дальше отступает от меня во времени, воспоминания располагаются как-то прихотливо, не в той очередности, последовательности. И что-то вдруг приобретает особость, значимость. Как тот обычный день в итальянском городке Дезенцано. Смогу ли я объяснить самому себе, чем же сейчас он выделился из череды тех дней.

И не сказать, что городок этот затерян или как-то укромно упрятан. Туда и обратно курсируют скоростные поезда «Дезенцано—Венеция». Мы, собственно, и приехали сюда прикинуть по расписанию, не отправиться ли нам в Венецию поездом. Прикинули — и решили, что поедем на машине.

Вышли на пустую привокзальную площадь. На рекламных щитах город был представлен в числе курортов, опоясывающих озеро Гарда. В четырнадцатом столетии он вошёл в состав Венецианской республики и сразу стал популярным местом отдыха для её граждан. И это предназначение сохранил до сих пор. Нам просто повезло. Наш приезд сюда в середине марта счастливо не совпал с сезоном туристического нашествия.

Мы пошли побродить. Обычные жилые кварталы с двухэтажными, иногда в три этажа домами. Пересекли широкую улицу, на ней попадались редкие автомобили. А потом без сопровождающих и экскурсовода мы вдруг вышли к величественным руинам римской виллы. Теперь-то я знаю, что раскопавшие это сооружение археологи датируют его примерно четвёртым веком до нашей эры. Внизу, поодаль — озёрная гладь и ближе — черепичные крыши домов. Неужели когда-то с этой террасы люди времён Римской империи смотрели на озеро, и им открывался такой же замечательный вид. Да, конечно, так оно и было: они получше нас умели видеть и ценить красоту, потому и возвели здесь эту виллу.

Я без труда увидел рядом полные достоинства фигуры древних римлян, многократно явленные нам в голливудских и европейских кинолентах. Прошедшие, как сейчас говорят, кастинг на благородство облика, они приветствовали друг друга наклоном головы и вполголоса обменивались репликами. Один говорил, например: «Dumsp ro, sp ro» (Пока дышу, надеюсь), типа нашего — надежда умирает последней. Другой мог произнести: «Omnia mea mecum porto»(Всё своё ношу с со-

бой), типа главное богатство — духовное, а оно всегда при себе. Ну или совсем расхожее: «Per aspera ad astra» (Через тернии — к звёздам). Было время, я знал до полусотни звучных крылатых фраз по латыни. И посейчас что-то помню и люблю эту их точность и краткость. Ничего лишнего, как вот здесь: камень и вода.

И я вспомнил аудиторию нашего университетского корпуса, где проходили занятия по латинскому языку. Вспомнил сурового на вид преподавателя Григория Митрофановича Шатрова. Как я напрягался, когда после звонка, сидя за учебным столом, слышал поскрипывание его костылей в коридоре. Мне напоминало это тяжёлую поступь рока из тех же античных трагедий, неизбежную расплату непонятно за что. Мне казалось, что освоить этот мёртвый язык выше моих сил, но строгий учитель не давал спуску, и — чудо! — я полюбил латынь и удостоился похвал скупого на высокие оценки преподавателя. И костыли теперь поскрипывали мирно, как обычное подспорье для отказавших ног. Но боже мой, могло ли мне в ту пору прийти в голову, что я когда-нибудь буду стоять близ этих стен запредельного возраста, помнящих тот язык живым, разговорным! Я не могу, к сожалению, рассказать об этом Григорию Митрофановичу, он давно упокоился в нашей сибирской земле. Утешает одно: после окончания вуза при случайной встрече я сказал ему спасибо за науку, и он улыбнулся в ответ.

Здесь и сейчас припомнился Блок:

А виноградные пустыни,
Дома и люди — всё гроба.
Лишь медь торжественной латыни
Поёт на плитах, как труба.

Так же красиво и торжественно, как сама латынь...

Мы спустились вниз к небольшой бухте, где плотно друг к другу стояли катера, лодки и лодочки разных

Лодочный причал в Дезенцано

расцветок с тентами и без них. Дальше простиралось это громадное озеро, чуть ли не море. По крайней мере, вода его голубела вполне по-морскому, и дальний берег укрывала лёгкая дымка.

Как сообщает интернет, Гарда — самое большое озеро Италии, расположенное вблизи южного подножья Альп в котловине ледниково-тектонического происхождения. Обрамляющие озеро могучие склоны альпийских гор кое-где поднимаются на две тысячи метров. Гарда упрятана от холодных ветров, в прибрежной зоне — мягкий климат и пышная, сочная средиземноморская зелень. Горный заслон обеспечивает в этом озёрном краю прекрасную безветренную погоду.

Понятно, что по берегам выросли многочисленные курортные городки, и мы на днях побывали в одном из них. Городок Сирмионе расположился на длинном и узком полуострове в южной части озера. Древний форт с основательными зубчатыми стенами из серого камня

стоит прямо на побережье. Его возвели в XIII веке для защиты порта со стороны озера. Сейчас беззащитная крепость круглый день оккупируется туристами. Их много, и среди них непременно будут японцы с фотоаппаратами. По их просьбе я зафиксировал на долгую память небольшую их компанию близ моста на тяжёлых цепях, готового при появлении врага обратиться в часть неприступной стены. На улицах Сирмионе — магазины и магазинчики, лавки и лавчонки, торговые ряды под тентами. И люди, люди, разная речь. Невольно и мы вписались в эту суетную толпу, в это броуновское, как говорили в школе, движение.

И вот сейчас я смотрю с противоположного берега Гарды и думаю, что и сегодня там такое же многолюдье, та же подчинённость общему, будто запрограммированному перемещению. А здесь, в Дезенцано-дель-Гарда, я стою, странно замороженный этим видом на озеро, на это гладкое громадное зеркало.

Я вообще могу бесконечно долго быть у воды.

Утро вошло в полную силу и уже вполне переходило в день, но на этой набережной было безлюдно, и никто при нас не сел в лодку и не отчалил. И показалось, что пригрезившиеся древние римляне только и населяют эти места, представляются реальнее тех живых итальянцев, встречаемых во время нашего путешествия. Тех, что были просто носителями определённых функций: на бензозаправке или в супермаркете за кассой.

Нет, это, наверное, не вся правда.

В местечке Polpenazzo, где мы обосновались и откуда совершали автомобильные вылазки, мы хоть как-то узнали местных людей. Ну ладно, две дамы средних лет, сдавшие нам домик (почему бы не сказать — виллу?), появились и исчезли до дня нашего отбытия. Но в магазинчике, куда мы заходили в течение тех пяти итальянских дней, нам уже приветливо, как хорошим знакомым, улыбалась молодая женщина по имени Ан-

тонелла. И мы говорили ей в зависимости от времени суток «Буонджорно» или «Буона сера» или просто «чао». И, конечно, «грации» после каждой покупки. Невеликий наш набор слов вполне устраивал хозяев лавочки. Хозяин был сдержаннее, Антонелла — сердечнее.

Помню, как в первое итальянское утро мы вышли из дома, из той самой небольшой виллы, где остановились уже поздним вечером. Процокал на коне мальчишка, засмеялся на наши фотоаппараты, снимающие его. Мы смотрели ему вослед. Удивительно длинный, чисто вымытый и прочёсанный хвост его лошади. Вокруг кипарисы, пальмы. И тепло, разлитое в чистом воздухе. Как будто не было вчерашнего снежного ужаса в Альпах.

Там, в Швейцарии, на нашем пути возникли знаменитые автомобильные туннели, о которых я немного слышал. Живое впечатление оказалось сильнее. Длина этих пробитых в скалах дорог измеряется многими километрами. Перед одним из них, особенно долгим — тридцатикилометровым — Юра вспомнил, как Матиас (муж его дочери Тани) говорил ему: «Въезжаешь зимой, а выезжаешь почти в лето». Но это был не наш случай. Всё было ровно наоборот. Мы покинули темноту туннеля и выскочили в спящий белый мир.

Снег, как у Пушкина в «Капитанской дочке», густо валил большими хлопьями, закрывая видимость. Машины шли осторожно, уже в снежной каше, в слякоти. Мы продвигались почти на ощупь, медленно, с остановками. Красивый пушистый снег просто обволакивал нас со всех сторон, победно реял, и конца ему не было. Не было, казалось, предела этой щедрости небес. И всё-таки через какое-то время стало не так беспросветно.

Но час от часу не легче: нам предстояло форсировать долгий пологий подъём. Многие водители пасовали. Их машины стояли в ожидании технической помощи, либо сползали вниз и прижимались к обочине.

Некоторые асы — их было наперечёт — вытаскивали из багажника цепи и прилаживали к колёсам. Видимо, они были не новичками в этих местах и привыкли к таким капризам погоды. Юра принял вызов судьбы. После недолгой остановки (я понял, она нужна была ему для того, чтобы сосредоточиться) машина наша стартовала и пошла в гору, набирая скорость. Я видел, что Юра предельно внимателен, не притормаживает и не переключает скоростей. Состояние моего водителя передалось и мне. Знаете, как это бывает: от тебя не требуется никаких усилий, никакого соучастия, но мышцы непроизвольно напрягаются, и ты вкладываешь это напряжение в работу механизма, помогаешь ему. Впереди шли моторы двух-трёх смельчаков. Вне времени тянулся этот невероятной продолжительности подъём. И все мы успешно преодолели испытание. Уже на съезде в долину Юра расслабился и благодушно пошутил: «Они не знают, как у нас в Сибири после дождя или по весне надо карабкаться на размытые косогоры. Посмотрел бы я там на них». И, помолчав, добавил, отдавая должное мастерству и мужеству участников автопробега: «Хорошо шли ребята. Немного боялся, как бы кого не потащило вниз. Но потом я в них поверил»...

Чисто и ясно было в это утро кругом. Мягко проступала в солнечной мгле снежная вершина большой горы. Всё это вчера было скрыто вечерним туманом. И в жизни так: однажды, в один прекрасный день, тебе откроется до того не замечаемое в человеке. Вот так и с Юрой в этом альпийском экстриме. Я, конечно, давно знал моего товарища. Сначала он был моим учеником в сельской школе. Потом стал гражданином Германии. Потом выписал меня в гости и решил вот так подробно прокатить — через Швейцарию в Италию. Я полагал, что всё в Европе проходит как простая комфортная прогулка. А тут — нечто невообразимое. И Юра без всякого показного героизма явил лучшие качества водителя и человека.

Я долго стоял на берегу Гарды, и Юра меня никуда не торопил.

Чуть ли не к самой набережной выходили одно-, двухэтажные строения, в основном магазинчики и кафешки.

И, повернув носы по запаху кофе, мы оказались прямо у двери и вошли. Хозяин, достойный господин средних лет и высокого роста, повернулся к нам в спокойном ожидании. Мы показали на пальцах: два кофе. Вскоре он поставил перед нами маленькие чашки. И всё было замечательно: и вкус, и запах.

Потом мы шли по кривой узкой улочке вверх. Вот тогда мне и подумалось, что я хотел бы прожить тут несколько дней, и, может быть, каждое утро совершать такую прогулку. Сначала вниз — к воде, а потом — после чашки кофе — вверх, в городок.

И вот так же сидеть, как мы сейчас на Via Giuseppe Garibaldi, за столиком у стены заведения, имя которого BarallaFontana. Сидеть, глядя на несуетную жизнь маленькой площади, которая была прямо перед нами, через дорогу. Эту площадь пересекали люди, как мне показалось, преимущественно зрелого возраста, потому шли они не спеша, были погружены в себя. Но вот и молодая мама с коляской. Она даже присела на несколько минут на скамейку, младенец, видимо, спал.

Мы тоже никуда не спешили. Как помню, в те минуты меня ничто не занимало, никакие мысли или переживания. Это было просто погружение в медленно текущее или даже притормозившее время. Ничего я не хотел специально запомнить, но оттого, видимо, и запомнилось и осталось. Как-то забавно: сегодня это стало одним из самых трогательных воспоминаний из той поездки. Была ли в этот день какая-то особая погода? Нет, не сказать. Обычный мартовский день — прохладный, неяркий. А вот настроение случилось особое — какая-то лёгкость, абсолютная сво-

бода души и тела. Не оттого ли по-особому запомнился Дезенцано?

Я зашёл в бар и попросил повторить. И хозяйка, улыбаясь, показала, что поняла. Она вынесла нам на улицу ещё две чашки кофе и пакетики с сахаром: кладите по вкусу. Один из этих пакетиков оказался тогда не востребуемым, и я взял его на память. Он лежал у моего монитора больше года, напоминая надписью «VarallaFontana», сделанной каллиграфическим почерком, о таком же красивом городке.

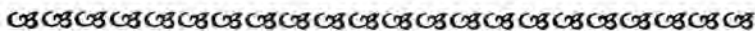
По приезде домой я рассказывал о том, что видел, и рассказывал немало. Но какие-то эпизоды, как вот этот, остались непроговорёнными, потому что там не было никакого сюжета или истории. Но ты навсегда в сердце, мой родной Дезенцано-дель-Гарда, древний и уютный городок на берегу очаровательного альпийского озера Гарда!

Постскрипtum

Рассказ был завершён. Затем, когда отлежался, переписан. И уже после того, читая биографию Франца Кафки (автор — Клод Давид), я вдруг натолкнулся на имя этого городка. 1913 год. Кажется, обозначился кризис в болезненных отношениях Кафки с Фелицей Бауэр. «Что делать, Фелица? Нам надо расстаться». Однако связь с ней будет продолжаться ещё четыре года.

В августе он пишет Фелице: «...это страх, непреодолимый страх перед возможностью быть счастливым». Кафка едет из Венеции в Верону, затем направляется на озеро Гарда. И вот он — городок Дезенцано. Именно здесь Франц делает в своём дневнике несколько записей, исполненных глубокого отчаяния. «Мое единственное ощущение счастья заключается в том, что никто не знает, где я нахожусь. Если бы я смог найти возможность, чтобы это длилось вечно! Это было бы гораздо более справедливо, чем смерть. Я опустошен и лишен смысла во всех уголках моего существа, даже в чувстве моего несчастья...»

Я отложил книгу и смотрел в окно. Передо мной над соснами моего родного сибирского посёлка простиралось небо, такое же синее, как тогда в Дезенцано. И такое же небо мог видеть там над собой сто лет назад несчастный Франц Кафка.

ТАТЬЯНА ЛАПИНСКАЯ (Белгород)

Татьяна Лапинская (Татьяна Ивановна Дубинина) родилась в Киеве в 1966 г. Автор четырёх поэтических сборников. Редактор газеты «Активный пенсионер».

УТРО РОЖДАЕТСЯ

МЕЧТА О КОКТЕБЕЛЕ ИЛИ КУПИ РАКУШКУ

На столе разложены камни. Каждый неповторимый. Они украдены были у разных морей и стран.

Всё для того, чтобы тешить мою капризную память, о том, как ласкает, нежит, поёт мировой океан.

Рядом кружка для денег, большая железная кружка, полна рублей и копеек, тяжело, приятно звенит.

Всё для того, чтобы снова к тебе, Коктебель, приехать, и чтобы камень волшебный тайком положить в карман.

А пена морская взбита, как кружево перед балом, её срывает со шляпкой, теряет среди песков.

Бальзаковской стала Лолита, но так же непобедима её бесшабашная вера в защиту тёплых носов.

«Да ладно!» — кричит надрывно солёное, горькое солнце. Оно никого не жалеет, упорно лезет в зенит.

Оно разметало руки. А я раскрываю душу навстречу морю, и ветру, и росчерку облаков.

Пахнет горячим хлебом и кукурузой печёной, на скалах тонкая тропка и нежный кизила куст.

Как ни ищи — напрасно! Временем обречённый, здравствуй, дружок-искатель — наивный и милый Пруст.

Шедевры архитектуры похожи на те же камни. Жёлто-белый песчаник ракушками блестит.

Я оглянулась, и солью стали мои виденья: с ладони летят песчинки, карман по-прежнему пуст.

ДИАГНОЗ КОШКИ

У неё в кармане фисташки
и восторгов вагон с лукошком,
от горячей любви мурашки...
У меня от мужчин — кошки.

Кто-то жить мечтает красиво,
у кого-то брильянты с ложку,
у кого-то яхты и виллы.
У меня от мужчин — кошки.

Придержите грубые фразы,
нынче скатертью вам дорожка.
У кого-то фингал под глазом,
У меня от мужчин — кошки.

Пролетают годы лихие,
и бывает грустно немножко:
на цветы у меня аллергия,
На мужчин у меня — кошки.

РОЖДЕНИЕ АВРОРЫ

*Вам кофе с сахаром, с молоком?
Мне со счастьем. Уж очень хочется.*

О. Кныш

Кофе с корицей,
Кусочками — маслице,
Сыр кружевами — тоненький-тоненький...

Это вне времени.
Это вне матрицы.
Это вне счастья
И это вне совести.

Точка в пространстве
Самая важная,
Чтоб не моргать,
Погружаясь в новости...

Это вне времени.
Это вне матрицы.
Это вне счастья
И это вне совести.

Тихо и бережно
Солнце на ложечке
К сонным губам
При отсутствии скорости...

Это вне времени.
Это вне матрицы.
Это вне счастья
И это вне совести.

Робко, блаженно,
С виной неизбывною
Утро рождается чашкой на столике —

Кофе с корицей,
Кусочками — маслице,
Сыр кружевами — тоненький-тоненький...

УТРО АНТИПЫ

Ты меня извини,
Ну, какая я, к чёрту, жена?!
Я — роса.
Я — заря.
Я — в кромешном аду Персефона.
Я — улитка на Фудзи.
Стена в Зазеркалии —я.
Я — погибшая бабочка
в недрах цветного плафона.

Я не завтрак готовлю, а сердце на блюде несю.
И оно, как Предтеча в изящных руках Саломеи,
умирает, последним дыханьем взывая к Отцу...

Жду смиренно Мессию,
Раз ты воскрешать не умеешь.

ВОРОНЬЕ РЕВНИВОЕ

Тебя полюбили куклы мои и кошки,
тебя полюбили соседи мои и дети...
И, знаешь, мне досадно, совсем немножко,
что я для тебя не единственная на свете.

В твоём телефоне женских имён, ну прорва!
И к ним ласкательный суффикс ловко привешен,
как будто для каждой бутылки личная пробка.
Я среди них — незаметнейшая из женщин.

Но знай, это я твой сон охраняю чутко,
как птица ворон. Клади мне на крылья руку.

Мы полетим, разрывая года минутой,
а утром вернёмся... И кошки тому порукой.
И куклы, и дети, и даже соседи — все вместе.
Тебя все любят и это невыносимо...

Я в горле храню громкое «Кар» как песню,
как слово — камень. Одно. Для тебя. Любимый.

РУСАЛОЧЬЕ

На Иванов день не спасись,
На Иванов день без креста.
Что мне делать? Хоть утопись,
Но веноч плывёт не туда.

Не к тому плывёт, кто богат,
Не к тому, кто мил и хорош,
Он плывёт, и не виноват,
В руки, где навек пропадёшь.

Ты лихой разбойник и тать,
Но в глазах ночует заря.
Не указ отец мне и мать,
Загубила жизнь свою зря.

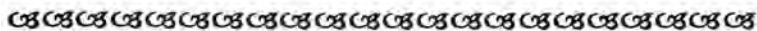
Загубила — сладко пила,
Загубила — жарко в ночи,
Закусил мой конь удила,
А теперь кричи не кричи...

Ты натешил душу и плоть,
На травинки сердце иссёк.
На Купалу буду полоть
Папоротник — редкий цветок.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ БОГА

Зачем в мои окна бьются летучие мыши?
Зачем мои кошки плачут, как будто дети?
Я наступаю на телефон. Выше
надо тянуть носок! Но в окошко светит
Луна. Она набирает сегодня в талии.
Она беременна, скоро станет заметно.
А я ещё никогда не была в Италии.
Но уже похудела — значит, скоро поеду.
Ты, конечно, я чую кожей, сегодня выпил.
А впрочем, это уже ничего не значит.
Когда на велике вдруг пропускает ниппель,
иду пешком или так и живу на даче.
И думаю, что променяю Рим и Сорренто
на Париж и Лион... ну, или хотя бы Киев.
Я люблю каштаны (таких в Черноземье нету, —
жаренных в сахаре.
А говорят, что были).

Дрожали круглые листья ольхи как блики
на тёмной воде, а звёзды крутили зуммер...
Ведь ты никогда не врал мне, мой бог много-
ликий.
А сегодня соврал.
Я знаю.
Соврал и умер.

СЕРГЕЙ МАМАЕВ
(с. Рождествено Истринского района
Московской области)

Сергей Юрьевич Мамаев родился в 1986 году в селе Рождествено Истринского района Московской области, где проживает и поныне. Окончил Московский авиационный институт и Московский государственный областной университет. Учредитель и руководитель музея «Усадьба Рождествено» (на базе православной школы «Рождество»). Краевед, писатель, автор шести книг об истории селений городского округа Истра Московской области. Дипломант литературной премии имени Пришвина, лауреат премии губернатора «Наше Подмосковье», член Союза российских писателей.

ПОТАЕННОЕ СУДНО ЕФИМА НИКОНОВА

Одиннадцать лет назад, 29 июля 2007 года в посёлке Пионерский (бывшее село Покровское-Рубцово) был открыт памятник уроженцу села, талантливому изобретателю и самородку Ефиму Прокофьевичу Никонову. С давних пор умы военных мореплавателей занимала

идея тайных диверсий против неприятеля. Снаряжение для боевых пловцов, которые могли бы тайно подобраться к боевому кораблю противника и нанести ему повреждения или затопить, разрабатывал ещё Леонардо да Винчи. Но создать прообраз первой в мире боевой подводной лодки удалось не всемирно известному учёному-энциклопедисту, а простому деревенскому плотнику из села Покровское-Рубцово...

Сельцо Рубцово, получившее позднее по храму Покрова Пресвятой Богородицы двойное название, впервые упоминается в 1580 году. В 1656 году в нескольких вёрстах от села патриарх Никон основал известный на всю страну Ново-Иерусалимский монастырь. Для строительства его были созваны лучшие ремесленники, в том числе и известные плотницких дел мастера с Валдая. Видимо, их школу и прошёл родившийся в 1690 году в Покровском-Рубцове крестьянин Ефим, сын Прокофьев, ставший первоклассным плотником. При прохождении службы в рекрутах он был определён для работы на верфях, где строились военные корабли. Именно тогда у него и зародилась идея о создании «потаенного судна» для уничтожения вражеских кораблей.

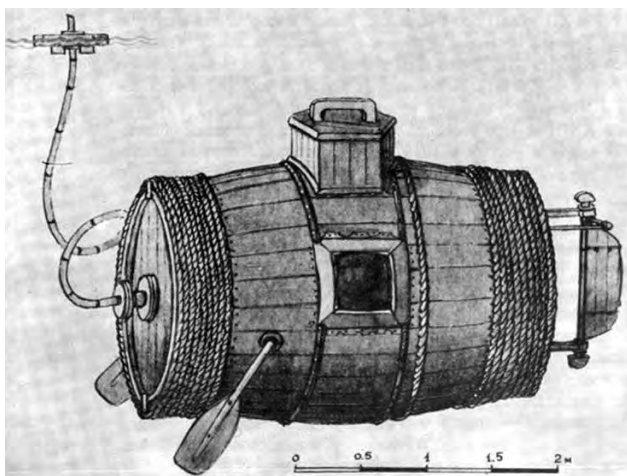
Ефим Прокофьев был малограмотен, «умел начертать только имя свое», и поэтому в 1718 году за мзду небольшую» продиктовал стряпчему челобитную на имя царя Петра I, но ответа из Санкт-Петербурга не последовало. Тогда через год была отправлена вторая челобитная того же содержания. В ней, в частности, крестьянин сообщал, что сделает «к военному случаю на неприятелей угодное судно, которым в море в тихое время будет из снаряду разбивать корабли, хоть бы десять или двадцать и для пробы тому судну учинит образец». В том же письме было сказано, что судно «будет ходить в воде потаенно».

В 1719 году английский флот переместился в Балтийское море. Объединённая шведско-английская ар-

мада заслонила от русского флота Стокгольм. Логика противоборства требовала неординарных тактических решений. И тут к месту пришло предложение подмосковного крестьянина. А может, вспомнил император и работы англичанина Ван-Дребеля, который построил в 1620 году подводную лодку на восемь пассажиров и двенадцать гребцов. Но английская лодка не была военным судном, в отличие от судна Ефима Прокофьева, который предложил скрытно плавать под водой и наносить огневые удары по днищам кораблей противника из-под воды с целью их потопления.

В Покровском никто не верил, что царь проявит внимание к полубезумной идее обыкновенного подневольного плотника, но, получив письмо, примерно через полгода Пётр I на него ответил. Едва ознакомившись с описанием проекта, император понял: скромный деревенский мужик, «крещеная собственность» думного боярина Нащокина, обещает ему, по сути, господство на море. Ефима вызвали в столицу, в Адмиралтейскую контору. Как челобитчик он вначале попал на ознакомительную беседу к шефу розыскных дел Тайной канцелярии Андрею Ивановичу Ушакову. После беседы с ним изобретателя 13 января 1720 года представили Петру, который пожелал разговаривать с крепостным один на один, доподлинное содержание разговора неизвестно. Сообщалось лишь, что на втором часу разговора Пётр велел подать в кабинет бумагу и чертёжный инструмент, а завершив беседу, распорядился угостить гостя горячительным и щедро одарил. Понятно, что это был не просто доклад, а разговор двух мастеров кораблестроения.

После встречи с государём первоначальный замысел Ефима Прокофьева претерпел ряд существенных изменений. Во-первых, отказались от пушек на «потанном судне», так как доски, сквозь которые проходило жерло орудия и к которым оно плотно крепилось, при

Потаенное судно Ефима Никонова

первом же выстреле были бы разрушены. Во-вторых, члены экипажа судна получали смежную специальность: лёгкий водолаз, каковая практикуется на подводных лодках и поныне. С водолазным делом молодой российский флот был уже достаточно знаком, а в 1718 году русские водолазы провели первую крупную операцию — извлекли припасы и деньги с затопленного от удара молнии боевого корабля «Нарва». Позднее и сам корабль подняли со дна.

Уверовав в реальность проекта, царь приказал крестьянину никому этой идеи не разглашать и, «таясь чужого глаза», немедленно приступить к делу. Сначала Пётр решил построить судно «не в такую меру, которым бы в море подойти под корабль, но ради показания и в реке испытания». Адмиралтейств-коллегия 31 января (11 февраля) 1720 года выслушала сообщение Петра I о «потаенном судне» и оформила указ: «Крестьянина Ефима Никонова отослать в контору генерал-майора Головина велеть образцовое судно делать, а что к тому делу надобно лесов и мастеровых людей по требованию

Памятник Ефиму Никонову
в посёлке Пионерский городского округа Истра

оного крестьянина Никонова отправлять из помянутой конторы, а припасов по его же требованию из конторы Адмиралтейских дел. Денежное жалование с начала его работы давать по три алтына, две деньги в день и ныне в зачет выдать пять рублей».

Ефима Прокофьева взял под свою жёсткую опеку Андрей Иванович Ушаков и сразу объяснил, что тот под страхом смерти никому, ничего и никогда не должен рассказывать о содержании беседы с государём. Сполна это относилось и к делу, которым Никонову предстояло заниматься на верфи. Ефим Прокофьев, ставший указом императора мастером потаенных судов, оказался на Галерной верфи в Обер-Сарвайерской конторе генерал-майора Михаила Ивановича Головина. На этих «жер-

новах Петровых» судьбоносное имя патриарха Никона обернулось для его удивительного земляка и фамилией, и кличкой, и паролем. Ёмкое слово разом предупредило встречного, что этот энергичный молодой человек родом из «осененных крестом патриарха мест». В помощь себе Никонов подобрал на судоверфях Санкт-Петербурга десяток лучших мастеров-плотников.

Необычно выглядела закладка «потаенного судна» на верфи. Поскольку объект был секретным, стапель для модели подводного судна соорудили внутри большого сарая, полностью скрыв его от посторонних глаз. Уменьшённую модель «потаенного судна» заложили 3 марта 1720 года, назвать решили именно так — «Модель». Но на закладной доске почему-то оказалось каллиграфически выведено «Морель». Под этим загадочным именем деревянное судно, похожее на бочку, испытывалось и доводилось до ума в течение нескольких лет.

В архиве, в фонде Обер-Сарвайерской конторы, сохранилось дело «О строении села Покровского крестьянином Ефимом Прокофьевым потаенного судна модели и об отпуске на строение лесов, разных припасов и материалов». Выборочный их перечень и количественные характеристики дают возможность отследить и реконструировать размеры подводного судна, восстановить принцип работы и эксплуатацию системы погружения и всплытия. Известно, что после утверждения малой смотровой модели бондарь изготовил прочный корпус в виде бочки длиной 17 футов (5185 мм) и диаметром семь футов (2135 мм). Интересен тот факт, что император Пётр I принимал непосредственное участие в постройке судна, давал указания и предлагал технические решения. Поэтому первую русскую субмарину можно рассматривать как совместный проект Петра I и Никонова.

Сохранились любопытные документы, дающие некоторые представления о том, как проходила постройка

сначала модели, а затем и самого «потаенного судна». Ефим Никонов периодически требовал «отпустить к строению» самые разнообразные материалы. Речь шла то о дубовых бочонках, то о парусах «для накрывания», то о слюдяных свечах и фонарях, то о жестяных трубах и так далее. В одном из «доношений», написанных по просьбе и от имени Никонова, говорилось: «Я ону модель в совершенство, что подлежит, привел, а ныне у меня остановка учинилась в оловянных досках, на которых подлежит провертеть по моему размеру пять тысяч дыр, о которых досках я подавал доношение наперед сего. И то мое прежде поданное доношение по сие время не отправлено. Того ради всепокорно прошу дабы указом царского величества повелено было на оных досках провертеть пять тысяч дыр, а ежели не будут проверчены, чтоб нас того не взыскалось».

Эти десять оловянных досок с пятью тысячами отверстий тоньше волоса в каждой нужны были для устройства системы погружения и всплытия. При открытии вентиля забортная вода поступала в специальную балластную ёмкость-цистерну через отверстия в оловянных досках, которые позволяли производить заполнение с умеренной скоростью и равномерно по всей длине. Лодка, будучи под водой во взвешенном состоянии, совершала движения при помощи вёсел. Затем при откачивании воды отливной помпой лодка облегчалась и всплывала. Наблюдение за моментом прохождения уреза воды велось через иллюминаторы. Освещалось судно внутри двумя светильниками со свечами, один освещал носовой тупик, другой — кормовой. На освещение в период испытаний было отпущено 50 свечей.

Работы по строительству модели «потаенного судна» закончились в марте 1721 года. Первые испытания состоялись летом того же года в присутствии царя. Никонов являлся командиром экипажа из четырёх человек и под его руководством осуществлялись пробные по-

гружения. Подробно об этом написал в своём очерке, опубликованном в 2010 году в краеведческом сборнике «Покровское-Рубцово», писатель Михаил Викторович Мосалев: «Испытания было решено провести незаметно — под шум «закладочного карнавала». Состав команды из четырёх человек был обусловлен размерами корабля и устройством системы погружения и всплытия. Сам Ефим Никонов, четвёртый член экипажа, совмещал в одном лице обязанности командира и механика. Модель спустили на воду, загрузили мешки с балластом, приняли воду в цистерну, опробовали работу механизмов и убедились в отсутствии течи. Государь прибыл к подъёму флага. Загремел орудийный салют. Отдали швартовы. «Морель» закачалась на свободной волне. Экипаж заработал вёслами, и судно отошло к середине реки на глубокое место. По пушечному сигналу Никонов закрыл рубочный люк. Корабль начал медленно погружаться в воду. Под урез воды ушла мачта. Вновь выстрел. «Морель» показалась у другого берега. Люк открылся и Никонов с улыбкой замахал рукой. Выстрел. Вскоре субмарина всплыла почти у входа в Галерную верфь. Выстрел. Подлодка вновь исчезла с поверхности. Затем выстрел следовал за выстрелом, но тщетно. «Морель» не всплывала. Император приказал шлюпке сопровождения причалить к берегу, конец каната с неё завели на барабан, и государь первым налёг на крест рычагов. Скоро мокрые подводники уже стояли на скользкой палубе. Все с облегчением приняли по чарке». Оказалось, что через кожаные уплотнения вёсел вода стала поступать внутрь, и судно уже не смогло всплыть самостоятельно.

Пётр I за спасёнными никакой вины не признал, испытания оценил как убедительные и повелел Никонову строить судно «полного корпуса», которое и было заложено на той же верфи в августе 1721 года. Корпус «по-таенного судна» полного профиля, который изготовили

следом за опытной моделью, был устроен сложнее. Он состоял из 17-футового жилого рабочего отсека и дополнительного шлюзового отсека длиной в три фута (915 мм), через который водолаз выходил из аппарата и возвращался обратно без всплытия судна. Значительность изобретения Ефима Никонова дополняется его предложением применить водолазный костюм, являющийся прообразом современного водолазного скафандра. Изобретатель предусматривал возможность выхода людей в таких костюмах из судна в подводном положении для разрушения днища неприятельского корабля. «Для ходу в воде, — докладывал Никонов, — надлежит сделать на каждого человека из кож по два камзола со штанами, да на голову по обшитому или обитому кожей деревянному бочонку с окошками против глаз». Скважины и отверстия должны быть «убиты» свинцом, к спине должен быть прикреплён груз со свинцом или песком. Для работ «по провертке» и «зажиганию» кораблей водолаз должен был иметь особые инструменты, опись которых прилагалась к проекту. Воздух же в костюм должен был подаваться с подводного судна через специальный шланг.

Изобретением водолазного костюма особенно интересовался император. Он несколько раз лично присутствовал на испытаниях костюма на Галерном дворе. По просьбе Никонова каждому выходящему в море подводнику-испытателю изготовили собственное штатное водолазное снаряжение из воловьей и овечьей кожи, пропитанной смесью воска и животного жира. Кроме основного комплекта предусматривался и запасной. Водолаз после возвращения в отсек мог переодеться в сухую одежду и в комфортабельных условиях ожидать следующей боевой задачи. По тем временам хождение под водой представляло для людей фантастическое зрелище. Но преемники Петра I не сумели оценить идей изобретателя, далее опытных образцов подводных скафандров дело не пошло.

Авторитет таинственного Никонова и причастных к делу Ушакова и Головина шёл в гору. Наличие готовых образцов подводного оружия вызывало у потенциального противника серьёзные опасения. «Потаенное судно» Никонова было полезно уже одним только этим фактом. Но судно строилось, и в том же 1721 году родилась идея вооружить его «огненными трубами». Именно с этого времени судно Ефима Никонова стало называться «потаенным огненным судном». В журнале Адмиралтейств-коллегии от 13 августа 1724 года сохранилась следующая запись: «В главную артиллерию послать промеморию и требовать, дабы к «потаенному судну» десять труб медных велено было порохом начинить и селитрою вымазать от той артиллерии».

Спуск судна на воду состоялся осенью 1724 года. Тотчас начались его испытания под руководством государя. На площадке испытаний присутствовали также ответственные чиновники адмиралтейства и адмиралы. Ефим Никонов отвесил всем поклон, перекрестился и спустился в люк своего «потаенного судна». Началось погружение лодки. Неожиданно для всех, в том числе и для Никонова, лодка быстро провалилась на глубину и от удара о грунт дала течь и стала наполняться водой. Пётр I лично организовал спасение изобретателя и его корабля. Веря в идею «потаенного судна», Пётр I объявил присутствующим, чтобы Ефиму Прокофьеву «никто конфуза в вину не ставил», подбодрил Никонова и приказал исправить повреждения, чтобы продолжить опыты.

Новых погружений император так и не увидел: осенью 1724 года Пётр I серьёзно заболел, а 25 января 1725 года — скончался. Ефим лишился своего покровителя. Ещё во время болезни царя чиновники Адмиралтейств-коллегии стали притеснять Никонова. В его адрес посыпались обвинения в перерасходе материалов и средств, а также требования ограничивать затраты на строитель-

ство и его сроки. В декабре 1724 года чиновники Адмиралтейств-коллегии приставили к мастеру солдата в качестве надсмотрщика, а материалы для постройки судна стали отпускать долго и неохотно. В апреле 1725 года состоялись повторные испытания, но снова при погружении обнаружилась протечка. После нового ремонта Никонов прямо заявил, что действовать так, как он сам обещал царю-батюшке, судно не сможет, ибо «оное сделано только для пробы, как дух переводить».

Последние испытания подводной лодки Ефима Никонова состоялись в 1727 году, но и они не дали положительных результатов. После этого у чиновников Адмиралтейств-коллегии интерес к продолжению опытов пропал. При Екатерине I ещё предпринимались некоторые попытки исправления «потаенного судна», но после её смерти Адмиралтейств-коллегия совершенно перестала интересоваться работами Никонова. Разочарованное исходом дела начальство приказало поместить «потаенное судно» в амбар под замок, подальше от «чужого глаза». Там оно хранилось многие годы, пока окончательно не сгнило.

Изобретателя же судна в январе 1728 года разжаловали из мастера в рядового плотника и отправили на Астраханскую верфь, где в это время строились корабли для Каспийской флотилии, «с прочими отправляющимися туда морскими и адмиралтейскими служителями под караулом». Дальнейшая судьба Ефима Никонова неизвестна. Никаких репрессий к нему не применили, хотя и обвинили в том, что «по подаче того своего прошения через десять лет не токмо такого судна, ниже модели к тому делу действительно сделать не мог, которое хотя и строил из адмиралтейских припасов и адмиралтейскими служителями и на строение тех судов употреблена из адмиралтейских доходов не малая сумма».

В течение восьми лет Ефим Прокофьевич Никонов упорно трудился над созданием подводного судна,

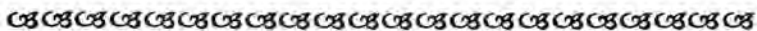
способного истреблять неприятельские корабли. В век деревянного судостроения простой крестьянин без технического образования взялся за постройку подводной лодки, которая должна была обладать большой прочностью и герметичностью. Эта задача при тогдашнем уровне техники была невыполнимой. Следует учесть и ту неблагоприятную обстановку, в которой протекала деятельность Никонова. Чиновники-иноземцы презрительно относились к крестьянину, а многие соотечественники, принимавшие участие в постройке судна, не верили изобретателю. Несмотря ни на что, Никонов показал себя настоящим патриотом и продолжал работу. Не его вина, что он не смог завершить её.

После этого долгие сто лет в России не производилось строительства каких-либо подводных судов. Тем не менее, интерес к подводному мореплаванию в обществе сохранялся. Свидетельством тому служат статьи, напечатанные в журнале «Московский телеграф» за 1825 год. В них помещён исторический обзор «Подводный корабль», подробно и со знанием дела рассказывающий о работах изобретателей подводных лодок, в том числе Фультона и Монжери. Репликой на этот обзор стала статья Берха в этом же журнале «Об изобретении подводных судов в России в 1719 году», явившаяся первым печатным трудом по истории русского подводного кораблестроения. Нет сомнения, что создатель первой в мире цельнометаллической подводной лодки Карл Андреевич Шильдер был знаком с разработками крестьянина Никонова вековой давности.

Благодаря ветеранам военно-морского флота, проживающим на истринской земле, создателя «потаенного судна» Ефима Прокофьевича Никонова помнят на родине, в подмосковном селе Покровское-Рубцово (ныне посёлок Пионерский городского округа Истра). В 2007 году усилиями ветеранов у Покровско-Рубцовой сельской библиотеки был установлен памятник,

надпись на котором гласит: «Изобретателю и строителю «потаенного судна» 1719-1728 годов (прообраза боевой подводной лодки) крестьянину сельца Покровское-Рубцово Ефиму Прокофьевичу Никонову». Автором монумента выступил молодой архитектор Виктор Викулов.

Ранее, основываясь на материалах архивного дела о строительстве «потаенного судна», автор книги «Откуда и что на флоте пошло», контр-адмирал Виктор Ананьевич Дыгало воссоздал проект Ефима Прокофьевича Никонова в виде рисунка, потому как оригинальных чертежей того времени в деле не сохранилось. По чертежу Дыгало около построенной Петропавловской церкви на берегу Сестрорецкого разлива (город Сестрорецк в окрестностях Санкт-Петербурга), на котором проходили первые испытания судна, в 2009 году был установлен памятник «потаенному судну» — «бочка Никонова» (как его ещё называют). Рядом с моделью лодки установили памятный камень с гравюрой и надписью под ней: «Испытание «потаенного судна» Ефима Никонова в присутствии Петра I, 1721 год».

ИГОРЬ МИХАЙЛОВ (Москва)

Игорь Михайлович Михайлов родился в 1963 году в Ленинграде. Окончил филфак МГПИ им. В.И. Ленина. Работал сторожем, дворником, социальным работником, грузчиком, журналистом в газетах (год — в «Московской правде»). С 2004 по 2008 гг. — в журнале «Литературная учёба». Ныне — редактор отдела прозы журнала «Юность». Автор двух книг и соавтор одной. Печатался в журналах «Дон», «Москва», «Нева», «Литературная учёба» и др., во многих газетах. Лауреат премий в номинации «Проза»: журнала «Литературная учёба» (2002 г.) и премии Валентина Катаева (2006 г.) Живёт в городе Жуковском Московской области.

SILENTIUM

Серенький крап дождя, тепло. Апрель сквозит в пустых рукавах разлапистых лип. Дорожки лёгкие и прозрачные, как сквозняки, текучи и неправдоподобны. И почти что нет их. Они угадываются. Почти на ощупь.

Ночью бродить по тёмным дорожкам парка всё равно что вскрывать вены. Невидимый, но где-то еле

слышимый плеск, тёмные силуэты лебедей, как из не-
здешней жизни. Из тамошней.

Лебедь ходит по траве в тёмных лапах, как аква-
лангист. А рядом сидит на яйцах лебедиха. Под взбитой,
словно перина, соломой рождается новая жизнь: гадкий
утёнок Андерсена.

В Овстуге!¹

В белой беседке ночью кажется, что ни тебя и ниче-
го больше нет. А чёрный лебедь, отражённый в зеркале
пруда, — негатив птицы Феникс.

На вершинах лип — чёрные пятна грачиных гнёзд,
как если бы раскисшая чёрная тушь расплылась по бу-
маге. Окаянные грачи начинают орать в полпятого утра.
И не орать, а противно кричать. Спать от этого крика не-
возможно. Лишь впадаешь в хлипкое забытьё, теряя со-
знание и просыпаясь, словно рождаешься вновь. Уже на сей
раз, видимо, Тютчевым. И в позапрошлом веке.

А утром в этом веке, у магазина «Продукты», на
улице, естественно, Тютчева, пьяный дворник Саша
торжественно и печально прожигает жизнь. Судя по
прочёске, Саша спит не раздеваясь. Он, выворачивая
пальцы, читает Есенина, Блока, Бродского, Твардов-
ского и Маяковского. А потом поёт: «Вези меня, извоз-
чик, по гулкой мостовой».

У Саши творческий запой. Куртка какого-то безза-
щитного цвета, а душа нараспашку. Он читает стихи,
забывая слова, перевирает, а потом говорит:

— А я ведь сидел!

Как бы отнёсся к этому Тютчев? Думаю — промол-
чал бы.

Памятник Тютчеву напоминает заляпанное гряз-
ными руками полотенце. Облик неуловим. Он — тайна.
Silentium!

— Саша, ну что же, что сидел, с кем не бывает, —
говорю, — зато тут никто, кроме тебя, не прочтёт Бло-

¹ Овстуг — родовое имение Ф.И. Тютчева.

ка и Бродского. А уж Твардовского и подавно. Василий Тёркин так же прочно забыт, как и его прототип из XX века.

А ведь — не сидели?! Может быть, и зря не сидели. Вон стройная девушка с велосипедом. Картина Саврасова. Она с велосипедом, словно одно целое.

В её глазах — ни Твардовского, ни Бродского, ни Тютчева. Поэтому она так красива!

— Да, — говорит Саша, — красива, но Твардовского не прочтёт. А сейчас у меня горит душа, понимаешь?

— Понимаю, Саша! Это химический процесс, называется: «Тютчев»!

— Понимаешь!!! А я, брат, пойду тушить пожар пивом «Колос» на одну блат-хату. — Стог соломы на его голове шепуршит прохладный апрельский ветер. В глазах — тусклый отсвет ночного пожара.

— Иди, — говорю. — Но возвращайся.

К Тютчеву!

И снова *silentium*.

Приходят неслышно, как смерть, сумерки. В сумерках, как Будда — каменный Тютчев. Чёрные лебеди на пруду высиживают новую жизнь. За оградой, в чёрной грачиной тьме ревёт раненным зверем машина, стреляют в белый свет, как в копеечку.

Белесый рассвет. И вот тут, на этом водоразделе, я вроде как Тютчев, а потом уже вроде бы и нет. Всего лишь — не Тютчев. И я иду пить водку и спать до полпятого. В полпятого начнётся кряканье. Грачи прилетели. Саврасов пьян. Поэтому они и кричат, как на базаре азербайджанцы, торгующие арбузами:

— Саврасов, Саврасов!

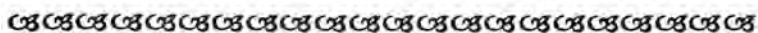
Весна, апрель. Достать красок и напрочь зарисовать, закрасить саврасовских грачей. Этих склочных птиц, которые ломают ветки и обляпали все дорожки. Это как-то не по-тютчевски.

Тютчев — птица Феникс!

Вечером выпускают борзых: Гюрзу и Стрелу. Они роют рядки и валяются в траве. Борзые из позапрошлого века, из барской усадьбы. Из чьей-то судьбы. А я — из будущего в прошедшем времени.

На втором этаже моей комнаты ночью снится Тютчев. Он весь в тёмном, словно лебедь. Он молчит. Молчу и я. Мы оба молчим. А что тут ещё скажешь?

Silentium!

НАТАЛЬЯ НИКОЛЕНКОВА (Барнаул)

Наталья Михайловна Николенкова родилась в Барнауле. Училась на филологическом факультете Алтайского государственного университета. Автор шести поэтических книг. Публиковалась в журналах «Знамя», «Смена», «Наш современник», «Арион», краевых газетах и журналах; в альманахах и коллективных сборниках. Лауреат краевой Демидовской премии в области литературы (1996 г.), победитель конкурса журнала «Барнаул литературный» в номинации «Мастер» (2010 г.), победитель краевого конкурса на издание литературных произведений (2014 г.) Член Союза российских писателей.

ДАВАЙ ЗАСАХАРИМ СУДЬБУ...

* * *

И в этих скудных декорациях,
Среди загаженных снегов,
Цветут роскошные акации
И для друзей, и для врагов.

И в этой жалобной провинции,
Где даже дети не смешны,
Идут по улицам провидцы
Благоухающей весны.

* * *

Это слишком тепло, чтоб надолго,
Слишком больно, чтоб стало больней,
Слишком даром, чтоб было дорого,
Слишком дорого, чтобы — мне,
Слишком всласть, чтоб пуститься по миру,
Слишком щедро, чтоб подарить,
Слишком вечно, чтоб вечно помнить,
Слишком глупо, чтоб повторить.

РАХАТ-ЛУКУМ

Давай устроим детский сад:
По подворотням обниматься,
Сюсюкать, гладить всё подряд,
Как будто нам опять двенадцать.

Давай забудем обо всём,
Что было, есть и окружает.
А если спросят — мы соврём
И спрячемся за гаражами.

Мы — в домике, нигде, не здесь,
Мы — привидения с мотором.
Плевать, что все, в ком зренье есть,
К своим прильнули мониторам.

Давай нарвём травы котам
И повалеемся на травке.
Потом заплатим по счетам,
Фальшивые сварганив справки.

Давай положим грудь на грудь,
А можно — голову на руки,
И мизансцена хоть чуть-чуть
Поможет в завтрашной разлуке.

Нахально будем пить вино,
Везде оставим отпечатки.
Твоё волшебное лицо
Впечатано в мою сетчатку.

Давай засахарим судьбу,
Чтоб целый день напропалую —
Рахат-лукум любимых губ
И сладких, сладких поцелуев.

* * *

Свете Тезовой

Отращу себе длинные волосы,
Стану сразу красивее всех.
Ты отправишься вечером к Жолосам,
Я поеду в какой-нибудь Н-ск.

Мы пройдемся заснеженной улочкой
С человеком, которого нет.
Он кулёмой и глупенькой дурочкой
Назовёт меня. Я пистолет
Не достану из маленькой сумочки
И не выстрелю в этот портрет.

Потому что любовь не кончается,
Потому что за каждым ребром
Тыща тысяч любовей вмещается,
Потому что золой и огнём,
Тёплым пеплом домашнего кладбища
Будут греть до последнего дня
Все любви — и эта, и та ещё —
И тебя, и меня.

* * *

Мне одинаково приятно
Смотреть на солнечные пятна,
Рисунок облаков невнятный
И первый осторожный снег.
Как золотая сигарета,
Сгорело праздничное лето.
Дочь вечерами учит Фета,
Мечтая совершить побег
Туда, где Фетом не пытаются,
Тепло, и бабочки летают.

* * *

Жить в словарях, в тетрадях ночевать,
В собраньях сочинений просыпаться —
А на обратном адресе писать
Квартиру, город, дом номер шестнадцать.

Жить-петь, влюбляться-лгать, мечтать-летать,
Как тот, в тумане, одинокий парус.
Жить-быть и, знаешь что — не умирать:
Ведь там теряет смысл обратный адрес.

* * *

Вино не может быть сухим,
Скинхэд не может быть патлатым.
А ослик должен быть худым,
Как написал Сергей Довлатов.

Полгорода прошла пешком
Моя разнеженная тушка.
Душа летела мотыльком.
Она должна летать, старушка!

Сегодня мир — такой цветной,
И люди, все подряд, красивы.

Любовь не может быть смешной,
Но, даже если так — спасибо!

* * *

В этом городе светло,
И каникулы в разгаре,
Чисто вымыто стекло,
Два букета в дортуаре.

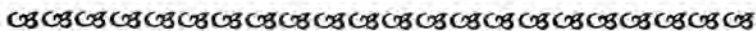
А ведь где-то — кавардак,
Слякоть, дойка и прополка,
Запустение и мрак,
Трёхлинейка и двустволка.

* * *

Мне нравятся вечерние бульвары,
Тугие толпы маленьких людей,
Дожди, не потушившие пожары
Простых эмоций и смешных идей,
Резной листок, упавший навзничь с дуба,
Кровавый росчерк после комара,
Живот и плечи, волосы и губы,
И прочая волшебная мура.

* * *

Я знаю бездомье, я знаю уют,
Я знаю, где в городе сидр продают,
Я знаю, как вечером жрут комары,
Как выиграть даже без правил игры,
Как выиграть без объявления войны,
Как мысли читать, заколдовывать сны,
Как жизнь обесточить, как душу спасти,
Как тело во времени перенести.
Я знаю, как «нет» превращается в «да»,
И как до воды называлась вода,
Как миг превращается в пепел и снег,
Кто будет последний живой человек.

НАДЕЖДА ПАПОРКОВА
(Рыбинск Ярославской области)

Автор двух книг стихов и ряда научных статей о классической и современной поэзии. Член Союза российских писателей.

...И ОЗАРЯЕТСЯ ТЁМНАЯ ТИШЬ

* * *

Брошенные в вечность города —
Тёмное и древнее пространство...
Тихих рек печальная вода,
Пасмурного неба постоянство.

Средняя, речная полоса.
Край дождей и ожиданий долгих.
Сказочные тёмные леса.
Крики чаек над волнами Волги.

Не летучесть южной красоты,
Не востока солнечная пряность...

Горних далее ровные черты,
Дольних линий сдержанность и прямоть.

В небо уходящие поля.
Бесконечность сонных бездорожий.
Бедная, любимая земля,
Как с тобою души наши схожи.

В них такой же тайный страх тепла —
И к теплу отчаянное рвенье.
Мы живём, как будто жизнь прошла,
Но вернулась на одно мгновенье...

* * *

Там на полке пылится Ян Райнис,
Там на сердце томится Шекспир...
И на этой печальной окраине
Тоже держится мир.

Это кажется, что он бескраен,
Что ему не до малых частей,
Что, распят между адом и раем,
Он не ждёт новостей...

Но любой уголок неприметен
Лишь настолько, насколько далёк
От экранных сверкающих сплетен
И грохочущих склок.

А прекрасен настолько, насколько
Сладок запах весенней земли,
И сиянье цветного осколка
Лучезарно в пыли.

* * *

О чём мечтают маленькие люди?
Не чеховские, нет, а просто дети,
Пока ещё не знающие, что же
Грядущий день готовит им во мгле...
О, несомненно, о великом чуде,
И чтоб на свете быть за всё в ответе,
Но так бесстрашны и сильны, быть может,
Бывают только дети на земле...

А вы скажите, разве плохо это?
Мне кажется, прекрасно и печально.
Мне кажется, всё так и говорилось
В той самой Книге, что до всех веков
Родилась в сердце первого Поэта,
Живущего на свете безначально,
И что бы в этом мире ни творилось,
Но этот мир по-прежнему таков.

Пока живём, мы всё равно мечтаем,
И астры звёзд, и вяжущий терновник,
И ярко-синий свод небес весенних,
И чистый холод снежных облаков —
В бесценной книге мы ещё читаем,
И век в тревогах наших — не виновник...
К чему тревоги, если в том спасенье,
Что этот мир по-прежнему таков...

О чём мечтают выросшие дети?
О том, чтоб их любили и такими.
Не мучили вопросом, где их крылья,
Не отпускали в холод, дождь и снег.
И не боялись быть за них в ответе,
А также не боялись их бессилья,
И помнили их ласковое имя,
Какой бы на дворе ни длился век...

* * *

— Дети, где вы? — Не ведаем сами,
Не в глаза и чужими глазами
Смотрим, как догорает закат.

Леонид Советников

С Рождеством Христовым. Тихий снег лучист.
Чистый лист — небесная земля.
Дети, где вы, кто вы? Солнца аметист
Отблески роняет на поля.

Как же мы мелькаем — тише и скорей,
Чем снежинки с неба в Рождество.
Авраам и Каин, Павел и Андрей,
Отблески от Слова Твоего.

Вечность и Античность, Ярославль, Ростов,
Китеж и Орда, Москва-Нева...
Цифр метафоричность или точность слов? —
В этом споре музыка права.

В этом дивном споре музыка жива,
Длится так ещё от Рождества.
И горит в небесном море синева,
И мерцают тихие слова.

И любима Богом бедная земля
Рая безвозвратней и нежней.
И в сиянье строгом, плача и моля,
Снежный ангел кружится над ней.

МОЛОГА

И если спросит кто: а что вам край,
Укрывшийся под сизыми волнами,
Являющийся, как забытый рай,
В тревожных снах, исполненных не с нами...

Зачем вам край, ушедший навсегда
Во тьму веков, на дно или на небо...
Пусть плещется высокая вода,
Пусть прибывают урожаи хлеба, —

Ответим: как ветвям плакучих ив
Незримая доверена утрата,
Так город наш печален и дождлив,
Всё о сестре тоскует сердце брата.

И грустных, и прекрасных деревень
Пустынная, лесная вереница
От слов пустых и страшных перемен
Уходит в небо — помниться и сниться.

И доживают старые дома
Свой тяжкий век, и уступают новым
Пространство, где почти всегда зима...
И чем спасёшься — хлебом или словом —

Не ведаешь... Но плачешь и поёшь,
И веришь в счастье, и любимых видишь...
А с неба дождь, и снег, и снова дождь...
Так о молитвах наших просит Китеж.

* * *

...в писателя с лицом библейского пророка,
В туриста-мудреца с печальным рюкзаком,
В учителя ИЗО, взирающего строго
На всех, кто весел, юн и с Босхом не знаком.

В серьёзного врача, в артиста драмтеатра,
В седого старика с газетою Анфас,
В студента МГУ, читающего Сартра,
В водителя такси, забывшего про нас.

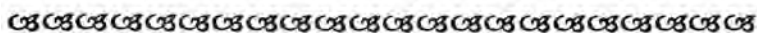
В кого-нибудь ещё, но только не в тебя же:
Самоубийство — грех, безумие — беда...
Как бы не так — в тебя. Здесь, на реке лебязьей —
Без памяти, до слёз, всем сердцем, навсегда.

* * *

Чайник свистит. Из окна — дуновенье.
Запоминаю улыбку твою.
И умоляю продлиться мгновенье,
И не хочу в темноту и забвенье.
О, сохрани меня в нашем раю.

В этом раю, где валяются вещи,
Не обижаясь нисколько на нас.
Где среди осени лето трепещет,
Где всё становится верным и вещим,
Где так неважен ни месяц, ни час.

Голос любимый так весел и светел,
И озаряется тёмная тишь.
В маленькой комнате — небо и ветер.
Это мне Бог на молитвы ответил.
Знал: только ты, только ты сохранишь...

ВЛАДИМИР ПЕНЬКОВ (Таллин, Эстония)

Владислав Александрович Пеньков живёт в Таллине. Автор трёх стихотворных сборников и публикаций в российской периодике («Знамя», «Нева» и др.) и за рубежом. Член Союза российских писателей.

ЗАРЫДАЮТ ИМПРЕССИОНИСТЫ...

ГОГЕН

1

Они медовые, медовые
телами, кожей и лицами.
Они терновые, терновые
глазами, ртами и ресницами.

И сколько там ещё до смерти им?
Но сердце в этот миг проколото.
И поросята спят на вертеле,
таким же истекая золотом.

Бежит собака, небо хмурится,
и пахнет жареною кожицей,
в обедках копошится курица,
божка напоминая рожицей.

Но мы-то знаем, даже загодя,
богов нехитрую политику.
Вон там стоять китайской пагоде,
а тут — приюту сифилитиков.

2

Н. П.

Где-то далеко — за океаном,
а быть может, и не вдалеке,
стану стариком с пустым стаканом,
станешь юной с веером в руке.

Сотня лет пройдёт как невидимка,
тысячи рассветов отгорят.
Наши лица превратятся в дымку,
в запахи листвы и сентября.

Впрочем, и сейчас оно такое —
дымчатое марево лица.
Я бы пожелал ему покоя
без тяжёлой сладости свинца.

Как сейчас прекрасно в Папеэте —
ты жива и я ещё живу,
завтрак мы разложим на газете,
сядем на эстонскую траву

утром голубым, немного мглистым,
платье перепачкаешь травой.
Зарыдают импрессионисты
от картинки этой бытовой.

Зарыдают и не остановят
этот миг, от слабости дрожа,
растекаясь наподобье крови
на рассветном лезвии ножа.

АЛХИМИКИ

Мы с тобой — алхимики в Макондо,
делатели золота из пыли,
ветоши, да из чего угодно.
А зачем оно нам — позабыли.

Пыль своим вниманием балуя,
выплавляя из неё... но что же?
Прикоснись печальным поцелуем
к ветоши моей — песчаной коже.

Мы сто лет провозимся, однако,
лучше простыня и ветер, небо,
брошенное детям, как собакам,
коркою языческого хлеба.

ОФЕЛИЯ

Тане

Ты могла бы стать счастливой,
словно девочка простая.
Ранний вечер пахнет ивой,
ветер дунул и растаял.

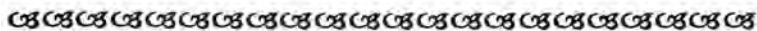
Но повсюду только горе —
в Эльсиноре пахнет смертью,
плачут ивы в Эльсиноре
о тебе и о Лаэрте.

Берег был высок и скользок,
омут был глубок и вязок.

Никакой реальной пользы
от реальности и сказок.

Подойти бы к телефону
и набрать твой новый номер,
и сказать немому стону —
Помнишь принца? Тоже помер.

И в ответ с небес закаплет.
Остаётся уколотся.
И пройдёт июнь, как цапля,
по балтийскому болотцу.

ВЛАДИМИР ПЕРЦЕВ (Ярославль)

Владимир Юрьевич Перцев родился в 1963 году в городе Гаврилов-Ям Ярославской области. Окончил Ярославское художественное училище. Преподавал, работал дизайнером. Живёт в Ярославле. Публиковался в журналах «Литературная учёба», «Юность», «Континент», «Казань» и др. Автор пяти книг. В 1996 году принят в Союз российских писателей. С 2009 года — председатель правления Ярославского регионального отделения.

УТОПЛЕННИК

Рассказ

Солнце клонилось уже к западу и начинало лучиться сквозь пыльные липы. Мы с Колькой скручивали из газет кули, наполняли их тёплой пылью с дороги и подбрасывали вверх — кого Бог покарает! Мои глаза были полны пыли, на зубах скрипело. Пыль была и под рубашкой и даже в трусах. Колька, так тот прямо поседел, его тёмные волосы стали пепельными. Вдруг где-то в отдалении лязгнуло что-то металлическое, и хриплый

бас пропел: бу-бу-бу. Мы насторожились. Звук повторился, потом ещё и всё ближе. Окна в домах были открыты, и народ стал высыпать на улицу. Мимо нашей тупиковой улочки, одним концом упирающейся в речку Поганку, другим в проезжую дорогу, ведущую куда-то далеко за город, где я ни разу и не бывал до сих пор, навстречу странным звукам потекли люди с соседних улиц. Мы с Колькой оставили поднадоевшее к тому времени испытание судьбы и тоже побежали к проезжей дороге. Странные звуки раздавались уже совсем рядом. И вот, вывернув из-за поворота, на нас и мимо нас пошли дядьки в чёрных пиджаках, несмотря на жару и духоту, с яростно лучащимися на солнце инструментами. Ба-ба-ба — крепко пели латунные трубы. Бымс-с — грохали и рассыпались тарелки. За ними шёл одинокий человек с длинной крышкой от ящика на голове. Крышка была обита голубой материей с чёрной каймой. За ним на некотором отдалении, запрудив узкую улицу, приперев к дощатым сплошным заборам прохожих, неспешно пёрла праздничная толпа.

— Это что ещё? — вскричал я в ужасе.

— Так это же покойника несут, — просипел придавленный Колька, пытаясь выбраться из-под навалившихся пиджаков и юбок. Кольке шёл седьмой год, и он много чего повидал за свою жизнь.

— Какого ещё покойника? — не понял я. Мне было только четыре с половиной, и я ещё не знал, что бывают покойники.

— Мёртвого, какого. Ты что, покойника никогда не видел?

— Не видел я никакого покойника, а где он?

Колька повертел головой, но мало что увидел.

— Тут где-то, его в гробу несут.

— А куда его несут?

— Так на кладбище, закапывать.

— Зачем это?

— Не знаю, зачем, — признался Колька. — Покойников всегда зачем-то закапывают.

— А затем и закапывают, — встряла в разговор бабка Лиза с соседней улицы, — чтобы он там упокоился с миром, а не шастал среди живых по ночам. Вот ты помрёшь, и тебя снесут на кладбище и закопают.

Такая перспектива меня не устраивала.

— Дура! — сказал я бабке Лизе зло. — Тебя саму закопают ещё раньше.

— Ну и меня закопают, — согласилась бабка Лиза. — А вот ругаться при покойнике — грех, услышит и заберёт с собой.

Я представил себя закопанным вместе с покойником и прикусил язык.

— Он, что ли, не совсем умер? — спросил тихонько у Кольки.

— Хрен его знает, — пожал Колька плечами, — с виду смиренный, а сцапает — и тю-тю. Лучше близко не подходи.

Но любопытство взяло вверх. Очень уж хотелось увидеть, что за покойник такой. И я полез в гущу. Там, в этой гуще, плыла голубая лодочка гроба, которую несли на полотенцах четыре здоровенных дядьки с красными шеями. В лодочке на небольшой подушечке лежала голова мальчика моих лет. Лицо его было широким и синим, как бы в синяках.

— Утопленник, — сообщил Колька, протискивающийся следом.

— Как это? — не понял я.

— Утонул в фабричном пруду. Карасей ловил на сваях, упал в воду и захлебнулся. Его два дня «кошками» искали, пока сам не всплыл. Мне мамка рассказывала. Ну, не мне, а тётке Симе, а я слышал.

Меня притёрло близко к гробу. Я глянул в лицо утопленнику и побледнел. От лица веяло холодом, зелёной глубиной, тиной. Я почувствовал, что мне нечем

дышать, что захлёбываюсь хлынувшей в лёгкие водой и судорожно замахал руками.

— Куда прёшь, дура?! — заревел на меня какой-то парень и отпихнул в сторону. Но толпа повлекла меня за собой, и я в ужасе и каком-то параличе, как приговорённый, шёл за гробом. И так бы, наверно, и шёл до самого кладбища, если бы Томка вовремя не выловила меня и не привела в чувство.

— Вофка, ты куда намылился?

— Меня покойник забрал! — не своим голосом заревел я.

— Я вот расскажу деду, он тебе уши-то оборвёт, как на кладбище ходить.

— Я ругался, он меня и зацапал, — ревел я.

— Ври больше. На что ты ему сдался?!

— А я до кладбища ходил, — похвастал Колька на следующий день.

— И что там?

— Здорово. Памятники разные, венки.

А куда утопленника дели?

— Так в яму закопали. Навалили сверху целую гору земли и лопатами прихлопали, чтобы не вылез.

— А он что?

— Ничего. Его крышкой накрыли, заколотили — и в яму.

— А эти, с трубами?

— Поиграли и ушли. Им денег дали и вина. Они и побежали такие радостные.

— А как ты обратно дошёл?

— Так с бабкой Лизой и дошёл. Я бы и один дошёл, не впервой. Я эту дорогу знаю, не то что до кладбища, а до самой свалки.

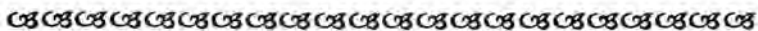
— Какой свалки?

— Свалки. Ты что, на свалке не был?!

— Не знаю я, что за свалка такая.

— Ну, ты дурак! На свалке не был!

- А ты был?
- Сколько раз! Ещё в прошлом году был. Мы туда с дядей Лёшей за паклей ездили.
- И что там?
- Всякого много. Кучи всего! За целый день не обойдёшь.
- Вот бы мне в такое место попасть!
- Мал ещё. Далеко. Заблудишься.
- Сам ты мал. Мне уже скоро пять годов будет. И папа купит мне мотоцикл.
- Ха-ха, врун!
- Ни фиги! Он себе купит, и будет меня везде катать. Вот увидишь. Мы с ним на рыбалку поедem и в лес за грибами. И по улице будем ездить. А тебя задавим на фиг!

СВЕТЛАНА ПОПОВА (ЗЮГИНА) (Елабуга)

Светлана Олеговна Попова (Зюгина) — автор двух книг стихов. Печаталась в журналах и альманахах России. Участник Всероссийского молодёжного форума «Таврида» (2016 г.), лауреат Всероссийского открытого фестиваля молодых поэтов «Мцыри» (2016 г.). По итогам Всероссийского семинара-совещания «Мы выросли в России» — победитель в номинации «Поэзия». Член Союза российских писателей.

СКВОЗЬ ОТКРОВЕНИЕ

* * *

С каждым вдохом всё ближе,
С каждым выдохом — легче.
По-весеннему дышит
Розовеющий вечер.

И как будто нежнее
Предзакатное небо.

Только губы, немея,
Что-то шепчут нелепо.

И в предчувствии счастья
Я тяну к тебе руки.
Бьются пульсом в запястьях
Сердца гулкие звуки.

Опускаясь на крыши,
Меркнет в сумерках вечер.
С каждым вдохом мы ближе,
С каждым выдохом — легче.

* * *

Баюкают киты
Наш мир на круглых спинах.
Созвучия в старинных
Мелодиях просты.

Они поют о том,
Как мы за милей мили
Веками в море плыли
За рыбьим косяком.

До срока. А потом
Те рыбы — наши души —
Перебрались на сушу
В обличии людском.

Но как заведено
Волнам вернуться в море,
Так душам, водам вторя,
Быть там же суждено.

Ребёнку через мать,
По тёплой пуповине,

Звучит напев поныне,
Чтоб тайну передать.

И слышу: раз-два-три —
К груди сильнее руки —
Ритмичных песен звуки
Я чувствую внутри.

И верю — пусть простит
Коперник — в самом деле,
В китовой колыбели
Земля спокойно спит.

ЗАПОЛЯРНОЕ

В белые ночи танцуют шаманы
У синей Печоры-реки,
И перьями обе руки
Мои покрываются, и беспрестанно

Бьёт ритм ритуального бубна в запястьях
И где-то под сердцем внутри!
На солнце ночное смотри
И ввысь устремись — к ощущению счастья!

Я будто бы севера дикая птица,
Лишь ветер по перьям бежит,
На кончиках пальцев дрожит,
И тундра ковром разноцветным ложится!..

Но платою будет моей за полёты
Душа, что останется здесь,
Где ягель и скрюченный лес,
Куда добираются лишь самолётом...

Прохладой озёра налиты до края,
Брусника сверкает росой.

По мху пробежаться босой,
На алое солнце смотреть, засыпая, —
Вот чудо, открытое мной.

* * *

*У Печоры у реки,
где живут олениводы.
И. Кашежева*

Я вдыхаю твой город глубже,
Выдыхаю как можно реже.
Проплывают навстречу лужи —
Океанами по проезжей.

Надо мною твоё небо!
Распахну широко руки —
Ты ещё отыскал где бы
Столь похожих сердец звуки!

Проходя, улыбаюсь шире
Деревянному двухэтажью.
Мне в твоём заполярном мире
Надышаться простором важно.

Ты, как в будни, в него выйдешь —
По-привычному безучастно!
Я ж — люблю то, что ты видишь
Ежедневно и ежечасно!

Только времени нынче мало,
Чтоб гулять и дышать с тобою.
Мне твой след на снегу талом
Будет взлётною полосою.

* * *

Непредсказуемый
Событий бег.
Жжёт поцелуями
Внезапный снег.

Зефиром лепится
На яблонь цвет.
И бесом теплится
Под тридцать лет

Охапка нежности —
Нежданно вдруг.
И это мне ж нести
В оковах рук —

Сквозь откровение
Вокзальных дат,
Сквозь отправление —
Пути назад.

Помчит от станции —
И не догнать.
«Вернусь» — останется
Оберегать.

* * *

Тонкой струйкою жизнь течёт
Из ладоней моих — в твои.
Сколько мимо лилось — не в счёт,
Всё поделено — на двоих.

Пей из рук.
Как усталый пёс,
Головою прижмись ко мне.
Ты мечты сквозь преграды нёс,

Словно грудю седых камней.

Счастье — капля живой воды.

Я её зажимаю в горсть.

Для тебя берегла.

А ты

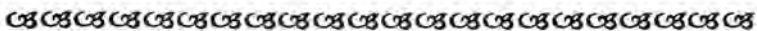
Пей её, чтобы всё сбылось.

Прошлой жизни осталась нить —

Помнит память о той судьбе.

Ты с ладоней давал мне пить,

За спасением шла к тебе.

ТАТЬЯНА РОВИЦКАЯ
(г. Дзержинский Московской области)

Татьяна Ровицкая — член Союза российских писателей, автор пяти книг и многих публикаций, в том числе в журналах «Москва», «Дружба народов», «Простор» и «Бельские просторы».

СВОЙ ИСКРЕННИЙ СЛЕД...

* * *

Откуда помню я
Тепло сосудов медных
И ситцев запредельное тепло?
И жизнь людей простых
И даже бедных
Окутана теплом
Таким победным!
И слюдяное комкое стекло...
Откуда помню? —
Снежные заносы,

Когда бредёшь, не ведая куда...
И маленькие чашки,
И подносы...
Витки пергамента,
Изящные вопросы.
И птицы — в клетках.
В хрусталях — вода...
Откуда помню?..

МАСТЕР ЧАЙНЫХ ЦЕРЕМОНИЙ

Мастер чайных церемоний
Заглянул ко мне в вагоне.
На рябиновом листе
Чай заварен в темноте.
Ни словечка, ни полслова...
Стало всё вокруг лилово
От простых его одежд,
От напутствий и надежд.
Ароматам нет предела!
Быстро время пролетело.
И рябиновый дымок
Все печали превозмог!
Серебро об чашку бьётся,
За окошком век несётся,
Электронный и живой...
Ветер, облако и солнце,
Встречи — радость и покой!

СЛОН АГАТОВОЙ РЕКИ

Огонёчки, огоньки,
Дождик капает так тихо.
Осторожная слониха
Ходит ночью у реки.

Эти серые деньки
Надо переждать отважно —
Ты жила на свете дважды,
Слон агатовой реки!

Помнишь? Мамонт брёл в закат,
Рыжей шерстью полыхая,
И река плыла, стихая,
Словно рыба золотая,
Голубые плавники...
Слон агатовой реки!

* * *

Пел жаворонок.
Совы долго спали.
Качалась и качалась колыбель.
И утренние сны, мелькнув, пропали.
Дом был в лесу,
В окно глядела ель.

Я в дом вошла с корзиной земляники,
Стол был накрыт, и самовар кипел.
Играли над ребёнком солнца блики,
И добрый человек тихонько пел.

Был самовар актёрству не обучен,
Собака в доме верила в людей,
Да и ребёнок был, конечно, лучше,
Чем были мы, — добрее и честней!

И, наконец-то, я была причастна
К рождению единственной души,
И, наконец-то, улыбнулось счастье
Тому, кто без него так долго жил!

* * *

Так настроений искосок
Наплывом мимо глаз,
Как бы волною сквозь песок,
Пройдёт и схлынет враз.

В сиюминутной суете
Хрусталиком живым
Вдруг обернётся в чистоте
Каких-то детских зим.

Намыв осенний — злат-песок,
Пройдя двери проём,
Мчит настроений искосок,
Где мы сидим вдвоём.

ДОМ В ПЕРЕУЛКЕ ФОНТАННОМ

В доме радостно живётся,
Хорошо, как в колыбели,
И вода растёт в колодце,
Как в серебряной купели,
И звезда встаёт над садом,
И качается, и льётся
В кисть большого винограда
Запечатанное солнце.

ОНА СТОИТ НА ГОРЕ

Она стоит на горе,
Опять сменила платок —
Огненный на заре,
Искрами на восток.
Ночью Она молчит
В тёмно-синем платке,
Кончик платка летит
К западу належке.

Днём Она — у дубрав,
Вечером — у ручья.
Споры деревьев, трав,
Только Она — ничья!

Опять стоит на горе,
Опять сменила платок —
Огненный на заре,
Искрами на восток.

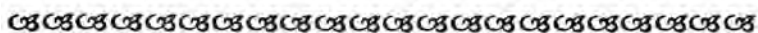
* * *

В тёмном царстве
Рябина даёт от щедрот
Свои крапинки-ягодки
Птицам лесным,

И огромное солнце
В тревоге встаёт
Над дремучим потоком
Корявой сосны.

РОССИЯ

Берёза качалась в ночи,
Как шальная,
И звёзды по ней пробегали рядами,
И пел соловей, свысока озирая
Тяжёлую местность —
Преддверие рая!

МАРИНА САВЧЕНКО (Хабаровск)

Марина Александровна Савченко — поэт, журналист, музыкант, педагог, член Союза российских писателей. Родилась в Хабаровске. Несколько лет жила в Приморье. Автор восьми книг, руководитель творческого объединения «Галатей-арт», детской литературной студии и Клуба писателей, председатель регионального представительства СРП в Хабаровске.

ГОРОД КАК ЕДИНСТВЕННОЕ МЕСТО НА КАРТЕ

Эссе

Хабаровск 80-х годов для меня был большим, сонным, но загадочным городом, который, как из драгоценной шкатулки, вытаскивал для меня встречи с необыкновенными людьми. Восемнадцать лет — тот самый возраст, когда происходит накопление впечатлений на всю жизнь, их впитываешь разве что не кожей. Некоторые из них отпечатываются на сетчатке глаз, проникают в левое и правое полушария... И му-

зыка, и книги, и встречи, и улицы родного города — всё-всё...

Но главная загадка творческой богемы притаилась там, на антресолях высотных домов главной улицы (ныне имени губернатора Восточной Сибири М.-Амурского), устремлённой к Амуру. С детства я мечтала побывать в мастерской художника, потому что там, как мне казалось, скрывается тайна творчества.

Впервые привёл меня в гости к художнику поэт Виктор Еращенко. Это был Владимир Сохатый, вскоре уехавший в Москву. Взрослые дяди пили портвейн, а я как зачарованная ходила по мастерской и всё трогала руками, нюхала краски, феерически размазанные по палитре.

Тогда многие уезжали, стремились в Москву. А Виктор выбрал для себя Дальний Восток. Причём сознательно, понимая, что это его участок, на котором предстоит пахать и сеять доброе, вечное... А о Москве он написал эти строчки: «В столичной жизни широта своя,/ Увы, и ограниченность своя,/ Там люди по-столичному слепы/ И думают: нет жизни вне Москвы./ А жизни нет нигде. Одна тоска/ для всевозможных дыр материка...»

Для хабаровчанина Виктора Еращенко Амур — это не просто дальневосточная река, а настоящая жила, артерия, которая связала воедино его биографию от детства и юности — к зрелости в единый путь. Она всегда с ним — великая полноводная река: от берегов порта Маго и Николаевска до Хабаровска и Благовещенска.

Не случайно редакция журнала «Дальний Восток», где проходит литературное общение хабаровчан и гостей города — в самом сердце Хабаровска, в переулке Дьяченко, рядом с Амуром. А когда-то журнал находился в небольшом старинном особняке на третьей от реки улице Комсомольской, бывшей Лисуновской, а ещё раньше — Дьяченковской. Трудяга-капитан Дьяченко — первостроитель Хабаровска, а не Хабаров, много

лет был незаслуженно забыт. А теперь напротив нового здания Краеведческого музея, рядом с Интуристом высятся ему памятники.

У хабаровчан свои «ритуальные» прогулки — к реке по бывшей улице К. Маркса (в народе «Карлухе»), в парк — к Утёсу, что над Амуром, по набережной (ныне памяти Г. Невельского). И мы с Виктором — не исключение. По пути любили заходить в гостиницу «Интурист». Замечательный там, в начале восьмидесятых, варили кофе. Бьющий фонтанчик, туристы-интуристы, всё культурно-комфортно. Здесь спокойно можно было общаться, читать друг другу за столиком новые стихи.

Когда Виктора отлучили от работы с молодыми, якобы за диссидентские взгляды, использование на занятиях запрещённой литературы, мы, кружковцы, восприняли событие как кровную обиду. Но время лечит и не такие раны, тем более, что наша дружба и встречи продолжались уже на других территориях.

С подачи сотрудника Краеведческого музея Натальи Гребенюковой занятия стали вестись в Дальневосточном литературном музее (сейчас это литературный отдел Музея им. Гродекова). Встречи нередко заканчивались посиделками у Виктора в квартире на девятом этаже. Были ещё полночные провожания и совместные поездки по Амуру на мыс Лазарева...

А затем, после окончания института и замужества, начались мои отъезды из Хабаровска, как казалось, навсегда: сначала Владивосток, потом Питер, Москва... Наша переписка, жаль, не сохранилась... А потом снова несколько лет плотного общения. И до самой его кончины.

Но это тема для отдельной главы.

К концу 80-х наша компания вокруг Виктора расширилась. Появились Игорь Шабалин, замечательный поэт и художник; музыкант и автор-исполнитель Слава Кузнецов... Вместе с ними добавились и новые адреса

встреч — мастерская Игоря на Комсомольской в центре Хабаровска, дом-избушка Славы на Угловой в районе Дальдизеля...

Мы нередко выступали вместе. Была такая раньше организация — Бюро пропаганды художественной литературы. Не помню, сколько платили членам Союза писателей, а всем остальным, в том числе и мне, доставалось, кажется, восемь рублей с копейками, что было по советским меркам немало. Хватало и на кино, и на мороженое в кафе. Виктор со Славой и его гитарой объездили почти весь город. А я с лёгкой руки Виктора Степановича побывала на «Неделе книги» в Николаевске-на-Амуре. И там воодушевлённо читала верлибры дояркам на ферме, механикам на автобазе, молодым рабочим судоремонтного завода. Принимали душевно...

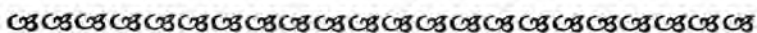
При жизни Виктора Еращенко стихов я его почти не читала, но знала, чувствовала: в них есть всё, что нужно. И они потом, когда поэта не стало, мне по-настоящему пригодились. Читала-перечитывала, слушала песни В. Кузнецова на стихи Еращенко и долгое время «цеплялась» за память литературного руководителя. Смею думать, может быть, именно присутствие Виктора в моей судьбе и помогало мне продолжать поиски себя и не сбиться с жизненной колеи.

И потом создать детскую литературную студию «Пегасик», творческое объединение женщин «Галатеея», проводить десятки вечеров, встреч, концертов, а ещё фестивали поэзии и музыки у памятника Задорнову в родном городе. В этом мне видится влияние моего первого наставника, чья педагогическая струна передалась мне, видимо, по наследству.

А ещё желание поэта, чтобы здесь, на окраине страны, литературная жизнь была не хуже, чем в Москве. По крайней мере, достойная (любимое слово поэта). И, кроме того, постулаты, усвоенные мной и доставшиеся

в наследство вместе с любовью к литературе — не сворачивать в обыденность и не бояться заносов судьбы.

А загадка творческой богемы, которая таилась на антресолях высотных домов главной улицы Хабаровска, устремлённой к Амуру, до сих пор не разгадана. И пусть... Я до сих пор люблю бывать, с «лёгкой руки» Виктора, в мастерских художников. Наверное, потому что там, как мне казалось ранее, и до сих пор скрываются настоящие тайны творчества.

ЛЕОНИД СОВЕТНИКОВ (г. Рыбинск)

Лауреат международной премии «Филантроп» (2014), дипломант Всероссийской православной литературной премии им. А.Невского (СПб, 2017), лауреат конкурса «60 плюс» журнала «Москва» (2018).

Член Союза российских писателей с 1997 г.

ХОТЯ ДУША ГОРИТ ОГНЁМ...

* * *

Остановись, мгновенье, и постой.
А я пройду, не прикасаясь, мимо
Осенней рощи, слишком золотой,
Что ранит красотой неотвратимо.

Иль, сказочными бликами дразня,
Сорвись на юг, куда уходит стая.
А я замру, пусть длится без меня,
Как чей-то сон, эпоха золотая.

ИЗ ПИСЬМА ДРУГУ

Ты не спишь под вой волков в пустыне Нёгев,
Вспоминая питье на старой даче
Иль предсвадебную встречу... как о снеге
Сожалая: а могло ли быть иначе?

Я сижу в своей дыре, на поселенье.
Снегу много. Денег мало. Толку нету.
На душе как на реке — оледененье,
Может быть, оно исчезнет ближе к лету.

Знаешь, Дмитрий, лишь на море перемены:
Лёд трещит, на местной ГЭС пустили воду,
Да и жизни тает лёд — растут лишь цены,
Невзирая на реформы и погоду.

Помнишь девочку, робевшую меж нами,
Худосочную, со взглядом грустно-странным?
Стала смелою, со стройными ногами,
Ныне с Кушнером общается, как с равным.

Что останется? Весенних дней наплывы,
Нежность сумерек, закатов акварели...
Чтоб лучи едва касались веток ивы,
И чтоб ветви ив, сквозь сумрак, чуть белели.

* * *

Припомню я людское дно,
Где лечат горькую тоску,
Где я ревниво и чумно
Внимаю страсти голоску.
А ты щебечешь чужаку,
С «кровавой Мэри» заодно,
И палец тянется к виску,
Но кружит голову вино.

Хотя душа горит огнём,
Я в одиночестве иззяб.
Но так легко в дверной проём
Пропасть, по сумеркам скользя

В закаменелость улиц, лиц,
К реки томленью подо льдом...
А ты, с изломанным крылом
Судьбы, воркуй, пластайся ниц!
Одна из перелётных птиц,
Что угодила в бурелом.

* * *

Какой по счёту движется волна?
Кто ж различает, кто считает волны.
Опять шумит гражданская война,
Кто разжигает, кто вздымает войны?

Вновь ангел бьёт крылами о броню,
Как мотылёк ночной о стёкла в доме.
И самолёт, как ангел, о стерню
Не в детском разбивается альбоме.

И я не сплю. И это не во сне
Грохочут мысли, как ракет разрывы...
И лишь ночная бабочка в огне
Напоминает: мы с тобою живы

И смерти нет. А к мальчику в крови
Она пришла, чтоб отступить и сдаться!
О, Боже правый! Этих — отрезви,
Кривляющихся в лапах святотатца.

* * *

Война — это гиблое дело,
Но пусть сохраняются на ней
Не те, что стреляют умело,
Не те, что доспехом сильней.

Молю, но не слышат снаряды —
Глухие болванки войны.
А те, что выцеливать рады:
«Попали!» — злорадства полны.

Открыты глазные воронки
И некому тихо смежить,
А детские руки так тонки
И некому накрест сложить.

* * *

А только и надобно — взять и окститься,
Поменьше постить и побольше поститься,
Умнѹю молитву держать перед сном
И верить: Отец упредит об ином.

И если на муки пошлѣт, как Иова,
Чтоб ангела тьмы посрамить, то ни слова
Ему в возраженье не дѳлжно иметь:
Даѣтся победа — идущим на смерть.

Стоящим за правду она, не за ложь,
Даѣтся? Обманом себя не тревожь,
Что всё, что погибло, воскреснет, и снова
На пастбище — тучное стадо Иова.

И дети, и внуки здоровы, и он,
Заботой и радостью их окружѳн,
Возносит молитву за корм, за ягненье,
А лютые муки — лишь сон, наважденье...

* * *

*Мы, оглядываясь,
видим лишь руины.*

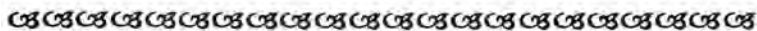
И. Бродский

Когда и в будущем одна печаль руин,
О, как во сне шепчу я жизни имя!
И губы тянутся к трилистникам терцин,

Воркуют голуби, как на карнизах Рима.
На форум дня стремятся лепестки,
Воркуют голуби, и помогаю им я.

В календы крошками кормила их с руки,
Смеясь, календул городских подруга.
И на колени опускались голубки,

На платье жёлтое, не ведая испуга.
Что миг? Что вечность? Дымная вражда.
О, если б выпасть из её пустого круга!
Брать хлеб доверия, ценить тепло гнезда...

ЛЕВ СЫСОРОВ (Владивосток)

Лев Николаевич Сыоров по специальности океанолог.
Член Союза российских писателей.

ГОРОДСКОЕ МОРЕ

*Владивосток — это
ворох камней.*

М.М. Пришвин

В метре от морского дна, легко работая ластами. В песке два крохотных отверстия. Стремительным пеленгасом вниз, холуаевский нож — в песок. Спизула, смыкая створки, пытается уйти вниз и вбок. Иногда успевает. «Песчанка» — двустворчатый моллюск, раковина серо-белая, обитает на зернистых песках, на глубинах от 0,3 до 12 метров, зарывается до 20 сантиметров, длина 130 миллиметров, вес 500 грамм. Ловить без акваланга. Так интересней. Умеющий за один раз поднимает до трёх ракушек. Хорошо охотиться в тихую, солнечную

погоду. Если волнение достаёт дна, вода мутится. «Дырочек» не видно. Моллюск не любит фильтровать воду с песком. Чувствуя приближение врага — захлопывается, выталкивает воду. Поднимается фонтанчик песка, на него ориентируешься. Если совсем ничего не видно, втыкаешь лезвие наугад, по наитию. Добывал для гостей, в шторм, очень хотелось угостить приезжих. Набрал полную питомзу¹. Устал. Гребу к берегу, не получается. Течение откатное мешает. Подныривать — не выходит, к мысу плыть — сил нет, рука одна занята. Перевернулся на спину, лапами энергично, волна сама вынесла. Маску сдвинул на лоб, девятый вал её смыл. На шею надо сдвигать. Чистить спизулу легко. Тонкий нож просунул, мускул подрезал — сама открылась. Съедобна почти вся — удалил сифон, кишки, желудок, добавил сыра, майонеза. Ракушку на противень — и в духовку. Много спизулы на Шаморе. Народом весь пляж заполнен, никто не ловит. Не знают, не умеют. Шамора — лучший песчаный пляж в Приморье. Ещё Маньчжурка в Славянке.

Приморский край. Горный хребет Сихотэ-Алинь и Приханкайская низменность, река Уссури и озеро Ханка, 12 миллионов гектаров леса и одно из самых рыбных морей планеты. Горы в Приморье называют сопками, лес — тайгой. У Японского моря мало оснований так именоваться — российская беговая полоса длиннее. Соседи (корейцы и китайцы) говорят просто — Восточное. Про «берега несправедливости» верно сказано. Японская часть моря теплей и спокойней. Только возвышенность Ямато пересёк... Земля не в ту сторону вертится. Подставляет Приморье под Сибирский антициклон и отклоняет течения силой Кориолиса. В морском заповеднике — меч-рыба, рыба-сабля, рыба-луна, фугу и даже летучие рыбы. Двенадцать видов акул. В

¹ *Питомза — сетчатая сумка с закрывающейся горловиной, для сбора морепродуктов.*

тайге северная лиственница рядом с кедром, берёза — с маньчжурским орехом. Маньчжурские орехи не меньше грецких — но невероятно толстая скорлупа и минимум содержимого. Настоящие субтропические лианы (лимонник и амурский виноград) всё хищно обвивают. В прозрачных реках на нерест идёт сима, кета, горбуша, кижуч, кунджа.

Мидия — удивительный моллюск. В юном возрасте её личинка передвигается с помощью паруса и весла. Глубина обитания от 0,5 до 30 м, камни, песок, ил, длина 7,7 см при высоте 3,6 см, поверхность раковины тёмно-оливковая. Собирать ракушку нетрудно, обязательно перчатки и водолазный нож. Крепко в камень ризоидами вцепляется. Не только в скалу. Обрастает всё, что можно — сваи, троса, корпуса притопленных судов и, за что ненавидят, садки на плантациях гребешка и трепанга. Мидия — сорняк моря. Мидия — картошка моря. Плов из мидий — национальное блюдо у греков. Как у нас борщ. Варить обязательно в морской воде, пока ракушка не откроется. Открылась — лежит внутри раковины аккуратная, как невеста. Тогда хоть в плов, хоть в чесночном соусе.

В городе ветер всегда в лицо. Он нападает внезапно, как вор, вонзая в тебя острые лезвия дождя и ледяной крупы. Подъём в крутую сопку труднее вдвойне, на скользком спуске в спину заботливо подталкивает. Дождь идёт горизонтально. Зонты бесполезны. Их выворачивает наизнанку пришедший с Филиппинского моря тайфун. За день выпадает месячная норма осадков. Хотя осадки — что-то плавное. Здесь — «стремительный домкрат» водопада. По улицам — реки. Ровных мест нет, поэтому — горные реки.

Устрица обладает асимметричной раковиной, длина до 38 см. Тихоокеанская гигантская устрица — не средиземноморская. Имеет очень прочный и толстый панцирь. Её не разделаешь серебряным ножиком в ре-

сторане. Приморский рапан, попавший на Черноморское побережье судами Дальневосточного пароходства, уничтожил все устричные банки от Гудауты до Новороссийской бухты. С тихоокеанской справиться не может. В Приморье устриц множество. На некоторых пляжах в воду заходить больно. Раковины режут ступни. Не заживает долго. Собирать легко, устрица просто лежит на песке, на камнях. Обязательно в перчатках. Добытую на Красных скалах в бухте Аякс устрицу лучше съесть на месте. Стукнул по краю водлазным ножом, раскрыл, съел. Съедобно всё. Лимон не обязателен. Остров Елены замечателен устричными отмелями на глубине от полуметра. Приятно плыть в тёплой воде и доставать ракушку не ныряя. Маньчжурский орех, тихоокеанская устрица, приморский виноград, уссурийская груша — всё имеет прочную и грубую оболочку. Климат суровый.

Владивосток создавался как военно-морской город. Всё принадлежало ВМФ. От пляжей до ресторана «Горизонт». Остров Русский целиком. Бескозырки и тельняшки всюду. Всё для военных: железная дорога вдоль моря, домов и строений целые кварталы, трёхэтажный особняк командующего флотом на сопке в центре города. Пришли девяностые, появились «крепкие ребята с бритыми затылками», город стал торгово-закупочным и праворульным. Тойота Марк-2 преобразила город. Лэнд Круизер стал его символом. Сейчас город ориентальный. Преимущественно китайский. Японцев, корейцев и вьетнамцев тоже хватает. Ещё северные корейцы — есть такая нация. Весь квартирный ремонт взяли на себя. Построили мосты, университет. Саммиты международные проходят. Две столицы у огромной страны по краям, у моря, по диагонали — с северо-запада на юго-восток.

У приморского гребешка раковина округлённая, с ушками. Наибольшие экземпляры около 200 мм. «Гребень» единственный из моллюсков не имеет паразитов и

всеми любим. Открывается легко, хорош в любом виде. Лучше есть сырым. Так как любителей много и все с аквалангами, нырять за деликатесом глубоко — от семи метров. С маской и трубкой — для настоящих ныряльщиков. Гребешок забавно удирает. Хлопает створками и — прыжок в длину до метра. А воздуха в лёгких уже нет... Гребешок Свифта меньше, вкуснее и полезней.

Город похож на брошенный в воду скомканный лист бумаги. Места мало, и каждый клочок зелени идёт под застройку. Не получается дом — делают автомобильную стоянку. Вгрызаются в жёсткие рёбра сопки. Самая большая автостоянка страны — рынок подержанных японских автомобилей «Зелёный угол» тихо умирает, уступает место под застройку. Суда науки больше не возят «Хонды» и «Ниссаны». У морвокзала раз в неделю швартуется японский ролкер. В российских городах на коробки «Жигулей» смотреть неудобно.

Анадара обитает в илесто-песчаном грунте, на глубинах от 1,5 до 20 м. Чаше среди водорослей или мангровых деревьев. Раковина выпуклая. Мягкие части тела моллюска окрашены в оранжево-кирпичный цвет. Максимально установленный возраст 65 лет, длина 128 мм, вес — 380 г. Единственный двустворчатый моллюск с кровеносной системой, содержащей гемоглобин. Мангровых зарослей в Приморье мало, поэтому ищите ракушку там, где впадают в море реки Суйфун, Майхе и Цимухе. Собирать как грибы — лежит на дне, полураскрытая. Не убегает. Для максимальной пользы — сырой с васаби и соевым соусом. Полезных веществ в ракушке больше, чем в трепанге. Кровь анадары пьют сырой. Вкус натуральной морской воды с привкусом железа. Мощный энергетик плюс тонизирующий эффект. Капитан сейнера «Сергий Радонежский» после первого траления непременно выпивал стаканчик свежей... Траление анадары (любых моллюсков) драгой — преступление. «Железный плуг» выдирает из морского дна

всё живое. Так знаменитая тихоокеанская сельдь лишилась своих гнездовий. Раковина анадары очень хрупкая, уронишь — разбивается и течёт кровь.

В городе лестниц одна настоящая — к дому Бриннеров. Гранитная. По ней легко взбегал навестить сестру молодой Саша Фадеев. Лестница разрушается. Рядом с домом поставили памятник Юлу Бриннеру — герою «Великолепной семёрки». Вообще с монументами во Владивостоке порядок. На Видовой площадке воздвигли Кирилла и Мефодия, а генерал-губернатора, графа Муравьёва-Амурского, чей прах из Парижа привезён, в яму поместили. Приятно графу чужими подошвами любоваться? От адмирала Завойко советская власть оставила пару сапог. На них водрузили приезжего молдаванина Лазо. Улицу Светланскую подняли, и адмирал Невельской встал в уровень с прохожими. Адмирала Макарова переместили с площади Луговой к гостинице «Экватор», на склон, где он совершенно незаметен. Скромные обелиски погибшим в войне с Японией морякам и на братской могиле пассажиров сбитого американцами самолёта в Гайдамакском и Жариковском скверах современный ремонт почти не испортил.

Корбикула — двустворчатый моллюск, имеющий лекарственную ценность. Раковина тёмно-коричневая, внутри фиолетовая, в длину 60 мм. Максимальная глубина зарывания 45 см. «Морской целитель» содержит все витамины, таурин, глицин, калий, селен, йод, фтор, антиоксиданты, регулирует сахар в крови, обмен холестерина, лечит гипертонию, артрит, печень, ликвидирует тромбы, стимулирует иммунитет. Надо пить отвар ракушки, он мерзок на вкус. Уже отваренную можно добавлять куда угодно, вкуса она не имеет, но лечебную ценность сохраняет. Корбикула живёт в илистых грунтах, в эстуариях рек, образующих лиманы. Такая река в Приморье есть. Надо ехать в Тавричанку. Когда-то здесь добывали уголь, сейчас посёлок доживает... До лимана долгий путь, через

кладбище (назад короче, через пионерлагерь). На берегу вагончик, хмурые мужики: баркас через два часа придёт. Через два часа приходит баркас. Они в Тавричанке примечательные, плоскодонные. Иначе нельзя — воды полметра, под ней метровый слой ила. Тоже драгой тралят — бери. Сколько надо. Фирма продаёт японцам. Японцы платят приличные деньги. Пивзавод в Тавричанке варит замечательное пиво «Праворульное».

Флюгеров в городе ветров нет. Есть один — на здании пенсионного фонда. Он неподвижен, не работает, как положено пенсионеру. Заборов чрезвычайно много. Глухие, зелёные, покосившиеся.

Травяной чилим — вид десятиногих раков из отряда настоящих креветок, длина тела 18 см, обитает на мелководье. Чилим — семечки города. В сезон на всех базарах продают. С пивом замечательно. Варить в чистой морской воде.

«Я её на Второй речке трусами ловил». Это про корюшку. Ловля морских деликатесов трусами — любимое занятие городских старожилов. По их рассказам. Чилима ловили и трепанга. Сейчас не ловят. Реки полноводны от канализационных стоков. По реке Объяснения течёт «обратка» городской ТЭЦ. Делает бухту Золотой Рог незамерзающей. Китайское название города — Хайшинвей. «Бухта голубого трепанга». Фуникулёр — один из двух в стране. В 1962 году Хрущёв велел построить.

Серый морской ёж — вид иглокожих. Панцирь — сплюснутый шар. Диаметр 8 см, масса — 160 г. Гонады (половые железы) называют икрой и активно используют в пищу. Отодвигают старость. Роллы с икрой морских ежей — самые дорогие. Чёрные ежи тоже имеют гонады и тоже съедобные. Но чёрных не берут. Укол их длинных игл ядовит и болезнен. Серых ежей много в бухте Садко, соседняя с Шаморой бухта. Несколько лет подряд там ставят стационарную палатку, генератор, компрессор. Выбирают всё подчистую.

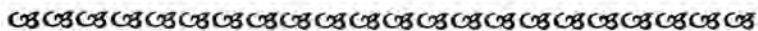
Маяков в городе много. Не флюгера. Необходимы. Самый любимый — на крыше пятиэтажки. Строго говоря — створ нефтебазы. Немногие могут сказать — мой дом маяк. Много подпорных стенок. Старые подпорные стенки из дикого камня красивы. Новые бетонные ужасны.

Дальневосточный трепанг — тоже вид иглокожих из класса голотурий, тело вытянутое, как огурец. Длины 43 см, ширина 9 см и масса до 1,5 кг. Встречается на глубинах от уреза воды до 150 м, живёт до 10—11 лет. Враги — крупные морские звёзды и человек. Питается трепанг отмершими клетками планктона, кусочками стеблей водорослей с поселившимися на них микроорганизмами. Как с таким питанием получается огромная полезность — непонятно. Трепанг — как чёрная икра. Prestижно, а вкуса особенного как-то нет. Браконьеры очень любят трепанг. В столице морских пиратов, морском посёлке Зарубино, самый большой и красивый дом у китайского перекупщика. Готовить трепанг просто — только что выловленного заливаешь кипятком, он выбрасывает внутреннее содержимое. Жидкость выпиваешь — в ней вся польза. Голотурию шинкуешь с луком и соевым соусом (креветочным). В войну горожан море выручало. На базаре в Семёновском ковше стояла огромная крабоварка — полуметровая клешня стоила копейки. Но трепанга за еду не признавали. Хотя — на островах по колено, в воду зайди и собирай.

Горьковское «Море смеялось» — не для Японского. Восточное море — неискренний оскал самурая, ухмылка чёрными обломками скал. Ласковым оно не бывает. Море везде. Бухта Золотой Рог разрезает полуостров Муравьёва-Амурского вдоль. И без того узкий, зажатый Амурским и Уссурийским заливами, он изрезан многочисленными бухточками и заливами. На острове Русском бухты Улисс и Парис, Диомид и Аякс названы не совсем в честь древнегреческих героев. Бриги «Парис»,

«Диомид», «Улисс», корвет «Аякс» исследовали побережье залива Петра Великого. Пляжи в центре города. Из любой точки города видно море. Вальс «Амурские волны» — про Амурский залив. Круизные лайнеры размером в три морских вокзала швартуются прямо на Океанский проспект. Море живое. Море смывает городскую грязь.

По «Богатой гриве» в город заходят тигры.

ЭЛЕОНОРА ТАТАРИНЦЕВА (Астрахань)

Элеонора Татаринцева — автор четырёх сборников стихов и двух — прозы. Одна из организаторов литературной премии Н. Мордовиной. Участник литературных семинаров в Астрахани, Волгограде, Пензе, Москве. Член Союза российских писателей. По профессии — инженер связи.

СТРАНИЧКИ ЖИЗНИ СТОИТ ПЕРЕЧЕСТЬ

* * *

Мне не понять, кто враг, кто друг —
Момент упущен.
И всё теснее мир вокруг
Для в нём живущих.
Необратимость перемен
Страшнее Ада.
Война содружеству взамен.
Прошу — не надо!
Неужто сроки подошли?

Помилуй, Отче!
Иль просто мы с ума сошли
От одиночеств?
Такой глобальный неуют
Соседства в мире:
Кого-то страны достают,
Кого — квартиры...
И по Земле, больной, как тень,
По воле Высшей
Уже идёт он, Судный день
Для непогибших...

* * *

Над кладбищем всегда хорошая погода.
Над кладбищем всегда струятся облака,
Я прихожу сюда, на встречу год от года,
Мне здесь легко дышать и чувствовать пока.
Пареньё в небесах крылатых разных странниц,
Неважно, чьих кровей: вороны иль грачи.
Привет бродячих псов, в чьей памяти останусь
За то, что угощу и вместе помолчим.
Здесь звуки не нужны и время не мешает
Дотронуться теплом до встречного тепла.
Здесь между «вы» и «мы» — преграда небольшая,
Хотя в десятки лет разлука пролегла...
Над кладбищем парит лазурь и откровенье.
В который раз опять ищущу у вас ответ
По меркам неземным. И в каждое мгновенье,
Что проживаю здесь — вы дарите свой свет.

* * *

Который день мы говорим о смерти...
Глядим в экран, считаем имена.
Определив, кто ангелы, кто черти,
Пытаемся назначить — чья вина?
А мир живёт, ощерившись оскалом,

Чужая боль — не каждому беда!
И души разбиваются о скалы
Бессмысленно, внезапно, навсегда...

* * *

*Аллергия — реакция организма
на воздействие окружающей
среды.*

...А в детстве, глубоко послевоенном,
Патриархальной пахло стариной.
Кутум пересыхал нам по колено
И так же жарил всех июльский зной.
Мы в казаки-разбойники играли,
Чужой сарай военным штабом был,
А в лебеде мы прятались с друзьями,
Не зная, что такое «тавигил».
На равных были игры и игрушки,
На равных и соседствовали все:
Совет держали мудрые старушки,
На лавочку присев, как на насест.
Быть может, изобильем не страдали
Семейные в ту пору кошельки,
И всё-таки мы цену дружбе знали
И искренность протянутой руки.
Тревожит время, изменяя ценность,
Иных понятий возрастает суть.
Во встречных взглядах — скука и надменность,
А на душе — озлобленная муть.
От раздраженья никуда не деться —
В комплекте, как колючки у ежей.
И полусинтетическое детство
Природой отторгается уже.
Оно сейчас обставлено иначе:
Дороже, ярче качество и цвет,
Но стали мы от этого богаче

Душой? Я не готова дать ответ.
Другая жизнь и времена другие —
Но почему, скажите без затей,
Действительность страдает аллергией
На нынешних, «продвинутых» детей?
По сути, дружба превратилась в стадность,
Где каждый, как в броне, а вместе — жесть!
И юных одиночеств беспощадность —
Из будущего НЕ БЛАГАЯ весть.

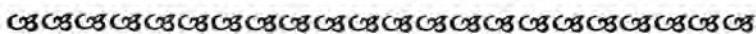
ТЫ И Я

И ты — не ты, и я — не я,
Когда присутствуем на связи.
Не близкие и не друзья
В своём ином многообразье.
Не соглашаюсь. Ты ведёшь
В глубины блеска и печали.
Порою с поединком схож
Наш диалог необычайный...
Несовпадение во всём:
Во времени, в пространстве знаний,
Мы тайну общую несём —
Проникновения в сознание.
Лелея новую строку,
Душой тянусь к тебе невольно —
Как тронешь ты её на вкус,
Поймёшь, где свято, а где больно.
И мне на склоне длинных лет,
Так ничего уже не ждущей,
Ты ухитришься дать ответ
От юности, в тебе живущей.
Ты принял мир, как личный плен —
Чужих потребностей кружение,
Где магия волшебных стен
Тобою призвана к служенью.
А мой дворец — мечта и пыль

Дорог, к нему не приводимых...
Под ноги стелется ковыль
И птицы пролетают мимо.
Но наши тайные дворцы,
Где в парках — музы и скульптуры,
Где мы в них — маги и творцы, —
Они одной архитектуры.

ОСЕНЬ

Отказываться осень не спешит
От радостей тепла и доброты.
Мелодия возлюбленной души
Ложится на опавшие листья...
На боль разлук всегда обречена,
Листовою шепчет ветру: — Не забудь!
Но этой зрелой женщине дана
Такая яркость и такая суть!
Легка походка, яркий сарафан,
В глазах небесной сини глубина...
Её тепло — ласкающий обман,
Да и сама обманчива она.
Замешанная на прощальных днях,
Все краски отпустившая в закат,
Она встречает радостно меня
И говорит: — Никто не виноват!
Ни в том, что было, и ни в том, что есть,
Обид искать не надо и причин.
Странички жизни стоит перечесть
Лишь для того, чтоб память излечить.
Пусть непогода стужею грозит,
Ещё пылают листья канитель.
И каждый день, и каждый жизни лист
Наполнен светом будущих потерь...

ТАТЬЯНА ТРЕТЬЯКОВА-СУХАНОВА (Ставрополь)

Татьяна Третьякова-Суханова родилась в Ставрополе. Поэт, художник-график. Член Союза российских писателей. Автор четырёх поэтических книг и четырёх альбомов графики, изданных Ставропольским краевым музеем изобразительных искусств (2002, 2009, 2014, 2018). Печаталась в международном альманахе «Год поэзии. Израиль, 2009–2010», журнале «Меценат и Мир» (2011), литературном альманахе «Российский колокол» (2014), поэтическом альманахе Союза российских писателей «Паровозъ» (2014), вошла в антологию современной русской прозы и поэзии Союза российских писателей «Лёд и пламень» (Москва, 2009).

НЕБЕСНЫЙ СПУТНИК ПЕРЕЛЁТА

* * *

«Да белым-бела луна полная,
Да красным-красно солнце жаркое,
Да черным-черна ночь глубокая —
Значит, жизнь у нас будет долгая».

Так певала мне моя матушка,
Подпевал ей так да мой батюшка.
Сколько лет тому, а всё помнится,
Как светла была наша горница!
Голова бела лунным пёрышком,
День-деньской сторел жарким солнышком,
Ночь светлым-светла вся до донышка —
Прожит долгий век весь до зёрнышка...
Любозримая, любославная
В пору разную песнь заздравная:
Во красном углу сидит матушка,
Рядом с ней стоит да мой батюшка.

* * *

Прядь волос отведи ото лба.
Сколько света даровано летом.
Облака — посмотри —
Облака,
Словно лебеди, плещутся в небе.
С крыльев скатывается синева...
Так, возможно, и в лунной купели
Звёзды плещутся ночью,
Пока
Спим
В земной колыбели.

ХУДОЖНИК

Он никогда не рисовал дожди,
Он просто мок под этими дождями.
Случалось так,
что в пасмурные дни
Он просто шёл, куда — и сам не зная.
От вечного кружилась голова,
И улетали мысли журавлями,
И где-то там в сиреневом кричали

Своё протяжное кур-лы.
А впереди —
 огни безвестных окон,
Как свет зажжённого костра,
Как озарённые морские берега
Его ещё не сбывшейся надежды.
От вечного кружилась голова,
И улетали мысли
 журавлями.
Дождём дышали вымытые травы.

Он никогда не рисовал дожди —
Он просто мок под этими дождями.

* * *

Это бывает. Это бывает.
Ветер внезапно на вас налетает —
Газовым шарфом, воздушным плащом
Руки вам вяжет, как гибким плющом.
Вот ты во власти его:
Властелин —
Только лишь ветер,
 ветер один.

РОДНИКИ

Я смотрю всё чаще в родники,
В просеки, наполненные летом,
Где живёт не сотканная светом
Вся реальность яркой простоты.

Память — не прозрачная вода,
Но на дне глубокого колодца
Вечно что-то очень звонко бьётся
И звучит, как сильная струна.

* * *

Посижу перед заревом утра,
Предрассветною мглою объята,
Преисполнена тайного чуда
Превращения чувства и взгляда.
Посижу до глубокого вздоха,
Плечи выгнув, как будто для взлёта,
Посижу перед заревом встречи:
Так недолго уже до восхода.

* * *

Я прикасаюсь к вам,
А вы ко мне.
Колблется прикосновенья пламя,
И в этом обжигающем огне
К нам благосклонен час
всепониманья.
Как близок вздох,
И радостна слеза.
Доколе им продлиться
И продлить нас?
И, может, искуплением греха
Когда-нибудь всё это мне приснится.
И смоет ваши ясные глаза,
И лик в лице уже не повторится,
И явственно проступят сквозь года
Насущный хлеб и чистая вода —
Но горек вкус,
И больше не напитокся.
И потому
Печаль поёт во мне.
Не суждено чему-то измениться,
И разделяет нас, увы, вполне
Та дальняя и близкая граница.
И я шепчу,
Шепчу самой себе,

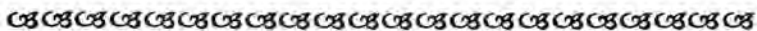
В движенье губ — замолкнувшая птица, —
Да озарится мир пусть вам.
А мне
Достанется одна его страница.

* * *

Тёмный-тёмный вечер.
Вечер и окно.
Согнутые плечи
В чёрное кольцо.
Согнутые плечи,
Чей-то силуэт.
Тёмный-тёмный вечер.
— В доме есть кто,
Нет!

* * *

Нам легко понимать друг друга —
болеем одной болезнью:
в дни низкого стояния солнца
и первых подснежников
нас роднит одиночество.

ТАТЬЯНА ШАЙБУЛАНОВА (Норильск)

Татьяна Ленцовна Шайбулатова (Ващанева) — выпускница Литературного института им. А.М. Горького (семинар И. Волгина). Автор тринадцати книг и трёхтомного собрания сочинений. Печаталась в Москве, Красноярске, Норильске, Греции, Германии, Болгарии. Лауреат конкурсов: Искусство быть свободной (при поддержке Евросоюза); русскоязычных писателей (Греция), Уникум (Норильск) и др. Победитель турнира Северных земель (Германия, Ганновер).

С 2011 года — председатель Союза писателей Таймыра и Таймырского регионального представительства Союза российских писателей. Издатель. Главный редактор альманаха «Аквариум» (Норильск).

ХОЛОДНО

Рассказ

*Посвящается Алексею Смирнову,
Игорю Бозину, Дмитрию Дедину —
норильчанам, прошедшим Афганистан.*

— Валя, ноги мёрзнут... — Григорьев поднял мутные глаза на жену.

Жена не ответила. Она гладила бельё. Расстелила на столе пододеяльник, набрала в рот воды из чашки, стоящей на табурете. Брызнула и поплыла утюгом по белому в мелкий цветочек полотну.

— Валя... Холодно мне...

— Ну, выпей ещё...

Она медленно водила утюгом по ткани... разглаживала морщиночки, надавливала правой ладонью и утюжила, утюжила... словно хотела владить её в поверхность стола.

Григорьев потянулся к табуретке, где стояли чекушка, блюдце с солёным огурцом и двумя половинками варёного яйца. Опрокинул бутылку в гранёный стакан. И бутылка, и стакан были пусты. Вопросительно-удивлённо повернулся к Валентине.

Жена заметила этот его взгляд. Молча вышла из комнаты, поставив утюг на подставку. В узкий коридор, в тёмную кладовую с высоким порогом и тугой дверью. Скриииииииип — открыла дверь. Повозилась там. Пошуршала. Погремела. Скриииииииип — закрыла дверь. Вернулась в комнату с чекушечкой.

— Лезет же в тебя... — уронила пустым голосом. — Закусывай хоть.

Пшшшшш.... Снова поплыла утюгом, теперь по клеткам полотенца. Вафельного, жёсткого. Неприятного.

Налил в гранёный. Почесал бритую голову, небритый подбородок. Взял кругляшок огурца, подумал, положил на блюдце. С вызовом, даже с угрозой произнёс громко:

— Валя, холодно мне!!! — и опрокинул.

Солёный огурец подсыхал на блюде. Хлеб заветрел. Вареное яйцо припорошилось пеплом.

— Закууусыывааай... — устало отозвалась жена.

Не глядя, повёл левой рукой в сторону, взял раздолбанную гитару. Пристроил, чтобы не мешали подлокотники кресла. Обнял, как ребёнка, легко пробежал по струнам тонкими пальцами. Запел:

Вот и колонна уже не видна,
Снова судьба нас с тобою разносит.
В Джелалабадской долине весна...
А я вспоминаю российскую осень...¹

Афганка на нём пестрела пятнами кетчупа, словно капли крови по груди.

— Где Алёшка?

— Ты же вот только звонил ему. Пока дойдёт...

Валентина взяла аккуратную стопку выглаженного белья и унесла в кладовку. Скриииииииип — открыла дверь. Повозилась там. Пошуршала. Погремела. Скриииииииип — закрыла дверь.

Вернулась. Подошла к Григорьеву. Взяла его стопку. Плеснула из бутылки на донышко. Выпила. Взяла кружашок вялого серого огурца. Посмотрела. Положила обратно на тарелку.

Тяжело села на диван, напротив мужа. Долго смотрела.

— Ну что, Коль? Плохо тебе? Чего принести? Горячего? Картошку погреть? Суп гороховый сварила. Будешь?

— Ваааа-ляааа... — Григорьев поднял на жену мутные глаза. — Ты у меня человек... — потянулся к чекушке, на полпути замер секунды на три, вернул руку на струны и хрипло запел:

¹ Песня на слова война-интернационалиста, норильчанина Алексея Смирнова.

Я помню всё до последнего дня,
Память мне редко даёт передышку,
Часто с тоской вспоминаю тебя,
Где ты теперь, мой далёкий братишка?

Помнишь, Серёга, наш маленький пост —
Прошлого века английская вышка,
Синее небо и солнце до слёз.
И на посту с автоматом мальчишка.

Где-то вдали перестрелка слышна,
Снова костлявая жизнь чью-то косит.
В Джелалабадской долине весна,
А мне так всегда больше нравилась осень¹.

В дверь позвонили.

— Лёшка пришёл! — заулыбался Григорьев.

Валентина пошла к двери и почти сразу вернулась. Вместе с ней вошёл высокий крепкий Алексей. В кожаной куртке, вкусно пахнувший морозом... В руках он держал два пакета, под завязку набитых продуктами.

— Валя, — негромко сказал он, — разбери.

Они ушли на кухню, тесную, заставленную шкафчиками. Вкусно и громко зашуршали пакетами. Вскоре Алексей вернулся, отодвинул табуретку и поставил на её место журнальный столик на шатких ножках.

Протянул Григорьеву руку:

— Ну, привет, братуха.

— Привет, — Григорьев, казалось, сразу протрезвел. — Пришёл. Спасибо.

Вернулась из кухни Валентина, убрала с табурета грязное, застелила стол клеёнкой. Снова ушла. Снова

¹ Песня на слова воина-интернационалиста, норильчанина Алексея Смирнова.

вернулась с тремя гранёными стаканами и бутылкой водки «Русский размер». Снова, незаметно, исчезла. Зашуршала на кухне, забрякала посудой, застучала ножом.

— Валь, помочь?

— Уже помогаешь, — крикнула та. — Поговори с ним.

— Поговорю... — задумчиво уронил Алексей, отвинчивая пробку бутылки. Налил в стаканы.

— Что? — Григорьев взял стакан. — За пятнадцатое февраля, бля, одна тысяча девятьсот восемьдесят девятого года¹ нах...

Алексей чуть плеснул из стакана на пол. Выпил молча. Да так и остался стоять. Большой, крепкий, крепкий. Смотрел на друга сверху вниз.

Николай тоже плеснул чуть.

— За ротного. За Михеича, Чебурашку и Серого, — выпил. И, подняв голову, горько и долго посмотрел на Алексея.

— Спой, а? — попросил тот, сел тяжело.

Один патрончик на двоих,
Двоим стреляться — горький стих.
И почему-то неохота
Спорить зря.
Один сказал — сейчас пойдут.
Другой подумал: «Пять минут.
Теперь всё можно,
Только пять минут нельзя...»²

Вернулась жена. Принесла тарелки с колбасной нарезкой, помидоры, огурцы свежие, пахнущие травой;

¹ 15 февраля 1989 года из Афганистана полностью выведены советские войска.

² Один патрончик на двоих — песня воина-интернационалиста Андрея Климчука (разночтения в информационных данных интернета. Один из вариантов — Андрей Климнюк. Автор будет признателен за точную информацию).

зелёный лук, топорщащийся весёлыми перьями. Снова ушла, вернулась с большой миской, в которой дымила тушёная картошка. Села сама за стол, рядом с Алексеем, напротив мужа.

И как будто все теперь только поняли, как голодны. Дружно стали закусывать. Валентина даже улыбнулась робко.

— Самойлова видел, — макая лук в соль, сказал Алексей. — На пенсию вышел. В гараже теперь целыми днями.

Николай заржал.

— Да он и до пенсии в гараже целыми днями...

Захотали. Валентина, опершись на руку, смеялась в ладонь. Алёшка, вытирая выступившие слёзы, сквозь смех шепнул Валентине на ухо:

— Кажется, отпустило его...

Та кивнула в ответ.

Николай будто просветлел лицом, и напряжение, которое не покидало его с утра, спало. Он словно осел чуть. И снова потянулся к гитаре. Но играть не стал. Особенно посмотрел на друга.

Тот кивнул, вышел в прихожую, скоро вернулся с маленьким целлофановым пакетом, достал карманную машинку для скручивания папирос, несколько листочков тонкой бумаги и коробочку с табаком. Вернее, не с табаком... ну, вы поняли.

Закурил. Затянулся глубоко. Передал Николаю. Тот прищурил глаза, и тоже глотнул горького дыма.

— «Что ж вы, русские, траву с бухлом мешаете?..»¹ — вернулась из кухни Валентина.

И словно пахнуло жарким афганцем². И словно песок на зубах захрустел.

¹ «Что ж вы, русские, траву с бухлом мешаете?..» — фраза из выступления команды КВН «БАК-Соучастники».

² Афганец — жаркий, пустынный, изнуряющий ветер. Дует от нескольких суток до нескольких недель. Ранней весной с ливнями. Очень агрессивен.

— На войну хочу... — у Николая афганский синдром обострялся, после третьей бутылки. — На войну. Там всё понятно было. Здесь наши, там духи... туда стрелять... а здесь мы говна не потерпим... помнишь, братуха, приходишь иногда с боевых в полк и вроде бы и делать нечего, скучно. Отоспишься и ждёшь, когда обратно — на боевые, поскорее бы. Ходили в бой, как на работу.

— Ну да, лифчик¹, подсумок...

— У тебя лифчик был пиндосовский², а у меня ремень расстёгивался в самый неподходящий момент, а подсумок с магазинами от АКСа³ вообще на стороне духов воевал.

Заржали.

Водка не кончалась. Лёха доставал новую всякий раз, когда заканчивалась старая. Сам он не пьянел.

Валентина давно перешла на чай.

Григорьев соловел, и незаметно стёк на левый подлокотник.

— Положи его, я постелю.

Валентина быстро сдёрнула покрывало, привычно, ловко раздвинула диван, одним махом застлала простыней, неловко согнувшись, достала из-под него подушки, одеяло и отошла в сторону.

Лёшка легко поднял друга с кресла, положил на диван, ловко стянул афганку, заботливо укрыл одеялом. Снял фиксатор, откатил кресло к окну. На пол, гроыхнув, упали прислонённые прежде к спинке протезы.

— Лёха, прикрой, — заорал Григорьев, рывком сел, посмотрел мутно на жену и друга... выдохнул, и снова упал на подушки.

¹ Лифчик — жилет для ношения боекомплекта.

² Пиндосовский — американский.

³ АКС — автомат Калашникова.

Ему снилось плато, по которому моджахеды¹ пустили стадо баранов. То одно, то другое животное подрывалось на mine и разлеталось красными ошлепками. За ними шли духи, скаля зубы в зловещих ухмылках. Один из них внятно, без акцента произнёс:

— Конец тебе, шурави²...

Быстро прибрали со стола, выключили свет, ушли на кухню. Стояли у окна и курили. Заснеженный двор отражал фонарный свет. В тёмной кухне было тихо. Мурчал холодильник.

Алёшка притушил сигарету, забрал и раздавил в пепельнице окурочек Валентины, обнял её за плечи, и она привычно прижалась к его плечу. Целовались долго в этой странной тишине, она только перехватила его руки, не отпуская их... Алексей вдруг решительно отстранился.

— Я пошёл...

— Иди, родной... — выдохнула без сил.

И не пошла провожать. Слушала, как он одевался, как щёлкнул замок входной двери... Хлопнула подъездная. Смотрела в окно, как он стоит внизу, прикуривает и уходит, широкими шагами, не оглядываясь.

Алексей шёл по скрипучему снегу. Завернул за угол. Развернулся, снова пошёл к дому, а потом вдоль дома Григорьевых. До противоположного угла. И снова назад... снег скрипел под ботинками, как песок по металлу... Опьянение так и не наступило. Не отпустило ощущение вины. «Не хочу на войну, — думал он отчаянно, закуривая очередную. — Не хочу... чёрный

¹ *Моджахеды, духи — члены нерегулярных вооружённых формирований, организованных в единую повстанческую силу в период гражданской войны. Мотивированы исламской идеологией.*

² *Шурави — историческое название советских военнослужащих в Афганистане. Произошло от афганского названия советских специалистов и военнослужащих Советской Армии времён войны в Афганистане (1979–1989).*

тюльпан... красный тюльпан... не смыть из памяти... не хочу...»

Валентина включила свет, вымыла посуду. Выключила свет. В комнате открыла форточку — проветрить, зажгла ночник и устало села в коляску мужа.

Подумала: «Хочу за речку¹...» Да, там было не просто, особенно женщинам-вольнонаёмницам. Там остался молодой Лёшка. Юный, только что после школы, Николай, здоровый и нахальный. И, да, там всё было ясно: здесь свои, там — чужие.

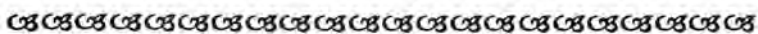
Григорьев нарвался на мину, когда Лёшку на его глазах прошило пулемётной очередью трассирующими пулями. Кинулся на помощь братишке. После боя оказалось — жив Алексей, и почти здоров. Одна пуля прошла касательно по правому плечу, другая — касательно по левому предплечью. Вот так попал между двух пуль одной очереди. А Николая собирали по кусочкам, ноги ему оторвало... хорошо, что «крокодилы»² прилетели сразу...

Григорьев что-то пробормотал во сне. Валентина смотрела на фотографию на стене: пыльная базарная площадь Кабула, размытая сепией; они — трое, все в панاماх, тёмных очках, стоят, обнявшись, и улыбаются.

За окном скрипели по снегу шаги позднего прохожего.

¹ За речку — река Пяндж отделяла СССР и Афганистан по всей её длине... Вот и пошло название: «Служить за речкой».

² Крокодилы — Ми-24 (по классификации НАТО: Hind — «Лань») — советский/российский ударный вертолёт разработки ОКБ М.Л. Миля. Неофициальное название — «Крокодил».

ЛЮБОВЬ ШУБНАЯ (Ставропольский край)

Любовь Шубная — поэт, прозаик, переводчик, журналист. Автор сборников поэзии и прозы, вышедших в России и Республике Беларусь, публиковалась в журналах и альманахах многих стран. Лауреат и дипломант международных конкурсов. Заслуженный работник культуры РФ. Член Союза российских писателей, Союза журналистов России и Международного творческого объединения детских авторов. Редактор газеты «Александровская жизнь» в селе Александровском на Ставрополье.

Я ИЩУ ЛИСТОК ЗЕЛЁНЫЙ

ВРЕМЯ СВЕРЧКОВ

Песня сверчков из далёкого детства
Снова звучит среди пыльного лета —
Стоит прислушаться, стоит взглядеться —
Всюду есть милые сердцу приметы.
Где-то за временем — хутор уснувший,
Маленький домик... Цветы на окошке...
А на ковре из старинного плюша

Грустные-грустные белые кошки...
Где-то за временем бабушка Маня
Машет платком, провожая в дорогу...
Песня сверчков. Время дали туманит,
Детство скрывая от нас понемногу.

НА СОННОМ ОСТРОВЕ

На солнечных часах уснул вчерашний день,
Усталый бриз прильнул к плечу рябины.
И робкий лунный свет метнулся по воде,
Ажурным шарфом лёг волнам на спины.

Настроена душа на счастье и стихи,
Наполненные радостью земною —
Вдали от суетных страстей, мирских стихий
На сонном островке любовь со мною...

* * *

Мне надо серьёзно и срочно лечиться —
От злости, что в сердце вцепилась волчицей,
От боли, что душу кромсает на части,
От бед и печалей — любовью и счастьем.

ЕЩЁ ВЧЕРА

Всё чаще сын спешит из дома,
Всё чаще телефон звонит —
И сын с девчонкой незнакомой
О чём-то тихо говорит.

Как быстро годы пролетели!
Ещё вчера звонили мне,
И птиц восторженные трели
Так сладки были по весне!

МУДРО...

Под мелодию дождя
Дремлет мартовское утро.
Хлопну дверью, уходя —
И услышу: «Очень мудро!»

Глупо, ты, конечно, прав,
Просто так сейчас расстаться.
Мудро — хлопнуть, уходя,
Но ещё мудрей — остаться.

КТО ТАМ?

Как мало мы друг друга берегли
И горьких слов порою не жалели...
Теперь уже обиды замели
И остудили белые метели.
Мы ссорились по разным пустякам,
Понять друг друга даже не пытаюсь...
Стучатся... Дорогой, спроси, кто там?
А за окошком голос: «Ваша старость...»

* * *

Куплю себе шляпу зелёного цвета.
Зачем? Расскажу только вам. По секрету.
Хочу, чтоб зимой удивлялся народ:
— Смотрите, по улице лето идёт!

* * *

Наступили на сердце.
Спросили: — Не больно?
Предложили воды в решете:
— Довольно?
Вместо хлеба кирпич протянули:
— Так надо!
Улыбаясь, в глаза заглянули:
— Ты рада?

ЖИЗНИ ТОНЕНЬКАЯ НИТЬ

О, жизни тоненькая нить!
Неровно сшитые полотна
Зигзагом робким — сверху вниз —
Порой непрочно и неплотно...

Из горьких и счастливых дней
Я жизнь свою сама сшиваю,
И между ними узелки
Частенько прятать забываю...

* * *

*И Байрона достигнуть я б хотел,
У нас одна душа, одни и те же муки;
О если б одинаков был удел!*

М. Лермонтов

Мне до столичных мэтров далеко —
Крылат Пегас, но прочно стойло быта.
Порой строка рождается легко,
И мой Пегас о стойло бьёт копытом.

Он не привык к роскошному житью.
Кусочек сахара, без лишних церемоний,
Ему за верность снова подаю,
И он берёт его с моей ладони.

НЕДОПИСАННОЕ ПИСЬМО

Неухоженная кошка,
Не политые цветы,
Одинокое лукошко
У нетопленной плиты.

В полусумрачной веранде
Пахнет липой и рекой,
Ветер носит лист тетрадный
С недописанной строкой.

На столе — стихи о счастье,
Ваза с чистой водой...
Так нелепо слово «здравствуй»
Рядом с болью и бедой.

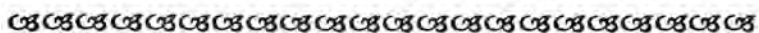
СТРАННОЕ ДЕЛО

Десяток рассказов,
Две тысячи строк
Успеть бы закончить
В отпущенный срок.

Но жизнь корректируют
Снежные зимы,
Весенние ветры
Прносятся мимо...
Мчится вприпрыжку
Весёлое лето,
В роще за речкой
Теряется где-то...

Жёлтая осень.
Странное дело.
Так незаметно
Жизнь пролетела...

ЭСТАФЕТА

ЛАРИСА АГАФОНОВА¹

ВИЖУ ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ...

ЧЕРДАК

На пыльном чердаке под самой крышей,
Нагретой за день летнею жарой,
От любопытства высунулись мыши,
Считая мои действия игрой.
Коробки, чемоданы, старый чайник —
Игрушек мягких хватит на детсад.
Перебираю детство... юность... Тайны
Все эти вещи бережно хранят.
Всю летопись надежд и потрясений.
На старых письмах выцвели слова.
Сберёг от тлена память поколений
Чердак. Моя история жива.

¹ Ранее печаталась под фамилией Адамова.

МУЗА

Ты шепчешь рваные стихи —
От них на сердце больно.
Их проливая, как духи,
Я вздрагивал невольно.
Я опасался распороть
О струны рифмы душу.
И, хоть моя страдает плоть,
Я не сбегу... не струшу!
Ты, Муза, главное, пиши!
Шепчи тихонько в ушко.
Ты удаляться не спеши,
Ещё словам не душно...
Пока могу дышать и петь,
И сердцем не лукавить,
Как светлячок в ночи гореть,
Я всё могу исправить.

* * *

Ночь. Домашние спят давно.
С болью один на один.
Тоска — госпожа или господин? —
Лезет в моё окно.
Нагло. Без спроса и без звонка —
В душу с грязным тряпьем.
Как же она на помине легка —
Вместе беду запьем.
Тише, тоска, не буди семью,
Пусть в неведение спит.
На полувсхлипе я сон ловлю.
Что он ещё таит...

* * *

Запах терпкого чая
С мятой и чабрецом.

Грусть и печаль растают:
Рядом мама с отцом...
Вижу детство и юность
В дымке костра времён.
Так отчего взгрустнулось?
Ткани ветшает лён.
Так отчего тоскливо
Плесенью пахнет день?
Слышишь, как плачут ивы,
Холодом тянет тень?
Хоть бы на миг очнуться,
Плен паутины снять.
В то зазеркалье вернуться,
Счастье своё обнять...

* * *

Вдова-соседка дождалась внука —
У Бога много лет его молила.
У сына не работает рука.
Невестка с детства с палочкой ходила.

Им сложно быть такими же, как все.
Но, несмотря на трудности порой,
Они живут на белой полосе,
Не думая, кто первый, кто второй.

Им миллионов в жизни не видать,
Две комнаты на выселках — мечта.
А на чужое мнение... плевать.
Чужие пересуды — пустота.

Пусть крутят у виска со стороны,
За них решая «можно» и «табу».
Они здоровы духом. Те больны,
Кто позволяет их вершить судьбу.

ЭЛИНА АНТУШЕВА

* * *

Тишину нарушает
Звук упавшего яблока.
Это длинное лето
Подходит к концу.

Хоть на миг, хоть во сне
Мне хотелось бы как-нибудь
Прислониться лицом
К дорогому лицу.

Насладиться его
Упоительным запахом,
Поерошить рукой
Чашу жёстких волос,

А пока в тишине
Звук упавшего яблока
Воскрешает его
И спасает от слёз...

АЛЛА ВАЛЬКО

МОЙ ДРУГ И УЧИТЕЛЬ СЬЮ УИЛЛНЕР

Когда я приехала в Калифорнию на длительный срок, то Беверли, координатор программы «Грамотность взрослым», по моей просьбе прикрепила ко мне для занятий английским языком наставника Сью Уиллнер. Сначала наши беседы с ней касались моих интересов в Москве и Карпинтерии, проблем здоровья, погоды, моей дочери и внуков. Я рассказала Сью о своём инженерном и научном прошлом, о нынешнем увлечении литературным творчеством. Постепенно мы перешли к обсуждению международных событий. Оказалось, что в наших взглядах много общего.

В свою очередь, Сью рассказала, что её родители евреи. Отец родился в Америке у родителей-иммигрантов из Одессы, а мать, еврейка из сефардов, родилась в Александрии, в Египте. Сью выросла в Бронксе, одном из районов Нью-Йорка. В детстве отец ежедневно отвозил дочь в библиотеку, а мать учила её любить и принимать людей такими, какие они есть.

Сью получила хорошее образование в государственной школе в Нью-Йорке, а затем окончила колледж Квинс Нью-Йоркского университета. Во время учёбы в колледже она занималась историей и политологией и здесь встретила своего будущего мужа Артура Уиллнера. Пятьдесят лет спустя, имея двух дочерей и трёх внуков и пожив в Нью-Йорке, Северной Калифорнии, Орегоне, Массачусетсе, а теперь и в Южной Калифорнии, оба они по-прежнему рады, что когда-то встретили друг друга.

Завершив образование по программе менеджмента в области информации о здоровье в Северо-Восточном университете, Сью поступила в Главную больницу Массачусетса в Бостоне, где работала помощником директора по медицинским записям. В Калифорнии Сью занимала ответственные должности в области менеджмента и преподавания медицинской информации в больницах, клиниках и учебных заведениях, работала в Городском колледже Санта-Барбары. В 2009 году она ушла на пенсию.

Когда в библиотеке нашего городка состоялась встреча наставников и студентов, то среди гостей была и я. Во дворе библиотеки был поставлен стол, на который участники встречи выставили принесённые с собой угощения. Я хотела познакомить своих новых знакомых с каким-нибудь русским лакомством и принесла морковный пирог. Когда дошла очередь отведать его, все стали гадать, из чего он приготовлен. Я специально добавила в тесто какао, чтобы отгадать его состав было труднее. После нескольких неудачных попыток кто-то всё же сообразил, что пирог приготовлен из моркови.

Во время наших занятий мы обменивались с Сью впечатлениями о событиях нашей жизни за неделю. Как-то Сью поинтересовалась, какая у меня в Москве пенсия. Я ответила, что с добавками от мэрии и за лекарства по курсу на тот момент она составляет прибли-

зительно 300 долларов. Однако в Калифорнии я могу позволить себе тратить значительно меньшую сумму, поскольку у меня нет столько денег, чтобы жить здесь длительное время и тратить всю месячную пенсию. Сью сказала, что в Калифорнии все без исключения жители-одиночки, имеющие доход не более 1507 долларов в месяц, могут получать продовольственные наборы от Продовольственного банка. Я и сама неоднократно видела, что возле школы на нашей улице часто организовывалась раздача продовольственных продуктов, и многие жители несли большие сумки, заполненные продуктами, в том числе фруктами и овощами.

Оказалось, что Сью досконально знает этот вопрос, поскольку является волонтером не только в программе «Грамотность взрослым», но и в Продовольственном банке, а также в других программах. Она считает, что «пришло время отдавать». Кроме этих обязанностей, Сью на добровольных началах работает в программе «Сострадательная забота», в заповеднике морских котиков в Карпинтерии, организациях «Карпинтерия красивая» и «Куклы Долли изменяют жизнь».

«Сострадательная забота» — это организация типа хосписа, целью которой является оказание поддержки людям с заболеваниями, представляющими угрозу для жизни. Добровольцев направляют к пациентам, имеющим разные потребности: одни нуждаются в уходе за ребёнком, другие — в помощи, связанной с домашней работой, третьи — в дружеском общении, а есть и те, кому нужен транспорт для получения медицинских услуг.

В заповеднике морских котиков, где Сью дежурит два часа в неделю, её обязанностью является защищать животных от вторжения в заповедник людей. Дело в том, что с 1 января по 31 мая проход по территории заповедника запрещён, так как в это время самки морских животных вынашивают, а затем воспитывают своих щенков. Любое нарушение их спокойствия может

привести к необратимым последствиям. Бывает, что некоторые люди забывают о своей ответственности перед дикой природой, и тогда ей на помощь приходят добровольцы, подобные Сью.

«Карпинтерия красивая» является добровольной организацией, цель которой — сохранение города красивым. Существует много аспектов этой деятельности, и Сью отвечает за поддержание чистоты улиц и общественных мест в радиусе полумили от её дома.

«Куклы Долли изменяют жизнь» — это женская организация в Южной Калифорнии, посылающая кукол и плюшевых мишек детям всего мира, у которых их нет. Для кукол ручной работы Сью вяжет одеяла, в которые их заворачивают, а затем куклы попадают в руки ребёнка, которому нужен «друг».

В свободное время Сью любит читать, посещать кино и театры, а также путешествовать.

На мою просьбу рассказать о муже Сью ответила, что попросит его написать мне письмо с изложением своей биографии. Вот что написал Арт:

«Моя карьера была связана с компьютеризированными бизнес-системами для крупных компаний. Я работал в банках, в страховых компаниях и десять лет своей жизни посвятил системе здравоохранения, в которой пациенты имеют возможность посещать врачей по своему выбору, а также больницы, в которых затраты пациентов тщательно контролируются благодаря эффективному управлению.

Я был также одним из основателей и старшим вице-президентом частной компании, предоставлявшей крупным компаниям программное обеспечение для начисления заработной платы, управления персоналом и администрирования льгот. Кроме этих двух компаний, я работал в большой страховой компании, а также в компании, владеющей пятьюдесятью ресторанами. Кроме того, я был консультантом, предоставлявшим

временную помощь и проводившим экспертизу изменений в работе компьютеров, обусловленных окончанием 1999 и началом 2000 года, поскольку считалось, что при смене века произойдёт много компьютерных ошибок.

Наконец, я стал преподавателем. В течение двенадцати лет я работал в Университете Феникса, а также в местном колледже, обучая студентов бизнесу и компьютерным системам. Я получил степень бакалавра по социологии и математике в колледже Квинс в Нью-Йорке и степень магистра управления бизнесом, присвоенную мне Университетом «Золотые ворота» в Сан-Франциско совместно с Калифорнийским университетом в Беркли.

Теперь, находясь на пенсии, я на добровольных началах продолжаю заниматься различной общественной деятельностью: налаживаю дружеские контакты с людьми, имеющими серьёзные заболевания, обучаю студентов английскому языку по программе «Грамотность взрослым», провожу беседы с учениками старших классов средней школы, работаю водителем в местном агентстве, осуществляя перевозку людей, не имеющих личного транспорта. У меня широкий круг интересов: теннис, социальные вопросы, различные игры, политика, так как я считаю, что разнообразие придаёт остроту жизни.

Сью рассказала, что у супругов две дочери. Старшей дочери 45 лет. Она живёт в Лос-Анджелесе с мужем и тремя маленькими детьми в возрасте семи, пяти и трёх лет и работает на федеральное правительство. Одновременно она является автором детских книг и стихов. Младшей дочери Сью и Арта 42 года. Она живёт в Остине, в штате Техас, где ведёт успешную практику психотерапевта.

Однажды Сью пришлось перенести хирургическую операцию. Но даже в тот трудный для неё период она не проводила со мной занятия, лишь когда находилась в госпитале. Тогда я приезжала к ней домой. Уиллнерам принадлежит половина красивого двухэтажного дома. Внизу находится большая гостиная, кухня и туалет,

на втором этаже — три спальни и две ваннные комнаты. Рядом со входом в дом расположен гараж. Сзади дома — небольшое, но уютное патио, окружённое стенами и зелёной изгородью из деревьев и кустарников. Внутренняя обстановка дома достаточно скромная и в то же время изысканная.

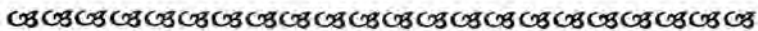
Как-то я пригласила Сью и Арта на обед в съёмную квартиру, в которой жила в то время. Я хотела угостить своих гостей русскими блюдами, поэтому приготовила на закуску баночного тунца с майонезом и салат из свежих овощей, на первое — бульон с курицей и вермишелью, на второе — вареники с вишней, сметаной и вареньем. На десерт — фруктовое ассорти, политое взбитыми сливками, тыквенный пирог, чай с лимоном. Среди моих блюд тыквенный пирог, безусловно, не являлся русским блюдом, но я не успела спечь шарлотку. Я немного опасалась, понравится ли он Сью и Арту, но оказалось, что мои сомнения были напрасными. Тыквенный пирог является их любимым лакомством. Гости восхищались вкусной едой и русским гостеприимством. К сожалению, тогда они не съели весь пирог, и когда ко мне в гости приехала дочь, я ей предложила попробовать американское яство. Но дочь, как и я, не нашла его приятным на вкус. Другое дело пшённая каша с тыквой или протёртый тыквенный суп!

Весьма привлекательным в Сью является также то, что она внимательный собеседник и искренний советчик. Она не только занимается со мной изучением истории США и их политического устройства, не только подсказывает, как правильно произносить те или иные слова, но всегда с искренним сочувствием относится ко всем моим переживаниям и к моему здоровью, касается ли это издания моей новой книги или моего самочувствия. В случае необходимости она всегда готова отвезти меня к врачу и быть медиатором между ним и мной на приёме. У Сью есть ещё одно замечательное качество, выделяющее её среди всех наставников: она говорит

очень чётко и медленно, так что студенты, даже плохо понимающие устную речь, в состоянии понять её.

По случаю моего отлёта в Москву вместо нашего последнего занятия Сью пригласила меня в ресторан на ланч, где за нашу дружбу, возникшую и окрепшую за минувший год, Сью чокнулась со мной своим стаканом с водой и льдом, а я — стаканом с зелёным чаем. Я счастлива, что судьба подарила мне знакомство с этой замечательной женщиной.

Сью милосердна, как Мать Мария, и надёжна, как краеугольный камень, на котором основана Церковь Иисуса Христа, хотя верующей она никогда не была.

ТАИСИЯ ВЕЧЕРИНА, ЛОЛА ЗВОНАРЁВА

ТРУДЫ И ДНИ РИММЫ КАЗАКОВОЙ: «ОТЕЧЕСТВО, РАБОТА И ЛЮБОВЬ...»

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

«ПРИПОДНИМИТЕ ПЛАНОЧКУ, Я ПРЫГНУ ЧУТЬ ПОВЫШЕ...»¹

В мае 1964 года Казакова жила в Переделкине и готовила к изданию новый сборник. Университетская подруга прилетела из Якутии на несколько дней в Москву, и писательница пригласила её в гости. В тот год во второй половине мая стояла хорошая погода. Когда подруги договаривались о встрече, поэтесса предупредила: в Доме творчества живёт Михаил Аркадьевич Светлов, и они обедают за одним столом.

Московский художник Анатолий Елисеев в книге «Зарницы памяти» (2016) живо вспоминает Светлова, с которым часто встречался в те годы: «Одна его репута-

¹ Продолжение. Начало см.: «Муза», №№ 32, 33.

ция неисчерпаемого остроумца настраивала на весёлый лад. В невесомом тельце (сам он его называл теловычитанием) работал, как завод, производитель шуток. И эти шутки-анекдоты преподносил он не как торт на именины, а высыпал их на стол, будто завалившуюся мелочь из кармана. Сам редко смеялся, но живым глазом на безразличном лице довольно посматривал, как хохочет, заливаётся застолье. Иногда он затевал азартные словесные игры. Папаха — мамаха, папоротник — маморотник: кто найдёт больше родительских подобий. Морщинистый шалун. Без злобы, без аппетита к жизни, без жажды высветиться. Его даже самые весёлые шутки, казалось, были покрыты патиной грусти. Как-то я со стороны, с другого конца зала, увидел Михаила Аркадьевича в лихой компании литераторов... Светлов сидел как-то бочком, не совсем за столом. Не ел. Небрежно ронял шутки... казался одиноким чужаком, случайно забредшим в этот ресторанный зал, осенним скрюченным листочком, прилепившимся к краешку стола. Он, чужак, здесь просто убивает время, ожидая, что вот-вот распахнутся двери, появится ослепительная стюардесса и объявит: «Ваш вылет». Он согласно кивнет, грустно улыбнётся, встанет с трудом и худеньким крючочком зашаркает, покачиваясь, за сверкающей проводницей. Там он расправит плечи, вздохнёт полной грудью и легко взбежит на трап».

При первом знакомстве Светлов любил всех разыгрывать. Таисия надела яркое летнее платье, сделала в парикмахерской причёску; из густых седых волос — начёс по тогдашней моде. В день приезда поспешили в писательскую столовую: Казакова — впереди, подруга — за ней, молодая и седая. Михаил Светлов уже сидел за столом, приветливо приподнялся навстречу, развёл руками и воскликнул: «Старуха! Где ты пропадала? Я тебя так давно не видел!» Тая сразу нашлась: «Конечно, Михаил Аркадьевич, с гражданской... Помните, в

последнем бою я подносила вам патроны к пулемёту?» Он заулыбался и добавил: «Ну и ловкая ты была...» — и рассмеялся. За первым обедом Светлов наклонился к Тае и заговорщицки прошептал: «Я тебе по утрам буду давать растворимый кофе. У них ни у кого нет, а ты заслужила». В те годы о существовании такого кофе многие только слышали. Дефицит!

Подруга тогда не знала, что и молодую писательницу при первом знакомстве поэт встретил розыгрышем. Это произошло в 1959 году в Ленинграде, где Казакова участвовала во Всесоюзной поэтической дискуссии и выступала вместе с ним на одной площадке. Тогда она впервые вышла на сцену филармонии с корифеями отечественной поэзии Михаилом Светловым и Ольгой Берггольц. «После вечера, — вспоминала Римма Фёдоровна в 2003 году, в год столетия Светлова, — он подошёл ко мне, подарил мне книжку и посоветовал: «Обрати внимание, старуха, я тут написал: «Римме Казаковой, кажется, очень талантливой!» Я сказала: «Михаил Аркадьевич, вы меня и огорчаете, и радуете: вы написали «кажется», но и «очень талантливой». Он засмеялся, потому что я вошла в систему его игры. От Светлова никогда не было никаких похвал, но его жизнь всё время присутствовала в моей жизни».

Казакова считала: две встречи повлияли на её творческую жизнь. Первая произошла ещё в 1957 году, когда молодая поэтесса, приехав в командировку в Москву, пришла в Центральный дом литераторов, и писатель Радий Фиш представил её Светлову: «Вот девочка, которая живёт на Дальнем Востоке и пишет стихи!» «Светлов ласково обратился ко мне, — вспоминала Римма Фёдоровна. — «Старуха, прочти что-нибудь покороче». Я прочла стихотворение из трёх строф. Светлов раздумчиво пожевал губами и сказал: «А теперь переверни». «Как это?» «Какая непонятливая! Прочти всё наоборот — то, что было в конце, пусть будет в нача-

ле». Я быстренько прочла стихи задом наперёд. Светлов сказал: «Ты знаешь, всё равно плохо!» Я была поражена в самое сердце. Урок мастера». В тот вечер писатели-фронтовики пели военные песни. Молодая поэтесса их тоже знала и любила и, как человек компанейский, осмелела и начала подпевать. Светлов положил ей руку на плечо и сказал: «Старуха, у тебя неплохо получается! Может, тебе лучше в хор Пятницкого податься?» Во всём, что касалось профессии, Светлов оставался суровым и жёстким, а ещё — очень чутким и внимательным». Когда через три года Светлов дал её стихам высокую оценку, Казакова поняла: первый урок не прошёл даром. Она продвинулась в освоении поэтического ремесла: «кажется, очень талантливой...», слово «кажется» обязывало её двигаться вперёд.

Однажды Светлов попросил её устроить поэтический вечер. «Он сидел в кресле и слушал меня, не говоря никаких громких слов». А во время прогулки по территории попросил что-нибудь прочесть. Поэтесса выдала маленькое стихотворение, а он заметил: это песня. Потом объяснил, чем песня отличается от стихов: в ней словам должно быть более просторно, между словами должно быть расстояние. Тогда Казакова прочла стихотворение «Песенка о парусе», которое вскоре посвятила М.А. Светлову. В 1990-е годы известный бард Сергей Никитин написал на стихи Казаковой музыку и с успехом исполнял под гитару песню «Парус».

После кончины поэта у поэтессы состоялась заочная встреча со Светловым. Ей позвонили из театра имени Гоголя. Светлов писал песни для какого-то спектакля, но одну не успел закончить. Её спросили: не может ли она сочинить песню в его стилистике? Казакова согласилась и постаралась стилизовать текст в светловском духе: «От рассвета до заката, / с перерывом на обед на полчаса, / ах, ребята, ребята, ребята, / ах, ребята, происходят чудеса!» «У меня всегда было ощущение чуда от общения с

ним, — написала Римма Фёдоровна о Михаиле Аркадьевиче. — Он когда-то написал про «утверждающее начало, отрицающее финал», так оно и оказалось в жизни. Это, думаю, наиболее правильная позиция. Всё тупиковое, окончательно печальное не присуще человечеству. Человек — радостное дитя Природы, и, когда сегодня люди читают стихи Светлова, в них побеждает это радостное начало. В этом его огромная заслуга перед людьми, перед словом, перед литературой».

Знакомство с М.А. Светловым стало для подруги Казаковой щедрым подарком судьбы. Молодые женщины знали: смертельно больной поэт находится под наблюдением врачей и спит на специальной кровати, его не выпускают за пределы территории Дома творчества. О поездке в Москву не могло быть и речи. Когда поэта навещали знакомые, он со свойственным ему юмором спрашивал гостя: «Надеюсь, ты пиво мне привёз?» Гость оторопело признавался: «Нет. Я не знал, что вы хотите пива». «Эх ты! А у меня уже есть раки!» — упрекал его Светлов. Близкие поэта знали страшный диагноз — последняя стадия рака лёгких, и в его комнате на втором этаже гостей встречали кислородные подушки, баллон.

Но Светлов словно не замечал болезни. За завтраком он предложил: «Мне Вася Шукшин прислал приглашение на премьеру своего фильма «Живёт такой парень». Вася чертовски талантлив, и я его люблю. Премьера будет завтра, в пятнадцать часов, в Большом зале Дома литераторов. Я знаю, как мне удрать от запретов и врачей, и прошу вас помочь мне осуществить мой гениальный план». Подруги заволновались: «Как помочь? Что делать?» Светлов объяснил: «Завтра, сразу же после обеда, в 13–30 вы подгоняете к забору с другой стороны здания машину такси. Я там, в заборе, вчера нашёл хорошую дыру... Мы садимся в машину и все едем в Москву. После просмотра возвращаемся опять же на такси. Я за всё плачу».

План подруги осуществили блестяще: их не поймали, не остановили, и они уехали в столицу. Прибыли в Дом литераторов. Михаил Аркадьевич просит Таю: «Ты меня не бросай, а то Римму сейчас знакомые окружают, и она уйдёт, а я буду держаться за тебя». Идёт еле-еле, держа спутницу под руку и опираясь на палку, которую вдруг роняет... Тая немедленно наклонилась, подала ему палку, он поблагодарил и сказал: «Старуха, выходи за меня замуж. Обязанности у тебя будут простые — вот будешь мне иногда подавать палку». Тая ответила на полном серьёзе: «Это дело надо обдумать». — «А чего думать-то? Соглашайся». В это время их окружил народ, и они стали подниматься по лестнице в Большой зал. Шли медленно, но в конце концов добрались и сели где-то в восьмом или девятом ряду. Светлов совершил подвиг, поднявшись, а после фильма спустившись по лестнице ЦДЛ.

Когда на экране замелькали последние титры и все вышли в фойе, к Светлову подошёл Василий Макарович Шукшин с актёром, исполнителем главной роли Леонидом Куравлёвым. Светлов похвалил фильм, обнял и поздравил Шукшина, и нас пригласили в ресторан. Столы накрыли буквой «П»: тамада — знаменитый спортсмен Николай Петрович Старостин. Михаил Аркадьевич попросил посадить себя и спутниц около выхода. Начались тосты, поздравления; народ закурил и зашумел. Светлов со спутницами посидел за столом полчаса, и Михаил Аркадьевич предложил: «Старуха, давай уезжать, а то мне сил не хватит добраться до постели. Иди на площадь, там стоянка такси, только не говори, что ехать до Переделкина. Таксист может отказаться. Скажи, что надо друзей забрать из Дома литераторов, а там скажем, куда ехать».

Минут через двадцать такси подъехало к Дому литераторов, Казакова со Светловым уже стояли на улице. Михаил Аркадьевич сел на переднее сидение и велел

шофёру: «Вези в Переделкино». Шофёр стал возмущаться, а Светлов возразил: «Не шуми! Я плачу тебе в оба конца. А потом — имей в виду: будешь хвастаться, что ты последний раз вёз на такси из Москвы знаменитого поэта Михаила Светлова». В дороге поэту стало дурно, подруги пытались развлечь его чтением стихов — его и Казаковой. Он попросил попеть, что они и сделали, даже «Каховку» исполнили. Доехали благополучно.

А в Переделкине царил переполох. На подруг накиннулись: «Как вы могли такое сделать!» Слабым голосом Светлов защищал девушек. Эта ночь для него оказалась тяжёлой, к завтраку он не вышел. На следующий день подруга уезжала и решила посоветоваться с Казаковой, как ей попрощаться с поэтом. В ту пору буйно цвела сирень — на дворе стояла вторая половина мая. Подруги пошли на станцию: рядом с перроном обычно продавали пахучие ветки. Купили полную корзину. С охапкой сирени они робко постучались к Светлову. Слабый голос ответил: «Да». Поэт полулежал на кровати с высоким подголовником, увидев подруг, обрадовался, спросил: «Вас не арестовали?» Шутил, а выглядел плохо. Подруга прощалась, пожелала здоровья, а потом она наклонилась и поцеловала беспомощную руку поэта. Таисия улетела в Якутию, в город Мирный. А в сентябре пришло горестное сообщение: скончался Михаил Аркадьевич Светлов. Таисия горевала и вспоминала дни общения с поэтом. Казакова участвовала в похоронах.

О дне похорон вспоминает поэт Валерий Лебединский.

«Свыше полувека назад, 1 октября 1964 года, мне довелось быть у гроба Светлова в Центральном доме литераторов. Сменились поколения, почти не осталось тех, кто там тогда стоял, и даже в писательских кругах я их не встречаю.

...Я жил тогда в далёком Херсоне и приехал для дипломной работы, а тут сообщение: «Умер Светлов». Я

узнал, где находится ЦДЛ, и вот... первый раз открываю его массивную дверь.

В глаза бросился большой белый вертикальный плакат прямо напротив входа, на стене. Каждый, кто входил в холл, прочитывал его прежде, чем подходил к гробу. На нём чёрным по белому кто-то вывел слова из поэмы Светлова «Живые герои»:

...И если в гробу мне придётся лежать,
Я знаю, печальной толпою
На кладбище гроб мой пойдут провожать
Спасённые мною герои.

Прохожий застынет и спросит тепло:
— Кто это умер, приятель?
Герои ответят: умер Светлов,
Он был настоящий писатель.

Я бесконечно вчитывался в эти стихи, прежде чем подошёл к гробу... Потом, за полвека, в этих стенах, в Большом и Малом залах, пришлось провожать Липкина и Ахмадулину, Евтушенко и Римму Казакову. Там были свои слова, висели свои портреты, но никогда больше так не были к месту стихи покойного, как эти восемь строк...

Гроб был поставлен у входа в Малый зал. Людей было немного, все стояли вокруг. Я подошёл к изголовью и положил цветы. И, сколько стоял, всматривался в усопшего автора «Гренады»... Ему был всего 61 год, но не было свободного места от морщин на всём его лице: лоб, щёки, подбородок изрезывали глубокие дугообразные полосы... На всю жизнь запомнил я это лицо...

...В течение десятилетий я пытался узнать, кто был в тот день рядом со мной у гроба. Там был критик, наставник молодёжи Григорий Левин, с которым потом я был близко знаком. И... только сейчас я узнал из по-

вести, что перед читателем, что рядом со мной, в числе немногих молодых, стояла Римма Казакова.

Да, именно рядом со мной. Нас было мало, все были рядом».

1963 и 1964 годы проходили в заботах о малыше, в преодолении бытовых трудностей. Римма Фёдоровна окончила Высшие литературные курсы, писала стихи, готовила к изданию новую книгу. В письме в 1964 году она писала: «Лето мы с Егоркой провели в Анапе. Просто жили, а у папы снимался фильм по его сценарию «Мать и мачеха». В начале 1965 года он должен появиться на экранах. Я написала две песни к этому фильму, но одну, кажется, вырежут. (Она — блатная, как просил режиссер)». Казакова сообщила: работает в редакции журнала «Смена», членом редколлегии, курирующим поэзию.

Семья наконец-то получила квартиру на Ленинском проспекте — две комнаты на пятом этаже, без лифта: «Теперь уж обязательно, как будете ехать, останавливайтесь только у нас. Места хватит». В квартире действительно, по словам Казаковой, было уютно: «Мы жили в этом доме, как в хорошей коммуналке. Одалживали у соседей то раскладушку, то три рубля на хлеб. Жили дружно, как сёстры и братья. Ходили в гости друг к другу».

В том же письме она рассказывала: огорчения от неадекватного поведения мужа иногда вводили её в ступор. В августе 1965 года дома собрались отмечать пятидесятилетие Георгия Георгиевича. Он пригласил на юбилей и первую жену. Хозяйка не возражала, но перед торжественным обедом муж её предупредил: «Я с ней прожил больше, чем с тобой, поэтому с ней и буду сидеть за столом». Поэтесса с горечью потом замечала: «Мы и любовь с ним понимали по-разному. Он разрушал то, что тлело».

У писательницы появилась возможность больше заниматься творчеством, работой в редакции журнала,

выступать перед читателями: сыну нашли надёжную няню — Ульяну Андреевну. Эта женщина вырастила детей Радова от первого брака и согласилась пестовать третьего ребёнка писателя. Работящая русская женщина родом из Курской области стала преданным помощником и хорошей хозяйкой в доме. В архиве мы нашли тёплый рассказ Риммы Фёдоровны о няне: «Няня Уля ушла из жизни в семьдесят два года от внезапной и неожиданной болезни. И только после её смерти я всё больше и больше стала понимать, чем она была для меня и моей семьи. Простая курская крестьянка, которую по-настоящему читать и писать научил мой сын, когда пошёл в школу. Она обладала здравомыслием, трудолюбием, твёрдыми нравственными понятиями, чувством юмора. Она прожила двадцать пять лет в моём доме и в конце концов стала полной хозяйкой дома, домоправительницей, кормилицей, воспитательницей его взрослых и юных обитателей».

Казакова приводит точные оценки, мудрые советы и шутки Ульяны Андреевны. Возвращается Радов из командировки, «крупный, громкий, заполняющий собой пространство, живущий в нём ярко, почти гротескно. Отворяет дверь квартиры и с ходу бросает ждущей нас — руки в бока — Ульяне Андреевне: «Уля! Устал! Ох, устал». Ульяна невозмутимо, зная натуру хозяина, принимает игровой пасс: «Устали! Крыльями, что ль, махали? Это самолёт устал!» «Скажите, Римма Фёдоровна! Вот вы много ездите в заграницу. Как там собачки гавкают? Гав-гав? А кошки как мяукают? Мяу-мяу? Ну, так что же люди-то на разных языках говорят? Вы, как хотите, но я этого не понимаю!» Обсуждают телевизионные передачи. Ульяна говорит, что про войну не любит. «Я люблю Шукшина и Ахмадулину». Римма: «Уля, вот вы вчера смотрели выступление Беллы Ахмадулиной по телевизору. Но скажите честно, ведь непонятно вам было?» «Непонятно, — с чувством собственного до-

стоинства отвечает Ульяна, — зато как красиво! Вы так не можете». «И пошла на кухню, а я чуть не зарыдала оттого, что так не могу». Ульяна Андреевна скончалась в 1987 году и была похоронена Риммой как родной человек.

В 1964 году в одном из июньских номеров «Литературной газеты» с обзором «Стихи в мае» выступил секретарь Союза писателей, поэт военного поколения Сергей Наровчатов. Строгий ценитель, он отмечает вышедшие книги поэтов М. Светлова и М. Львова, рассматривает цикл стихов молодого Ф. Искандера. Среди достоинств усматривает и недостатки. В конце статьи — несколько слов о последних стихах Р. Казаковой: у молодого автора вышли в «Юности» «интересные стихи, среди которых есть такие проникновенные, как «Мои учителя — поэты» и «В сорок втором». Но рядом с ними — по законам прозы написанная «Рыбалка». Наровчатов упрекает: «Поэтесса рассказывает, причём не очень экономно, то, что можно было бы нарисовать двумя-тремя мазками».

Неожиданно для писательницы в «Литературной газете» от 11 июля 1964 года появилась статья главного редактора С.С. Смирнова: «Ответ критикам из «Вэнь и Бао». Осенью 1963 года Смирнов в составе делегации посетил Китай и много полемизировал с китайскими журналистами и писателями. В литературном журнале «Вэнь и Бао» опубликовали критическую статью главного редактора Чжан Гуан-Няня, в которой «нарочито искажались факты советской литературной действительности». Развивая мысли главреда, журналист Ли Чжи пишет статью «О потерянном поколении», где обвиняет советских поэтов в позиции, враждебной народу. Называются поэтессы Римма Казакова и Светлана Евсеева. Стихотворение Казаковой «Люби меня застенчиво» автор представляет «как образец порнографической поэзии» и без тени иронии восклицает:

«Казакова требует, чтобы мужчина любил её безумно!» На этом и других примерах из поэзии шестидесятников китайский журналист основывает доводы о «безнравственности молодой советской поэзии». «Вслед за разоблачениями Р. Казаковой, — пишет Смирнов, — как проповедницы «эротики» и «разврата», следует обвинение руководителей КПСС», так как они «с восхищением отзываются о поэтах, подобных Казаковой, называя их талантами». Китайский критик уверяет: эта поддержка партии делает голоса поэтов: Евтушенко, Ахмадулиной, Вознесенского — «всё громче». Смирнов обвиняет критиков журнала в подтасовке, недобросовестности, нарочитой предвзятости. Он называет их «ханжами» и «фальшивыми моралистами». Вот так Китай вползал в «культурную революцию».

В 1965 году в московском издательстве «Советский писатель» вышел очередной сборник стихов Казаковой под необычным названием «Пятницы». Название сборнику дало стихотворение, которое начинается со слов: «Родилась я в пятницу». В народе говорят: «пятница — развилье, раздорожье». В сборнике — пятьдесят три стихотворения. Судя по его содержанию, автора не отпускал Дальний Восток. Казакова вспоминала рыбалку на Уссури и замечательных людей, живущих на этих просторах. Она вновь включила в книгу одно из лучших стихотворений: «Я уезжаю. Мучает, морочит / дорога. И пророчит, и пророчит. / Мороженые яблоки в Могоче — / коричневые, ржавые на вкус. / И ржавый дым. И рыжих сопок ржавость. / И жадность, и восторженность, и жалость — / как одинокий придорожный куст...» Поэтесса с сожалением расстаётся с местами, где горевала и задыхалась от счастья, и с теми, кто пророчил трудности новой жизни: куда ты едешь, у нас в глуши ты — первая! Но решение её твёрдо: «Прощай, мой берег, мой корабль. / Ни слёзоньки из глаз!» Несколько трогательных стихотворений посвящены рож-

дению сына и материнским радостям. Есть стихи и о поэзии, и такие, что устремлены в то светлое завтра, в которое многим тогда верилось: «Про всё, что было, будет, есть, / большое и минутное, / — про нашу власть, про нашу честь, / про нашу верность трудную. / Ту, что несли из года в год, / как знамя изначальное, / не разменяв на анекдот, / на мелкое, случайное...»

Не забывают писательницу и бывшие земляки. Хабаровское книжное издательство издаёт книгу «В тайге не плачут» с небольшой аннотацией: в ней, помимо биографических данных Казаковой, лестные слова: «Стихи поэтессы пользуются популярностью и хорошо известны любителям поэзии... Темы любви, верности гражданскому долгу по-прежнему занимают в творчестве поэтессы центральное место». Книжечка скромная, в бумажном переплёте, правда, в суперобложке, да и цена крошечная — пятнадцать копеек, и тираж не указан. Но писательница восприняла это как ценный подарок: сибиряки хотели отблагодарить её за любовь к своей земле.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

«ШЕСТИДЕСЯТНИКИ, ШЕСТИДЕСЯТНИКИ! НОВОЙ НАДЕЖДЫ ПЕРВЫЕ ВСАДНИКИ...»

Шестидесятые годы — особое время в творческой судьбе тогдашней молодёжи, первого непоротого поколения, время надежд. Ему удалось уцелеть в великой войне, они ощущали себя детьми победителей. К середине 1950-х многие получили высшее или среднее образование и стали участвовать в жизни страны. Как писал поэт Давид Самойлов, «война была временем сближения интеллигенции с народом, временем гармоничного единства. Это чувство единения было одним из самых счастливых. Мы готовы были стать посредниками между властью и народом, требовали

права «истину царям с улыбкой говорить». Фронтовики уже сказали своё слово в литературе, на авансцену вырвались шестидесятники.

Начиналось освоение новых земель Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера. Требовались молодая энергия и энтузиазм. И комсомольцы откликнулись, поехали на край земли вершить великие дела. Сейчас можно уверенно сказать: в истории России прошлого века это первое счастливое поколение советского периода, родившееся между 1930 и 1945 годами. Его трудовая жизнь совпала с духоподъёмной порой так называемой оттепели. Слово это в оборот ввёл ещё Фёдор Иванович Тютчев после кончины императора Николая I. Тогда в России вновь наступили либеральные времена, и поэт-философ начал использовать в статьях термин «оттепель».

В середине 1950-х годов XX века Илья Эренбург опубликовал повесть «Оттепель», и название это закрепилось за послесталинской эпохой. Станислав Рассадин, тогда начинающий критик, назвал в статье, опубликованной в журнале «Юность» в 1960 году, современников и ровесников «шестидесятниками», хотя это понятие тоже уже существовало. В XIX столетье, после отмены крепостного права, так именовали представителей отечественной интеллигенции, взявшихся учить, лечить и просвещать народ, а явление это определили как «хождение в народ». Шестидесятником считался известный философ и поэт Владимир Соловьёв (1853-1900) — его вспоминает в стихах Евгений Евтушенко: «...Шестидесятник Соловьёв, / но девятнадцатого века, / увидел, как верёвки вьёт / власть из любого человека, / который разумом убог, / забыв, что человек есть Бог». Рассадин имел в виду, в первую очередь, литературную молодёжь — авторов журнала «Юность», созданного в 1956 году и возглавленного писателем старшего поколения Валентином Катаевым: поэтов Беллу Ахмадулину, Ев-

гения Евтушенко, Юнну Мориц, Роберта Рождественского, Андрея Вознесенского, прозаиков Василия Аксёнова, Анатолия Гладилина, Владимира Войновича. Вскоре вошла в этот круг и выступавшая на страницах «Юности» со стихами Римма Казакова.

Московский критик Наталья Иванова прокомментировала «шестидесятников» как явление культуры: «Поколение, выросшее над бездной. Над бездной — физически: они родились в те самые годы, уже после «великого перелома», во время нарастания и ожесточения террора. Подростками пережили войну, голод, блокаду, потерю отцов. Над бездной — морально: в школе их воспитывали на примере Павлика Морозова, они клялись именем Сталина; они плакали, когда он умер. И хотя их родители, родившиеся до революции, так или иначе, хотя бы в быту, сохраняли тепло русской культуры, традиций, даже помалкивая о них (они ещё продолжали разговаривать на исчезающем языке), — будущих шестидесятников государство целенаправленно воспитывало как советских детей. С соответствующей ритуальностью и обрядностью, с осуждением обрядности старой. Из них последовательно вытраивали индивидуальное — в пионерских лагерях, на комсомольских собраниях. В домах беспрерывно работало радио. Впереди расстилалось «светлое будущее». И они верили, они росли оптимистами. Но поколением их сделали «оттепель», «отношение к XX съезду, Никита Хрущёв, — их же и громивший потом, своим разгромом и сплотивший их ещё больше».

В общественном сознании название «шестидесятники» закрепилось только за писателями, художниками — людьми искусства. На самом деле шестидесятниками ощущала себя и творческая научная, и техническая интеллигенция. После публикации в «Литературной газете» в 1959 году стихотворения Бориса Слуцкого «Физики и лирики» научно-техническая ин-

теллигенция единодушно отнесла себя к физикам. Численно они, конечно, превосходили лириков. Постоянно цитировались крылатые строчки: «Что-то физики в почёте, / что-то лирики в загоне. / Дело не в сухом расчёте, / дело в мировом законе». В прессе шла дискуссия, кто важнее: физики или лирики? В советской науке и культуре роль физиков считалась определяющей. Научно-техническая интеллигенция строила заводы, фабрики, гидростанции, создавала новые средства связи, открывала и осваивала новые месторождения, развивала науку и совершала открытия: осваивала энергию атома, космос. Эти люди брались за любое трудное, иногда казавшееся безнадежным, дело и доводили его до победного конца. Их отличали образованность и оптимизм, вера в будущее, бескорыстное служение Родине. «Они создавали условия, которые позволяли лирикам заниматься профессией, — пишет доктор наук Н.Л. Пирогов о своём друге М.Н. Злобине, выдающемся изобретателе и учёном, в очерке о создателях алмазодобывающей промышленности СССР. — Дел было много, только-только вылезли из разрухи, жили бедно. И научно-техническая интеллигенция была позарез нужна стране». У обоих поколений шестидесятников Пирогов находит много общего: «смелость, самоотверженность, талант, любовь к Родине». В подтверждение своих слов он цитирует Римму Казакову: «...Не называли ещё нас по отчеству, / Ни к попрошайничеству, ни челночеству / мы отношения не имели. / Ни перед кем колен не сгибали, / мусор эпохи из душ выгребали, / и, как ни странно, что-то сумели».

Живя в Хабаровском крае и позже, путешествуя по стране, Казакова общалась с инженерами, учёными, атомщиками, мореходами, строителями гидростанций и Байкало-Амурской магистрали. Сохранилась фотография, где писательница гостит на даче доктора наук В.М. Жданова в окружении его уральских и московских

коллег. Частое общение с выдающимися «физиками» её поколения обнаруживало общность взглядов. Поэтессе был близок склад характера учёных-теоретиков, а те, конечно, ощущали себя шестидесятниками и оставались главными ценителями литературы, создаваемой в стане лириков.

Хотя Слуцкий и сетовал, «что-то лирики в загоне», группа молодых поэтов выступлениями буквально взрывала московскую публику. «Высшего промысла юное войско», — так гордо обозначила Римма Казакова ровесников-поэтов в стихотворении «К биографии поколения»: «Мы начинали в шестидесятых. / Не замечали мнений предвзятых. / Дух не смущали страхом обжечься. / День диктовал: не мудрствуй лукаво. / Будь то прямая или лекало, / главное — правда слова и дела... / О, повторить бы ту сказку счастливую, / не меркантильную, не суетливую, / о, возвратить бы ветер побед!»

Поэт военного поколения Давид Самойлов писал: «Натужность, внутренняя неоткровенность моих стихов... проистекали из страха, настолько вошедшего в плоть того времени, что он становился формирующим началом духа, движущей силой фарисейства, обоснованием приятия действительности... Наши ровесники хорошо помнят спёртую, накалённую атмосферу тех лет, нашу постоянную взвинченность». Поэт объясняет такое состояние умов огромной ролью «воспитания, проводившегося с убедительным фанатизмом». Он утверждал: «Нас воспитывали идеалистами. Мы стремились жить не ради настоящего, а ради светлого будущего счастья». В то же время Самойлов подчёркивает: мировоззрение поколения «было честным», а оправданием ему служило желание «воевать и умирать за нашу действительность». Вот почему даже после разоблачения культа Сталина «...кажется парадоксальным, нелепицей, недомыслием, оправдание «большого террора» людьми, бывшими его жертвами или свидетелями». Этот пара-

докс поэт связывает со святой верой поколения в справедливость революции. Не случайно Самойлов уделил в воспоминаниях особое внимание борцам с мороком сталинизма, поэтам-шестидесятникам, назвав их эпоху «дрожжевыми годами»: «Они сумели вынести борьбу на эстраду... вернули поэзии значение общественного явления. Сотни тысяч людей стали читать стихи». В эпоху «оттепели» поэзия помогала освобождать души от рабских пут сталинизма. «...После того, как его (Сталина — Прим. авт.), не стало, начали освобождаться и выдавливать из себя рабов культа личности», — писал Чингиз Айтматов.

«Шестидесятичество начало образовываться из таких, как Римма, не равнодушных ко всему на свете», — уверял Евтушенко. Говоря о молодых братьях по перу, он подчёркивал, какие они все разные и по характеру, и по творческому почерку: «Римма никогда не была звездой первой величины, уступая в технике и тонкости неподражаемой Белле, которая заставила поверить в естественность своей фирменной, подчёркнуто манерной высокопарности и, в конце концов, сделала её своим фирменным стилем... Римма осталась в моей памяти очаровательной, открытой людям энергичнейшей девчонкой, сдувающей падающую на глаза непокорную чёлку».

Вечера поэзии в московском Политехническом музее, а потом и в «Лужниках», полные стадионы в других городах России, любимовская Таганка и Ленком Эфроса, фильмы М. Хуциева, Г. Данелия, Э. Рязанова, К. Муратовой, Г. Чухрая, М. Калатозова, кинофильмы по сценариям Ю. Нагибина, А. Володарского, Г. Шпаликова, песни В. Высоцкого и Ю. Визбора, художники-авангардисты, участники известной «бульдозерной выставки»... Звонкие голоса молодых поэтов Р. Рождественского, Е. Евтушенко, А. Вознесенского, Р. Казаковой, Б. Ахмадулиной, Б. Окуджавы, Ю. Мориц и Н. Матвеевой перекликались со зрелым творчеством

поэтов-фронтовиков. «Нас любили, считали избранными», — вспоминала поэтесса. В литературу входила группа талантливых прозаиков: В. Распутин, В. Белов, А. Гладилин, В. Аксёнов, Ф. Абрамов, Ю. Трифонов, В. Астафьев, В. Войнович, Б. Васильев, чуть позже — В. Шукшин и другие. Жизнь бурлила, борьба идей становилась всё острее.

Восторженные отзывы об этом времени мы находим в мемуарах «духовного аристократа степи», как его называл Евтушенко, казахского поэта Олжаса Сулейменова, учившегося в начале 1960-х в Литературном институте и много лет дружившего с Риммой Казаковой: «Весенние 60-ые! Первое десятилетие без Сталина. Поэты, киношники первыми ощутили в себе свободу. Такого взлёта культуры ещё не было и едва ли повторится. Культура — это настроение общества и показатель его здоровья. На наших глазах и с нашим участием возникла страна Великого Читателя, воспитанного великой литературой». В то же время начинающему поэту опубликоваться было трудно. Олжас рассказывает, как принёс в «Огонёк» первое стихотворение «Аргамак». Редактор отдела поэзии по десять раз заставлял его переделывать те или иные строчки, хотя казах Сулейменов стихи писал на русском языке. Он тогда пожаловался поэтессе на редакторские экзекуции и получил чудесный афористичный ответ: «Они любви нас нелюбовью учат». «Эти слова Риммы Казаковой, — писал Олжас, — заставили с благодарностью вспомнить многих встреченных мною в жизни таких педагогов. Хотя, естественно, не так тепло, как тех, кто учили любовью». Олжас с благодарностью описывает бойцовский характер писательницы и её реальную действенную помощь. Когда Сулейменов издал книгу «Аз и Я», и в печати прозвучала резкая критика отдельных идей автора, самые отважные товарищи по цеху поддержали его. Константин Симонов отметил: «Первое

впечатление (от книги Олжаса — Прим. авт.) — впечатление смелости ума; второе — талантливости находок и догадок». Симонов предвидел историко-литературные бои вокруг книги Сулейменова и ещё в личном письме обещал Олжасу: «В случае чего — готов принять в них участие». Поэтесса ничего о письме не знала, но тут же в поддержку поэта-собрата публикует посвящённые ему стихи: «Люблю тебя за точный твой талант, / за то, что так свободен, так раскован, / за то, чем дарит жизнь — взамен утрат, — / за то, чьи дни бегут путём рисковым». Олжас назвал эти стихи «отражением творческого родства» шестидесятников.

Идеологические вериги сталинской эпохи вызывали особенно горячий протест у гуманитариев. О многолетней борьбе партии и правительства за марксистско-ленинскую чистоту искусства теперь известно многое. Приводимые документы, относящиеся к судьбе писательницы, взяты из рассекреченных архивов ЦК КПСС и датированы маем—июнем 1969 года. Из них понятно, какие прегрешения вменялись в вину мастерам искусств, какой мощный аппарат был задействован для выявления крамолы.

Казакова по-своему участвовала в идеологическом противостоянии тех лет. Вот, к примеру, чем обернулась для неё поездка на Украину в 1969 году.

«В апреле сего года в Харькове выступили московские поэтессы Римма Казакова и Инна Кашежева с чтением своих стихотворений, в том числе и идейно порочных». Подпись — секретарь ЦК КП Украины Ф. Овчаренко. 12 мая 1969 года канцелярия ЦК КПСС зарегистрировала письмо № 15368, пришедшее правительственной почтой из Киева. «В последнее время в республику на гастроли приезжают отдельные представители творческой интеллигенции, исполняющие свои произведения, имеющие ущербную тенденциозную направленность и идейную нечёткость». Далее

«отдельные представители» перечисляются Овчаренко поимённо: это поэтессы Р. Казакова и И. Кашежева и артисты-сатирики М. Жванецкий и А. Райкин. Аналогичное письмо отправлено и по линии КГБ. На письме в ЦК — резолюция М. Сулова от 14 мая: «Тов. Шауро (заведующий отделом культуры ЦК КПСС — Прим. авт.) Просьба обратить внимание». Такие сигналы без ответа не оставались — меры были приняты. Как сообщил секретарь правления Союза писателей СССР К.В. Воронков, после обсуждения харьковской поездки поэтов и артистов на секретариате правления Союза писателей СССР товарищам Р. Казаковой и И. Кашежевой «указано на недопустимость подобных выступлений».

Что же так всполошило партийное руководство Украины? В качестве образца «идейной порочности» к письму в органы КГБ приложено стихотворение Риммы Казаковой: «Смогли без Бога — сможем без вождя. / Вожди, вожди! Народец ненадёжный / Гадай: какая там под хвост вожжа, / куда опять натягивают вожжи.../ Послушные — хоть веники вяжи — / шли за вождём, как за козлом овечки. / Пещерный век, анахронизм, вожди! / Последней веры оплывают свечки». Заканчивались стихи строфой: «Я, может, и не так ещё живу, / но верю в совесть. / По её закону / я больше лба себе не расшибу / ни об одну державную икону». Под стихотворением — резюме секретаря обкома КП Украины Ю. Склярова: «Естественно, что такая «поэзия» встревожила общественность города, и по её требованию местные органы были вынуждены отказать поэтессам в дальнейшей организации их выступлений».

Справедливо отзывается о цензуре послесталинской поры Евгений Евтушенко: «Если цензура сталинского времени была топорной, и, действительно, орудовала не слишком тонкими инструментами, то цензура после Сталина стала гораздо изощрённее и действовала

при помощи целой системы микроскопов... Их любимым словом стало слово «аллюзия», произносимое ими со сладострастием тюремщика, угадавшего напильник для тюремной решётки, запечатанный в яблочный пирог». Воистину, как у А.С. Пушкина: «чуткая цензура... стесняет балагура». Евтушенко прав, утверждая: «в повышении читательской культуры цензоров, прежде всего, повинны поэты моего поколения». В то же время, по словам Самойлова, «в популяризации поэзии немалую роль сыграла официальная печать».

В условиях цензуры опубликовать стихотворение Казаковой «Вожди, вожди...» было невозможно, но, как говорил Евтушенко: «У поэтов моего поколения была особая типография — голосовая. Когда мы не могли напечатать стихи на бумаге, мы печатали их нашими юными ломающимися голосами на воздухе эпохи. Это был звуковой самиздат». Р. Казакова и И. Кашежева воспользовались «голосовым самиздатом», за что и получили административную выволочку.

В эти годы писательницу связывала дружба с Инной Кашежевой, одной из немногих поэтесс, кто, не опасаясь сплетен и начальства, поддержал Казакову, когда её начали травить. Инна писала замечательные стихи и песни и ярко выступала: выходила на любую сцену, как на бой или на праздник в родном ауле, знала, когда пошутить, как разрядить обстановку. Она умела держать прямо-таки мхатовские паузы. Её обожали, не отпускали со сцены, забрасывали цветами, задаривали. Кашежева учила подругу чувствовать зал и не бояться его. Римма Фёдоровна признавалась: именно после таких «мастер-классов» ей стало легче разговаривать с публикой. До этого у Казаковой и голос пропадал, и стихи могла забыть.

Евтушенко отмечал: «Я благодарен цензуре за то, что постоянным палаческим вниманием красного карандаша она ориентировала меня на самое важное,

самое болевое. Я благодарен цензуре за то, что она постепенно излечивала меня от политических иллюзий, которыми я имел несчастье по преступной щедрости делиться с читателями». Кирилл Ковальджи высказывал свою точку зрения: «Цензура была, известно, свирепой, но и глупой». Учёные и техническая интеллигенция также страдали от произвола невежественной власти, приводившего к трагедиям вроде запрещения генетики и кибернетики.

Многие стихи Риммы Казаковой, написанные более пятидесяти лет назад, актуальны и сегодня. Прекратила ли писательница после очередных неприятностей высказывать в гражданских стихах своё мнение, не всегда совпадающее с официальной линией? Нет, конечно! «Художник по нутру не приручаем!»; «Мы те, кого нельзя завербовать» — это её строчки. Жёсткая придирчивая цензура, недоверие власти к творческой интеллигенции, которая позволяла себе критиковать недостатки существующих порядков, породили диссидентство.

Давид Самойлов диссидентство оценивал так: «Государство нашло новый способ борьбы с инакомыслием — выживание его за границу». Он считал, что политическая эмиграция выгодна государству (иначе «её бы не было»), и называл её «щелью, открытой для них». Оттуда Россию не спасёшь. «Мендель (поэт Коржавин — Прим. авт.), писавший о любви к России, хорош был здесь, а не там. Вот в чём вопрос», — пояснял Самойлов. А Евгений Евтушенко подчёркивал: «диссидентские процессы» подрывали престиж нашей страны не только за рубежом, но, прежде всего, в наших собственных глазах. Они разрушали в нас чувство достоинства — человеческого и гражданского». С «оттепели» началась для творческих людей эра совести и гласности, но вскоре «оттепель» подморозили: совесть опять становилась ненужной.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ
**«ВРЕМЯ ВЕДЁТ ВСЁ КРУЧЕ,
ТОЧНО СУВОРОВ АЛЬПАМИ...»**

В интервью Римме Казаковой часто задавали вопросы о взаимоотношениях с плеядой её знаменитых сверстников, частых гостей поэтических вечеров Политехнического музея. Подозревали напряжённую конкуренцию между ними, попытку иногда сознательно отодвинуть поэтессу от шестидесятников, показать, что она — из второго или третьего эшелона.

«Я приехала с Дальнего Востока, ведомая безрассудным чувством призвания, которое сродни любви, и оказалась сразу на ринге рядом с самыми популярными, обожаемыми, яркими. Наверное, я ничего не соображала, раз столь отважно встала рядом. А может, любовь и определяет право?» С годами пришло ещё более чёткое понимание ситуации: «Чего я как бедная родственница, как горняшка, кручусь у стола бар, господ. Пускай они живут сами по себе, я другая. Я поняла, что я — поэт, и по жизни меня ведёт то, что называется призванием. У меня есть свой читатель. Я никогда не претендовала на то, чтобы подвинулись и дали мне место. У меня было — своё». На вопрос, как она попала в плеяду шестидесятников, в конце концов, Римма Фёдоровна стала отвечать коротко: «Это право мне дало призвание и любовь».

Как справедливо заметил Евгений Бень, «официального ранжира поэтов не было», но в сознании массового, особенно советского, читателя Римма Казакова всегда — в одном ряду с культовой четвёркой, и «в этом харизматическом ряду у неё явно не номер первый». Это мнение соответствовало оценкам самой писательницы. Она говорила: «Я всегда понимаю, где я не тяну. Я понимала, что я хуже того-то или того-то. У меня всегда были кумиры. Главное — быть честной перед собой».

А вот наблюдения пронизательного поэта Ильи Фоянкова: «Судьба Р. Казаковой складывалась внешне ровно и благополучно. Но эта внешняя простота таит в себе немалую опасность. Запас первых жизненных впечатлений тускнеет, неизбежно растрачивается. Она это понимала. И не всё складывалось так просто». «Когда меняют паруса, / Есть в этом что-то очень грустное. / И лодка — пусть на полчаса! — / Без парусов бескрыло грузная».

Писательница находила опору в каждодневном труде: «счастье — это труд; любовь, материнская, дочерняя, — труд. Труд не лёгкий и сладостный». Именно труд позволил поэтессе «как в юности — просто, так в зрелости — мудро написать прекрасные стихотворения». В результате состоялась не только биография, но и судьба, в том числе и поэтическая. «И говорилось, и молчалось — / Как жерновами зёрна трут. / А в юности не замечалось, / что жизнь, как выяснилось, — труд!» — цитирует Фоянков стихи Казаковой.

Самоотверженных усилий от поэтессы требовала и постоянная работа над переводами стихов современников из национальных республик. 8 мая 1968 года в «Правде» появилась статья Константина Симонова «Удивительное рядом». Поводом для неё стал выход в издательстве «Советский писатель» в переводе Риммы Казаковой романа в стихах «Песня о сакле» народного поэта Абхазии Баграта Шинкубы. Отдав должное творчеству поэтов горной страны, Симонов выразил восхищение работой переводчика: «Роман в стихах — очень сложная и редкая поэтическая форма, самая трудная из всех литературных форм». Кроме того, Симонов подчеркнул объём выполненного Казаковой труда: «Такие крупные произведения переводятся, как правило, коллективными усилиями».

Не случайно поэт-фронтовик Александр Межиров писал: «И вновь из голубого дыма / встаёт поэзия.

Она / вовеки не переводима, / родному языку верна». Однако поэзия — «один из способов преодоления разноразличия», именно перевод создаёт мировую литературу — дарит русскоязычным читателям возможность наслаждаться не только Пушкиным, но и Шекспиром, Гёте, Байроном. В отличие от перевода прозы, где передаётся смысл, поэзия возникает из игры смысла со звуком. Удачных переводов у Казаковой немало. Она уже в Хабаровске начала осваивать перевод китайской поэзии. Переехав в Москву, не оставляла это занятие, тем более, оно приносило дополнительный заработок, что особенно важно, когда задерживался выход собственных книг.

В архиве находим информацию о большой переводческой деятельности, которую Казакова вела всю жизнь. В середине 1960-х она переводила с турецкого Назыма Хикмета («Японский рыбак»), с немецкого — Грабнера Кассо, с испанского — Фаяда Хамиса, с болгарского — Павла Матева, Георгия Джагарова, Станку Пенчеву, Любомира Левчева, а также с других языков — стихи Аттиху Иожефа, Бехар Энтора, Вагабзаде Бахтияра, Петра Дорошенко, Накибадзе Джан-суг, Туни-си Байрам и других поэтов с бурятского, венгерского, осетинского и грузинского. В интервью нью-йоркскому журналисту В. Топаллеру в январе 2006 года Римма Фёдоровна объясняла: «У нас была советская система переводов, когда участвовали два человека. Один знал язык и делал подстрочник, другой умел писать стихи. И это не так плохо, потому что, скажем, лучшие стихи Шандора Петефи перевёл Мартынов, который не знал венгерского языка. Стихи замечательные. И впервые я Шандора Петефи узнала в переводах Мартынова. И также переводила я и сама с языков народов СССР».

В начале 2000-х годов Казакова перевела с польского языка шестнадцать стихотворений поэта-философа Казимежа Сьвегоцкого: книга «Когда дерево грустит»

опубликована крохотным тиражом в рязанском издательстве «Пресса», отправлена в Польшу и не поступала в продажу. Перед уходом писательница в профилактории переводила по подстрочнику с вьетнамского стихи поэта, врача и художника Нго Суан Биня (по просьбе журналиста и мецената, кандидата экономических наук Елены Скоробогатовой, с которой дружила в последние годы жизни).

Поэтесса не раз признавалась, что высоко ценит поэзию Евгения Евтушенко, и искренне обрадовалась его реплике в телефонном разговоре: «Римма, я тебя люблю. Ты никогда меня не предавала». Ещё в 1959 году в Ленинграде на Всесоюзной поэтической дискуссии мало кому известная девочка с Дальнего Востока, в телепередаче по итогам дискуссии, куда её пригласили, прочитала стихи, посвящённые Евтушенко. «И мне, наивной провинциалке, захотелось его защитить, — вспоминала Римма Фёдоровна. — Мой поступок, казавшийся мне почти героическим, вызвал неожиданную реакцию у одного неглупого и доброго поэта из «старших». «Дурочка, — сказал он ласково, — примазываетесь? Хочешь благодаря имени Евтушенко прозвучать и прославиться?» Я тогда просто заболела от горя и стыда. Мне и в голову не приходило, что моё искреннее желание, вопреки общему вою, показать свою любовь к Евтушенко, может быть расценено таким образом. Да, я совершила ошибку в этой среде, которую запомнила на всю жизнь».

Однажды её спросили: с кем интереснее дружить — с поэтами-мужчинами или с поэтами-женщинами? Она ответила: «К моим отношениям с поэтами-женщинами слово «дружба» не подходит. Хорошо сказала поэт Маргарита Агашина о журавлях: «они всю жизнь летают рядом, а это больше, чем любовь». Так и мы, женщины-поэты, всегда летаем рядом. Тесных контактов у нас нет, но я слежу за их творчеством. С мужчинами-поэтами

никогда романов не было, но я братьев по перу люблю нежно. Между нами братская любовь».

Некоторые критики сравнивали стихи Казаковой с творчеством Евтушенко. Даже в шутку иногда называли её «Евтушенко в юбке». Поэт Михаил Луконин, много сделавший и для поэтессы, и для Евтушенко, тоже замечал это сходство. «Мы и вправду были похожи, хотя тогда Женя не признавался в этом. Я не подражала ему. Просто у нас с ним сходные натуры и сходное отношение к предмету изображения, с лексической точки зрения... И, как он сам заметил, ...отношение к материалу одинаковое. Такое — вечное: «И мокрой мелочью стучат»... Это строчка из его стихов. Многие мои стихи просто мог бы, точно, написать Евтушенко. А есть такие, которые — только я. Он многому меня научил. Например, он объяснил мне, что такое усечённая рифма, справедливо сказал, что она «грязнит» стихи на слух и её надо избегать».

Евтушенко признавался: «Римма мне всегда нравилась именно потому, что была на меня не похожа и никогда не льстила, в чём преуспевают некоторые подражатели. Но она всегда была моей и не только моей яростной защитницей, когда на поэтов-шестидесятников нападали... В поэтике Казаковой, безусловно, есть моё влияние, но мы тогда все взаимно влияли друг на друга, потому что жили ещё в то счастливое время, когда поэты могли влюбляться в чужие стихи. Она неотделима от поэтического поколения шестидесятников, от имени которого написала лучшее самоопределение: «В ближнем бою меж светом и тенью / вы отмываете грязные деньги. / Мы отмывали грязное время». Нам, к несчастью, не удалось его отмывать».

Отношение Казаковой к поэзии Евтушенко оставалось всю жизнь неизменным, а вот некоторые его поступки вызывали у неё огорчение и душевную боль. Например, оценка её творчества в антологии «Стро-

фы века», которую выпустил Евгений Александрович: «Передние колёса поэтической повозки Риммы Казаковой с трудом доставали до задних колёс поэтических повозок её более талантливых и успешных ровесников». Получив авторский экземпляр и прочитав эти строки, поэтесса позвонила составителю с упрёками: «Жень! Ну что это я за такая-сякая у тебя получилась, которая села за барский стол? Успокойся. Я никогда не сяду за ваш стол, рядом с вами. Мы все давно разошлись в разные стороны. У каждого из нас своя дорога, у каждого свой читатель. Ну и считайте себя избранными!..» И дальше состоялся такой разговор: «Жень, ты меня вообще не любишь». — «Ты что?» — «А почему ты напечатал в сборнике одно моё стихотворение, у других поэтов — больше?» — «Ну, это случайно так получилось...» — «Нет, мы с тобой слишком похожи... И невольно ты меня где-то в подкорке воспринимаешь как конкурента...»

Римма Казакова вспоминала: «Ему, видимо, было неудобно передо мной. Он даже напечатал мои стихи в «Вечёрке» и очень хорошую статью обо мне написал, уже по-человечески: «Она шла своей дорогой. Она мне не подражала. Но мы были близки с ней по духу».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

«ЗНАТЬ ВСЁ И ВПРЯМЬ Я НЕ МОГУ, ЛИШЬ ПРОЛИВАЮ СВЕТ НА ИСТИНУ...»

Писательница участвовала в большинстве крупных поэтических событий тех лет и внимательно следила за творчеством собратьев по перу. Называя Евтушенко прирождённым лидером поколения, она считала «Вознесенского патриотичнее Евтушенко, в хорошем смысле... Он никогда не претендовал на то, чтобы быть первой политической скрипкой в стране. Он художник. Он не политик». Казакову, конечно, спрашивали о соперничестве двух таких разных, но талантливых

поэтов. Она не отрицала — между ними существовала иногда явная, а чаще — скрытая «соревновательность»: кто первый в их поколении? Окружающие замечали: во второй половине 1960-х годов поэты уже не выступали в одной компании, не ездили вместе по стране или за рубеж.

В 1974 году Евтушенко пишет стихотворение «Плач по брату». Его сюжет — утиная охота (так называлась знаменитая тогда пьеса их талантливого ровесника Александра Вампилова, завершающаяся попыткой самоубийства главного героя). Поэт в образной форме описывает взаимоотношения с Вознесенским. И читатель всё понимает. «Сизый мой брат, истрепали мы перья. / Люди съедят нас двоих у огня, / не потому ль, что стремленье быть первым, / ело тебя, пожирало меня? / Сизый мой брат, мы клевались полжизни, / братства и крыльев, и душ не ценя. / Разве нельзя было нам положить: / мне на тебя, тебе — на меня». В заключительной строфе, словно запоздалое «прости», возникает признание в убивающем дружбу чувстве зависти: «Сизый мой брат, я прошу хоть дробины, / зависть мою запоздало кляня, / но в наказание мне люди убили / первым тебя, а могли бы меня...»

Евтушенко в воображении товарища также ассоциировался с редкой птицей. В «Коммерсанте» от 18 июня 2005 года опубликовано письмо Вознесенского: «Дорогой Женя! Поздравляю тебя с днём рождения. Сожалею о длительной размолвке». А в конце послания — оценка творчества собрата по перу: «Думается, что ты, Женя, сейчас одна из этих птиц, хранящих традиции отечественной поэзии. Евгений Евтушенко — птица высококого полёта. Оставайся таким!»

В 2015 году Евтушенко ещё раз возвратился к оценке творчества Вознесенского. Прочитав Б. Ахмадулину: «Я счастлива, что жила во времена двух великих поэтов и научилась у них очень многому», Евгений Алек-

сандрович поспешил объяснить, как он видит вклад в литературу одного из этих «великих»: «Андрей Вознесенский хороший, не случайный поэт. Он в какой-то степени реформировал русскую поэзию, первым применил сочетание длинной и укороченной строки. Потом он стал писать хуже, но это уже другое дело. В человеческом плане мы были с ним совершенно разные люди. Он был архитектор, и стихи строил по архитектурному принципу. Он по-особому чувствовал Россию. Нас часто ссорили. Но это другой вопрос».

Вознесенский в статье «Поэт на площади» говорил, что не верит, будто «уязвлённый» Евтушенко «поливает грязью своих былых товарищей», и Евтушенко такие вещи отрицал: «Я этим совершенно не занимаюсь. И я убеждён, это происходит от того, что какие-то люди пытаются нас поссорить, разбить поколение». Перепалку разжигали завистники — малоталантливые литераторы, которых мало печатали и мало читали. И нет ничего нового под солнцем... Вспомним стихи А. Блока «Друзьям» о нравах поэтической среды начала XX века: «Друг другу мы тайно враждебны /, завистливы, чужды, глухи». Правда, прозаик Анатолий Гладилин, говоря о шестидесятых годах, блоковскую картину считал неподходящей: «Конечно, среди нас были свои разборки. Однако мы не встречали друг друга надменной улыбкой, как у Блока: «Там жили поэты — и каждый встречал друг друга надменной улыбкой». Главенствовал дух товарищества, и мы не скупались на хорошие слова».

Вознесенский не скрывал, как и Казакова: отъезд Евтушенко за границу — осуждает. Другое дело — оценка творчества... «Моё отношение к нему остаётся неизменным», — подчёркивал Вознесенский.

Евтушенко, возможно, в душе понимал: его отъезд выглядел в глазах современников отступлением от принципов, которые он провозглашал в стихах. Поэт ежегодно приезжал в Россию в день рождения, собирал ауди-

торию, читая стихи. Он заключил с Политехническим музеем оригинальный контракт — арендовал Большой зал в день своего рождения 18 июля с 18 до 23 часов на целых двадцать пять лет. Сразу возникла легенда, мол, когда он оплачивал аренду, кто-то из сотрудников поинтересовался: «А вы уверены, что проживёте ещё четверть века?» Остроумный поэт тут же парировал: «Будете препираться, на пятьдесят лет арендую».

В 2015 году, когда поэту исполнилось восемьдесят два, он с ампутированной ногой предпринял поездку по стране. В конце июля, находясь в Благовещенке, объявил: теперь цель его жизни — «укреплять братство народов», поэтому он и живёт в американском городе Талса (штат Оклахома), где преподаёт: «Я работаю на братство народов. Иначе я бы не преподавал в Америке. Я превращаю своих студентов в своих друзей и союзников». По этому поводу ещё много лет назад, сразу после отъезда поэта в США, Валентин Берестов написал остроумное двустишие: «Верю, Евтушенко Оклахому / не научит ничему плохому».

Е.А. Евтушенко завершил марафон (а поэт побывал в тридцати городах России) поэтическим вечером-концертом в Москве, в зале «Россия» в Лужниках. В течение четырёх часов в переполненном зале звучали стихи и песни в исполнении талантливых артистов и самого Евгения Александровича. Присутствующие на концерте видели — поэт счастлив, он снова, как мантру, повторяет слова из давнего стихотворения: «Если будет Россия, значит, буду и я!»

Любопытную «классификацию» младших современников представил поэт Давид Самойлов: «Евтушенко — поэт признанный, поэт искренности; Вознесенский — поэт заклинаний; Евтушенко — поэт краснокожих, Вознесенский — шаман». Предпочитая первого, он признавал за обоими то, что «они вернули поэзии значение общественного явления».

Казакова дорожила оценками своего творчества со стороны коллег-сверстников, внимательно их выслушивала. Однажды при встрече Андрей Вознесенский похвалил её: «Ты растёшь. От книжки к книжке пишешь всё лучше». Поэтесса удивилась и напомнила: раньше он утверждал — «поэтами рождаются». Андрей Андреевич пояснил: «Значит, ты рождена поэтом, но ещё не открыла в себе этого». Сама она отзывалась о своём товарище чрезвычайно высоко. Свои последние слова о поэте Римма Фёдоровна произнесла, уже будучи в Перхушково, за несколько дней до трагического ухода, в телефонном разговоре с поэтессой Зульфией Алькаевой. Вот что рассказала Зульфия: «15 мая 2008 года я цитировала для Риммы Казаковой фрагменты видеомы Андрея Вознесенского «Серп и топор», только что опубликованной в «Московском комсомольце». С интересом прослушав стихи, она сказала, что Андрей Вознесенский — великий поэт, его надо изучать, но подражать ему не нужно, потому что он единственный в своём роде. «Между прочим, в молодости Андрей делал мне предложение, — вдруг выдала поэтесса, — формулировка была потрясающей: «Римма, выходи за меня замуж! У меня есть трёхкомнатная квартира!» Сейчас Андрей Андреевич болеет. Пожелаем ему здоровья!..» Римма Фёдоровна отметила, что с огромным уважением относится к поэтам-шестидесятникам, особенно к Вознесенскому и Евтушенко, но никогда бы не стала женой поэта, мол, у Ахматовой с Гумилёвым не вышло счастливого брака и вряд ли у кого такой союз получится...»

Журналист Феликс Медведев вспоминал: «Издательство «Молодая гвардия» впервые в нашей издательской практике решило начать выпуск дешёвых небольших книжечек стихов, исходя из предварительных запросов магазинов. Римма Казакова, если мне

не изменяет память, набрала что-то около четырёхсот тысяч заявок». Читатель хранит ей верность и сегодня. Книги стихов Р. Казаковой никогда не залеживались на прилавках. Почти через пять лет после её ухода, в 2013 году, ульяновское издательство, а в следующем году — московское (АСТ), выпустили сборники избранной лирики Риммы Казаковой, и книжки быстро раскупили.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

«В ЭТОМ МИРЕ ЕСТЬ ЗА ЧТО СРАЖАТЬСЯ...»

На зависть и ненависть у настоящих мастеров нет времени. Как говорил великий Бетховен: «Я не знал в жизни другого превосходства между людьми, кроме доброты».

«Вам знакомо чувство конкуренции?» — интересовались журналисты. «Конечно, — отвечала Казакова, — я живой человек. Но я давно избавилась от зависти». «А вы дружили с другими поэтами?» Поэтесса поясняла свою позицию так: «А кто вообще дружит среди творческой интеллигенции? Это очень избирательно. Мы были вместе. Поэзия несла функцию очищения от сталинизма. Мы первые начали говорить новые слова о свободе, а СМИ еще молчали».

В беседе с Ниной Красновой Римма Фёдоровна признавалась: «У меня на раннем этапе... была зависть к своим более удачливым коллегам и была гордыня. Но я поняла, что с этим жить нельзя. Я спросила себя: кому я завидую? И поняла — Белле Ахмадулиной. Чему? Её стихам? Нет. Видимо, тому, какая она красивая, хорошо упакованная, артистичная». Писательница понимала — она не обладает многими качествами Беллы Ахатовны, у неё другой характер, мешает застенчивость, ощущение провинциальности. И тогда она посвятила Ахмадулиной стихи: «Голосок серебряный, метельный. / Голосок

сиреневый, смертельный. / Песня лебединая сквозная.
/ Как ты ухитряешься, не знаю, / Быть во всём, что за
стеной и ватую, / Быть со всем, что невпопад — впо-
пад, / И мою дудчонку хрипловатую / Перестроить на
скрипичный лад».

С этими стихами писательница поехала в Ленинград и прочла их на вечере, где присутствовала поэтесса. «Я публично признала превосходство надо мной и вложила ей в руки пальму первенства. Зал очень хорошо воспринял это, Беллочка — тоже, и я успокоилась. Ну а гордыня — грех. Надо понимать, что, если ты веришь в то, что ты делаешь, и будешь такая, какая ты есть, и оценят тебя такой, какая ты есть». Критическое отношение к себе — отличительная черта Казаковой. Для неё очевидно: пишущему человеку гораздо полезнее себя недооценить, чем переоценить. А со временем все твёрже в ней становилось убеждение, что не нужно ей ни на кого оглядываться.

Нередко её спрашивали: «А разве не велась у вас борьба с Беллой Ахмадулиной?». Римма Фёдоровна отвечала: «Боже, упаси! Что вы? Если и происходила борьба, то в сердцах читателей. У меня никакой борьбы на поле поэзии не было. А как они ко мне относились — это их дело». Она рано поняла: «если терпишь поражение, как бы ни было тяжело, скажи себе об этом. Истерзай себя, рань себя, сделай себе больно — вот тот единственный путь перешагнуть свой промах». И, хотя она высоко ставила коллег, осознала и собственную ценность: «Пуускай они живут сами по себе. У меня нет ни званий, ни наград, но я понимаю, что у меня есть свой читатель. А это самое главное для поэта».

Работа над собой не прошла даром. Евгений Евтушенко, например, так вообще зависти в характере Казаковой не замечал: «Она не знала, что такое зависть, и с любовью и нежностью относилась к своим товарищам по поэзии».

В «Литературной газете» (№ 29) опубликована фотография памятника поэтам-шестидесятникам, открытого в июле 2016 года в Твери к юбилею родившегося в этом городе Андрея Дементьева. Памятник руководство города заказало скульптору Зурабу Церетели и установило около Дома Поэзии. Пышная церемония открытия монумента транслировалась по телевидению. На неё съехались не только оставшиеся в живых поэты знаменитые этого поколения — Дементьев и Евтушенко, но и деятели культуры, писатели, артисты. Знаковый памятник — большая рама с размещёнными в ней корешками книг. Обозначенных на камне имён — семь: Белла Ахмадулина, Андрей Вознесенский, Владимир Высоцкий, Роберт Рождественский, Евгений Евтушенко, Булат Окуджава и Андрей Дементьев. Поклонники творчества Риммы Казаковой заволновались, считав несправедливым отсутствие корешка с её именем, обратились с вопросами к Евтушенко как к лидеру шестидесятников. В телефонном разговоре он объяснил: никто не спрашивал его мнения о проекте памятника, и он не может ничем помочь, так как очень болен. Тогда любители поэзии написали письмо Андрею Дементьеву и передали его 6 сентября 2016 года на встрече поэта с читателями на книжной выставке-ярмарке на ВДНХ. Авторы письма напоминали место и роль Риммы Казаковой в плеяде шестидесятников, которых она называла «новой надежды первые всадники», отзыв Евгения Евтушенко, считавшего поэтессу «рыцарем своего поколения, которая никогда не предавала идеи шестидесятничества». Римма Казакова оставила большое творческое наследие, вошла в историю отечественной литературы как поэт-гражданин и активный борец за идеи своего поколения. Отсутствие её имени на памятнике шестидесятникам — несправедливость. На следующий день Дементьев позвонил одному из авторов письма и согласился с выраженным в письме мнением.

А пока даже на доме на улице Чайнова, где в последние годы жила поэтесса, нет мемориальной доски.

Казакова прислушивалась к окружающим и трезво, с самоиронией относилась к себе. Она вспоминала добрый совет Беллы Ахмадулиной: «Тебе надо все концы своих стихов уводить в небеса, они находятся у тебя слишком низко, у самой земли». Римма Фёдоровна соглашалась, но поясняла: «Она права в этом. Она совершенно другая. Каждый поэт вносит в поэзию что-то своё и, в конце концов, приговорён к своему видению, к своей художественной манере».

Талантливые стихи Беллы Ахатовны рассчитаны на элитарного читателя. Римма Казакова — поэт другого плана. У её поэзии — другие корни, другие темы, другое предназначение. Казакова жила трудно в детстве и юности, добывала хлеб насущный, решала сложные бытовые проблемы, оставаясь общественно активной. В 2014 году вышел посмертный сборник стихов Б. Ахмадулиной в серии «Великие поэты» (издательский дом «Комсомольская правда»). Её поэзию легко поместить и в XIX век. Она будет поэтическим украшением изысканного салона. Каждый читатель выбирает стихи по своему вкусу, а значение поэта и его творчества для культуры определяет время. Шестидесятники, такие разные в творчестве, — ещё одно свидетельство талантности народа, проявившееся в 1960-е годы — годы «оттепели».

Неоднозначно воспринимается порой творчество Казаковой коллегами. Критик Сергей Чупринин в «Фейсбучном романе» рассказывает — прочитав первую книжку Нины Искренко, он посоветовал молодой поэтессе: «Перед вами, Нина, выбор, по какому пути пойти. Пойдёте по первому, и ваши стихи уже сейчас с готовностью напечатают в «Работнице» и «Крестьянке». А там, глядишь, достигнете уровня Риммы Казаковой. Так что всё у вас будет хорошо. Ну а, если

продолжите писать, как в последнее время начали, то жизнь ваша будет несладкая, зато ваша. Казакова Р.Ф. — поэтесса, всегда воспринимавшаяся мною как образец эталонного — и не плохого и не хорошего — стихотворца, что помогло ей стать рабочим секретарём СП СССР».

Завершая разговор о двух поэтессах-шестидесятиницах, отметим — поздние книги Ахмадулиной напоминали Казаковой уроки классического танца: «...в них есть своя пластика, техника, но из них не узнаешь, не откроешь ничего нового для себя — это искусная игра в слова». Она называла эти стихи «чрезмерно вычурным чистописанием» и в качестве примера приводила стихотворение про душ. «По деталям всё в стихотворении прекрасно, — а о чём эти стихи и зачем они, и все эти детали?» Поэтесса признавала большой вклад Ахмадулиной в поэзию и её достойное место в ней и при этом отмечала: в зрелые годы она писала не так интересно, как в молодости. Ахмадулиной тоже не было близко творчество Казаковой. Это разные поэты и у каждого — свой читатель. А у читателя — свой вкус, свой уровень культуры, интеллекта.

Время всё расставляет по местам. Сегодня Союз писателей Москвы вручает в мае (месяце ухода Риммы Фёдоровны из жизни) премию «Начало» имени Риммы Фёдоровны Казаковой. А в Музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина проходят чтения памяти Беллы Ахмадулиной, вручается премия её имени — жюри и оргкомитет возглавляет первый секретарь Союза писателей Москвы, авторитетный критик Евгений Сидоров, автор предисловия к одной из книг Риммы Казаковой и выдержавшей немало переизданий монографии о творчестве Евгения Евтушенко.

В разговоре с нью-йоркским тележурналистом Виктором Топаллером Римма Фёдоровна поделилась сокровенным: «Я чувствовала себя счастливой, что я на

эстраде и в Лужниках, и в Политехническом, — рядом с этими замечательными поэтами. И я училась у них. Я даже спрашивала у Роберта Ивановича Рождественского: «Вот я пишу о том-то и о том-то, я имею успех, но мне кажется, что-то я не так делаю...» Он говорил: «Ты пишешь о том, что дорого тебе. А ты погляди вокруг и пойми, что волнует не только тебя, но и других людей. Ты должна подумать, что интересно всем остальным». Самым по-человечески лучшим среди моих сверстников был Роберт Рождественский. Очень добро и щедро он как бы пунктиром прочертил мне тот путь, по которому надо идти поэту. Нельзя замыкаться на себе и на своих личных темах, проблемах. Надо выходить в стихах на общезначимые темы и проблемы. И я училась, росла, и была в счастливом окружении тех, кого я люблю и уважаю».

Семён Кирсанов в своё время наставлял начинающего поэта Евгения Евтушенко: «Настоящая поэзия — это не бессмысленно мчащийся по замкнутому кругу автомобиль, а автомобиль «скорой помощи», который несётся, чтобы кого-то спасти». Помнить подобные слова старших и сверять по ним свой творческий компас старалась и Римма Казакова.

В одном из интервью конца 1980-х годов Евтушенко заметил: «Если говорить серьёзно, то все рассуждения о «тройках», «четвёрках» и «пятёрках» больше подходят для хоккея с шайбой, чем для поэзии. Как мы относились друг к другу в то время? Да, по-моему, нормально относились. С большим интересом и уважением. Хотя, конечно, и не без некоторой доли «подросткового», почти мальчишеского, соперничества. Часто встречались, вместе выступали на поэтических вечерах, бывали друг у друга дома, разговаривали, спорили, читали стихи».

Успех шестидесятников, по мнению поэта К. Ковальджи, определялся «романтическим пафосом, смелой гражданственностью». Развивая эту мысль, он

писал: «Поэты от мира сего. Осознавшие свою силу, свой звёздный час. Отважные и щедрые, везучие и пробивные. Победители. Впервые произошло такое в русской поэзии. Заслуга этого поколения поэтов в том, что они вывели поэзию из кулуаров на огромные стадионы, собирали большие залы, срывали оvationи, у них была всенародная слава. Такого никогда не было раньше, и вряд ли что-то подобное повторится снова».

Писательница Лариса Васильева в книге «Путешествие друзей с врагами» представила живые картины 60-х в авторской интерпретации. Приведём отрывок из этих мемуаров: «Где-то в 1966 году в ресторане Дома литераторов собралась компания: С. Межиров, Е. Евтушенко, В. Аксёнов, Ст. Куняев, Д. Самойлов и поэтесса Л. Васильева. С. Межиров сказал: «Евгений, — чеканя каждое слово, — я никогда не прощу тебе, Андрею, Белле, Булату того, что вы своей чётко организованной рекламой, шумихой заслонили от читателей настоящую поэзию». «Ты слышал?» — воскликнул Евтушенко, обращаясь к Аксёнову. Красивый Василий усмехнулся: «Он прав». Л. Васильева поясняет: «Межиров имел в виду: Горбовского, Рубцова, Ю. Кузнецова, Чухонцева и многих других», кого «заслонили от читателей». Она рассуждает о женской поэзии и приводит пример: в Доме литераторов к ней подошла группа молодых поэтесс со списком женщин-шестидесятниц. Они показали ей рейтинг, где писательницы расставлены по ранжиру: Б. Ахмадулина, Ю. Мориц, Р. Казакова, Т. Жирмунская, Т. Кузнецова. Лариса Васильева отказалась этот список как-то комментировать. Есть и ещё одно свидетельство современника — Юрий Поляков считает: во второй половине 80-х и в 90-х годах «из женщин-писательниц чаще других на телеэкранах появлялись Римма Казакова, Белла Ахмадулина, Лариса Васильева».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

«ОПЫТ ЛЮБВИ — ЭТО ОПЫТ РАЗЛУКИ...»

Осенью 1966 года Казакова с горечью писала подруге, как разрушалась её любовь и семейная жизнь: «Теперь у нас тихо, но я уже никогда не вернусь к тому вечерашнему и не стану той покорной женщиной со слезами и надеждами. Мне как-то стало всё недорого, и пропал страх перед одиночеством». В очередном письме проскальзывает надежда: «И если он начнёт снова свои фокусы, я это поломаю к чёртовой матери! Но, может, ещё будут чудеса?..» И судьба посылает на короткий срок это чудо.

В конце 1967 года Казакова пишет: «У нас много перемен, Жора совсем бросил пить. Это моя трудная большая победа». Супруги счастливы. Но вот они собираются на отдых в Гагры, и поэтесса обречённо добавляет: «скрипим в прежнем составе», муж «теперь выпивает рюмку-другую только по моему разрешению». Труд, терпение, понимание, жалость. А в стихах она пишет: «Я много могла — / до ада, до разлада. / Себя не берегла, / себя беречь бы надо». «Беречь бы надо», но думать о себе у Риммы не получалось. «И сквозь дебри, напролёт, / с этой тяжестью незрячей, / всё равно иду к тебе, / научи меня иначе».

«Я училась у тебя, / перенявши хваткой мёртвой, / как, воистину любя, / по любви — из пулемёта!». К сожалению, стрельбы «по любви из пулемёта» предотвратить не удалось. Скандалы участились и стали более бурными. «Я душу научусь оберегать. / Ругайте! Не обижусь и не струшу. / Ругайте всё, что хочется ругать. / Но я не разрешу вам трогать душу», — защищалась поэтесса от пересудов окружающих. Осенью 1969 года брак распался. Радов ушёл из семьи и вскоре начал жить с окололитературной дамой. Сын остался с мамой и отнёсся к этому событию внешне спокойно, но однажды

спросил: «Мама, а я могу уйти к папе жить?» Римма Фёдоровна вспоминала: «Всё в моей душе похолодело, но я набралась мужества и сказала: «Конечно, сынок». К счастью, больше этот вопрос не поднимался».

Письма о сыне — неизменно счастливые: «Парень у нас — чудо. Он стал такой славный малый, мужик будет что надо!» Бывая у писательницы в гостях, её друзья видели симпатичного подростка. Егор рано научился читать, хорошо пел, освоил гитару. Добрый, послушный мальчик. С мамой ладил, не капризничал. В 1970-х годах поэтесса часто отлучалась в зарубежные командировки и на крошечные деньги, которые тогда выдавали, ухитрялась что-то интересное приобрести для сына: модную майку, пластинки «Битлз». Егор радовался подаркам. У его сверстников такого не было.

В начале 1970-х годов Радов тяжело заболел, но вскоре его удачно прооперировали. Вместе последний раз за общим столом собирались осенью 1973 года. Он узнал от супруги: подруга с мужем проездом из Якутии будут в Москве, и выразил желание повидаться. Встреча состоялась в квартире Казаковой на Ленинском проспекте. Георгий Георгиевич, постаревший, похудевший, по-прежнему оставался энергичным и интересным собеседником. Застолье, наполненное общими воспоминаниями, продлилось несколько часов. Затем гости вызвали такси и уехали. Георгий Георгиевич попросил завезти его в Дом литераторов. Напрасно друзья пытались убедить его поехать домой (в гостях у бывшей жены он немного выпил, хотя врачи запретили ему любой алкоголь). Радов отметал уговоры друзей. Обещая в этот вечер больше не выпивать, вышел из машины у Дома литераторов. В марте 1975 года в возрасте 60 лет Георгий Георгиевич Радов скончался, похоронен на Ваганьковском кладбище.

Опыт семейной жизни оказался трудным, но плодотворным. Римма Фёдоровна всегда подчёркивала — испытания приумножают силы, умения, закаляют. А

главное — родился сын. Она познала радость материнства и прожила восемь лет с умным, талантливым человеком. Трудный опыт — много горького, обидного, не заслуженного: «Зачем такая мука? Вот разве что — урок. / Вот разве что — наука... / Ну да пойдёт ли впрок?»

Через много лет на вопрос о первом замужестве она ответит: «Вот уже двадцать лет, как он умер. Он был замечательный, сильный, умный, мужественный до бесконечности. Когда я с ним познакомилась, у меня было чувство, что это очень родной человек. Я многому у него научилась, и вообще мы были соратниками по духу». Это уже мысли зрелой женщины, многое повидавшей и познавшей. Ей было с чем сравнивать. Своё состояние и оценку опыта семейной жизни она не раз выражала в стихах: «Оправдываю всё, и всех, и вся, / оправдываю все твои проступки. / Не думай обо мне как о простушке, / привычно оправдания прося. / Оправдываю этот лес слепой / за то, что муравья, меня, не видит. / И ту, что столько раз ещё обидит — / вовеки неоправданно — любовь...» А заканчивалось это исповедальное стихотворение словами прощения: «Да, если уж нельзя ни взять, ни дать, / пусть доброта всему мерилом будет, / пускай она, оправдывая, судит. / И лишь себя так трудно оправдать...»

В конце 1968 года Казакова сдала в издательство «Молодая гвардия» большой сборник стихов «Ёлки зелёные», вышедший из печати в мае 1969 года. В книге — почти сто стихотворений, они впервые разделены на циклы: их семь, каждый объединён определённой темой. Если читать произведения последовательно, создаётся впечатление — листаешь книгу жизни.

Отрывается сборник стихотворением: «Мне хорошо сегодня. Тишина. / Как будто что-то в жизни / отгремело и завершилось». Свершилось и завершилось: Казакова рассталась с Радовым. Брак распался, о чём поэтесса вскоре написала подруге в письме. И в этом новом одиночестве поэтесса ищет и находит гармонию:

«Мне хорошо, что я совсем одна / и обдана / тем, что — одна, / как душем. / А мы в себе так часто это душим. / Я у своей души — как у окна».

Острее сопереживание вызывает цикл из семи стихотворений «Война», открывающийся строчками: «Я думала — война прошла. / Ну, пару дырочек прожгла / в шинели моего отца... / А ей все нет и нет конца. / Пускай воюет не отец — / другой старик, другой юнец. / Другая девочка в слезах, — / а всё война в моих глазах!» А финал обнадёживает: «Но будет день, и тишь, и синь... / И будет мир. И скажет сын, / спокойно стоя у окна: / — Ну вот и кончилась война...». В этом цикле «разворачивается память, как лента оглушительно немого кино». Пейзажные зарисовки согреты искренним чувством: «Спасибо Вам, ёлки зелёные, / за то, что ваш колер — не грим, / за то, что — эх, ёлки зелёные! — / по-русски в беде говорим. / Мы здесь не пичуги залётные, / мы — этой земли семена / и жизнь будет — ёлки зелёные! — / такую, какая нужна».

В лирике отразились недавние путешествия автора: в многострадальный Крым: «выше края здесь войны хлебнула Родина родная». Партизанские тропы, пропитанный кровью Малахов курган в Севастополе, героические подвиги защитников города. И ещё одно путешествие — на Кубу. Первый выезд за границу, 1965 год. Цикл из трёх стихотворений «Из кубинского дневника» полон восторга. Свою влюблённость в эту страну она сравнивает с болезнью: «Болею Кубой. Привилась, как оспа. / Переживаю Кубу, как весну... / Болею Кубой. Не переболею. / А вылечиться — значит умереть». Для неё на Кубе «пылает двойник революции». Её романтическую натуру вдохновляли кубинские события и её молодые вожди.

Писательница надеется на новые встречи, и третье стихотворение из этого дневника завершается признанием: «Но из старых камагуэйских кувшинов / не на-

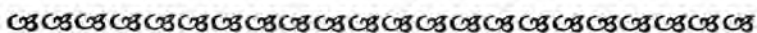
прасно меня ты поила, Куба». Она знает легенду: тот, кто отведаёт воды из кувшинов провинции Камагуэй, обязательно вернётся на остров Свободы. Громадные кувшины закапывали в землю, а хранили в них чистую питьевую воду. В июле 1966 года поэтесса снова торопится на Кубу уже как корреспондент «Литературной газеты», едет на конференцию трёх континентов — молодёжный фестиваль. Мечта сбылась. На Кубе Казакова увидела ликующие толпы, бурно отмечавшие давнюю победу, познакомилась с кубинскими писателями и лидерами страны — Фиделем Кастро и Родригесом. 26 июля в «Литературной газете» под заголовком «Сегодня тринадцатая годовщина начала народной революции на Кубе» помещают восторженный отклик Казаковой «Безумству храбрых». Здесь же опубликовано стихотворение Тренсиса Диас Триане «Завтра» в её переводе, посвящённое маме поэта. В нём сын рассказывает матери о своей борьбе и вселяет надежду на возвращение с победой.

В стихотворении «Дураки» поэтесса формулирует своё нравственное кредо, задаёт этическую планку для честного человека и вызывает на спор разных «умников великих». Сатирику Аркадию Арканову стихотворение так понравилось, что на вечерах Риммы Казаковой он с удовольствием читал его. «Живут на свете дураки: / на бочку мёда — дёгтя ложка. / Им дуракам всё не с руки / стать поумнее хоть немножко. / Дурак — он, как Иван дурак, / всех кормит, обо всех хлопочет./ Дурак — он тянет, как бурлак./ Дурак во всём — чернорабочий». Арканов вспоминал о первом впечатлении от авторского чтения этого произведения. Сначала ему показалось: «Дураки — это простой народ СССР, безоглядно строящий светлое коммунистическое будущее, а «умники» — это интеллигенты, диссиденты, «цеховики», не верящие в коммунизм и обворовывающие простой народ». Но по мере того, как стихотворение приближалась к развязке, точка зрения Арканова менялась, и он уже был готов

вслед за автором повторить: «Пусть умники меня простят, / мне нынче дураки по нраву»... С позиции «умников», приспособленцев, настоящие герои поступают, как «дураки», но на них стоит белый свет. «Не изворотлив, не хитёр, / твердя, что вертится планета, / дурак восходит на костёр / и, как дурак, кричит про это». «Но умники за их спиной гогочут: Видели растяпу? / Дурак весь век с одной женой! / Дурак не может сунуть в лапу!..» «А сегодня, — в век холодного и циничного прагматизма; в век откровенной проституции и наглой коррумпированности на всех уровнях; в век царствования чёрного и белого золота; в век не заработанных порой честным трудом миллиардов; в век превращения, как по щучьему велению, бывших «дураков» в современных «умников», которые считают тебя дураком, потому что ты ползёшь в жалком «жигулёнке», мешая «умнику» посвистывать мимо в шикарном «мерине», — как современно и горько звучат строки Риммы Казаковой!» — отмечал Арканов.

В стихах из этой книги поэтесса пытается объяснить, что же случилось в её семье. Первое стихотворение дышит страстью: «Поговорим с тобой на древнем, / на грубом языке любви». А дальше героиня размышляет о сути своих непростых отношений с мужем. «Я училась у обид, / — а ведь их всегда немало. / Нюхоточки все о быт, ободрала, обломала»... «Не жалея ничего, так училась — как лечилась! / Отчего же, отчего — ничему не научилась?» Порой просыпается желание: «Начать бы по второму кругу...», — но скоро оно тонет в тревожном предчувствии: «О, драный, ветрами пронизанный, / мой парус, нам грозит беда!» Прав Вознесенский, утверждавший: «Стихи — это дневник». В поэтических откровениях писательницы прочитывается намерение никогда не сдаваться.

Продолжение следует

МАРГАРИТА ВИШНЯКОВА

Маргарита Евгеньевна Вишнякова — актриса. Окончила Театральный институт им. М.С. Щепкина (курс профессора В.И. Коршунова). Почти 40 лет прослужила в московском театре «Шолом». Много гастролировала по стране и за рубежом.

ОЖИДАНИЕ ВСТРЕЧ, УПОВАНИЕ НА СЛУЧАЙ...

* * *

Я не думаю о смерти —
Её нет на этом свете.
Есть разлука без конца.
С этим мне не примириться —
Оттого-то и не спится
И грустится до утра.

А потом долги, заботы,
Быстрым шагом до работы,
Мимо сада, мимо башен,
Магазины, стирки, глажки,
Разговоры, переписка...
День на убыль, солнце низко...

Притаившись за углом,
Вечер ждёт своей минуты, —
Той, когда вернёмся в дом,
Влезем в стоптанные шлёпки
И присядем за столом,
Разольём по рюмкам водки...

Что за праздник?
Что гадать? —
Будем друга поминать,
И его пустое место
Разговором заполнять.

Затаённое рыданье
Смех наш мне напоминает
И неспешно возвращает
Сердцу давнее страданье.
Вечер, вечер! Будет мучить!
Завари нам чаю лучше,

Дай погреться у свечи,
И, не проронив ни слова,
Дай уверовать, что снова
Мы когда-нибудь сойдёмся;
Что конец разлуки есть
Вот сейчас с тобою, здесь.

3 декабря 2017 г.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Из мировой души
Зачерпывая в Лете,
Мне уделил Господь
Две капли Вашей крови,
И потому Вас узнаю — по свету,
И потому Вас чувствую — по боли.

Залиты солнцем
Комнаты все в доме,
Всем сердцем верую
В небесные приметы,
И Вас повсюду чувствую — по боли,
И Вас повсюду узнаю — по свету.
8 ноября 2017 г.

* * *

Скучаю по прикосновенью
Высоких помыслов к душе,
По чудному изнеможенью,
Во мне уснувшему уже.
Скучаю по теплу и свету,
И холодов почти страшусь.
Ещё не насладившись летом,
Я в дальние края стремлюсь...

О, если бы коснулось море
Моих уставших ног волной,
Иль за рекой открылось поле
С деревней на краю одной,
Где развалюхой примостился
У изгороди старый дом,
Над крышею б дымок клубился
И свет вечерний за окном.

А на крыльце сидела б мама
С любимой чашкою в руках,
И было б целой жизни мало,
Чтоб это выразить в стихах.
18 сентября 2017 г.

ДОМ-МУЗЕЙ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

И этот чудный дар наитья,
О чём у всех одна мечта!
Необъяснимое событие
Я обрела.

Касаясь стен —
Ты их касалась! —
Меня комнат череду,
Я шаг за шагом наполнялась
Тем, что теперь не назову.

До морока, до бессознания,
До подступанья дурноты —
Повсюду в этом странном зданье
Твои мне виделись черты.

Я возвращалась.
Прислонившись к дверному
косяку, ждала,
Что ты появишься из ниши
Для кухонного очага.

Я знаю, здесь переборола
Голодный год, болезнь детей.
Рука повисла здесь — свободная —
Над младшей девочкой твоей...
Их фотографии так близко
На этажерке у стола,
А вот рояль, и смотрят низко
С портрета мамины глаза.

И гроздья нежные рябины
Дрожат под ветром за окном.
Все шепчут голосом Марины:
Ступайте в дом! Ступайте в дом...

1 августа 2017 г.

РИМ

Ты знаешь, Рим мне дал свободу
И независимость раба...
Стою в смущении пред входом
У изголовия Холма
Капитолийского,
Где волки уже не рыщат
Меж долин,
Где весь распался на осколки
Могучий прежде исполин.

Какое множество сандалий
Касалось этих древних плит,
О, сколько вздохов и признаний
Впитали мрамор и гранит!
И вот теперь мы осторожно
Переступаем по камням,
И город вечный, непреложный
Как будто радуется нам.

Как будто в детстве...
С каждым шагом
Находим новые пути
В тени развалин, за оврагом,
В аллее дивной вдоль реки...

Ты знаешь, здесь вдруг позабылись
Событья, даты, имена, —
Всё, что печалило когда-то,
Когда рабынею была.
Пусть Колизей толпою воеет,
Испепеляет солнце пусть,
Мой гладиатор, муж и воин —
Невозмутим, суров, спокоен —
Выходит на арену боя,
И за него я не боюсь.

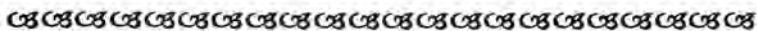
Капитолийскою волчицей
Вскормлю безбрежную печаль.
Мне этот город будет сниться,
И, если б можно возвратиться,
То по весне, когда в садах
Поют свои молитвы птицы,
Повсюду свет с небес струится,
Объят цветами Палагин,
И мир опять непобедим!

7 июня 2017 г.

* * *

Я смертельно устала,
Но как будто ещё
До конца не познала...
Ещё манит вперёд
Неразгаданной тайной
Красота очертаний
Рисунков наскальных;
Строй высокий на хорах
Нездешних созвучий,
Ожидание встреч,
Упованье на случай...

5 декабря 2016 г.

ЭЛЛИНА ВЯТКИНА

ВОЛШЕБНЫХ НОТ ЖИВАЯ ВЛАГА

ДВОЕ ПОД ЗОНТИКОМ

Вот и волнующий август пришёл,
Лето к закату стремится...
Двое под зонтиком, им хорошо
В доме на тоненьких спицах.

Только недавно купались вдвоём
В жарких объятьях июля,
А в поцелуе, застыв под дождём,
Кажется, будто заснули.

Маленький дом для любви на века —
Зонт бережёт и спасает,
Мир их счастливый не тронет пока
Капель прозрачная стая.

Двое под зонтиком. Их не зови:
Им что-то личное снится...
Близится осень, и дом для любви
Наверняка пригодится.

ОСЕННИЙ ВЕЧЕР

Тот вечер был, казалось, тих,
Не щедр на чудные подарки.
Но вдруг величественный стих
В осеннем повстречался парке.

Он, словно музыка, возник
В созвучиях, владевших нами.

Стих был прекрасен, многолик,
Как шорох листьев под ногами.

И снова в сердце полилась
Волшебных нот живая влага,
И слов пленительная вязь
Несла гармонию и благо.

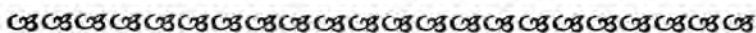
Тот вечер был, казалось, тих,
Дарил души своей сердечность,
И стало чудом всё, как стих:
Осенний парк, и миг, и вечность...

КЛЕНОВЫЙ ДУЭТ

В осеннем сквере ветерок
Наводит глянец,
Ещё один листок завлёк
Другой на танец.

А на душе так горячо,
Легко и ново...
Мне опустился на плечо
Дуэт кленовый.

Вот он уже в стихах моих:
Душе созвучны
Осенний дар и мир двоих,
Что неразлучны.

ЕЛЕНА ГЛАЗКОВА

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО

ВОЛШЕБНАЯ ФУТБОЛКА

«Мамуля, не плачь! Мы обязательно поедem с тобой кататься на горных лыжах, я научу тебя не бояться высоты!» — прошептал Антоша. Мальчик лежал на особенной медицинской кровати, умеющей опускаться, подниматься и даже поворачиваться в разные стороны. На голове его, словно шапочка, белела специальная сетка, с левой стороны торчали две трубочки-катетеры, напоминающие тоненькие рожки или антенны для приёма позывных из Вселенной.

«Конечно, поедem! — улыбнулась мама, пряча слёзы, — как только поправишься». В огромной палате тихо. Она поделена ширмами на три секции. В каждой затаилась своя боль. Настоящее горе — негромко. Это за стенами больницы кипит и шумит жизнь: люди по-прежнему спешат на работу, радуются, смеются, могут быть счастливы. А здесь, в детском нейрохирургическом

отделении, столько ребятишек с родителями страдают в ожидании тяжёлых, сложнейших операций.

В свои одиннадцать лет Антон уже многому успел научиться: шахматам, каратэ, плаванию, особенно нравилось нырять, а главная мечта — горные лыжи. Мчаться с высокой горы, обгоняя ветер, иногда чуточку парить в воздухе, встречая небольшое препятствие! Антон часто вспоминал это восторженное состояние. Мама пообещала, в случае пятёрки за четверть по русскому языку, купить путёвку в горы, где тренируют горнолыжников. Предвкушая поездку, мальчик ощущал себя несказанно счастливым.

Увы, мечте его не суждено было сбыться. Беда пришла в семью ниоткуда, будто с неба спустилась. Как-то во время школьных уроков неожиданно заболела голова, сильно, до тошноты. Медсестра поставила ему градусник, задавая между тем простые вопросы. К своему ужасу ни на один из них ответить Антон не смог: он вдруг забыл свой адрес, как зовут маму, а вместо слова «январь» произнёс почему-то: «Янь-вань». Насторожившаяся медсестра позвонила родителям. Участковый врач предположила, что это, скорее всего, грипп, но типичные симптомы: высокая температура, кашель, отёкшее горло — так и не проявились. А боль в голове не отпускала, становясь всё мучительнее.

Врач-невролог поставила другой диагноз: зажим шейного позвонка. Купили «умное» кресло для исправления осанки. В отличие от своих мебельных сородичей, оно могло складываться, опускаться, подниматься. Он даже опять пошёл в школу. А боль в голове продолжала своё чёрное дело с ещё большей силой. Школьный физрук, увидев Антона, с трудом поднимающегося по лестнице, сочувственно покачал головой и со словами: «Иди, лечись! В школу надо приходиться здоровым», — отправил его домой.

В больнице Антон провёл четыре нескончаемых месяца. В голове обнаружили опухоль. От неё предсто-

яло избавиться с помощью сложнейших операций — он перенёс их уже пять. Мальчик не плакал, терпел боль, не жаловался — переживал лишь, что так и не покатался на горных лыжах.

Наступила весна, а с ней пришёл главный праздник — День Победы! Бессмертный полк! Антон собирался идти в праздничной колонне с портретом прадедушки. Вместо этого впереди — самая страшная и сложная шестая операция. От неё зависело, будет ли нормально ходить и говорить Антон.

Накануне решающего дня неожиданно в палату несмело вошло двое Антошиных одноклассников, на ходу натягивая медицинские халаты. За ними, смущённо улыбаясь и здороваясь с больными, появились другие ребята. И вот уже в помещении стало тесно от пришедших навестить своего больного друга, шумно — от приветственных возгласов и вскриков. Антон разволновался, боясь показаться смешным в своей «нелепой шапочке». Но посетители (а среди них была соседка по парте — Настя, которая ему очень нравилась, в чём он никогда и ни за что не признался бы даже самому близкому человеку) смотрели на него восхищённо, как на героя. Почувствовав это, мальчик успокоился. Он благодарно смотрел на неожиданных гостей, а измученное личико сияло от радости.

На прикроватном столике вмиг появилось множество разных вкусностей, но самым главным подарком оказался небольшой пакет. Его вручил староста класса — Олег.

Когда Антон раскрыл его, от изумления и благодарности у него перехватило дыхание, и он не смог произнести хоть что-то вразумительное. На белом фоне старательно отглаженной обычной футболки, как на листе бумаги, ребята отпечатали разноцветными красками свои ладошки — жёлтые, зелёные, красные, синие, розовые, оранжевые. Под отпечатками каждый придумал

и написал свои пожелания и тёплые слова: «Ты прикольный», «Без тебя скучно!», «Ты весёлый!», «Ты лучший шахматист», «Ты крутой!», «Мы тебя любим!», «Мы тебя ждём!» «Выздоровливай скорее!», «Ты — супер!», «Я считаю тебя своим другом» — с трепетом в душе читал Антон. Футболка превратилась в красочную поздравительную открытку. Казалось, она светится от добрых слов и пожеланий, будто радуга. А Настя, которая лучше всех в классе рисовала, сделала из бумаги объёмное письмо: изобразила цветы, поле, а в центре на ножке гармошкой прикрепила замечательный цветик-семицветик с разноцветными лепестками, способный исполнять желания.

Антон не мог поверить: его помнят, и, конечно, так был потрясён добротой и заботой ребят, что долго не мог уснуть в ночь перед операцией. В этот праздничный для него вечер будто случился внеочередной день рождения. Завтра предстоит самая тяжёлая, последняя операция. «Но я теперь не один! — радостно подумал мальчик, — под подушкой лежит моя волшебная футболка». Он долго гладил её, в сотый раз перечитывая ребячьи пожелания, и решил: до операционной поедет по длинным коридорам больницы именно в этой необыкновенной футболке.

Антоша улыбнулся. Наверное, она действительно волшебная! Ведь в ней собраны искренние, тёплые мысли, сердечная энергия настоящих друзей. Всё это вселяло в подростка силу, надежду и уверенность в скором выздоровлении. Он больше не волновался и не боялся предстоящего испытания. Не зря говорят: «На дружбе мир держится!» Только сейчас он понял, что это значит.

Погладив Настин цветик-семицветик, мальчик, засыпая, улыбнулся. Снилось ему, что они, ни капельки не боясь высоты, катаются на горных лыжах, и оба громко смеются...

Назначенная на утро операция прошла успешно.

СКАЗКИ

СКАЗКА О ЛОШАДИ ИЗ СОЗВЕЗДИЯ ПЕГАСА

Сегодня в сказочной избушке вдруг жалобно закрипела давно не отпиравшаяся старая дверь. «Вы совсем обо мне забыли, — печально прохрипела она, — а в давние времена многие мечтали заглянуть сюда».

Я с трудом отодвинула тяжёлый засов и шагнула в неведомое. Передо мной возникло древнее Варяжское море — теперь его называют Балтийским. Вдали из густого тумана выглядывал остров Рюген. В глубокой древности его называли Руян-Буян. Помнишь у Пушкина слова: «...Мимо острова Буяна в царство славного Салтана»?

На скалистом обрывистом берегу острова блистал роскошными храмами священный город славян Аркона. Несметные богатства хранились в нём. После уборки хлеба сюда стекалось великое множество народа — приезжали поклониться древнему четырёхликому богу русов Святовиту.

В главный Арконский храм полагалось приносить третью часть военной добычи — золото, серебро, жемчуга, добытые на войне. Сундуки, стоявшие в храме, с трудом вмещали подаренные драгоценности. Охраняла богатства дружина в триста витязей на боевых конях.

В главном храме Арконы воины поклонялись священному белому коню Святовита. Его длинные грива и хвост никогда не стриглись. Перед битвой коня выводили за узду из сеней храма на три ряда скрещённых копий. Если он через все копыя ступал сначала правою ногой, а потом левою — это считалось счастливым предзнаменованием. Если конь первый шаг делал с левой ноги — поход отменялся.

Неожиданно сильный порыв ветра поднял меня ввысь. Далеко за горизонтом я увидела самую высокую в древней Греции светлую гору Олимп — жилище две-

надцати главных богов Эллады: так в древние времена называли Грецию. Среди богов-олимпийцев главным считался Зевс — бог неба, грома и молний. Крылатый конь, белоснежный Пегас доставлял Зевсу на Олимп грома и молнии от бога огня — Гефеста.

На вершину горы не смели подниматься простые люди. Вход на Олимп охранялся, а белые густые облака надёжно закрывали его. Гигантские одноглазые циклопы-силачи строили для богов-олимпийцев чудесные дворцы. Кентавры возили колесницу Диониса — бога виноделия. Жестокие и грубые, они пугали окружающих необузданным нравом.

Могущественный Зевс боялся потерять власть и нередко лютовал. От произвола богов попытался защитить людей сильный и мужественный титан Прометей. Он похитил искру священного огня с Олимпа, подарил людям и научил пользоваться им. Разгневанный Зевс жестоко наказал титана, приковав к скале.

В сказке ты ещё встретишь этих героев. А сейчас я поведаю тебе удивительную историю.

...Приближалась полночь, а мальчику не спалось. В окно, улыбаясь, заглядывала луна. Её волшебные лучи превращали обычные предметы в сказочных персонажей. Елисей накинул рубаху и вышел на крыльцо. Луна притягивала. Закинув голову, он разглядывал далёкое светило. Миллионы звёзд сверкали и подмигивали ему из необъятного вселенского пространства.

Мальчик искал среди них созвездие Пегаса — крылатого коня. Он любил лошадей. Зная породы и повадки умных животных, он умел с ними обращаться. Дедушка Елисея в молодости дрессировал лошадей в цирке, и любовь к ним передалась внуку. Он часто рассказывал мальчику о любимых артистках — лошадях. Иногда кое-кто из них проявлял строптивый нрав, кусался, скалил зубы, но всё же они слушали его, выполняли команды, а

потом искали сахар, стараясь забраться в карман. Получив сладость, лизали руки в знак благодарности. Мальчик знал: нельзя приближаться к лошади резко, прыгать рядом с ней, махать руками, подходить сзади, пролезать между ног и под шеей. Садиться на лошадь нужно с левой стороны. Этим правилам Елисея научил дедушка.

Продолжая разглядывать ночное искрящееся пространство, мальчик вдруг увидел движущийся на фоне звёзд силуэт златогривой лошади. Она мчалась по звёздному небу, а за ней, еле поспевая, летел табун лошадей. Елисей застыл от восторга, ему не верилось в происходящее. А может быть, это сон?

Золотая красавица, тряхнув гривой, неожиданно стала спускаться, направляясь к земле, а табун помчался дальше. Елисей бросился на опушку леса. Полная круглая луна, словно солнце, освещала всё вокруг. Деревья отбрасывали причудливые сказочные тени. Послышалось ржание. Копыта осторожно коснулись земли, и посреди поляны появилась лошадь рыжей масти, будто золотая, с гривой и хвостом льняного, почти белого цвета. Затаив дыхание, мальчик разглядывал её: благородная голова с большими умными глазами; короткая, мускулистая, мощная шея, спокойная, уверенная поступь. Настоящая царица лошадей гарцевала перед ним. К ней можно было прикоснуться!

«А ведь эта красавица, похоже, авелинской породы, значит, она родилась на земле...» — размышлял Елисей.

Мальчик вышел на поляну, и, обратившись к лошади, спокойно протянул руку: «Скажи, что с тобой произошло, ведь ты — земная, а прилетела из космоса?!»

Она не шарахнулась в сторону, только склонила голову набок. «Да, я — из созвездия Пегаса, но родилась на Земле. Давным давно меня похитили Кентавры и унесли на далёкую планету».

Лошадь внимательно посмотрела на мальчика и неторопливо продолжила: «В созвездии Пегаса существу-

ют три царства-государства: крылатых коней, кентавров и обычных лошадей. Мы дружим с Пегасовым царством крылатых коней, а царство Кентавров причиняет нам зло. Они захватили наши земли, заставляют без отдыха работать, а обессиленных и голодных сбрасывают в пропасть. Многие мои друзья погибли от острого копья Кентавров. Нам надо защищаться».

— И как же вы собираетесь это делать? — удивился Елисей.

— В детстве родители рассказывали мне о чудесной траве и живой воде. Их можно найти только на Земле, богатой волшебными свойствами. Это наша последняя надежда. Тогда мы станем сильными и неуязвимыми. Пегас отправил меня в далёкое путешествие, надеясь одолеть их. Каждый из друзей, провожая, отдал мне частичку своей силы. Но Кентавры прознали о нашем замысле, и один из них гонится за мной...

Елисей не удивился, что она отвечает ему человеческим голосом — всё вокруг казалось сказочным видением.

— Пойдём к нам домой! Вчера отец косил траву, тебя ждёт свежий душистый стог сена... — смело предложил мальчик. Лошадь, тряхнув гривой, благодарно взглянула на него умными добрыми глазами.

— А как тебя зовут? — поинтересовался мальчик.

— Людей называют по имени и фамилии, а лошадей различают по породам и дают клички. Я — авелинской породы, самой выносливой и здоровой, — подтвердила она догадку Елисея. — Выросла в скалистых окрестностях Альп. Друзья зовут меня Авелина.

Неожиданно послышался треск ломающихся веток. Шум быстро приближался.

— Это Кентавр! Помогите мне укрыться... — взмолилась Авелина.

— Скорее бежим к стогу сена, я забросаю тебя травой! — заволновался Елисей.

На поляне появилось странное существо. Длинные чёрные волосы развевались на ветру. Злые глаза на человеческом лице сверкали яростью, а вместо ног — тело огромной лошади. Полу-конь, полу-человек! В огромных мощных руках — копьё. Казалось, всадник врос в лошадиное тело.

— Ты не видел здесь белогривой лошади? — грозно прорычал Кентавр.

— Нет! — звонко крикнул взволнованный Елисей, успев спрятать Авелину.

«Такое жестокое и страшное существо не остановится ни перед чем», — подумал мальчик.

— Смотри! Если обманул — пожалеешь! — зло ткнув копьём в стог сена, преследователь поскакал дальше. Авелине повезло: остриё не задело её. Елисей быстро отбросил сено.

— Он уже далеко. Возьми меня с собой, я помогу тебе! — с мольбой в голосе попросил мальчик золотую красавицу.

— Конечно! Садись поудобнее, нам нужно торопиться! А я по пути расскажу тебе о другом кентавре, благородном и мудром, по имени Хирон.

Он жил давным-давно, славился добротой, любил музыку, разбирался в военном искусстве, лечил и обучал людей. Один из его воспитанников — Геракл — стал знаменитым греческим героем. Боги подарили Хирону бессмертие. Но однажды Геракл нечаянно ранил кентавра стрелой, отравленной ядом. Мучаясь от неизлечимой раны, Хирон мечтал о смерти.

А в это время, прикованный к Орлиной скале, страдал Прометей. Каждый день свирепый и кровожадный орёл прилетал клевать его печень. Тогда Хирон отказался от бессмертия в обмен на освобождение Прометея. За этот благородный поступок Зевс поселил Хирона на небе, превратив его в созвездие Кентавра.

Авелина стремительно мчалась по лесу. Мальчик не успевал разглядывать деревья, полянки, небольшие речушки.

— А где же ты найдёшь живую воду? — заметив блеснувшее озеро, поинтересовался Елисей.

— На склоне горы Геликон. Там когда-то Пегас выбил копытом волшебный источник. Его вода дарила поэтам вдохновение, а больным — здоровье. Её называли живой водой. Как только страждущий выпивал кружку прозрачного холодного напитка, старец превращался в юношу, а хромой — сбегал с горы, забыв о больной ноге.

— А где мы найдём семена волшебной травы? — волновался Елисей.

— На острове Рюген. При главном храме Арконы живёт мой друг, священный белый конь. Он знает о наших бедах. По повелению древнего бога земли русской Святовита, для жителей созвездия Пегаса приготовлен ларец с семенами чудодейственной травы.

Мальчик вспомнил об угрозе злого Кентавра, оглянулся и вдруг ясно услышал шум погони. Их настигал свирепый враг! Елисей спрыгнул с лошади и затрубил в пастуший рожок. Он умел играть так, что зачарованные птицы отовсюду слетались слушать чудные мелодии. В это время он мог управлять ими.

Елисей указал на Кентавра, и птицы, словно полчище комаров, кинулись на него. Растерявшись от неожиданности, грозный преследователь попытался отмахиваться, присев на задние ноги, но ничего не помогало. Копьё выскользнуло из рук, а птиц становилось всё больше. Елисей вскочил на лошадь: «Скорее, к морю!»

Волны, казалось, сами несли на гребнях к острову смелых путников. На берегу гостей ждал священный белый конь, приветливо помахивая хвостом. Он проводил их в храм Святовита.

В просторном зале высокий старец с длинной пушистой бородой вручил путникам ларец.

Мальчик приоткрыл крышку, сверкавшую драгоценными камнями. На дне шкатулки ярко зеленели чудесные зёрнышки.

— Первый урожай — сохраните, от второго — используйте третью часть, от третьего — половину, а потом трава сама себя сажать начнёт, если не забудете поливать, — напутствовал старец, пожелав счастливого пути.

— Мы всегда будем помнить о вас и благодарить за помощь! — с почтением отозвалась Авелина.

— Я знаю, дальше ваш путь лежит к горе Геликон за живой водой. В дороге могут встретиться опасности. Возьми попону: прикоснёшься к ней — станешь невидимой, — и, лукаво взглянув на Елисея, он накиннул попону на Авелину. Мальчик растерялся: изумлённо посмотрел вокруг. Где Авелина?

Где старец?! Они только что были рядом!

Через минуту, улыбаясь растерянности мальчика, старец протягивал ему небольшой мешок: «Держи, Елисей, крепко, не теряй! Чудесная попона вам пригодится. Но помни: через час она теряет волшебную силу, а потом приобретает снова».

Возвращаясь, путники увидели на берегу четырёх Кентавров — в кольчугах для защиты от птиц. Чёрные металлические чудища ждали их с нетерпением.

Мальчик быстро вытащил попону из мешка, и Кентавры сразу потеряли их из виду. Они бросились в разные стороны, а потом — друг на друга, обвиняя в недосмотре.

Авелина с Елисеем, стараясь не шуметь, торопливо выбрались на берег. Преследователи слышали стук копыт и устремились в погоню. Но теперь свирепых Кентавров можно не бояться! Попона стала надёжной защитой, лишь бы не выронить её на скаку. Мальчик крепко держал мешок, и всё же одна из веток зацепила его. Он упал на землю.

Яростные крики приближались. Елисей успел схватить мешок и вытащить попону. Один из кентавров задел её передней ногой и, остановившись, тоже стал невидимым. Остальные не на шутку испугались. Главный Кентавр исчез — будто под землю провалился! Мальчик освободил его копыто от волшебной ткани, и преследователи, ни о чём не догадавшись, поскакали дальше.

— Давай отдохнём, — жалобно попросил Елисей. Лошадь сразу же опустилась на колени. Мальчик прижался к светлой гриве и грустит: «Ты — удивительная, смелая, прекрасная. Я давно мечтал о таком друге, а ты скоро покинешь землю?!»

— Да, как только из созвездия Пегаса на землю упадёт луч, я улечу обратно, — вздохнула Авелина, — но ты отрежь прядь моей гривы и носи с собой. Она соединит нас во вселенском пространстве, и ты обо мне будешь всё знать, — неожиданно предложила Авелина.

— Я обязательно вернусь к тебе, и мы отправимся в удивительное путешествие. Ваше величество будет приказывать, а я — исполнять! — шутливо добавила она. Мальчик повеселел и напомнил: «Авелина! Нас ждёт ещё одно важное дело».

Долго без усталости скакала золотая лошадь. Наконец вдали показались склоны горы Геликон. Здесь, под большим камнем, прятался источник живой воды.

Давным-давно у маленькой Авелины медленно росли зубки, и родители привели её к подножию белой горы — таким большим показался тогда ей камень! Она вдоволь напилась воды, и на следующий день зубки стали лучше, чем у подружек.

Сейчас Авелина, волнуясь, искала тот самый камень. А вот и он! Но теперь большую белую гору он не напоминал — наверно, состарился, искрошился от ветров и дождей.

— На всякий случай я прикрою тебя, пока ты наполнишь эти чудесные сосуды. В них вода не убывает.

Сам Пегас, провожая, вручил их мне, — горделиво добавила Авелина. Мальчик набрал прозрачную волшебную воду, надёжно укрепил на спине лошади ларец, по бокам — два сосуда, накрыл попоной, и они поскакали обратно.

— Я так благодарна тебе за помощь! Без тебя у меня ничего бы не получилось, — призналась Авелина.

Елисей с радостью ловил каждое слово.

— Но я волнуюсь, — продолжала она. — Кентавры не прощают поражений и будут преследовать тебя. Думаю, попона ещё понадобится.

На поляне вдруг стало светло. Ослепительный луч дорожка коснулся золотой красавицы, и она, шагнув навстречу, вдруг оторвалась от земли. Елисей долго смотрел вслед, пока не почувствовал боль. На поляне стоял Кентавр, упирая в грудь мальчика копьё.

Елисей вспомнил о волшебной попоне. До неё нужно только дотянуться, а опасный враг не давал этого сделать.

— Ты спрашивал меня о белогривой лошади?! Посмотри на небо! — решил отвлечь Кентавра Елисей. Там, далеко-далеко, в ослепительно-белом луче мчалась к созвездию Пегаса Авелина.

Пока Кентавр разглядывал звёздное пространство, мальчик накинул попону. Разъярённый преследователь собрался выместить злобу на мальчике, но тот внезапно исчез.

И вдруг где-то рядом послышался насмешливый голос Елисея: «Теперь ты, жестокий и злой, перестанешь быть самым сильным и непобедимым»!

КТО ПОБЕДИТ СТРАШНЫЙ ШАР?

Пингвинёнок бежал по заснеженному полю домой к маме. Он торопился сообщить ей новость. Гин — так звали малыша — заметил: из образовавшейся полыньи

иногда показывается страшная голова с усами. Мама всё знает, и ему не терпелось спросить: кто там живёт? А это выслеживал добычу опасный враг пингвинов — Морской котик. Короткие толстые ножки Гина мешали делать большие шаги. Ему хотелось побыстрее оказаться дома. Он лёг на белоснежное брюшко и заскользил как на санях, отталкиваясь от снега ластовидными крылышками и сильными ножками. Сегодня Гин не пошёл в школу: начал трескаться лёд и дорога стала опасной.

Его папа и мама — Королевские пингины. Это загадочные птицы. Они постоянно ходят на двух нижних лапах, умеют плавать и нырять, но не способны летать.

Маленький Гин родился недавно. Он вылупился из яйца голым. Мама боялась — малыш простудится, но за несколько недель он оброс пёрышками и превратился в хорошенького весёлого Пингвинёнка с оранжевыми пятнышками на белоснежном брюшке.

Родители не чаяли в нём души и, волнуясь, гулять далеко не отпускали. Недавно у малыша отросли водонепроницаемые крылышки. Теперь он мог нырять на глубину до ста метров. Это всё равно, что прыгнуть с высоты тридцатипятиэтажного дома. Папа с мамой ныряют ещё дальше — на глубину двести метров.

Гину всё интересно. Он с удовольствием ходит в школу. Учителя рассказывают, что его родственники, Африканские пингины плавают быстрее всех, а с Магеллановыми пингвинами он мечтает поиграть в прятки. Если возникает опасность, они умеют стать незаметными.

Сегодня мама с папой собрались в гости к друзьям на Галапагосские острова. Там не бывает морозов и всегда тепло. Гин давно мечтает об этом путешествии. Осталось всего несколько дней. Родители ждут, когда у друзей вылупятся птенцы. Сменяя друг друга, Галапагосские папа и мама высидывают яйца. Пройдёт около сорока дней и появятся малыши, а через неделю роди-

тели возьмут их с собой в море. Гин мечтает научить малышей нырять так же глубоко, как умеет он.

Давняя подруга мамы — Золотоволосая пингвиниха. Над глазами у неё хохолок из золотисто-жёлтых перьев, напоминающий корону. Это делает её похожей на королеву. Пингвиниха-Золотоволоска этим гордится. Она не любит возиться с детёнышами и через две-три недели отдаёт их в «детские ясли».

Однажды Золотоволоска отложила два яйца. Первое яйцо у пингвинов всегда мельче второго, и она решила его не высиживать. Случилось невероятное. Это маленькое, никому не нужное, обиженное яйцо неожиданно превратилось в таинственный шарик. Он быстро стал расти и каждый день загадочно менялся. То превращался в белоснежный, пушистый, лёгкий серебряный мяч, то вдруг чернел, начинал шипеть и покрывался длинными горящими иглами.

Эти иголки больно кололи окружающих пингвинов. Злому шару нравилось причинять страдания другим. От этого он становился всё больше.

Так шар мстил Золотоволоске. Она поленилась его высиживать, согреть, и он вырос жестоким и злым. Её чудесная шубка из белых перьев с чёрным воротничком стала исколота горящими иглами. Под покровом ночи поселение Золотоволосых пингвинов решило покинуть гнёзда.

Шар остался один. Утром он метался по заснеженным полям в поисках очередной жертвы.

Весть о грозном шаре облетела поселения. Проще всех было Императорским пингвинам. Они не строят гнёзд. Яйцо с будущим детёнышем носят под свободным сгибом кожи — в кармане, и в любом месте могут спрятаться от шара, не возвращаясь к гнезду.

Скалистые пингвины — так их называли за то, что лучше всех умеют прыгать по скалам — этой новости не испугались. Они любили приключения, отличались

боевым задором и искали встречи с грозным шаром.

В тот день Гин далеко убежал от гнезда разглядывать новые полыньи. Приближалась весна. Нарастал гул трескающегося льда. Пингвинёнок озирался по сторонам. Ему казалось, что эти звуки издают какие-то неведомые существа. Около новых лунок Гин решил делать отметки, чтобы не заблудиться, и вдруг увидел большого белого зверя, а рядом — такого же малыша.

Белая Медведица — мама с проголодавшимся медвежонком. Они терпеливо ждали добычу. Она думала: из полыньи вынырнет тюлень подышать воздухом.

Приветливо помахивая хвостиком, белый любопытный медвежонок направился к Гину. Он ему понравился — удивительное существо не на четырёх, а на двух ножках, с беленьким брюшком и чёрной спинкой.

«Но как же они сюда попали? — размышлял Гин, — ведь их дом далеко отсюда, на Северном полюсе в Арктике, а здесь Южный полюс — Антарктида!» Гин с интересом поглядывал на приближающегося белого Пушистика, с которым захотелось подружиться и узнать, как они здесь оказались.

Сильные лапки с большими коготками не давали толстяку-медвежонку проваливаться в снег. «Зато я никогда не мёрзну! — засмеявшись, пояснил медвежонок. — Жир предохраняет от холода и помогает удерживаться на плаву». «А я самый лучший ныряльщик!» — похвастался Гин. «А я умею быстро бегать по льдинам! — ответил Пушистик. — Давай с тобой дружить!»

Гин согласно склонил крылышки, и они заскользили по снегу в сторону берега. Пингвинёнок не отставал от Пушистика, а тот удивлялся быстроте Гина. Ведь ножки у пингвинёнка маленькие и короткие. Вдруг оба замерли. Прямо на них, сверкая на солнце, летел, слегка касаясь ледяного поля, большой белый шар. Поравнявшись, он высоко подпрыгнул, приветствуя малышей, и предложил на нём покататься.

Ухватившись за два небольших ушка на шаре, Гин с Пушистиком помчались в сторону огромного Айсберга. Дул сильный ветер. Через мгновение они оказались на краю высокой ледяной скалы. Внизу простиралось безмолвное заснеженное пространство.

— Кто ты такой? — испуганно спросил Пушистик у Шара.

— Я — любимая игрушка моего Повелителя и господина. Ему нравится играть со злом и добром. Через каждые двенадцать часов в меня вселяется добро или зло, и я становлюсь другим. Осталось всего десять минут. Моя доброта исчезнет, придёт зло. Я никого не буду жалеть, а только причинять всем боль.

Гин и Пушистик испуганно переглянулись. Они растерялись, но понимали: сейчас что-то произойдёт. Вдруг шар начал меняться. Белый, искрящийся, он потемнел и вместо нежных пушинок стал обрастать длинными чёрными иглами. Они светились обжигающим пламенем. Он всё ещё не трогался с места.

Медвежонок приказал Гину быстро сесть к нему на спину. Что было сил, они помчались домой. Через несколько секунд рядом с таинственным шаром уже никого не было. Шар огляделся и, грозно зашипев, бросился в погоню. Он катился быстро, оставляя после себя расплавленные ямки в снегу, и вскоре почти догнал Пушистика с Гином.

— Каким страшным стал шар! — переводя дух, бормотал Медвежонок. — Не успеешь ты вовремя убежать, его острые горящие иглы от нас с тобой ничего бы не оставили.

— Пстой! — воскликнул Гин, — Шар сам нас предупредил, значит, он не виноват. Его кто-то сделал таким!

— Да! — прогремел голос, напоминающий раскаты грома, откуда-то сверху. — Мой волшебный жезл управляет добром и злом. Я придумал этот Шар. Когда мой посланец летит над землёй, творя добро, или всюду

ляются слёзы, мне интересно наблюдать, будто смотрю смешной мультфильм. Я — Великий Чародей Северной земли. У меня три брата — могущественные волшебники Юга, Запада и Востока нашей планеты. Сегодня я в гостях у Юга и принёс с собой из Арктики подарок — Белую Медведицу с медвежонком. Когда же братья бывают у меня в гостях, я встречаю их северным сиянием. Никто на земле не может создать такую завораживающую красоту. Они называют меня Великолепным. Вы должны знать об этом и поклоняться мне!

Раскаты грома утихли. Послышалось знакомое шипение. Приближался грозный Шар. Рядом оказалась большая лунка, и медвежонок с Гином, не стовариваясь, нырнули в воду. «Эх! Если бы управлять временем, — подумал Гин, — к ним бы вернулся добрый и весёлый шар не через двенадцать часов, а сейчас».

Гин вспомнил о маме и папе. Вдруг этот злой Шар доберётся до них!? Кто их защитит? У пингвинёнка исчез страх, он смело вынырнул из полыньи. Шар замер рядом, подстерегая друзей. Особенно аппетитным показалось беленькое брюшко пингвинёнка.

— Слушай, Шар-шипучка, злая колючка! Ты знаешь, как я глубоко умею нырять? А ты? — воскликнул звенящим от волнения голосом пингвинёнок. — Давай поспорим, кто нырнёт дальше? Там, на дне, ты увидишь сверкающий драгоценный камень. Он освещает глубины моря так же, как нашу землю греет солнце. Ты станешь сильнее Повелителя, если сможешь его достать.

Шар замахал огненными иглами, зашипел и приблизился к пингвинёнку, но не успел дотянуться. Гин нырнул в полынью. Шар-шипучка, злая колючка всегда выходил победителем и, конечно, нырнул за пингвинёнком. Как только он коснулся воды, иглы зашипели ещё громче. Из полыньи пошёл пар, превратившийся в большое облако. Оно высоко поднялось над землёй. Гин выбрался на поверхность. Шар исчез.

Пингвинёнок радостно засмеялся. Он гордился со-бой. Смелый малыш победил страшный Шар, а значит, и могущественного Чародея Северной земли. И тут он вспомнил про друга.

Медвежонка нигде не было. И вдруг рядом подозрительно зашевелился большой сугроб. Гин смотрел на него и ждал, что будет дальше. Наконец показалась лапка, а потом — чёрный нос Пушистика. Пока он выбирался из-под снега, Гин радостно бегал вокруг сугроба и бросал снежки.

Медвежонку не давал покоя драгоценный камень на дне океана: о нём рассказывал Гин. Он приготовился к подводному путешествию. Но пингвинёнок волновался: белые медведи умеют хорошо плавать, а нырять так глубоко, чтобы увидеть дно, не способны. Спасаясь от Шара, Гин заметил: его друг на миг скрылся под водой, затем быстро вылез на берег и, незамеченный, спрятался в сугроб. Гин пообещал Мишке достать драгоценный камень и подарить ему в День рождения.

Но это случится в следующей сказке.

АЛЕКСАНДР ГОРОДНИЦКИЙ

ДОЖИВАЮ ТРЕВОЖНУЮ СТАРОСТЬ

МОИМ РЕДАКТОРАМ

Вспоминаю я о вас тепло
Долгими пустыми вечерами.
Мне в любви по жизни не везло,
Но зато везло с редакторами.

8 апреля 2018 г.

* * *

*Человек не может
привыкнуть к холоду.*

Руаль Амундсен

Старикам, вошедшим во тьму по пояс,
Отбиваться поздно, судьбе грозя.
Человек, ступивший на Южный полюс,
Утверждал, что в холоде жить нельзя.
Не с того ли в арктической снеговойerti,

Где торосов внизу ледяные лбы,
Он летел упрямо навстречу смерти,
Чтобы старческой избежать судьбы?
И горюю я, доживая старость,
Что наивные не сбылись мечты,
Что страна моя на Земле осталась
Континентом не тающей мерзлоты.
Как унять полярную эту выюгу?
Как страну уберечь от грядущей мглы?
Там, где были люди добры друг к другу,
Стали люди нынче друг к другу злы.
С ними, видно, каши теперь не сварить.
Почему, никак не возьму я в толк,
Величавший вчера лишь его «Товарищ»,
Человек человеку сегодня волк?
И, кого в округе ни опроси я,
И враги отвечают мне, и друзья,
Что не просто в нынешней жить России,
Потому что в холоде жить нельзя.

11 апреля 2018 г.

* * *

Пример из истории трону,
И сразу становится ясно:
Всегда и повсюду от трона
Цари отрекались напрасно.
Они отреклись бы едва ли,
Себе уготовив мученье,
Когда бы заранее знали,
Что их не спасёт отречение.
Нам опыт минувшего века
Усвоить поможет урок сей, —
Что легче убить человека,
Который от власти отрёкся.
Напуган, подавлен, растерян,
На подданных бывших похожий,

Он жалок, поскольку теперь он
Уже не помазанник Божий.
Казнить его можно публично,
Народные радуя нервы,
Поскольку теперь безразлично,
Шестнадцатый он или Первый.
Вослед им глядим в укоризне,
Себя уподобившим смертным:
Уж, если уходишь из жизни,
То лучше царём, а не смердом.

11 апреля 2018 г.

ВИКТОРУ ТИХОМИРОВУ

Питерский художник,
Виктор Тихомиров,
Для меня он тоже
Открыватель мира.
Из его окошка,
В час, когда вы спите,
Выпивший немножко,
Я смотрю на Питер.
Там течёт не быстро
Мойка, застывая,
Там цареубийством
Пахнет мостовая.
Утренние краски
В деревянной раме,
Где собор Казанский
Светит куполами.
Я отныне знаю,
Виктор Тихомиров:
Кисть твоя цветная
Посильнее лиры.
Кисти невесомой
Той прикосновенье

Удержать способно
Каждое мгновенье.
Дорогой художник,
Виктор Тихомиров,
Задержать ты должен
День, плывущий мимо,
Мир крупномазковый
Утреннюю ранью,
Города морского
Влажное дыханье,
Солнца через дождик
Радужные пятна.
Возврати, художник,
Жизнь мою обратно.

12 апреля 2018 г.

ДЕТСКИЕ РИСУНКИ

Стихи мои теперь рисуют дети,
Страницы раскрывая, как окошко.
Когда смотрю я на рисунки эти,
Мне хочется пожить ещё немножко.
Себя сегодня ощущаю странно,
Когда соединенье их талантов
Мне возвращает краски океана,
Игарку, Атлантиду и атлантов.
Пусть время укорачивает сутки,
И коротка грядущая дорожка.
Когда смотрю на детские рисунки,
Мне хочется пожить ещё немножко.
Увидевший сегодня их глазами
Мой мир, разнообразный и богатый,
Я острую испытываю зависть,
Забутые перебирая даты.
Их детство — развлечения и сказки.
В моём припоминается бомбёжка.

Когда смотрю на яркие их краски,
Мне хочется пожить ещё немножко.
Там цвет соединяется со словом,
И юность придвигается поближе,
Но мир, который ими нарисован,
Теперь уже навряд ли я увижу.

12 апреля 2018 г.

ДЕТИ БЛОКАДЫ

Д. Каралису

Ощущать до старости не рады
Приступы внезапной ностальгии
Выжившие дети Ленинграда,
Что с годами сделались другими.
Им, не ставшим безымянным прахом,
Бог явил нечаянную милость:
От мороза, голода и страха
Их структура крови изменилась.
Оказалась, якобы, полезной
Та война, что детство их задела:
Более устойчивы к болезням,
Более ответственны за дело.
В эти не поверивший слова я,
Их теперь припоминаю кратко, —
Просто сам пока что доживаю
Посреди девятого десятка.
В прошлое ушёл наш век железный,
И навряд ли интересно прочим,
Был ли я устойчивым к болезням,
И в своей работе был ли точен.

12 апреля 2018 г.

УРОКИ СЛУЦКОГО

Укорял меня Слуцкий гневно,
Обучал меня Слуцкий строго:
Труд поэзия ежедневный,
А совсем не диктанты Бога.
Уберечься стараясь прочно
От ямбического плена,
Научись расшатывать строчку
И ломать её о колено.
В этом мире пустоголовом
Только слово — союзник веский.
Научись работать со словом,
Как работает Вознесенский.
Побеждает лишь тот, кто ищет,
Кропотливым трудом ведомый.
Из дерьма не сострять пищу,
Из песка не построить дома.
Распевал я в ту пору марши,
По вантинам взбегал на рею.
Я теперь его много старше,
Но, конечно же, не мудрее.
Не зажившая ноет рана,
Причиняя теперь мученье, —
Что ушёл он из жизни рано,
Что оборвано обучение.
Потому на пути к могиле,
Завершая земные сроки,
Я со старческой ностальгией
Вспоминаю его уроки.

12 апреля 2018 г.

* * *

Истекает положенный срок.
О минувших годах не жалею.
Запылились у края дорог

Верстовые столбы юбилеев.
Побережья уходят в туман.
Мне немного от жизни осталось.
Завершаю последний роман.
Доживаю тревожную старость.
Не замедлить течение реки.
Мой кораблик качается утло.
Не с того ли теперь со строки
Начинается каждое утро?
Не с того ли, открывший тетрадь,
От безрадостных будней тупея,
Я сегодня спешу досказать,
Что назавтра сказать не успею?

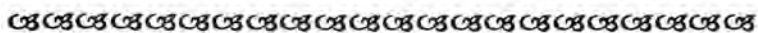
12 апреля 2018 г.

* * *

Понимаешь без труда:
Сколько век ни длится,
Русский с русским никогда
Не договорится.
Бедовать им вечно врозь
Под славянским небом.
Так исконно повелось
От Бориса с Глебом.
Брату брат в любом году
Хуже иноземцев.
Если первый за Орду,
То второй за немцев.
Не видать в ночи ни зги, —
Дым кругом да пламя.
Приходите к нам, враги,
Володейте нами.
Где страданиям конец?
Нет назад возврата.
Сына бьёт в висок отец,
Брат встаёт на брата.

Знать, лихие времена
Кончатся не скоро, —
Всё Гражданская война,
Бунты да расколы.
Заливает города
Красная водица.
Русский с русским никогда
Не договорится.
Не замирятся добром,
Как того желаем,
Алексей с царём Петром,
Ленин с Николаем.
Сговорятся всем на страх,
Ахнуть не успеем,
Немец с немцем, с ляхом лях,
И еврей с евреем.
В океан бежит вода,
Улетает птица.
Русский с русским никогда
Не договорится.
Не дано ему понять
Равенства и братства.
Он, придя голосовать,
Выбирает рабство.
Невесёлые года,
Горестные лица.
Русский с русским никогда
Не договорится.

13 апреля 2018 г.

ГАЛИНА ДАНИЛЬЕВА

САД И СТАРИК

Сада в общем-то не было — несколько яблонь, вишен, кустов смородины и крыжовника, грядки, дорожки-межи — разделительные тропки... Обычный садово-огородный расклад участка, живущего коммунально, как и дом.

Но Дом был.

Настоящий, старинный (начала XX или конца XIX века), со скворечником мезонина, со стеклянными фонарями терасс на все четыре стороны света. Дачный в прежних и лучших традициях первых дач в ближайшем Подмоскowie. Дом «со знаком породы», но без «вида её сторожей» — время их смыло-стёрло — и потому хотя и остался он именоваться дачей, но дачно-поселкового совета. Поссовет капитально ремонтировал, заселял, судил-рядил, ему и платили за жизнь-бытьё.

В этом Доме Старик родился. Ещё до беды войны. Прожил всю жизнь и остался верен ему навсегда...

И когда-то, в яростные, хотя и нежные дни своей молодой любви, которая величалась, да и казалась вечной, посадил яблоневоый сад. Сад Любви.

Сад вырос. Любовь... Любовь не предала, она покинула его, так как была обречена на разлуку, будто по формуле Цветаевой: «Любовь — это значит лук/. Натянутый — лук: разлука». Любовь, обречённая стать разлукой. И памятью...

Дом состарился, как-то посерел и осел. Он... Он тоже состарился — с домом они жили-были и старели вместе.

Много лет назад, словно в другой жизни, был у них с Домом чудный пёс — колли. Ласковый и умный: зря не лаял, цветов-грядок не топтал, птиц не пугал. Пес прожил свою жизнь быстрее. Но Дом и Сад его не забыли, не забыл и хозяин. Как и раньше, осиротевший старик всё выходил в Сад и смотрел через соседний участок туда, где жила Его Любовь. Особенно легко было это делать, когда деревья стояли голыми, сквозь графику ветвей, подчинённую законам музыки тишины беззащитной обнажённости жизни.

Он вспоминал Её голос, руки, волосы, глаза... слова. Её, вечно куда-то спешащую, а то вдруг — притихшую, присмирившую даже, в те минуты, когда Она слушала Его сказки.

Она приходила в память капризной, упрямой, нежной и повинной. Вспоминалось, как щенок, похожий на медвежонка — Его подарок — слизывал слезинки и норовил облизать Её всю, с головы до ног. Она была плаксой и не случайно они с Его другом-недругом в том дальнем далеке прозвали Её Несмеяной. И вправду, Она всё печалилась по поводу и без, тревожилась и рвалась куда-то из надёжного берега Его рук, как листок с ветки в месяце осеннем — месяце Её рождения. В общем, Она была невыносимой, но необыкновенной и незаменимой, как все возлюбленные, а может — даже немножко больше.

Сад знал о Нём больше всех. Пожалуй, Сад знал всё. Его горе, Его слёзы. Отчаяние. Его шаги по самой крошечке бессонной пропасти, по холоду лунной дорожки на воде их реки, которая тихо лежала за самой границей Сада.

Сад утешал, одаривал, гневался — требовал, нет, не забыть, а очнуться, настаивал на порядке — на заботе о себе...

Старик — он тогда ещё совсем Стариком и не звался — был сильным, красивым. И даже в пору беды смог сохранить свою силу, может быть, потому, что у него был Сад.

Сад верно ждал Его, когда дела или, позже, нездоровье разлучали их. Сад ждал всегда.

Настал час, когда Он вернулся в свой Дом, в свой Сад другим — Он пережил любовь, а значит, стал жить другую жизнь, но в том же Саду... Пространство через участок опустело — она покинула дом, хранящий память о них вместе: звуки голосов и шагов, слова Его клятв и Её молитв. А на улице, соединяющей их дома, неприкаянной мнимостью оставалась бродить Её тень, особенно зримо — в пору крестиков сирени.

Он научился жить без Неё. И даже сумел растерять приметы их былого — не сберёт то, что хранилось в Доме, где, кроме Памяти, живой хозяйкой стала другая. Но Старик и Сад знали, что Она поселилась — спряталась в его сердце. В самой глубокой и тайной глубине, как в очень тёмном и гулком дупле дерева, в его тёмной и тёплой защищённости — маленькая пичуга.

Больше полувека приходили зимы и отлетали вёсны. Сад успел окрепнуть, возмужать и стал потихоньку стареть — отступать, уступать времени. То одна ветвь надломится, то трещинами пойдёт яблоневая кора — морщинами древесной кожи... И всё-таки он был прекрасен — Его Сад Любви.

В одну из ночей, звучащих тревожными полутонами темноты, под утро, что подступило туманом к Его окну, Старик увидел во сне Её, свою Любовь. Она возникла так отчётливо, так до боли реально, что Старик, как когда-то, резко поднялся и бросился к двери Дома, и дальше — к калитке Сада, за калитку, на улицу, мимо давно спящего за ненадобой колодца. Он бежал за тенью женщины, легко и быстро уходящей от него. Может быть, спешащей на звук приближающейся к станции электрички? В памяти Старика вдруг застучали когда-то запомнившиеся строки:

Не разлучайся, пока ты жив,
Ни ради горя, ни для игры.
Любовь не стерпит, не отомстив,
Любовь отнимет свои дары.

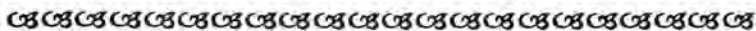
Он побежал быстрее, задыхаясь, догнал её, тронул за плечо. Женщина обернулась, подняла глаза, и Он её узнал.

— Это была Она, Его вечная Любовь?

— Нет. Это была Старуха, которой он отдавал яблоки из своего Сада. Ведь их было в урожайные годы так много...

Он не сказал ни слова. И она ни о чём не спросила. Старик будто проснулся и медленно пошёл назад. Сад ждал Его. Старик молча, как всегда, рассказал Саду свой сон, а Сад молча выслушал и понял Его, как всегда и как никто.

Ночь. 8 февраля 2018 г.

ОЛЬГА ЗБАРСКАЯ (США)

Ольга Збарская — доктор наук, специалист по цротивному мышлению. Основатель и президент консультационной компании «OZCREDO», которая занимается вопросами оптимизации творческого мышления и оригинальности суждений. Автор научных книг, одна из которых стала учебником для вузов США и многих стран, и поэтических сборников. Член международных поэтических обществ. Неоднократно удостоена почётного звания «Посол поэзии США».

СУДЬБЫ СОМКНУЛСЯ КРУГ

ВТОРАЯ ТЕНЬ

*Сообщать себя —
природное стремленье...*

И. Гёте

В который раз ночь выпита до дна,
Но снова я, в преддверье рецидива,
Рассвета жду, где ложь не так правдива,
И где вторая тень не так видна.

В Бермудском треугольнике живу:
Две тени по углам, я в третьем маюсь,
Грехом не тягочусь, в безгрешье каюсь,
Живу во сне, сны вижу наяву.

Вторая тень — родимое пятно,
Где «да» и «нет» — вулкан под общим кровом,
Где в новом старо всё, а в старом всё так ново,
И где под кистью дышит полотно.

Я вычищу палитру добела
И снова раскручу свою рулетку —
Мне тесно на ветру, свободно в клетке,
А через миг мне клетка немила.

Чтобы в огонь поплакала гроза,
Опять сверну к тебе на повороте.
Я в кворуме страстей одна, что «против»
И та одна, что безнадёжно «за».

Моя вторая тень, я за тебя —
Без этого меня ничтожно мало,
Для той толпы заядлых театралов,
Что всё же отрекаются, любя.

СНЕЖНЫЙ БЛЮЗ

Прекрасное должно быть величаво...

А. Пушкин

Замёрзших капель нарост ледяной
Вокруг земли хрустальным саркофагом
Поёт теплу хорал за упокой,
Пространство измеряя снежным шагом.

Огранку бриллиантовой росы
Вершит мороз, и замирают слёзы
Цветов экзотерической красы,
Застывших, как созвездия мимозы,

Сверкающих бездонною казной.
Метели убажают сфинксов снежных,
Облив лилейных эльфов белизной,
Укрыв простор эмалью белоснежной.

Склоняясь пред красой озябших муз,
Переводя дыханье ледяное,
Февраль на саксофоне снежный блюз
Играет в храме зимнего покоя.

БЕГЛЕЦУ

*Для всякой жажды
есть свой источник.*

Г. Флобер

Нанизывать гранат поспевших чувств
На нить надежд в хрустальном зазеркалье
Нет больше сил... Родник доверья пуст,
Как чаша без священного Грааля.

Жестока опрокинутая власть
На паперти любовных излияний.
Беги, беглец, коль угасает страсть —
Грешно у жизни клянчить подаянья.

Не жди на обезвоженных полях
Шального ливня чувств. Спасайся бегством
От непонятных фраз в пустых ролях
И жизни с пониманьем по соседству.

Хлещи дождями, жмись к земле травой,
Врезайся в суть, вдаваясь мысом в море,
И ветром по булыжной мостовой
Несись с листвою, опавшей в вечном споре.

Откинь иллюзий локоны с лица...
Вдохни струю божественного света.
Беги, как я, до самого конца —
На все вопросы где-то есть ответы.

Ссутулившимся странником бреди
Иль всадником лети на крыльях славы.
Беги, беглец, быть может, впереди
Ты вновь услышишь сладостное «Браво»!

ЗАБЫТЫЕ СТИХИ

*Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.*

М. Цветаева

Печален дом заброшенных стихов,
Поникли обескровленные кроны,
И луч прозрачный — нежность небосклона —
Ласкает их. И запахом духов

Лазурной свежести и бархата листы
Их обдаёт таинственная небыль,
И чаша опрокинутого неба
Поит нектаром свежести. Увы,

Недолг век забытых всеу строк,
Им не к лицу просить на подаянье —
Доверья горсть, щепотка пониманья
Их к жизни не вернёт. Жестокий рок

Терзает сад идей и рифмы плод
Угрюмой ординарности отравой
И давит стих шаблонности оправой.
Крылатой музы прерван был полёт

Объятием клише жестоких рук
Под мерзкий вопль беснующейся стражи —
Шаблонов, разрушителей пейзажа.
Запнулся стих. Судьбы сомкнулся круг.

DIEUDONNÉ¹

Как тишиною грудь полна!

А. Фет

Тьма, завладевшая старыми крышами,
Чинно стекала на заспанный остров
Сплавом смолы, потешаясь над нишами.
Взяли укрытия в топах погостов.

Гибельной силой обрушилась, жадная,
Родинки звёзд зажигая неистово;
В карточный купол владенья прохладные
Переписав. Покрывалом батистовым

Стелется мгла, овладев закулисными
Тайнами бездны. Цикад покаяние
Звучно вырастает во мглу. Живописными
Бликами убран Гудзон. Состояние

То ли искусно придуманной радости,
То ли досады. Неверье в случайное.
Стёрты оттенки, и привкусом сжатости
Ночь отдаёт, уповая на тайное...

¹ Данное Богом (с франц.)

С НАДЛОМОМ

Памяти Бродского

*Меня упрекали во всём,
окромя погоды...*

И. Бродский

Его упрекали, а он настаивал.
Навязывал миру свою конституцию.
Жёсткую. Страстную. С резолюцией
Повстанца. Поэзию перекраивал

Без меры, размера, лекала, выкройки.
С любовью и горестью из ниоткуда.
С надломом. С иронией. С амплитудой
Гигантского маятника. Без выкриков

Влюблялся. Влюблял. Был горяч, но отходчив.
Метался. Метал, меняя тональности.
Судье на вопрос «Какая специальность?»
Несложно ответит «Поэт-переводчик».

Без жалоб, стенаний. Меж континентами.
Из неудобных, не угождающих —
В дамки. В пляду всепобеждающих,
В гущу сенсаций беспрецедентных.

Гений пустот и слуга одиночества,
Инаугурация, слава, помосты...
Без колыбели, но, всё же, с погостом
На Сан-Микеле... В пику пророчеству.

ВИКТОР КАШКИН

Виктор Кашкин публиковался в московских газетах, журналах, коллективных сборниках. Лауреат конкурса «Лучшая книга 2012–2014» за поэтический сборник «Всего дороже». Член СП России. Живёт в Москве.

НАУЧИ ПОКАЯНИЮ, ГОСПОДИ!

* * *

Читаю Библию как будто по складам.
Здесь, в родословной, сердцем я увидел,
Что у отца по имени Адам
Сын брата своего возненавидел.

Добравшись до истоков той строки,
Где был исход еврейского народа
От берегов египетской реки,
Иду за Моисеем больше года.

С дороги той, что длилась сорок лет,
Дай веры, Господи, не отлучиться,
Пока ещё механика планет
За братьев дарит время помолиться.

* * *

Научи покаянию, Господи.
Сколько раз обещался Тебе
Не жалеть о рублях, что на площади
Возле церкви дарил голытьбе.

Научи покаянию, Господи.
Разве это у храма не я
Бил поклоны украдкой на площади,
Чтоб меня не чурались друзья?

Научи покаянию, Господи.
Не стеснялся ль родного двора?
Не дружил ли с манерами площади,
Благородству поверив вора?

Научи покаянию, Господи.
Страх, с которым не ведал, как быть,
Когда видел, как женщину с площади
Жадно били, смогу ли забыть?

Научи покаянию, Господи.
Претерпел ли не Ты на Кресте,
Чтобы нищенку ту, что на площади,
Полюбил как сестру во Христе?

Научи покаянию, Господи.
Сколько раз обещался зайти
На всенощницу, в церковь на площади,
Что была у меня на пути.

* * *

Да хватит ли валежника
Со всех лесов планеты
На все костры тем грешникам,
Что метили в поэты?

На одного-то грешника,
Хотевшего в поэты,
Не нападись валежника,
Обшарь хоть все планеты.

* * *

Не то что год, не то чтобы полгода,
Без траурных хотя бы месяц дней,
Дежурными, как в новостях погода,
Обыденными ставших для людей.

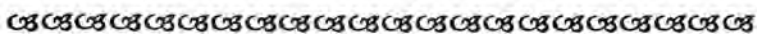
Всё чаще время — только ли в столице!? —
Поникших триколоров на Руси.
Так, Господи, мы под Твоей десницей,
По вере с нас, не по грехам спроси.

Так, Господи, когда от года к году
Опасливый до супостатных дней,
Жду, ёжась, как ненастную погоду,
Всё чаще их на родине моей.

* * *

Души не спрячешь за кустами,
Её невольно обнажив.
Грущу о том, что станет с нами,
Весёлой песни не сложив.

Грущу о том, что было раньше,
Когда ещё не знал, что миф
О времени ненастоящем
Слагается из грустных рифм.

СВЕТЛАНА КОРЧАГИНА

ДВА РАССКАЗА

ЛЮДИ РОССИИ. О РУССКОМ ЯЗЫКЕ

— Стучилось это в Гандере, на острове Ньюфаундленд, в далёкие девяностые. Мы тогда возили государственные машины за руководителями страны, — начал свой рассказ пожилой и довольно известный лётчик Евгений Сергеевич Сукачёв. — Время было такое, «железный занавес» рухнул, и открылись в Европу не только окна, но и все двери. Сидим, ждём вылета, подходит к нам мужчина небольшого роста и на чистом русском языке говорит:

— Я с вами полечу, я ваш лидероущик — Иван Родзянко, «Canadian Airlines».

— Что-то очень знакомая фамилия, — сказал я и вопросительно посмотрел на нового члена экипажа. — Вроде как недавно слышал. Ну, да, по телевизору в новостях.

— Я внук того самого Михаила Владимировича Родзянко, председателя третьей и четвёртой Государственной Думы России.

— Нет, не может быть! — воскликнул я и позвал других лётчиков. — Но тут вы не правы: вспомнили вашего дедушку через семьдесят лет! По-видимому, понадобился его опыт.

— Жаль, он об этом не узнает. Вы знаете, как он любил Россию? Даже в Югославии жил по-русски. Ратовал за объединение русских православных церквей, отстаивал их земли и имущество, принадлежавшие России, от посягательств новой советской власти. Там находили приют беженцы белой эмиграции. Многие обвиняли его в развале страны. Думаю, незаслуженно. В своих записках «Крушение империи» он всё изложил, как было.

— Скажите, откуда у вас такой литературный язык, вы же выросли в Канаде, и, скорее всего, он не ваш разговорный?

— Нет, в Америке. А язык — родители, Толстой, Пушкин, Карамзин, Достоевский...

Он вдруг засмеялся и сказал:

— Дома нас пороли, если мы говорили по-английски. Только по-русски! Читали вслух по вечерам, и до сих пор эта традиция жива в нашей семье. Жаль, мне так и не удалось побывать в России, на своей исконной родине, в Екатеринославском уезде, селе Попасном, где родился дед. Но я уверен, всё впереди.

— Нет такого города сейчас, есть Днепропетровск — это уже Украина, мил человек.

— А что вы скажете о нынешнем русском? — спросил второй пилот.

— Честно?

— Честно-честно, не обидимся.

— Неологизмы можно понять, они всегда были и есть в любом языке, — это знаки нового времени, открытий и достижений науки и техники, искусства и литературы. Но много появилось чужеродных слов. Мне кажется, вы подражаете Западу. Согласитесь: «Здравствуйте» — звучит лучше и искреннее, чем «хэллоу» для

русского человека. А речь, состоящая из одних фразеологических сочетаний? Последнее время я с трудом понимаю, о чём говорят ваши соотечественники, прибывшие в Америку. К примеру, «закрой варежку и поддувало» — всё это означает: закрой рот.

— Да, где-то вы, Иван, правы и вам виднее с такой классической школой. У нас сейчас больше «по Фене ботают» — это воровской жаргон, веяния, так сказать, времени, — сказал я с горечью.

— Извините, может, вам неприятно всё, что я говорю, но иногда и ваши руководители допускают много ошибок в своих выступлениях.

Тут весь экипаж разразился громким хохотом. Каждый думал о своём и об одном и том же. Но чувство стыда не покидало нас во время полёта, а ещё другое родственное чувство распирало души пилотов — глубокое уважение и восхищение к простому человеку, имеющему русские корни и так радеющему за чистоту родного языка. Расставаясь с Иваном Родзянко, я понял, что обрёл настоящего друга, стоящего по другую сторону баррикад, и пока такие люди будут там, я убеждён: с нами ничего плохого не произойдёт.

ЛЮДИ РОССИИ. ВСТРЕЧА В КАБУЛЕ

— С 1979 по 1987 годы я обслуживал пассажирские и грузовые рейсы «Москва — Кабул», летал на ИЛ-76 в качестве командира экипажа, к тому времени у меня был большой налёт часов и приличный опыт работы. Нас сопровождали вертолёты, специально дежурившие у аэродрома, два снизу, два по бокам с тепловыми ракетами. Их отстреливали для обмана в случае нападения или обстрела «стингерами». От Кабула до границы лететь 40 минут, об этом говорил командир из кинофильма «Побег из Кандагара» Александр Балуюев, прототип моего однокашника по академии Володи Шарпатова.

Вот после этих долгих минут, помните, они закричали «Ура!» и заплакали. Такое же ощущение испытывали мы, когда подлетали к безопасной зоне. Вертолёты покидали нас, но тут же принимали другие объекты. Когда летели ночью над перевалом Соланг, дорога Термез-Кабул горела сплошным огненным потоком, от света фар. Шли машины с товаром, продуктами, оружием, военной и строительной техникой. За время войны Советский Союз построил в Кабуле домостроительный комбинат, дороги, больницы, жилые дома. Афганцы любили нас, звали «шурави», но, когда из Пакистана пошли караваны с американским оружием, многие перешли на их сторону.

— В перевозке работали афганские девушки. Очень красивые: в зелёной форме, чёрные брови, глаза миндалевидные, как чернослив, волосы, как смоль, смуглая кожа — они сводили с ума русских пилотов. Но нужно отдать им должное, для нас эти красавицы были лишь произведениями искусств, как говорится, трогать руками и заходить за ограждение — смерти подобно.

— Так я летал всю афганскую войну. Вертолёты провожали нас и возвращались назад, мы привыкли к этому и порою принимали как необходимость. Всё бывало, но об этом потом. Так вот эти девушки стали виновницами нашей незабываемой встречи с другом. Мы поспорили, что одна из них всё равно сдастся и обратит внимание на нашего красавца штурмана. Невероятная глупость. Так эта красавица, выполняя какую-то свою работу, привела нас к месту дислокации вертолётной части. Вдруг я слышу, как кто-то истошно орёт:

— Женька! Сукачёв! Ты откуда здесь!

Я оборачиваюсь, весь ещё в погоне за миражем, и вижу Саньку Васильева. Естественно, я тоже закричал, да так, что бедная девушка побежала от нас, скажу по-восточному, как быстрая лань.

Мы с ним не виделись с начала войны. Я знал, что он тоже в Афганистане, но пути не пересекались, а напряженка была такая, что до подушки и за штурвал.

— Санька, дружище, вот это встреча! Ты давно тут служишь?

— Да почитай пять лет, с перерывами, конечно.

— Чем занимаешься?

— Так самолёты охраняем, провожаем до границы.

— Выходит, ты меня всё это время сопровождал, был рядом, а я не знал?

— Выходит, Женёк.

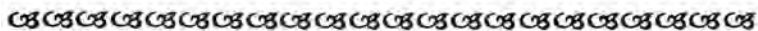
— Спасибо, друг, так почему мы не услышали друг друга, за столько лет...

— Сам понимаешь, эфир — это свято, как икона, и спаситель, и ангел хранитель.

В тот вечер мы долго говорили и не могли наговориться.

Война — это особая нечеловеческая жизнь, время в ней быстро сужается и так же стремительно расширяется, всё зависит от ситуации. И порою секундный поворот штурвала на один градус, как черта, между жизнью и смертью. Много воды утекло с того времени, смыло кровь наших погибших ребят, но мы всегда скорбим и помним их поимённо, и будет это продолжаться, пока мы живы, благодаря им. Недаром говорят: «У каждой правды — своё ВРЕМЯ!»

Евгений Сергеевич Сукачёв — заслуженный пилот России, награждён медалью «За отвагу» за исполнение интернационального долга в Демократической республике Афганистан в 1979–1987 годах.

ВАЛЕРИЙ ЛЕБЕДИНСКИЙ

ПЫЛ РАЗЖИГАЕТ КОСТЁР...

* * *

Какой же нужен мне размах
И сколько такта,
Чтоб свет увидел альманах,
Где я — редактор?

Какой борьбы, душевных трат,
Усилий воли,
Чтоб был и я, редактор, рад
Нелёгкой доле?

И рады авторы мои —
Семь сотен судеб,
Хотя идут у нас бои,
А то ли будет!

Они стоят сплошной стеной,
И каждый — витязь,

За этот их седьмой, восьмой,
Тридцатый выпуск.

Они не верят в скорый крах,
Им нужно имя.
Да будет славен альманах,
Желанный ими!

* * *

...А мой отрезок временной
Берёт исток в жестоком,
Когда был послан сатаной
Ну самый, может быть, чумной
Из всех, невиданных страной,
Правителей Востока.

И вышел я на свой порог,
Чтоб помолиться на порок,
И навсегда постиг урок
Душевных заблуждений.
Но и понять не скоро мог,
Какой обман, какой подлог
Принёс нам он (увы, не Бог,
Увы, не добрый гений).

...Прошло с тех пор немало лет,
Но всё видать тот страшный след,
Когда включаю жуткий свет
Своих воспоминаний...
Каков же был всеобщий бред —
И в упоенье от побед,
И в вере в красный свой билет,
И — за чертой жестоких лет —
В предгробовом рыданье...

ВПЕЧАТЛЕНИЕ

Меня поразил Константин Боровой
Когда-то, при первой же встрече.
Я думал, что он, как и все, огневой,
Что громы и молнии мечет.

А он, свою звонкую биржу создав, —
Подмогу стране сырьевую,
Хранил полускрытый, застенчивый нрав,
Судьбу не приемля иную.

Что знал я о биржах по книгам, кино,
Пока не узнал Борового?
В объятьях сумбура их видел давно,
Азарта, всегда игрового.

А тут... предо мною, неспешен и вял,
Глава этой биржи проходит:
В движеньях — не скорость,
В глазах — не металл,
В словах — неуверенность вроде.

Он сел. Улыбнулся. Беру интервью.
Он вдумчиво так отвечает,
Рукою гоня дымовую струю,
Хлебнув ложку крепкого чая...

* * *

...А дни проходят серенько,
Тоска плывёт со дна.
Антонова-Овсеенко
Грустит в тиши одна.

Как дочери Владимира,
Того, кто Зимний брал,

Ей тяжело время дилеров,
В ней свят души коралл.

Но как прожить на пенсии,
На малые гроши?
Сберечь бы в гиблом месиве
Святой порыв души...

А время вдаль продвинуто,
И власть уже не та,
И в злую бездну кинута
Высокая мечта.

Каким ты, право, выznался
Грядущий звонкий день,
Как странна в пляске бизнеса
Твоя пустая тень!

Но — чур! Тоске не велено
Душой повелевать,
Где светлый профиль Ленина
Над тумбой, где кровать.

А ну, дружок, рассеем-ка
Дымок на дне души:
Вглядись в неё, в Овсеенко,
И тоже не тужи.

Во мраке хладной замети
Былых кипучих лет
Не тлеет древо памяти,
Горит священный свет...

* * *

Не возрождается лорнет,
Хотя он предкам был удобен,

И даже тени давних мет
Уже не видится подобье.

И пусть с трудом возрождена
Идея светского салона,
Не сея в душах семена,
Лорнет простился без поклона.

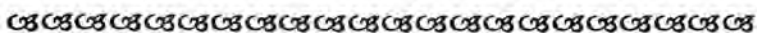
Ах, может быть, он был не прав,
Но в тишине, отнюдь не яро,
Слегка надменный, гордый нрав
Увёл достойно окуляра.

...Затих во мгле былой сонет,
И стали тусклыми салоны.
Лорнет не явится, о нет,
К чему прощальные поклоны?

Господь же с вами, разве так
И музицируют, и блещут?
Ну, что за бал с угрозой драк,
Где вам в лицо — слова похлеще?

А где роскошный маскарад —
Страстей сокрытых покрывало,
Чей тайный, сдержанный агат
Горит ли в душах, как бывало?

...Уйдя на лондонский манер,
Лорнет затёрся в обезличке,
В былом — галантный кавалер
Манерно-выспренней привычки...

ГАЛИНА ЛЕОНТЬЕВА

И СЛЫШИТСЯ ДАЛЁКИЙ ПЕРЕЗВОН...

Из путевых зарисовок

МОРОЗНО, СОЛНЕЧНО В КАЛЯЗИНЕ И КАШИНЕ

Морозец знатный — не задремлешь,
и ветра нет — антициклон.
Белы снега укрыли землю
до лучших — мартовских — времён.

* * *

Кто мороза не боится,
в путь отправится сегодня.
Кто мороза не боится,
не слюнтяй и не слабак.
Полусонная столица,
кто ты: сваха или сводня?

Ты прочитываешь лица
просто так.

* * *

Какое счастье — ехать долго,
и размышлять, и созерцать
поля, просторные, как Волга,
где тишина и благодать.

* * *

Иней — словно пух на ветках,
дымчатое кружево.
И мороз стреляет метко,
целя в очень нужное.

* * *

Фасады изб — и в три, и в пять окон,
наличники — один другого краше.
И слышится далёкий перезвон...
Здесь родина моя, отчизна наша.

* * *

Куда податься от тоски?!
Кто едет на чужбину,
а кто до гробовой доски
горбатит дома спину,
считая, что не убежать
от вековой кручины.
И тем, и тем в земле лежать,
и в этом все едины.

* * *

Небо синее с поволокой,
ёлки тянутся в небеса.
Где-то, в светлой дали далёкой, —
наши детские чудеса.

* * *

Сердце, не устань трудиться,
не остынь порой морозной.
Строчка, будь крылатой птицей,
лучиком в сиянье звёздном!

* * *

Спуск к реке не очень крут.
Путь по льду — до колокольни.
И дойти — не тяжкий труд.
Почему же сердцу больно?!

* * *

Музеи, нынче в храмах размещённые, —
как люди, в преступленья уличённые,
что чашу искупленья пьют до дна.
Но в том, что храм закрыт, не их вина.

* * *

1

Сколько судеб сломано,
сколько душ загублено,
и земель затоплено,
и крестов порублено!
Кто считал-расследовал,
измерял и сравнивал?!
Одолелось бедами
прошлое бесправное.

2

Отобедали. Едем в Кашин.
Речка Кашинка здесь кружит
и уносит заботы наши,
охраняя покой души.

* * *

Из ниоткуда строчки не берутся,
поверь, они рождаются, как дети.
До времени-поры живут в поэте,
а час придёт, — мелодией прольются...

* * *

Судного дня ожидая и судной минуты,
помня о вечном, но дело земное верша,
свет и тепло каждый миг отдавая кому-то,
радость земную и муку вбирает душа.

* * *

Приложиться к мошам, поклониться иконам,
и поставить свечу, и записку оставить...
Где-то в дальней дали, в синем небе бездонном
неизбывной надеждой — вселенская память.

* * *

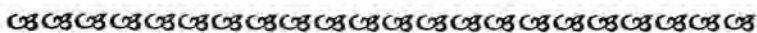
Образ вечен и недосыгаем,
грусть неуловимая во взоре.
Матерь божья, нас оберегая,
сил нам придаёт в беде и горе.

* * *

Колокола звонят, поют колокола, —
стараются, гудят, на службу созывая.
И верится, что впрямь у них душа живая,
и хочется, чтоб впредь она живой была.

* * *

Обратной дороги задумчивость-грусть,
забота о том, как до дома добратся...
Я в эти края непременно вернусь,
с такой красотой невозможно расстаться.

ИРИНА ЛЕСНАЯ-ИВАНОВА

ДУШОЮ УМЕРШИХ СОБЫТИЙ

ПАРИЖСКИЕ КРУЖЕВА

Париж в ажурных кружевах,
Огнях и ласковых словах,
В свечении нежнейших снов,
В дыханье трепетных духов
И Духов: бродит Модильяни,
Поёт тихонько Далида...
Коль радость жизни вдруг обманет,
Забыться приезжай сюда.
К Людовику на бал явиться,
Мой милый друг, не поленись,
И в развлечениях закружиться.
Вновь фейерверком вспыхнет жизнь.
В Москву родную отъезжая,
И расплатившись за такси,
Ты, сожаленья не скрывая,
Вдруг скажешь: «Мой Париж! Мерси!»

ТРЕВОГА ЗА ЭЙФЕЛЕВУ БАШНЮ

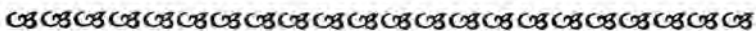
Вдруг Эйфелева башня упадёт?
Златой жираф над тёмною водою...
Он каждой ночью влагу Сены пьёт.
Доволен ли жираф своей судьбою?
Вдруг он устал стоять? Ему бы в лес, жевать
листву,
Крутить любовь с подружкой,
А он разносит всякую молву,
Рекламу пива, кофе с чёрной кружкой...
А он влюблён! Влюблён в показ кино.
Он дарит миру вновь Ален Делона
И Депардьё. Нам грустно и смешно.
В эфире создаётся время оно.
Вдруг Эйфелева башня упадёт?
Тогда, увы, наступит конец света.
И телевиденье совсем замрёт,
И в тишину погрузится планета...

2012 г.

К КАРТИНЕ САЛЬВАДОРА ДАЛИ «ПОСТОЯНСТВО ПАМЯТИ»

Свернулось время на листах
Душою умерших событий.
Они воскреснут в наших снах,
В сиянье радужных открытий.
В том измерении ином,
Всё живо, движется, играет,
Мы возвращенья чуда ждём.
Прекрасный миг с листа стекает
Росинкой светлую, а здесь
Всё неподвижно, время встало,
И мир уже не нужен весь,
Кумир, что сброшен с пьедестала...
Здесь в каждом наслажденье яд!
Лишь сон и память жизнь хранят.

2011 г.

ЛЕОНИД ПОДОЛЬСКИЙ

МОСКОВСКИЕ КАНИКУЛЫ

Настоящее моё знакомство со столицей состоялось в конце шестидесятых, когда мы студенческой компанией впервые приехали в Москву. Компания наша — это три студента-медика: Валера Пухов, я и Монька, он же Саша Синьков. Четвёртым был Монькин приятель Шикубан. Это было прозвище, я догадывался, что Шикубан — что-то вроде попрыгунчика, кузнечика, весельчака. Друзьями мы не были, нас лишь одно объединяло: желанье посмотреть Москву. И ещё гостиница, где мы жили. Я и Пухов в основном бегали по Москве. У Валеры неожиданно обнаружились родственники, некая таинственная кузина, которую я только раз видел издалека. У меня — знакомые девочки из нашего института. Шикубан и Монька предпочитали не отходить слишком далеко от гостиницы.

Монькин отец заведовал кафедрой марксизма, хотя, по моим наблюдениям, как всякий нормальный человек, ни в Маркса, ни в Ленина он особенно не верил, но

об этом я догадался позже, бывая у Моньки в гостях — семья его была весёлая, гостеприимная, к ним частенько приходили приятели, с которыми родители вели весёлые, остроумные разговоры, читали стихи, обожали Есенина, обсуждали запрещённые книги, того же Солженицына и, слегка выпив, посмеивались над великой теорией. Впрочем, посмеивались не зло, всё-таки кормились от Ленина с Марксом. Как-то, помню, Монькин отец, Александр Александрович, смеясь, назвал себя служителем культа.

Александр Александрович, понятное дело, часто ездил в Москву — конференции, встречи, библиотеки, Институт марксизма-ленинизма — вот он и останавливался в гостинице в самом центре Москвы, и завёл там все нужные знакомства.

Словом, мы не наобум ехали, знали, к кому подойти, кому вручить подарок, а подарок не простой был: дублёнка. Нет, конечно, Александр Александрович во все не приобрёл дублёнку за свои деньги. Тут другое. Экономика дефицита, как потом её стали называть, всеобщий обмен. Лисьи шапки и оленьи рога привозили с севера оппонентам, соболиные шкурки дарили врачам, дыни и виноград везли из Средней Азии, коньяки и золото — из солнечной Армении, ковры из Туркмении, и отовсюду, откуда только можно, везли модные в то время плащи-болоньи. Доставали. А в нашем городе имелась мастерская, где для нужных людей шили дублёнки. Вот Борис Фёдорович, главный администратор гостиницы, и попросил для сына. С виду ставропольские дублёнки были очень хороши, не хуже турецких. Но то с виду, зато весили целых восемь килограммов, литые, негнущиеся, с непривычки от такой дублёнки болела спина. И мы с ней умаялись, пока довезли.

Мы торжественно вручили дублёнку и оформили номер — с видом на Кремль, на Большой каменный мост и на Василия Блаженного; по другую сторону ско-

ванной льдом реки возвышалась только что построенная машина несчастливой, но гордой гостиницы «Россия», самой большой в Европе. Мы вошли, распахнули форточку и — в этот самый момент совсем рядом раздался торжественный, величественный бой курантов.

— Ур-ра, — с восторгом закричал Монька. Не снимая пальто, он бросился на кровать, сделал стойку и так и стоял вниз головой, то размахивая ногами, то упираясь ими в стену, оглашая номер победным воплем.

Нечего и говорить, мы были в восторге, счастливы в самом сердце Москвы. Театры, музеи, Кремль, Мавзолей, Оружейная палата! И — иностранцы! Они жили рядом с нами, в соседнем номере расположились шумные индусы.

Нет, мы не были так уж дики. Нельзя сказать, что до того мы не видели ни одного иностранца. Не далее как у нас на курсе учился сомалиец Мухаммед, тонкий, кудрявый, шоколадный, слегка похожий чертами на Пушкина. И ещё Патрис — тот был значительно старше, вечный студент с невозможной для запоминания фамилией, с брюшком, приторговывавший разным дефицитом, африканец то ли из Гвинеи, то ли из Ганы. Он так и не усвоил русский язык и оттого мало с кем общался. Учился Патрис из рук вон плохо, его постоянно оставляли на второй год, но через год переводили на следующий курс: отчислить иностранца без большого скандала было нельзя. С нами он проучился года два, потом отстал и так и не закончил институт. Уехал доучиваться во Францию. С Патрисом я общался всего один раз, вскоре после той нашей поездки, летом. Мне нужен был срочно билет на самолёт до Москвы, но билеты все оказались раскуплены надолго вперёд. Отступать я не хотел: молодость, любовь, сердце моё рвалось; и тут меня осенило: для Патриса, иностранца из дружественной страны, билет наверняка найдут. Хотя бы возьмут из брони, которую всегда до последне-

го часа держали для крайкомовских. Я отыскал комнату Патриса в общежитии и изложил свою просьбу. Он долго не мог понять, чего я от него хочу, тарашил глаза с желтоватыми белками, а когда наконец до него дошло, долго смеялся, показывая свои лошадиные зубы.

— Я невыездной, — стал он объяснять, коверкая русскую речь, — мне никуда отсюда нельзя. В Москву нельзя. Нужно писать заявление.

— Куда? — не понял я.

— В секретный комитет, — так и не припомнил название Патрис. — Я — иностранец.

Мне стало смешно, вот уж действительно, секретоноситель, но я не показал вида.

Кроме африканцев на параллельном стоматологическом факультете учились студенты из Венгрии и ГДР, соцлагерники, а тут... Тут был Ноев ковчег, постояльцы всех рас и наций, хотя опять же преобладали соцлагерники.

Иностранцы — это было интересно, окно в другой мир, куда у нас не было пропуска. В мир, который мы себе плохо представляли. Но нам с Пуховым было некогда, мы обычно уходили с утра, а возвращались поздно вечером. Зато Монька был парень общительный, весёлый, любознательный, он и заводил знакомства. А может, наоборот, это иностранцы знакомились с Монькой. Им ведь тоже было интересно узнать, чем дышат, что думают эти советские. Не специальные люди с красными корочками в кармане, но другие, обыкновенные, случайные. Тем более что Монька и Шикубан по многу часов проводили в гостинице, по большей части в буфете или в ресторане. Но Шикубан, в отличие от Моньки, не был расположен к сомнительным знакомствам. Он и Моньку пытался отговорить. Его интересовали только девочки, выпивка и закуска.

Нельзя сказать, что Монькин улов оказался очень богатым. Чуть ли не в первый день он познакомился с

поляком Янеком. Тот был рабочим с верфи, передовиком, состоял в коммунистическом молодёжном объединении, от Москвы пребывал в восторге, почти свободно говорил по-русски и внешне ничем не отличался от советского рабочего: ходил в простенькой курточке и в вязаной шапочке. Словом, совершенно не был похож на настоящего поляка, как мы его себе представляли. Даром что работал на той же верфи, что и Лех Валенса, но тот прославится только лет через двенадцать. А мы, естественно, вовсе не были прорицателями и не умели заглядывать в будущее.

Вслед за поляком Янеком, к явному неудовольствию Шикубана, Монька свёл знакомство с румынами, даже побывал у них в номере, где пил с новыми друзьями вино и получил в подарок значок Чаушеску. О чём они беседовали и на каком языке, так и осталось неизвестно. Единственное, что Монька донёс до нас, было «бунэ зиуа», румынское приветствие, «добрый день», кажется, которое он много раз повторял, и мы за ним, и ещё «буонасьера домул», тоже что-то вроде того. От полноты чувств Монька поведал, что, когда он был маленьким, его отец работал в Румынии в советском посольстве, и Монька отдельные слова ещё помнил по-румынски, теперь же он с упоением и неожиданно проснувшейся ностальгией пытался припомнить давно забытое. «Буонасьера домул, буонасьера домул» повторял он с утра до вечера — звучало это красиво и музыкально, и мы с Пуховым повторяли вслед за ним. Только Шикубан морщился.

— Чепухой занимаешься, — ворчал он. — Мы что, за этим буонасьера в Москву, что ли, приехали?

Между тем, вслед за румынами последовали французские пролетарии из Марселя, затем американцы, угостившие Моньку жвачкой. Не знаю, на каком языке Монька объяснялся с американцами, потому что, хотя по английскому у него и была пятёрка, но разговари-

вать он умел исключительно про скарлатину и корь, да и эти тексты начинал забывать. Странно, как он сумел понять, что эти американцы, видно, не бедные, давно околачиваются в Союзе, потому что не хотят воевать во Вьетнаме. А там как раз вьетконговцы проникли в Сайгон и бои шли недалеко от американского посольства.

— Не умеют воевать, — комментировал Монька. — Себя жалеют. Наши бы вычистили этих мошек за двадцать четыре часа.

Но это несколько дней назад, когда передавали о боях в центре Сайгона. Теперь же он с удовольствием пил пиво с американскими дезертирами. Впрочем, они не назывались дезертирами, они считали себя пацифистами и протестовали против вьетнамской войны.

Между тем, Шикубан, оставшийся без компании, всё мрачнел. Особенно когда Монька, не понимая английского, пытался объясняться с американцами на пальцах. Шикубан сидел рядом, со скучающим видом слушал непонятную речь, молча пил пиво, а потом неожиданно исчез.

Наступил двенадцатый час ночи, все мы были в сборе, на Спасской башне в очередной раз пробили куранты, когда Шикубан наконец объявился.

— По девочкам ходил? — весело спросил Пухов. — Настоящий альфа-самец.

— Какие девочки? — пожал плечами Шикубан. — Тут не до девочек. Дело пахнет керосином. — Он повернулся к Моньке. — Ну ты и доигрался.

— А что? — зевнул Монька.

— А то, что тебя вызывают. В каждой гостинице есть ответственный от комитета. Смотрящий. Тут, в центре, не меньше полковника. Объект особенной важности, напротив Кремля. Два часа меня пытал. Даже два с половиной. И про Вьетнам, и про всё.

— Да ты что? — побледнел Монька. — Сейчас?

— Сейчас. Он уже все справки навёл. Всё знает. И кто отец. И что мать по секретной части. И вообще. У них на каждого толстый том на Дзержинке. Дело серьёзное.

— Что он у тебя спрашивал? — всё ещё не веря, спросил Монька.

— Ну, вообще. Про настроение. Особенно твоё. Что про Вьетнам говорили. Он уже всё знает. Агентура. Даже про твою Ларису. Что у неё родственники в Югославии, из белоэмигрантов.

— Я не знал, — испугался Монька.

— Ты не знал, а он знал. Он всё знает. И про поляка, и про румын.

— Неужели? — ещё больше удивился Монька. — Они же из соцстран. Я думал...

— Индюк тоже думал, — перебил Шикубан. — Он знаешь как говорит: не имеет значения. Соцстраны, а всё равно могут быть против нас. Нельзя доверять. Никому нельзя. Там знаешь сколько осталось недобитков. Особенно среди поляков. Они сколько раз восставали. И вообще... русских не любят. Вроде бы он за нас, хвалит, нравится Москва, а сам шпион. У поляков знаешь сколько связей с границей.

— Это ты говоришь всё или он? — перебил Пухов.

— Он, — заверил Шикубан. — Про румын тоже говорил. Комсомольцы. А всё равно нельзя доверять. У них партия свою линию гнёт. С Израилем дипотношения не порвали. Фрондируют. А уж американцы...

— Они против войны во Вьетнаме, — возразил Монька.

— Шпионы они, — жёстко сказал Шикубан. — Языков ищут. Вроде тебя. А Вьетнамом прикрываются. Америка — главный враг. Даже во время войны. С Гитлером воевали, а в уме всё равно про американцев помнили. А кто забыл, как Зоя Фёдорова, тем потом напомнили. Да, это не я, это он говорил, — уточнил Шикубан. — Так что ты давай быстрее. Ночь уже.

— Вот влип, — Монька схватился за голову. — На отца напишет, на мать. Что делать? Из института выгонят.

— Идти, — строго сказал Шикубан. — Думать надо было раньше.

Одеваясь, Монька сорвал значок Чаушеску и хотел выбросить в мусорницу, но Пухов его остановил.

— Найдут, если будут обыскивать. Лучше где-нибудь в коридоре.

— И жвачку тоже, — напомнил Шикубан. — Больше ничего?

— Открытки.

— И их на хрен. От французов?

— Ага, — Монька кивнул.

— Отца подвёл, мать, — наставительно сказал Шикубан.

— Какого чёрта мы сюда приехали? — эмоционально, на взводе спросил Монька. — Москва эта, гостиница дурацкая. Да на хрен... Сексоты на каждом шагу... Отец предупреждал...

— Ты потише, мало ли, — сказал Пухов. — Жучки. Надейся на лучшее. Всё же не Сталин сейчас. — Я заметил, как от этих слов просветлел Монька.

Однако нужно было идти. Шикубан и Монька пошли спереди, мы с Пуховым шагах в десяти позади. Я наблюдал за ними. Шикубан шёл уверенно, Монька же был похож на провинившегося ученика, которого ведут на расправу.

Но вот и дверь. Обыкновенная дверь без вывески.

«Умеют маскироваться, — подумал я. — Кто бы подумал на эту дверь?» — Я и сейчас, почти полвека спустя, помню эту дверь, обычную светлую дверь без полировки.

«Так вот они за какой дверью», — я попытался представить, что там, внутри, но моё воображение явно не хотело работать. Я не смог представить ничего, кроме стола и стульев. Ещё там должен быть шкаф и висят полки с журналами, куда незаметный человек в штат-

ском, самый главный в этом огромном доме, заносит наши фамилии. Как на Лубянке. Так что каждый, кто попал в этот дом, в это эклектичное здание, построенное по проекту архитектора с очень распространённой и оттого обезличенной русской фамилией Иванов в самом конце XIX века — так значилось на мемориальной доске, — где ещё десятилетие назад размещалось общежитие Наркоминдела, будет запечатлён — на десятилетия? На века? Мы не могли знать, что через два десятка лет на месте нашей гостиницы возведут дорогуший отель «Балчуг-Кемпински», но люди в штатском в нём, естественно, останутся.

Они постучали. Вернее, стучал Шикубан, а Монька в нерешительной позе стоял рядом. Никто не откликнулся. Шикубан постучал снова, громче. В третий раз стучал расхрабренный Монька.

— Не дождался, — сказал Шикубан. — Долго собирались. Придётся идти с утра.

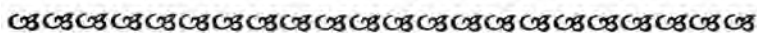
Ночью Монька не спал, вздыхал, ворочался с боку на бок. Утром он встал мрачный, с покрасневшими глазами.

— Какого чёрта мы сюда приехали? — с надрывом слово в слово повторил Монька вчерашнее. — Да я в Москву больше ни ногой.

— Куда ни глянешь, красный ворот, — ехидно процитировал классика Пухов.

К зловещей двери мы пришли в прежнем порядке. Монька долго не решался постучать, но отступать было некуда. Простояв минуту или две — позже мне пришлось в голову, что это и называется «надышаться перед смертью», — он всё-таки решился. «Как пришёл с повинной», — подумалось мне.

— Открыто. Войдите, — послышался из-за двери слегка удивлённый женский голос. Монька робко открыл дверь. В середине маленькой комнаты, очевидно, подсобной, за гладильной доской с утюгом в руках стояла женщина в фартуке и с любопытством смотрела на нас.

РИВКА РАБИНОВИЧ

Прозаик, член Союза писателей Израиля, автор четырёх книг. Лонг-лист Бунинской премии. Живёт в городе Бат-Ям на Средиземном море.

ЧУДОВИЩЕ

Повесть

— Ну, что сидишь здесь? — обратился тюремный надсмотрщик к заключённому, который остался один в комнате, служившей столовой. — Думаешь, добавку дадут? Твои дружки стоят у двери камеры, ждут. Не буду же я каждому в отдельности отпирать и запирать двери!

Арестант, высокий, лет тридцати пяти, с проседью в волосах, не ответил, но встал и расхлябанной походкой направился по коридору к своей камере. Женщина, убиравшая в столовой после ужина, посмотрела ему вслед. Его можно было бы назвать видным мужчиной, если бы не выражение его лица — не просто мрачное, даже зловещее. Уборщица вздохнула с облегчением: ей было страшновато находиться с ним в помещении.

В основе этой повести — реальное происшествие.

Мало ли что... Не зря, видимо, все называют его не по имени, а по прозвищу — Чудовище.

Надсмотрщику приходится к нему обращаться, это его работа, но остальные заключённые с ним не разговаривают — разве что в крайних случаях. Заключённые — это особый мир, есть в нём своя иерархия, почти как в правящих кругах. На высшей ступеньке стоят «белые воротнички» — люди, занимавшие высокие посты в обществе до того, как в чём-то провинились и были осуждены. Стены тюрем Израиля видели и президента, и главу правительства, и министров, не говоря уже о видных чиновниках. Когда-то это было людям в диковину, а теперь никого не удивит — всякое бывает.

Вторую ступень тюремной иерархии занимают арестанты из преступных группировок, враждующих между собой. Занимаются эти группы в основном торговлей наркотиками. Изобличить их в этом очень трудно. В тюрьму они попадают за покушения и убийства членов соперничающих группировок. Это, с точки зрения заключённых, «не настоящие убийцы». Их побаиваются и даже уважают.

Третью ступень занимают так называемые «бытовые убийцы». Это люди, которых толкают на преступную стезю семейные конфликты, участие в драках, личная месть. Эта группа особым уважением в тюремном обществе не пользуется, особенно в случаях, когда мужчина убивает женщину.

Сильно пошатнулось в обществе заключённых положение «воров в законе», специальность которых — грабежи. Было время, когда они занимали вершину пирамиды. Теперь случаи ограбления квартир стали редкими. Люди пользуются кредитными карточками, не держат в квартирах крупные суммы, драгоценности хранят в сейфах. Электротовары — это уже не «товар»; никто сегодня не совершит взлом, чтобы украсть телевизор. Себе дороже.

Единственная категория населения, на которой «воры в законе» ещё могут пожить — это новые иммигранты из России и бывших советских республик. Поначалу они не доверяют банкам, не привыкли пользоваться чеками, а сейфы кажутся им слишком экзотичным местом хранения ценностей. Самое надёжное место в их представлении — это «под матрасом». Но наивность быстро проходит, после того, как они узнают о нескольких случаях ограблений — их самих или знакомых.

Низшую категорию в иерархии преступного мира называют «мелюзгой» или «мелкой сошкой». Это карманники, мошенники и подобная не слишком приятная публика.

Самыми презренными в глазах пёстрого населения тюрем являются насильники. Обитатели мужских тюрем тоскуют по своим жёнам, видят в своих семьях единственную надежду на возвращение к нормальной жизни после отбытия срока. Мысль о том, что их жёны могут стать жертвами насильников, сводит их с ума. Отвергаемые другими, насильники общаются между собой.

У двери камеры, в которой обитает арестант по прозвищу Чудовище, стояли его сокамерники и надсмотрщик со связкой ключей. Это была камера на троих. Сокामерники возмущались:

— Подумаешь, граф Потоцкий, мы ещё должны стоять и ждать его! Не мог приползти сразу! В карцер бы его на пару суток!

Они, естественно, говорили между собой, не обращаясь к нему. На их слова откликнулся только надсмотрщик:

— Не шумите, братва, разворчались! Ну, постояли, куда вам спешить? У вас ещё не один год срока впереди, спешить некуда!

Знакомый звук бряцания ключей, и трое мрачных мужчин ввалились в камеру. Наш знакомый по прозвищу Чудовище лёг на свою койку и повернулся лицом к стене.

У него, само собой понятно, есть имя. Родители называли его Элиягу, коротко — Эли. Очень благочестивое имя, означающее «Бог мой».

Первые дни в тюрьме он провёл в одиночной камере. Когда один из надсмотрщиков увидел, что он скатывает простыню в подобие каната, его перевели в эту, на троих.

Его считали нелюдимым, но никто не знал, как часто на него находит страстное желание выговориться, рассказать кому-то свою историю. Если бы кто-то сделал первый шаг... Это бы чуть-чуть уменьшило вес камня, сдавившего грудь. Но никто не делал такой попытки. Никто не подозревал, что он этого хочет.

Иногда, очень редко, он делал попытку сближения с кем-то, кто казался ему более открытым. Но отклика не было. И тогда на него находили приступы бешеной злобы. «Сволочи, — думал он про себя, — строят из себя, будто они лучше. Все они убийцы. Своими зубами перегрыз бы им глотки!» И погружался в своё угрюмое молчание.

Даже на суде он не говорил ничего, кроме «да», «да, признаюсь». Когда его просили объяснить мотивы своих действий, он мотал головой отрицательно: «не могу». От последнего слова отказался.

Психиатрическая экспертиза признала его вменяемым. С психиатрами он говорил нормально: не хотел, чтобы его отправили в психиатрическую лечебницу. Когда его спрашивали, почему он ведёт себя как ненормальный, он отвечал:

— Не хотел ни с кем разговаривать.

— А почему здесь, с нами, ты разговариваешь?

— Потому что не хочу попасть в психушку. Срок-то был бы тот же, только в обществе психов. Лучше уж сидеть в тюрьме!

На вопросы о том, что толкнуло его на преступление, ответил:

— Перед Богом дам отчёт, не перед вами.

Его оставили в покое.

Часа два Эли пролежал так, лицом к стене, без движения. Потом сел на своей койке, не обращая внимания на крик надсмотрщика, что все должны лечь спать, сейчас будут тушить свет. Когда надсмотрщик приоткрыл дверь и прикрикнул на него, он глухо ответил, что свет ему не нужен. Надсмотрщик пробормотал:

— Чёрт с тобой, сиди, неохота мне с тобой связываться, — и запер дверь.

Долго сидел он в темноте. Только слабый лучик света проходил из коридора через очко камеры. Сидел пригнувшись, опершись локтями в колени. Его сокамерники, ничуть не смущаясь, громко говорили о нём.

— Интересно, о чём Чудовище думает? — сказал один.

— Что он видит перед собой, в темноте? — сказал второй.

— Может, кается?

— Ну да, будет такой зверюга каяться! Небось и слова такого не знает!

Вскоре они уснули, и в камере установилась тишина.

О чём думал Эли? Что видел?

Перед его полузакрытыми глазами как будто прокручивали старый фильм. Его жизнь.

Вот он — мальчишка-старшекласник. Хорош собой, спортсмен, кумир девчонок. И учится неплохо. Родители были им довольны.

— Это ведь всё было, было! — что-то беззвучно кричит в нём.

К другим заключённым приходят целыми семьями в открытые для посетителей дни. К нему — только раз в год, и то не всегда, приходит мать. В канун Йом Кипур — Дня искупления. Спрашивает, как он себя чувствует. Он отвечает стандартным словом, пригодным для всех случаев жизни: «Бесейдер»¹.

¹ «Всё в порядке».

Отец умер — по его вине. Он получил инфаркт, когда «всё это» случилось, перенёс операцию. Но после операции прожил недолго.

На все её вопросы об условиях содержания в тюрьме он отвечает тем же словом. Больше им не о чём говорить. Она уходит раньше времени, отведённого для посетителей. Как она плачет, выйдя из здания тюрьмы, он уже не видит. Один из охранников приносит ей стакан воды. Все знают, кто она и к кому приходила. Излишне спрашивать, почему она плачет.

А он думает, что она была совершенно бесчувственна. А ведь когда-то любила...

Да, родители его любили, гордились им. Но одна черта его характера пугала их: на всё, что его касалось, он реагировал слишком бурно. Один раз даже водили его к психологу. После часовой беседы психолог сказал:

— Повышенная до крайности эмоциональность. Надо бы продолжать работать с ним.

Они поблагодарили и вышли. Продолжать — это стоит дорого. Они простые люди, у них нет лишних денег. Решили, что всё пройдёт, когда сын выйдет из «взрывоопасного» подросткового возраста.

Особенно тяжёлой бывала его реакция, когда на его просьбу отвечали отказом. После громкой ссоры он уходил в себя, запирался в своей комнате, не разговаривал ни с кем. Брал родителей измором. Обычно они не выдерживали, и в конце концов он получал то, что просил.

Так было, когда он попросил спортивную обувь дорогой фирмы. В то время в моде были бег рысцей и спортивная ходьба. Родители сопротивлялись целую неделю, но купили. Как он был счастлив, увидев желанные кеды! Вечерами они ходили и бегали вместе — он и отец. Эли не обращал внимания на то, что отец бегают в дешёвых и сильно поношенных кедах. Какая между ними была любовь! Какие задушевные разговоры они вели! Хорошие были времена!

Крутится-вертится старая кинолента. Быстро пролетели хорошие времена. За ними — призыв на военную службу.

Эли не хотел служить в боевых частях. Но большинство мальчиков из его класса шло в боевые — что же, он будет хуже всех? Он, король класса, любимец всех девочек? Иногда приходится что-то делать против воли. Положение обязывает. Записался в боевые части добровольцем. Никого туда приказом не берут, только по желанию новобранца. Он выразил желание служить в дивизии Гивати, вместе с одноклассниками.

Но процедура зачисления в боевую часть требует, чтобы родители расписались в согласии, если в семье единственный сын. Он был единственным. Сын — продолжатель рода.

Когда он пришёл домой с документом, на котором родителям следовало расписаться, мать категорически отказалась. Отец колебался, готов был согласиться, хотел видеть сына мужественным. Он и сам прошёл службу в боевом отряде. Но его жена заявила:

— Только через мой труп!

Эли вернулся на призывной пункт без подписи родителей. Его направили на службу в оружейном складе боевой части. В его обязанности входило вести учёт выдаваемого и сдаваемого оружия, проверять его исправность, в случае неисправности отправлять в мастерскую. Для проверки исправности он должен владеть не только стрелковым оружием, но и более сложными видами вооружения.

Он не любил службу в армии, а если человек что-то не любит, то и делает это плохо. Несколько раз его не отпустили на субботу домой в наказание за нарушения дисциплины. Находиться в складе — скучища смертная! Он как будто бросал вызов армии: отчислите меня досрочно, видите, что толку от меня мало! Но нарушения, которые он себе позволял, были несерьёзными, и его не отчисляли.

Такая же скука, как тогда, напала на него теперь, когда он вспоминал этот период. Неудержимо захотелось спать. Полночь уже миновала. Он лёг и сразу погрузился в сон.

* * *

Образы из прошлого не давали покоя и во сне. Особенно часто и отчётливо он видел жену. Вернее, бывшую жену. В его снах они обычно ссорились, и один из них уходил, хлопнув дверью — либо она, либо он. Эти сны вызывали острую боль. Он её любил. И одновременно ненавидел — за то, что она разлюбила его.

После армии он учился ремеслу столяра-краснодеревщика в мастерской его дяди. Стал хорошим мастером, радовался, когда красивые изделия выходили из-под его рук. Дядя, брат отца, хвалил его: «Он уже работает лучше меня. Будет кому оставить мастерскую, когда состарюсь». Заработок был приличный.

Женщины в это время мало его интересовали. Было несколько недолгих связей; обе стороны прерывали их без сожаления.

«Неужели я никогда не влюблюсь? — думал он иногда с тревогой. — Чёрствое у меня сердце!» Но всему своё время.

Он готовился к будущей семейной жизни. Купил квартиру. Обставил её мебелью, которую сделал своими руками. Только женщины не хватало, чтобы внесла уют. Двадцать девять лет, пора уже. А пока, чтобы не было так скучно, записался на курсы народных танцев. Стройный, ловкий, он хорошо танцевал. Партнёрш было сколько угодно, все рвались с ним танцевать. Ему они все почему-то казались на одно лицо.

Однажды, придя на очередное занятие, он ещё в фойе услышал звонкий смех. И вдруг всё его мужское естество встрепенулось, хотя ту, смеющуюся, он ещё не видел. Влюбился в голос. Влюбился в её смех.

С кем-то она там разговаривала, в полутёмном фойе. Не разглядеть. Он поспешил в зал: сейчас войдёт, и он увидит её.

Вошла. Вместе с подружкой. Она всё ещё смеялась. Как будто специально, чтобы ему помочь. Чтобы не перепутал.

Да, это она. Та, в ожидании которой его сердце спало столько лет.

Новенькая. Раньше он её не видел. А может быть, она для него сливалась с другими? Понадобился её смех, чтобы расслышал и разглядел...

Сам он серьёзный, смеялся редко. Смех, веселье — вот чего недоставало в его холостяцком жильё. Она внесёт.

Ему даже не приходило в голову, что она может ему отказать. Он с детства ненавидел отказы. Ему редко отказывали.

В углу зала руководитель курсов показывал новенькой шаги предстоящего танца. А потом крикнул на весь зал:

— У нас новая курсантка. Кто хочет учить её танцевать по-настоящему?

Эли был рядом, наготове. И, разумеется, первым крикнул:

— Я! Давай её мне!

— Тебе повезло — это наш лучший танцор! — сказал руководитель и подвёл девушку к нему. — Её зовут Маргалит, или Марго, если коротко. Не оттопчи ему ноги, Марго, он у нас чувствительный.

— Не беспокойся, всё будет в порядке! — сказал Эли и протянул новой партнёрше руку.

Израильские народные танцы сильно отличаются от европейских бальных танцев. Танцуют не парами в обнимку, а друг перед другом. То парами, то соединяясь в один большой круг, то вновь распадаясь на пары. Как правило, в профессиональных ансамблях танцуют

босиком. Но в массовых танцах, на широких площадях, участники, разумеется, не разуваются.

Много разных определений дано Израилю, но кто увидит массовые танцы в субботний вечер на площадях городов и на пляже, где специальные танцплощадки покрыты полами поверх песка, тот скажет, что Израиль — страна танцев. Это поразительное зрелище: сотни людей движутся гармонично, стар и млад, худые и полные, даже малые дети стараются подражать движениям взрослых, никто не стесняется. Танцуют часами, под любую песню, лишь бы в ней был ритм. Ради того, чтобы участвовать в таких массовых танцах, и Эли пошёл на курсы. Здесь нет места для депрессии, все заботы отброшены, остаётся лишь общее торжество жизни, ликование души и тела.

Эли и Марго танцевали вместе до конца занятий. Когда начиналась мелодия нового танца, Эли, не спрашивая, хватал её за руку и втягивал в круг. Когда подходил руководитель, Эли отсылал его жестом: «Я сам её научу». Девушка быстро схватывала, с удовольствием отдавалась стихии танца.

Когда занятие кончилось, Эли вызвался проводить её. Первое очарование, вызванное её звонким смехом, не проходило, напротив. «Это моя женщина, — говорил он себе, — на ней я должен жениться». И тут же спрашивал себя: «Почему именно она?»

Действительно, она не была красавицей, из тех, на кого оглядываются на улице. Стройная фигурка, как у большинства израильских девушек, очень следящих за своим весом. Волосы каштанового цвета, природного, не выжженного перекисью водорода под «блонд». Это ему нравилось, крашенные блондинки не нравились ему. Лицом приятная, почти без макияжа. Весёлая, общительная. Но зачем анализировать? Это его женщина — и всё.

Интересно, чувствует ли она, что он — её мужчина?

Как бы не испортить всё излишней поспешностью! Но он не мог сдержаться. Когда они прощались, стоя на пороге дома, где она жила, он обнял её и прижал к себе.

— Ну, ну, полегче на поворотах! — сказала она со смехом, высвобождаясь из его объятий. — Что это должно означать?

— Это означает, что ты — моя. Я на тебе женюсь.

— Знаешь, я к таким шуткам не привыкла, — уже серьёзно сказала она. — Мы всего час знакомы! Ты со всеми бросаешься такими словами?

— Я ни с кем и никогда не бросался такими словами. И теперь я не бросаюсь, а говорю серьёзно. И ты серьёзно ответь мне — согласна или нет.

— Что я о тебе знаю? Что знаешь обо мне ты?

— А что мне надо знать? Я знаю одно — ты моя. Ты должна быть моей. Где родилась, где училась — это мне безразлично.

Марго стояла перед ним, совершенно растерянная. Такого исхода короткой прогулки она не ожидала.

— А я совсем не уверена, что ты мой. Чувства должны созревать постепенно, в ходе длительного знакомства...

— Не согласен. Любовь вспыхивает внезапно, как искра. А так, как ты говоришь, в ходе длительного знакомства — это как в торговле. Ощупываешь товар, думаешь, прицениваешься — брать или не брать. Знаю, большинство людей думает так, как ты. А я другой. Я сам не прицениваюсь и не хочу, чтобы ко мне приценивались. Выгодно брать или невыгодно. А потом через три года разводятся.

— Что же теперь делать?

— Скажи откровенно: нравлюсь я тебе или нет?

— Ты... Ты статный, привлекательный. И твоя решительность мне нравится. Был у меня друг (он настояжился), сам не знал, чего хочет. Моё материальное положение его очень интересовало. Родители убедили

его, что он должен жениться только на богатой. А ты не спрашиваешь ни о чём. Ты правильно выразился — не прицениваешься.

— И какой же вывод ты делаешь из сказанного?

— Вот с выводом мне трудно. Так внезапно, неожиданно... Дай мне время — две недели хотя бы. Время, чтобы влюбиться в тебя.

— Даю тебе время. А потом?

— Потом, если всё будет хорошо, поговорим с родителями.

— А в течение этих двух недель мы будем встречаться?

— Да, мы можем встречаться, только не оказывай на меня нажим насчёт ответа. Может быть, мне понадобится ещё немного времени. Ответ я дам сама, без нажима.

— Договорились. А можно поцеловать тебя на прощанье?

Она сама потянулась к нему, и он впился в её губы. Оторвавшись, сказал:

— Ну, теперь беги домой, пока я не сошёл с ума.

Она скрылась в подъезде дома, а он погулял ещё четверть часа, чтобы успокоиться. Потом сел в свою машину и поехал домой.

— Она меня полюбит, — говорил он про себя. — Должна полюбить. Умная девочка. И горячая. Как она меня поцеловала!

В первый раз он лёг спать спокойно, без постоянно грызущего чувства тревоги. И сразу уснул, без сновидений.

Зато Марго пришла домой взволнованная до крайности, с горящими щеками. Родители, сидевшие в гостиной перед телевизором, сразу заметили её состояние.

— Что-нибудь случилось, детка? — спросил отец, отложив газету.

— Мне сделали предложение! — на ходу выкрикнула она и скрылась в своей комнате.

Родители, разумеется, хотели немедленно обсудить это событие и узнать все подробности. Но Марго решительно отрезала:

— Прошу вас не приставать с вопросами в течение двух недель. Я обязалась дать ответ через две недели. Если ответ будет «нет», то вообще не о чём разговаривать. Если скажу «да», тогда и поговорим.

— А ты не собираешься советоваться с нами, какой дать ответ?

— Нет. Сердце мне ответит.

Родители переглянулись. Марго всегда была своенравной, не терпела вмешательства в её дела. Но тут такое серьёзное дело!

В течение двух недель Эли и Марго встречались каждый день, кроме пятницы. Встречу субботы Эли считал своим долгом проводить с родителями.

Он держался корректно — даже слишком корректно, по мнению Марго. Не позволял себе никаких вольностей, кроме поцелуя на прощанье. Внутри он весь горел — до того даже не знал, что он такой страстный.

Он рассказал ей, что у него своя мебельная мастерская. Спросил, где она работает. Она рассказала, что и у неё свой маленький бизнес — киоск, где продаются газеты, мелкие сласти и семечки, орехи, пиво, лотерейные билеты.

Её рассказ ему явно не понравился. Он выглядел озабоченным, лоб перерезали две морщинки.

— Почему ты выбрала такую работу? Не скучно стоять там целый день?

— Эта работа выбрала меня, — сказала Марго. — Это наш семейный бизнес. Ещё дедушка получил лицензию на киоск и работал в нём. Какое-то время работала мама. А скучать там некогда, всё время есть покупатели. А что тебе в этом не нравится?

— Для дедушек эта работа подходит, — хмуро сказал Эли, — но не для молодой привлекательной девушки.

— Но что в этом плохого? — недоумевала Марго.

— Ты думаешь, твои товары там выставлены? — сказал Эли, повысив голос. — Ошибаешься, дорогая! Это ты там выставлена, сотни мужчин подходят каждый день, шутят с тобой, заигрывают. Ради тебя они подходят, не ради бутылки пива. Неужели ты не чувствуешь это?

Марго смотрела на него широко открытыми глазами. Он ей нравился с каждым днём всё больше, она уже была убеждена, что скажет ему «да». Но эта вспышка ревности её испугала. Такое отношение к её работе было ей внове. Она никогда об этом не думала.

— А ты ревнивый, оказывается, — сказала она, не поднимая глаз. Ей показалось, что всё лицо его изменилось, что в нём появилось жестокое выражение.

— Да, я ревнивый, — сказал он. — Что моё, то моё. Ни с кем не намерен делиться, особенно любимой женщиной.

Марго не была настолько серьёзной, чтобы задуматься над этими словами. Ей льстило, что он её ревнует. Значит, любит.

Две недели встреч сделали своё дело: между молодой женщиной и мужчиной возникло поле притяжения. Не только он тянулся к ней, но и она к нему. Разве не это называется любовью?

Когда миновали назначенные две недели, она, естественно, сказала ему «да».

Теперь наступило время знакомства с родителями. Первой была встреча с родителями Эли, Ицхаком и Товой. Обоим Маргалит понравилась. Симпатичная, весёлая, общительная. Открытая душа. «Это то, что нужно нашему Эли, — сказала Това, когда молодые ушли. — Он слишком замкнутый, она его немножко расшевелит».

Встреча с родителями Марго тоже прошла внешне благополучно. Эли принёс родителям букет цветов, был

безукоризненно вежлив, умел держаться за столом. Выпил рюмку вина, от второй отказался.

После ужина начался серьёзный разговор. Родителям, Давиду и Рахели, приятно было узнать, что у будущего зятя есть квартира, обставленная, оборудованная нужными электротоварами. Квартирное устройство детей — это огромная проблема, особенно при нынешних ценах.

Расходы на свадьбу обычно делят между собой обе семьи родителей. Эли вообще был согласен обойтись без свадьбы — просто обвенчаться, в раввинате или дома. Но Марго, естественно, хотелось покрасоваться в подвенечном платье. Договорились устроить небольшую свадьбу, не приглашать «весь белый свет».

Беседа текла в мире и согласии, но тут Эли заговорил о работе Марго.

— Я на всё согласен, готов на любые уступки, — сказал он, — но у меня есть одно требование: чтобы Маргалит не работала в киоске.

— Почему? — изумлённо спросил Давид. — Это ведь не просто киоск, по найму у кого-то. Это наш семейный бизнес. И он приносит неплохой доход.

— Это не работа для женщины, — сказал Эли. — Мужчина, особенно пенсионер — это неплохо. Но когда в киоске работает женщина — это...

Он задумался в поисках подходящего слова, а затем закончил фразу:

— Это создаёт ей образ дешёвой женщины. Каждый может ей что-то сказать, нагрубить. Делать ей разные предложения. Я не могу допустить, чтобы моя жена...

Родители были озадачены. Они никогда об этом не думали.

— А как же продавщицы в магазинах? — спросил Давид. — Они тоже дешёвые?

— Я не был бы в восторге и от работы в магазине, — сказал Эли, — но стены магазина как-то защищают.

Особенно если есть другой персонал. А в киоске она — как будто на ветру... Беззащитна.

— Так что же делать? — вступила в разговор Рахель. — У Марго никакой особой специальности нет. Не хотела идти в университет или в колледж. Правда, бухгалтерией она владеет, училась на курсах.

— Отлично! — воскликнул Эли. — Мне в мастерскую нужен бухгалтер, секретарь, счетовод — всё в одном лице. Сидеть у телефона, принимать заказы, следить за тем, как клиенты рассчитываются, сдавать выручку в банк. Сумеешь, Марго?

— А что там уметь? Я и в киоске делаю то же самое. Там тоже отчётность нужна, для подоходного налога.

— Отлично! Моя мастерская будет нашей мастерской, семейный бизнес! У меня эти дела немножко запущены, я не люблю работать с бумагами. Ну, как? Все согласны?

— А что же будет с киоском? — озабоченно спросил Давид. — Бросить его? Заколотить?

— Надо поискать человека по найму. Надёжного, на которого можно полагаться. Даже пенсионера, ещё лучше. Дадим объявление.

Когда гость уходил, Давид проводил его до двери и тихо спросил:

— Твоё требование, чтобы Марго не работала в киоске — категорическое?

— Абсолютно. После того, как обвенчаемся — ни единого дня.

Давид вздохнул и закрыл за гостем дверь.

Марго уже ушла в свою комнату, и он мог теперь поговорить наедине с женой.

— Послушай, Рахель, — сказал он ей, — этот парень мне не нравится. Есть в нём что-то странное.

— Да? А мне он очень понравился. И из себя видный, и хороший работник, и нашу дочку безумно любит. Вежливый, обходительный. Что ещё нужно?

— Безумно, говоришь? Вот это и плохо. Из безумия ничего хорошего не может выйти.

— Ну, под «безумно» я подразумевала «очень сильно».

— Вы, женщины, некоторые вещи воспринимаете иначе. Тебе не почудилось в нём что-то страшное?

— Страхное? Нет. Ревнивый — значит, любит.

— Вот-вот, ты сама дошла, без подсказки. Безумно любит и безумно ревнует. Это опасное сочетание. Он хочет запереть её в своей мастерской, чтобы она была под полным его контролем и не видела никого, кроме него.

Рахель сидела рядом с мужем, бледная и взволнованная.

— Что же делать? Ведь как будто уже обо всём договорились!

— Я видел его в первый раз. Я был против того, чтобы договариваться о свадьбе, об условиях. Он тебя втянул в этот разговор. Условия — это ерунда, сначала надо как следует узнать человека. Мы даже с его родителями не встречались, не видели ни его квартиру, ни его мастерскую. Они ещё не обручены. Отклонив его предложение, мы никакой договор не нарушим.

— Но Марго его любит...

— В этом-то вся беда. Надо с ней поговорить. Пусть хотя бы не спешат.

Марго вышла из своей комнаты и села напротив родителей.

— Ну что, как вам будущий зять? Правда, хорошего жениха я себе нашла? Даже с квартирой!

— Тебе он квартиру показал? — спросил Давид.

— Показал, где она, но мы не заходили. Он сказал, что боится потерять самообладание... Ну, вы понимаете. Мастерскую зато показал. Видели бы вы, какую мебель он там делает! Картинка!

— Иди ко мне, доченька, — отец указал на место рядом с ним и обнял её. — Тебе всего двадцать три

года, почему ты так спешишь замуж? Не рано ли? Лучше поучилась бы какой-нибудь стоящей профессии. От киоска я тебя освобожу. Это действительно не работа для тебя.

Какое-то время все молчали, а потом Марго сказала:

— Я поняла: вы не хотите, чтобы я вышла замуж за Эли. Мама, почему ты молчишь?

— Я...— неуверенно начала мать, — я сначала была всей душой за вашу свадьбу. А потом... Папа сказал, что мы его совсем не знаем. И ты сама его не знаешь. Гуляя с ним по паркам, человека не узнаешь.

— Вы хотели бы, чтобы я сначала так пожила с ним, без брака, чтобы лучше его узнать?

Родители в замешательстве переглянулись. Потом Давид сказал:

— Ладно, не будем ходить вокруг да около. Скажу, что думаю. А думаю я вот что: ты не должна выходить за него.

— Понятно — ты так думаешь, — сказала Марго с сарказмом. — И если ты так думаешь, то наплевать на мои чувства, на мою любовь? Просто потому, что папа так думает!

Отец хотел обнять её за плечи, но она отстранилась.

— Может быть, ты хотя бы объяснишь, почему ты так думаешь? Никогда не был диктатором — и вдруг...

— Доченька, мы с мамой хотим только твоего блага. Ты молодая, неопытная. В твоём женихе есть что-то опасное. Он ревнив до крайности. Ты скажешь: хорошо, значит, любит. Это не любовь, это чувство собственника. В порыве ревности такие мужчины могут сделать всё, что угодно. Каждый год, почти каждый месяц мы слышим, что муж убил свою жену. А почему это происходит? Только из-за ревности.

Установилось напряжённое молчание. Марго была поражена словами отца. Потом спросила:

— А ты, мама, тоже так думаешь?

— Я сначала ничего такого не подумала. Только думала: почему так внезапно, почему так поспешно? Папа лучше меня знает мужскую натуру. Он мне кое-что объяснил.

— Значит, папа настроил тебя против меня?

— Это не против тебя, дорогая. Это за тебя.

Марго больше не могла сдерживать слёзы. Встала и ушла в свою комнату. Родители слышали звук повернутого в замочной скважине ключа.

— Ну вот, заперлась. Никогда раньше она не запиралась, — со вздохом сказала Рахель. — Что будем теперь делать?

Давид тоже был растерян.

— Мы её не убедили, — сказал он. — Мне кажется, она не сдастся. Что мы можем сделать? Нам придётся сдаваться. Да помилует нас Бог. Нас и нашу дочечку.

— Может быть, ты немножко преувеличил?

— Может быть. Дай Бог.

В спальне родители ещё долго совещались, обсуждали варианты своих действий. Идти на разрыв с дочерью? Ни в коем случае. Раскрыть перед будущим зятем свои опасения? Это оскорбит его, он встанет и уйдёт, и кто знает, не пойдёт ли Маргалит за ним. Надо завтра ещё раз поговорить с ней. Хорошо, если она не сделает глупость — не расскажет ему о сегодняшнем разговоре.

Назавтра Давид тихонько постучал в дверь комнаты дочери.

— Открыто, — отозвался слабый голос. Он вошёл и сел на край её кровати.

— Не считай нас твоими врагами, доченька, — сказал он. — Я буду первым, кто этого не выдержит.

— Я не считаю, папа, — так же тихо ответила она.

— Скажи мне честно — ты говорила с ним? Рассказала о нашем разговоре?

Она помотала головой отрицательно. Потом сказала:

— Я ещё надеюсь, что договоримся, и всё будет хорошо. Если бы рассказала, он больше не переступил бы порог нашего дома.

— Умница. Мы тоже хотим договориться по-хорошему. Как ты смотришь на то, чтобы на будущей неделе устроить встречу обеих наших семей? Это в любом случае надо делать. Познакомимся ближе, узнаем, в какой семье он воспитывался, присмотримся к нему и его взаимоотношениям с родителями. Они присмотрятся к тебе. Это очень важно.

— Значит, вы не ставите меня перед табу?

— Что ты? Мы хотим только одного — чтобы ты была счастлива.

Она приподнялась в постели, обняла отца и поцеловала.

— Всё будет хорошо, папочка, не переживай. Береги своё сердце.

Давид вернулся к жене, вытирая глаза.

— Что, ссорились? — встревоженно спросила Рахель.

— Нет, дорогая, мирились.

В телефонных контактах договорились о том, чтобы общая встреча состоялась в доме родителей Эли. Давид и Рахель для виду отнекивались, приглашали к себе, но в душе были довольны.

Родители Эли оказались очень гостеприимными. Това устала стол яствами и выпечкой собственного изготовления. На столе стояли бутылки с красным и белым вином и бутылка дорогого французского шампанского. Эли представил родительские пары друг другу и налил всем вина — каждому по вкусу. Одет он был просто, светлая рубашка и джинсы. Этаким свойский парень, простой, радушный.

После выпитого вина языки развязались. Мужчины рассказывали друг другу, кто где служил, женщины делились рецептами кушаний. Почти забыли, зачем собрались.

Атмосфера была такой тёплой и дружелюбной, что в ней рассеялись опасения Давида. «В таком доме, в такой семье не мог вырасти плохой человек», — подумал он.

Перед тем, как разошлись, договорились о том, что в раввинат, для первичной регистрации, пойдут все. Выбрали день. Эли повторил своё обязательство о квартире.

— Если пойдут дети и станет тесно, продадим её и купим другую, побольше, — сказал он. — Это всё на мой счёт. Если только не разорюсь.

Молодые сияли. Конец всем сомнениям и неполадкам. Эли знал, что Давид был против их брака. Никто ему не сказал, но у него было чутьё, как у дикого зверька, который чует приближение хищника.

* * *

Нет смысла занимать внимание читателя описанием следующих дней и даже месяцев. Свадьба прошла без происшествий, молодые поселились в своей квартире. Марго стала работать в мастерской Эли, он был очень доволен этим. Всем клиентам он с восторгом представлял свою жену. Марго не жаловалась, но её всё больше угнетало постоянное присутствие мужа. Иногда хотелось свободы и встреч с подружками. Чтобы выйти из мастерской, надо было просить разрешения у Эли. Он отпускал её, но дотошно расспрашивал, куда она пойдёт и с кем встретится. Часто она отказывалась от выхода, чтобы избежать допроса.

Сам он никуда не хотел выходить. Ни театра, ни концертов. Вечерами читал книги. Если она очень уж настаивала, ходил с ней в ресторан или кафе.

Зарплату за работу в мастерской он ей не платил. Когда она заикнулась об этом, сказал:

— Мы ведь с тобой — единое целое. Смешно переключать деньги из одного кармана в другой. Если тебе что-нибудь нужно, скажи, я тебе дам.

Через год после свадьбы Марго родила сына. Эли был на седьмом небе. Его первенец! Имя ему он выбрал — Авраам, коротко — Ави. Марго хотела что-то более современное, но Эли сказал:

— Пусть он будет родоначальником, как праотец Авраам.

Что можно возразить против этого?

Эли заявил, что не может жить, целый день не видя ребёнка. Он изготовил комод для принадлежностей по уходу, а сверху широкую доску, чтобы на ней пеленать младенца. Купил кроватку, в дополнение к той, что дома. Он требовал, чтобы Марго приходила в мастерскую каждый день по меньшей мере на три часа. Заодно, пока ребёнок спит, она может заниматься бухгалтерией.

Марго было нелегко. Правда, в работах по дому ей помогали бабушки, особенно Това, мать Эли. Тяжесть Марго была душевной: она чувствовала себя словно оплётённой сетью. Ни минуты для себя. Това уверяла её, что так живут все замужние женщины.

— Если бы тебе приходилось работать где-нибудь на фабрике и отвозить ребёнка в ясли, было бы легче? Эли всё для тебя делает, чтобы легче было. Он безумно любит тебя и малыша. Тебе не на что жаловаться, — уговаривала её Това.

Всё это было правдой, но правда не утешала. Изредка она выбиралась к родителям. Они видели, что их жизнерадостная, весёлая дочка поблекла, притихла. По совету матери она пошла к врачу. Врач, очень милая женщина, сказала ей, что это обычное явление — послеродовая депрессия, особенно после первых родов. Выписала ей успокоительные таблетки.

Иногда Марго спрашивала себя: «Почему я тоскую? У меня прелестный мальчик, Эли — хороший муж и отец, даже ночью часто встаёт к ребёнку, говорит мне — лежи, отдыхай. Любит меня, даже слишком. У меня есть всё, что нужно. Про таких, как я, наверно, говорят: с

жиру бесится. Надо взять себя в руки, покончить с хандрой!»

Когда миновал первый, самый трудный год младенчества, стало легче и интереснее. Ави рано начал ходить, за ним нужен был глаз да глаз, чтобы не натворил что-нибудь. Появились первые слова, начал проявляться характер. Почти не плакал, не капризничал. Прольёт что-то, рассыплет — и смеётся. Ну как на него рассердишься? Марго смеялась вместе с ним. Она заметно повеселела, меньше раздражалась на Эли. Это сказалоь и на её внешности: то, что только намечалось в облике юной девчонки, превратилось в яркую красоту зрелой женщины.

Но вот Ави исполнилось два года. Пришли бабушки-дедушки, были зажжены две свечи, все целовали и поздравляли мальчика. Он не очень понимал, в чём дело, но понял, что он — главная фигура, и это ему нравилось.

Когда празднество кончилось, Ави устроили в детский сад. Марго волновалась, но всё прошло хорошо. В большом детском парке, куда они часто ходили всей семьёй по субботам, Ави без стеснения подходил к другим детям, играл с ними. Возвращаясь из садика, он рассказывал, с кем играл, в какие игры, и как их учили раскрашивать картинки.

Марго вернулась на свою работу в конторе мастерской Эли. Мастерская значительно расширилась. Эли занял пустующее складское помещение и нанял двух подмастерьев, учил их своему мастерству. Заказов было много, у Марго было много работы, ей уже не было скучно.

Казалось бы, всё хорошо, но тут открылся новый «фронт» разногласий с Эли. Он хотел второго ребёнка, объяснял, что слишком большой разрыв в возрасте между детьми вреден для их развития. И так получится разрыв в три года, есть женщины, что рожают погодков. Три года — это максимум.

А Марго надеялась на несколько лет отдыха. Хотела учиться вождению машины, больше следить за своим гардеробом, ходить в парикмахерскую, делать маникюр... Она была согласна, что нужен ещё один ребёнок, но не сейчас, не сразу... Хотя бы ещё два года...

Но разве Эли переспоришь? Тем более что она в глубине души знала, что он прав. Как всегда, спор кончился его победой.

Два месяца спустя она была уже беременна. Эли торжествовал. Марго молчала. В последнее время она вообще мало разговаривала с мужем. Разве что во время совместных игр с Ави.

Кроме ребёнка, единственным её развлечением было чтение книг. Она старалась брать книги известных зарубежных писателей. Эли тоже читал, но предпочитал современные бестселлеры, выход которых в свет сопровождался шумным пиаром.

Постепенно их внутренние миры стали терять одну общую точку за другой. Даже в политических взглядах они находились по разные стороны баррикады.

Эли её любил, в этом у неё не было сомнения. «Я, в самом деле, с жиру бешусь, — говорила она себе, — я хочу не такой любви, хочу душевной близости. Его любовь необузданная, душа в ней не участвует. Если есть у него ко мне какое-то чувство, то это — подозрительность. Он всё время опасается измены. Может быть, того, что я хочу, вообще не бывает на свете».

Она часто бывала у родителей, но и они не могли понять, чем она недовольна.

— Не всю жизнь длится медовый месяц, — внушали ей они. — У тебя заботливый муж, он очень старается дать своей семье хорошую жизнь. Он уже ищет большую квартиру, чтобы у каждого ребёнка была своя комната. Вместо того, чтобы радоваться, ты выдумываешь Бог весть что.

Она смотрела на родителей — они были словно один человек. У них есть то, чего не хватает ей, но они

не обращают на это внимания. Ей вспомнились когда-то прочитанные строки малоизвестной поэтессы: «Как воздух — но разве о воздухе помнишь? Только тогда, когда его больше нет».

Она задала вопрос матери:

— Могло бы у вас быть такое положение, чтобы папа искал квартиру, а ты об этом не знала?

Родители переглянулись, затем Рахель сказала:

— Откровенно говоря, я не представляю себе такую ситуацию. Я бы искала вместе с ним.

— Видишь? А у нас это возможно.

— Он тебя оберегает от волнений, — сказал отец.

— А зачем меня оберегать? Я живая женщина, не больная. Он меня оберегает от жизни, поэтому у меня никакой жизни нет!

В этот момент зазвонил телефон. Давид взял трубку.

— А, зятёк, здравствуй! Зашёл бы как-нибудь, вместо того чтобы звонить!

Голос Эли в трубке звучал раздражённо.

— Марго у вас?

— Да, да, здесь она, твоя жёнушка! Хочешь с ней поговорить?

— Мы уж дома поговорим. Скажите ей, что я дома и жду её.

Марго встала и попрощалась с родителями.

— Всегда так, — сказала она. — Ему надо было удостовериться, что я у вас. Как мне это надоело!

Она вышла. Родители, словно сговорившись, глубоко вздохнули.

— Не нравится мне вся эта картина, — сказал Давид. — Сдаётся мне, что я был прав тогда, после первой встречи. Кто знает, чем это кончится. А она ждёт второго!

Ожидание второго ребёнка оказало успокоительное влияние на внутренний бунт Марго. Среди её дальних родственников была пара, которая без конца

скандалила и готовилась к разводу, а жена в это время была беременна. У неё родился ребёнок с рядом дефектов, как физических, так и умственных. Марго не хотела повредить ребёнку и сумела укротить свой нрав. Она стала относиться к Эли внимательно и даже нежно — и он тоже изменился, сиял от радости. Он сказал ей в шутку:

— Я постараюсь, чтобы ты всегда была беременной, это тебе идёт. Ты стала совсем другая!

— Ты тоже, — отвечала она, — только мне трудно будет сделать тебя беременным!

«Мой брак не такой уж плохой, — думала она про себя. — Родители были правы: я иногда хочу того, чего не бывает! Почему я всё время ожидала внимания к себе, а сама молчала как бука?»

Между ними состоялось несколько душевных разговоров. Эли просил её откровенно рассказать ему, чем она недовольна, почему замкнута и грустна.

— А ты не рассердишься?

— Боже упаси! Ты знаешь, что я для тебя всё сделаю. Мы, мужики, грубоваты, ты более образованная, тонкая. Мы не всегда понимаем женщин.

— Делать для меня ничего не надо, ты и так достаточно делаешь. У тебя нелёгкий характер. Все жёны пытаются переделать своих мужей, но из этого ничего не получается.

— Какие тяжёлые черты характера ты у меня заметила?

— Ты собственник. Твоя мать рассказывала, что ты, ещё совсем маленький, не делился с детьми игрушками, никому не давал играть твоим мячом.

— Ну и что же? Это тебе теперь мешает?

— Теперь я твоя игрушка. Ты всё время следишь, как бы меня не украли. Это ужасно раздражает. Как будто под конвоем хожу.

— А ты не понимаешь, что это от любви?

— Нет, это не любовь. Это неуважение. Как будто я на самом деле игрушка — кто захочет, тот возьмёт. Или публичная женщина — стоит тебе не уследить, как я тут же лягу с другим!

— Не говори такие слова! Я даже не могу выносить, когда ты их произносишь!

Даже при свете ночника она видела, как он побледнел. Руки у него дрожали. А Марго продолжала:

— Неужели у тебя совсем нет доверия ко мне? Если бы я тебе не доверяла, ты бы обиделся. А мне не обидно?

Он долго молчал, а потом сказал:

— Да, это мой проклятый характер, я ревнивый. Слишком ревнивый. Не знаю, смогу ли измениться. Буду стараться. Что ещё тебе мешает?

— Мы живём уединённо. У тебя совсем нет друзей, знакомых? По школе, по армии? У меня есть подруги, но ты против того, чтобы я с ними общалась. Кругом люди, а мы одни, как в пустыне. Никуда не ходим, ни на спектакли, ни на концерты, ни на вечера юмора и сатиры. Поэтому у нас нет тем для разговоров.

— Ты права. Это мои родители — сами никуда не ходят и меня так приучили. Это мы можем исправить. Я не знал, что для тебя это так важно. Ты выбирай, куда, я думаю, что и мне понравится.

Месяцы беременности прошли в мире и согласии. Марго заботилась о том, чтобы два раза в месяц они куда-то выходили. Эли больше всего нравились сатирические вечера. Марго любила концерты молодёжных ансамблей.

А потом Марго родила девочку. Эли не отходил от неё. Он привёл в родильное отделение Ави, показал ему сестрёнку, сказал, что надо её любить, а когда подрастёт, он сможет с ней играть. Все были счастливы, особенно дедушки и бабушки, которые не могли наглядеться на внуков.

Прошло пять лет. Мальчику было уже восемь, он ходил в третий класс. Малышке, которую назвали Данной, исполнилось пять лет, на будущий год она должна была пойти в первый класс. В доме семьи царило относительно спокойствие. Как во всех семьях, у которых уже прошёл «горячий» период.

И здесь, как, впрочем, у всех, попытка жены «перевоспитать» мужа удалась лишь частично. Самые сильные страсти в характере человека не могут исчезнуть, даже если бы он хотел их подавить.

Заранее можно было предугадать, что ревность и стремление Эли следить за женой не пройдёт. И стремление Марго к разнообразию, её тоска в домашней обстановке тоже не пройдёт. Правда, дети в большой мере смягчали эти чувства. Но по мере того, как дети росли и с ними было меньше работы, тоска заявляла о себе.

Договорённость о том, чтобы посещать какие-нибудь увеселения два раза в месяц, была давно забыта. Правда, иногда они куда-нибудь выходили, если Марго заботилась о билетах. Но самой большой отрадой для души были книги. Читала она быстро и часто ходила в библиотеку.

Именно там это и произошло.

Однажды она в задумчивости ходила между полками книг, не зная, что выбрать. То, что бросается в глаза, она уже читала. Совсем не знакомые фамилии авторов её отпугивали. Думала, что вскоре ей придётся записаться в большую городскую библиотеку вместо маленькой районной. И в это время из какого-то закоулка, где помещались книги технического содержания, вышел он.

Среднего роста, стройный, подтянутый, он ей сразу понравился. Глаза и волосы светлые. Всё не так, как у её мужа, высокого, черноволосого и черноглазого.

— Что, девушка, никак не можешь выбрать? — спросил он.

— Всё, о чём слышала, перечитала. Вижу странные, совсем не знакомые фамилии и названия и боюсь по-пасть впросак.

— Какие жанры ты любишь?

— В основном романы.

— Сентиментальные? О любви?

— Не обязательно. Сентиментальные романы классиков прошлого века сегодня уже трудно читать.

— Хочешь, чтобы я помог тебе выбрать?

— О, да, буду очень благодарна!

— А как ты относишься к фантастике?

— Ничего не читала серьёзного. Можно попробовать.

— Сейчас я тебе покажу что-то очень интересное, на мой вкус. Не понравится — не читай и ругай меня.

Он отошёл к самой последней в ряду полок и принёс книгу с заманчивым названием «О дивный новый мир».

Марго, увидев книгу, воскликнула:

— Сколько раз я смотрела на эту книгу и не решалась взять — из-за причудливой фамилии автора! Даже не понять, из какого он государства! Подумала — это никто не читает! Я ведь невежда в этом деле, не суди меня строго!

— Прежде чем судить тебя, нам надо хотя бы познакомиться. Меня зовут Виталий. А тебя?

— Значит, ты из России, новый репатриант!

— Имя «Виталий», между прочим, греческого происхождения. Да, я репатриант, но далеко не новый. Успел уже здесь отслужить в армии, участвовать в одной маленькой войне, окончить университет. Здесь моё имя хотели перевести как «Хаим», но я не разрешил. Виталий красивее, хотя и наводит на вопросы. Но ты не сказала, как тебя зовут.

— Меня зовут Маргалит, но все зовут меня коротко — Марго.

— Вот и прекрасно, познакомились. А теперь я расскажу тебе об этой книге. Пойдём, сядем где-нибудь, стоя неудобно.

Библиотекарша записала, что Марго берёт эту книгу, и оба вышли в парк, окружающий библиотеку. Сели на одну из скамеек.

— Это всемирно известная книга, — сказал Виталий. — И автор — Олдос Хаксли — тоже всемирно известный английский писатель. Книга вышла в 1932 году и сразу привлекла к себе всеобщее внимание. Люди ведь всегда хотят знать, как будет выглядеть будущее. Не стану пересказывать тебе содержание. Скажу только, что действие происходит в 26-м веке нашей эры, точнее — в 2541 году.

— Ой, как интересно! И я буду знать, что тогда будет?

— Так представлял себе будущее автор. Ты знаешь, вероятно, о писателях-утопистах, они представляли себе будущее идеальным, и их книги относятся к жанру утопии. Олдос Хаксли мыслит иначе, его картина будущего довольно-таки страшная. Поэтому его книга относится к жанру антиутопии. Всё. Больше ничего не расскажу.

— Это, наверно, очень сложно. Смогу ли я разобраться?

— Читай медленно, не просто листай, как заурядную книжонку. Прочитаешь главу — обдумай её. Он пишет просто о сложных вещах.

— Я прихожу в библиотеку по средам. Может, встретимся, и ты мне объяснишь то, что я не пойму?

— Я сюда прихожу очень часто, сижу в читальном зале, работаю над диссертацией. Может быть, обменяемся телефонами?

— О нет! Я боюсь. У меня муж ужасно ревнивый. Виталий усмехнулся.

— Ну что ж, тогда ищи меня в читальном зале.

Они обменялись рукопожатием и разошлись. Виталий вернулся в здание библиотеки, а Марго хотелось ещё немного посидеть в парке.

Она не могла сразу идти домой. Она была словно наэлектризована. Щёки горели. Она была влюблена.

* * *

Всю жизнь Марго мечтала о мужчине, который был бы умён, образован, начитан. Такой никогда не наскучит, с ним всегда будет интересно. Человек из другого мира, в который ей не довелось попасть.

Он был просто любезен, без задних мыслей. Он, конечно, не влюбился в неё. С какой стати?

Успокоившись, она встала и направилась домой. Маленькая Дана встретила её у порога.

— Мамочка пришла! Мамочка!

— А где Ави?

— Ави играет с этим ящиком (она ручонками обрисовала четырёхугольник). Ну, тем, что недавно купили. Ави сказал, что его зовут комп.

Из ванной вышел Эли в купальном халате.

— Что-то ты сегодня надолго задержалась, — сказал он с явным недовольством.

— Представляешь, никак не могла выбрать книгу, — сказала Марго. — Я уже многие прочитала. Теперь трудно выбрать. Дай мне пройти в ванную.

— А почему мне в глаза не смотришь?

— О, господи, я устала, вспотела, дай пройти умыться!

Он махнул рукой и отошёл.

«Ещё ничего не было, а уже ревнует, — думала она с досадой. — Надо быть осторожнее».

За ужином атмосфера была как будто нормальной, хотя что-то висело в воздухе. Невинная болтовня детей снижала напряжённость.

Постепенно эпизод забылся. Марго решила в следующую среду не ходить в библиотеку, тем более что с

большой и сложной книгой она ещё не справилась. Эли заметно повеселел и вёл себя с ней как обычно.

Но когда прошли две недели, Марго не выдержала. Пошла раньше, чтобы к приходу мужа с работы уже быть дома.

Виталия на «их» скамейке не было. Марго вошла в зал для абонентов. Не будет же она его искать, в самом деле. Но антиутопия Олдоса Хаксли поразила её до глубины души, ей очень хотелось обсудить с Виталием прочитанное.

Долго она не могла выбрать книгу. Библиотекарша, внимательно посмотрев на неё, сказала, что если ей нравятся книги этого жанра, она может ей посоветовать ещё одну всемирно известную антиутопию. И принесла ей книгу Джорджа Оруэлла «1984».

Когда она вышла из здания библиотеки, у входа стоял Виталий. Марго приложила большие усилия, чтобы сдержать порыв радости.

Он тоже казался обрадованным.

— Я знал, что сегодня ты придёшь, — сказал он. — Поговорим?

Она кивнула, и они сели на ту же скамейку.

Поговорить было о чём. Оценить изображённую в книге картину будущего. Что показалось логичным и положительным, а что — непереносимым. Замечания Марго показали Виталию, что она гораздо умнее, чем он ожидал от женщины без высшего образования. А он когда-то спорил с профессором, который утверждал, что образование не может повысить врождённый интеллектуальный уровень!

Невидимые нити взаимной симпатии, если не сказать больше, становились всё крепче, чем дольше они разговаривали. Обоим явно не хотелось расставаться. И всё же пришлось. Марго не хотела, чтобы дома разыгрался скандал.

Дома она обнаружила, что Эли неестественно весел, шутит, даже над ней подшучивает. Он умел быть

остроумным, когда хотел. Когда сели ужинать, поставил на стол начатую бутылку вина. Налил ей и себе.

Что бы это могло значить, думала Марго. Эли не из любителей выпить. Всякое отступление от нормы в его поведении пугало её. Но ничего плохого не произошло. Он играл с детьми, в доме стоял смех и визг, это было редкое явление. И с ней, ночью, был нежен, как давно не бывал.

Месяц прошёл без особых происшествий. За этот месяц Марго встретила с Виталием один раз. Теперь было уже заметно, что он к ней равнодушен. Марго и радовалась, и боялась. Что будет? Вдруг она не устоит?

Нет, тогда придётся разводиться. Жить во лжи она не хотела. А с Виталием ещё ни слова о любви не сказано...

В начале следующего месяца это произошло. Он признался ей в любви. Она призналась во взаимности. Он обнял её, поцеловал. О том, что им делать с этим чувством, они не говорили.

Обоим было о чём думать. Она думала о том, будет ли он, пока ещё аспирант с невысокой зарплатой, готов взять на себя такое бремя, как женщина с двумя детьми. Он думал о том, согласится ли она променять своё обеспеченное существование с мужем в собственном доме на его малообеспеченную жизнь. Правда, после защиты диссертации он может рассчитывать на хорошую должность, но когда это ещё будет...

На следующей встрече Виталий предложил Марго зайти к нему домой, посмотреть, где и как он живёт. Он обещал дать ей редкую книгу братьев Стругацких, которой в библиотеке не было. И добавил:

— Не будет ничего такого, чего ты не захочешь.

«Дай Бог мне силы ничего не захотеть», — подумала она и пошла за ним. Они шли, взявшись за руки, не зная, что Судьба неслышными шагами крадётся за ними следом.

Эли давно подозревал, что жена ему неверна. Может быть, душевно, не физически, но ему и этого довольно. После первого замечания о позднем приходе он очень старался скрывать свою ревность. Как будто ему всё равно, что она продолжает возвращаться домой позже, чем нужно для обмена книги в библиотеке. Не спугнуть бы. Он решил её выследить. Иначе все будут говорить, что дело только в его сумасшедшей ревности.

И надо же было так случиться, что его выход на слезку совпал с тем днём, когда они пошли к Виталию домой!

Он вошёл в сад при библиотеке не с главного входа, а с тыльного. Он стоял у торца здания, в тени развесистого дерева, и видел их, сидящих на скамейке. Он видел, как они обнялись, как этот мужчина её поцеловал. Он успел достать свой мобильник и сфотографировать эту сцену.

Потом они поднялись и, взявшись за руки, пошли куда-то. К нему, очевидно.

Он выждал какое-то время и пошёл за ними, на некотором расстоянии. Вот они свернули к дому. Войдёт ли она? Да, вошла.

Эли решил не следовать за ними, не пытаться ворваться в квартиру. «Если ворвусь, я убью их там обоих, — думал он. — Им — секунда страдания, а мне — на всю жизнь. Нет, так просто она от меня не отделается».

Но и уйти он не мог. Стал расхаживать по фойе, а когда кто-то из жильцов спросил, что он здесь делает, вышел и сел на лавочку в сквере возле дома. Но и сидеть не мог. Вскакивал, проходил по скверу, опять садился. Какими долгими могут быть минуты!

Она вышла через полчаса. Улыбающаяся, румяная. Под мышкой книга. Мужа она увидела, только когда он неслышными шагами подошёл к ней сзади. Увидела — и застыла на месте, как мышь, которая знает, что ей уже не убежать от кошки.

— Что, нагулялась, сука? — сказал он негромко и с размаху ударил её по правой щеке. Она уронила книгу, прикрыла лицо ладонями, но он оторвал руки и ещё раз ударил по той же щеке.

Глаз сразу заплыл, а щека стала багровой. Тяжёлая рука у Эли.

Она стояла, не зная, что делать. Подняла упавшую книгу. Он пошёл к своей машине. Она не двинулась с места. Он позвал её:

— Ну, иди уж, куда ты пойдёшь в таком виде, — сказал он и открыл дверцу. Она подошла и села на заднее сиденье.

— Это всё не то, что ты думаешь, — сказала она, когда машина тронулась с места. — Мы просто знакомые. Он дал мне почитать книгу, которой нет в библиотеке.

— Дома разберёмся, — бросил он.

Она смочила водой из бутылочки носовой платок и прикрыла им половину лица. Детям, испуганным её видом, сказала, что упала. Ушла в спальню и закрыла дверь.

Что теперь будет? Разрушится её семейная жизнь? На Виталия ей нечего надеяться, с ним фактически ещё ничего нет, она не может свалиться ему на голову со своими детьми. Он занимает трёхкомнатную квартиру вместе с компаньоном, в его распоряжении одна комната и право пользоваться гостиной. А Эли — он ведь никаких резонов не признаёт, выгонит её. Куда она пойдёт?

А если не выгонит — может ли она жить с мужем, который её бьёт? Если уж начал, это будет продолжаться. Лиха беда начало.

Она вышла, чтобы приготовить и подать ужин. Эли играл с Ави в шашки. Дана следила за игрой и твердила, что она тоже умеет. За ужином он вёл себя как обычно. Даже обращался к ней.

Может быть, поверил, что у неё с Виталием ничего не было? Нет, не такой он человек.

На следующее утро, когда Ави ушёл в школу и Дану увели в детский сад, Эли не пошёл в свою мастерскую. Он сел в кресло в гостиной и позвал Марго.

— Нам надо поговорить, — сказал он спокойным голосом. Она села в другое кресло, напротив.

— Пожалуйста, без крика и битья, — сказала она. — Мы же люди, мы можем договориться.

— Да, конечно. Прости меня за вчерашнее. Я вдруг потерял самообладание. Ещё день-два — и краснота сойдёт.

Спокойствие Эли поразило Марго. В этом было что-то неестественное, несвойственное ему. От этого миролюбивого тона ей было страшнее, чем от криков.

— Скажи сначала, чего ты хочешь, — сказал он всё так же спокойно. — А потом я скажу.

Она опустила голову. Чего она хочет? Она хотела бы уйти, но идти ей некуда. Вспомнила слова матери:

«С мужем можно ссориться, даже временами его ненавидеть, но всегда надо мириться. Всё прочее будет хуже».

— Чего я хочу? Я ничего плохого не сделала. Я хочу, чтобы мы оба забыли вчерашнее, чтобы наша жизнь продолжалась, как раньше. Если это возможно.

— Марго, я был в этом парке намного раньше, чем вы встали и пошли к нему. Я видел, как вы обнимались и целовались. Я просил бы тебя говорить правду. Не знаю, кто этот тип, но ты его полюбила. Я уже несколько недель чувствую, что душевно ты не со мной. Даже если в физическом смысле между вами ничего не было, душой ты его любишь. Как же ты можешь хотеть, чтобы наша жизнь продолжалась?

— Эли, у нас сложившаяся семья, у нас дети. Бывают же мимолётные влечения. У тебя никогда не бывает, чтобы тебя потянуло к другой женщине? Ты тоже стал холоднее ко мне.

— У меня? Да, бывает, но я тут же подавляю это.

— Ну, хорошо. Так скажи теперь, чего ты хочешь.

— Я не вижу другого выхода, кроме развода. Я не могу жить с женщиной, которая любит другого.

— Но я... не люблю другого!

— Нет у меня доверия к тебе. Я сказал — и кончено!

Марго сидела как пришибленная. Такой категоричности она от него не ожидала.

— Ну, что молчишь? Тебе нечего сказать?

— Я уже сказала. Я предложила мир, ты — войну. Что я могу теперь сказать? Плакать, умолять, падать тебе в ноги? Я тебя хорошо знаю, ты решения не изменишь. Ради детей, чтобы росли в нормальной семье, можно было пойти на компромисс. Ты не хочешь? Ну что ж, разведёмся.

— Вот и договорились. Теперь надо только согласовать условия. Я не хочу судиться-рядиться в раввинате, хочу прийти в раввинат с готовым документом о разделе. Не хочу адвокатов, чтобы наживались на нашей беде. А ты?

— Я тоже не хочу адвоката. Мы сами договоримся.

— Вот и отлично. На сегодня хватит.

Если бы она знала, каким нечеловеческим усилием даётся ему этот спокойный, почти миролюбивый тон! Если бы знала, какая ненависть кипит у него в груди! Ненависть с любовью пополам. Ведь он любил её. Ненависть усиливается, любовь сжимается, как испуганный щенок в углу.

Не зная, что с собой делать, он ушёл в мастерскую. Вернувшись вечером, не застал никого дома. Он вышел на крыльцо. Солнце медленно клонилось к горизонту. Дневная жара спала, лёгкий ветерок шевелил цветы и листочки в сквере. Трудно представить себе что-то более спокойное и миролюбивое, чем этот вечер. «Я пришёл в противоречие с природой, — думал он. — Нет мне места в этой картине. А где мне место? Дом, жена, дети — это было моё. Если этого нет — что остаётся?»

Но он тут же отогнал эти сентиментальные мысли. Мир жесток, люди злы. Слабым в этом мире нет места. Зло всегда сильнее.

«Она думала, что я такой паинька, но не на того напала. Хорошо ей было с тем парнем, шла и улыбалась. Она ещё не знает, что её ждёт. Я ей устрою весёлую жизнь, она век меня не забудет. Я буду страдать, но она тоже».

Он проявил необыкновенную щедрость при определении условий развода. Дом, правда, остаётся его собственностью, но она может оставаться в нём, сколько захочет. Он уйдёт. На содержание детей выделил крупную сумму, больше, чем она ожидала. Ей обещал найти работу. До окончания бракоразводного процесса она тоже будет получать определённую сумму на жизнь. Он возьмёт только машину и несколько предметов, которые дороги ему как память.

Во время этих переговоров Марго казалось, что он какой-то ненастоящий. Быть таким мягким и добрым — это не соответствует его образу. Что-то за этим кроется.

Пока развод не вступил в силу, они продолжали спать вместе в спальне. В одну из таких ночей он набросился на неё — не как муж, а как насильник, резко и грубо. И это тоже не было на него похоже.

Дети горько плакали, когда узнали, что папа уходит. Несколько успокоило их то, что он будет жить в знакомом доме бабушки и дедушки, что они смогут приходить к нему, а он будет приходить к ним сюда.

* * *

Прошло три недели после ухода Эли из дома. За это время дети дважды навещали его, и один раз он брал их на субботу и ездил с ними к Генисаретскому озеру, катался с ними на лодке.

В субботнее утро через три недели он тоже пришёл за ними, обещал повезти на экскурсию. Когда они, ра-

достные, собрались идти с ним, он сказал Марго, возившейся на кухне:

— Поцелуй их хотя бы!

Что-то в ней дрогнуло, но она не осмелилась удерживать их.

Эли действительно повёз их по красивым местам. Они побывали в заповеднике, где стоит памятник погибшим в Войне за независимость; потом они поехали в Хайфу, погуляли по великолепному саду вокруг Бахайского храма. В Тель-Авив вернулись под вечер, усталые и голодные, и отец предложил поужинать в ресторане.

Ресторан находился под открытым небом, на крыше пятиэтажного торгового здания. В этот субботний вечер здесь было оживлённо, но им удалось найти свободный столик.

Поели, полакомились мороженым, и Эли подвёл детей к невысокому парапету, окружающему ресторан со всех сторон. Хоть и не очень высоко, но какая-то часть центра города открывается.

— Смотри, папа, как там красиво, — воскликнул Ави, указав на место, украшенное разноцветными лампочками.

Эли подошёл, и мальчик отшатнулся, увидев его лицо. Оно походило на гримасу с трясущимися губами.

Он схватил испуганного мальчика, занёс его над парапетом, над крутым обрывом стены дома, размахнулся и сбросил его вниз. Он услышал громкий стук — это голова мальчика ударилась о тротуар. И раскололась. Как спелый арбуз.

Маленькая Дана издала громкий крик и бросилась бежать, но Эли одним прыжком догнал её, схватил в охапку, как вещь, и сбросил вниз. Стук падения был мягче — она упала на безжизненное тело Ави.

Поднялся неопишуемый переполох — как наверху, в ресторане, так и внизу, на улице. Из окружающих до-

мов выбежали люди. Через минуту прибыли полиция и машина скорой помощи.

В первые минуты, говорили позднее, девочка была ещё жива.

В суматохе про Эли даже забыли. Он сидел у парапета, смеялся сумасшедшим смехом и приговаривал:

— Я сделал это! Я сумел! Теперь ты, стерва, будешь знать! всю жизнь будешь помнить!

Он не противился, когда полицейские надели на него наручники. На лице его была странная улыбка — не улыбка, а оскал.

Подошёл офицер полиции, записал его личные данные и данные семьи. Он отвечал охотно. Даже весело, если этот оскал можно назвать улыбкой.

— Так это были твои дети? — спросил офицер.

— Да, мои, — сказал Эли, и на лицо его легла тень. — Ави и Дана.

— Почему ты это сделал?

— На этот вопрос я отвечаю только перед Богом.

— А если Бог не станет беседовать с грешником?

— Значит, перед самим собой.

Офицер отошёл от него и отдал сотрудникам кое-какие распоряжения.

— Первым делом надо оповестить мать. Пошлите женщин. Вот адрес.

— А как быть с корреспондентами? Они нам проходу не дают.

— Пока мать не оповещена, ни слова. Я дам знак, когда можно говорить с прессой.

Офицер заглянул за парапет и увидел, что внизу стоят неотложка и дежурная машина полиции. Тела детей были уже перенесены в неотложку, следы крови ещё оставались на тротуаре. Он задал несколько вопросов официантам ресторана. Те сказали, что преступник здесь ужинал с детьми и что они казались вполне нормальной семьёй.

— Ну что ж, ребята, — сказал он своим сотрудникам, — больше нам здесь делать нечего. Поехали!

В это время две девушки-полицейские, совершенно потрясённые тем, что им предстоит сказать матери, ехали по направлению к дому Марго и Эли. «Как мы ей скажем? — повторяли они одна другой. — Где найти слова?»

Марго готовила ужин, что-то напевая про себя, когда раздался лёгкий стук в дверь. Открыв дверь и увидев полицейских, она пошатнулась. Еле добралась до ближайшего стула. Даже не сказала пришедшим «войдите».

— Можно? — спросили девушки. Она кивнула.

Они вошли и сели напротив Марго.

— Автокатастрофа? — спросила Марго. — Все?

— Нет, — ответили девушки. Одна из них встала, пошла на кухню и принесла стакан воды. Вторая обняла Марго, прижала её голову к своей груди и медленно гладила её по волосам.

— Постарайся держать себя в руках, — приговаривала она. — Я знаю, это трудно, но постарайся.

— Я постараюсь, — беззвучно прошептала Марго. — Я очень стараюсь. Говорите, что случилось. Я знаю, это ваша обязанность.

— Мужчина остался жив, — произнесла одна из девушек.

Марго вся обмякла и стала сползать со стула. Девушки с трудом усадили её.

— Мои деточки... Авик и Данушка... Может быть, они ранены?

Девушки отрицательно покачали головами.

— А он? Водитель? Обычно водителю достаётся удар...

— Это не была автокатастрофа, — сказала одна из девушек.

— Что? — вскричала Марго. — Не автокатастрофа? Что же это было?

— Держись, дорогая, — сказала вторая, — собери все силы...

— Говорите же! Быстрее!
— Убийство, — тихо сказала одна из девушек.
— Убийство? — вскричала Марго. — Кому на свете мешали мои маленькие деточки?

— Ему мешали. Ваш бывший муж убил их.
В дом вошла Рахель, мать Марго. Увидев полицейских и рыдающую дочь, она замерла на пороге.

— Чуяло моё сердце неладное... Что случилось?
— Это чудовище, этот изверг рода человеческого, убил наших детей, — закричала Марго хриплым голосом. И, обернувшись к полицейским, сказала:

— Расскажите, как это произошло. Главное вы рассказали. После этого сможете уйти. Прежде чем умру, я хочу знать.

Рахель незаметно вышла в соседнюю комнату и позвонила в «Маген Давид адом»¹. Пусть приедут, а то Марго ещё руки на себя наложит.

Вернувшись к Марго, она ещё успела услышать слова одной из девушек-полицейских:

— Он сбросил их с крыши пятиэтажного дома. На крыше — ресторан, он сначала поужинал с ними, угостил мороженым, а потом подошёл с ними к парапету и сбросил их.

— Они умерли сразу?
— Девочка ещё жила две-три минуты.
— Спасибо, девушки, — почти неслышно сказала Марго. — Вы выполнили свою миссию, вам тоже было тяжело. Спасибо.

Едва девушки успели уйти, как раздался звонок у двери. Рахель открыла. На пороге стояли два санитара с носилками.

— Вы вызывали? Где больной?
Рахель глазами указала на Марго. Она лежала на полу и царапала пол ногтями.

¹ Так называется организация неотложной помощи в Израиле.

Не обращая внимания на её крики, что она не хочет в больницу, санитары положили её на носилки. Рахель пошла за ними следом.

— Я её мать, — сказала она. — Я тоже поеду.

Запирая дверь, Рахель по привычке подумала: «А кто останется с детьми?» И заплакала: детей больше нет...

В больнице Марго оставили до утра и сказали, что если будет плохо, то и на завтрашний день.

— Как же так? Ведь завтра будут похороны! — закричала Марго.

— Посмотрим, может быть, придётся попросить отложить похороны. Или провести их без тебя.

— Я буду в порядке, клянусь! Дайте только теперь что-нибудь, чтобы сердце из груди не выскочило!

— Хорошо. А вы, — сказал врач, обращаясь к Рахели, — езжайте домой, там будет осада журналистов. Приготовьте фотографии. Езжайте на такси, здесь рядом стоянка.

Было около полуночи. «Кто придёт в такое время?» — подумала Рахель. Но она ошибалась: уже издали увидела толпу. Дом действительно был в осаде. Она увидела у самой двери своего мужа и родителей Эли.

— Расступитесь! Это бабушка погибших! — закричал Давид.

В толпе образовалась дорожка. Когда Рахель отперла дверь, Давиду пришлось телом прикрыть вход: все разом хотели протиснуться внутрь. Он попросил ещё одного мужчину помочь ему сдерживать напор толпы. Стали пропускать по трое.

Ещё по дороге она приготовила короткое сообщение. Её дочь развелась с мужем. Он считал, что она разбила ему жизнь. Из мести он решил убить детей, чтобы причинить ей горе на всю жизнь.

Корреспонденты хотели знать намного больше, но Рахель сказала, что она не в силах. Они атаквали компьютер и мобильник Рахели, снимали фотографии её

внуков, всей семьи вместе и отдельно Марго и Эли. Потом поспешно уходили, спешили доставить материалы в свои редакции.

Осталась одна пожилая женщина. Рахель смотрела на неё вопросительно.

— Я должна написать об этом большую корреспонденцию, на полполосы или даже на целую полосу. Теперь всё тихо, посидим, поговорим, вам же будет легче.

С женщиной её возраста Рахели действительно было легче. Оставшихся родственников она попросила уйти в другую комнату и осталась с журналисткой вдвоём.

Она рассказала историю семьи, с момента, когда Марго познакомилась с Эли. Упомянула о том, что её муж увидел что-то недоброе в его глазах. Но жених вёл себя безупречно, и подозрения рассеялись.

Затем она позвала Тову, мать Эли, чтобы она рассказала, каким Эли был до знакомства с Марго, как относился к родителям.

Журналистка ушла, и Рахиль надеялась, что теперь её уже оставят в покое. Но в доме оставались Давид и родители Эли — Ицхак и Това, и телефон тоже звонил непрерывно. Все просили интервью. Господи, как всё это выдержать?

Ицхак и Това со слезами умоляли не винить их, не переносить на них ненависть за преступление сына. Рахель тронули слова Ицхака:

— Мы, как и вы, потеряли внуков. Но у вас осталась дочь, а мы потеряли сына. Мы потеряли всё, что имели. Но горе невозможно мерить, у кого больше, у кого меньше. Это наше общее горе. Мы вместе будем сидеть Шив¹, оплакивать наших милых деточек.

Рахель протянула к нему руки:

— Бог с вами, никто вас не винит. Общее у нас горе.

¹ Семидневный траур по умершим: кровные родственники сидят в доме умершего и принимают пришедших выразить соболезнование.

Раздался звонок на мобильнике Рахели. Это была Марго.

— Я к утру приеду. Похороны в 13 часов. Из полиции передали, что этот изверг просил допустить его на похороны. Я сказала: ни в коем случае.

— Правильно. С тобой хочет поговорить Това. Будешь с ней говорить?

— Да. Передай трубку.

Това взяла трубку и с трудом, прерывая слова рыданиями, сказала:

— Держись и крепись, дорогая моя. У нас горе общее. Ты потеряла детей, я потеряла внуков и сына. Не отворачивайся от нас. Мы не виноваты.

— Я знаю. Я думаю, вам ещё хуже. Встретимся на похоронах.

Ицхак и Това распрощались и ушли. Уже занимался рассвет.

Вскоре после их ухода вернулась Марго. Она казалась совсем спокойной. «Чем это они там её напоили?» — тревожно думала Рахель, присматриваясь к дочери. Ни слезинки...

Марго уловила её удивлённый взгляд.

— Я на похоронах должна быть тверда. Будет телевидение. Я не доставлю этому зверю радость видеть меня плачущей. С утра уже тренируюсь. Я очень устала, попробую уснуть. Принесла утренние газеты, можете посмотреть. Мы там везде красуемся, даже на первой полосе.

Она ушла в спальню. Давид и Рахель занялись приготовлением трапезы ко времени возвращения с кладбища. Может быть, зайдут знакомые. Это принято.

«Кто знает меня, кто знал моих детей? Никого не будет», — подумала Марго, засыпая. Ей хотелось, чтобы было много провожающих.

Людское море, заполнившее площадь у конторы кладбища и всё свободное пространство за воротами, поразило её. Трагическое сообщение всколыхнуло

страну. Люди приехали даже из отдалённых населённых пунктов. Были учителя из школы, где учился Ави, со всем его классом. Но большинство составляли незнакомые. Марго и обе пары родителей еле пробились.

Когда на чёрных носилках вынесли два маленьких тела и поставили носилки на постамент под большим куполообразным навесом, многие не могли сдержаться слёз. Раввин прочитал молитву. Когда вперёд вышли оба деда и вместе читали заупокойную молитву «Кадиш», мало осталось сухих глаз.

Служители взяли носилки и направились вглубь кладбища, где были уже вырыты две маленькие могилки. Бабушки и дедушки рыдали. Марго стояла неподвижно, как манекен. «Только бы сейчас не разреветься, когда будут опускать их вниз»... Она видела многочисленные вспышки фотоаппаратов. Нет, ей нельзя плакать. Когда могильщик опустил вместе с тельцем ребёнка и бережно поправил на нём саван, распрямив ножки, у неё вырвался громкий всхлип. Но она тут же взяла себя в руки. Смотреть, как опускают маленькую Дану... Это невозможно. Она закрыла глаза.

Горы цветов покрыли могилки. Кантор запел псалом «Бог, полный милосердия...» Марго всегда любила этот псалом, но теперь он вызвал в ней страшное раздражение. Милосердие... Где его милосердие, когда совершается злодеяние? Почему не удержал руку убийцы? Зачем он тогда нужен? Зачем в него верить?

Понемногу люди стали расходиться. Остались только родственники. Давид спросил, хочет ли Марго остаться, побыть у могил. Она ответила «нет». Её одинокая фигура у могил может попасть в газету или на телевидение. Она не доставит извергу такое удовольствие.

Потянулись невыносимо длинные дни Шив'а. Приходило много посетителей. Бабушки заботились о том, чтобы на столе были напитки и разнообразное печенье. Посетители тоже приносили угощение. Марго очень

улавлила от бесконечных ответов на вопросы, как это могло случиться, почему.

На третий день траура пришёл Виталий. Что-то остро кольнуло в груди Марго: есть ли на ней и на нём доля вины? Но она отогнала эту мысль. Не Виталий, так был бы кто-то другой. Эту жизнь без тепла, без доверия, под постоянным надзором она бы всё равно не выдержала.

Виталий, видимо, чувствовал что-то похожее. Он не пустился с ней в долгие разговоры, лишь кратко выразил соболезнование. Выпил стопку водки. Перед уходом спросил, может ли он ей звонить. Она кивнула.

Всё когда-нибудь кончается — кончились и дни семидневного траура. На седьмой день родственники должны посетить могилы, над ними читается завершающая молитва. Знакомые слова Кадиша. Ицхака с ними не было: он был в больнице. Инфаркт. Неизвестно, выживет ли. Мысль, что его сын совершил такое преступление, свалила его. Давид один читал Кадиш.

Марго заказала один общий памятник в форме полукруга, охватывающего обе могилки. Согласовала с гранильщиками надписи, места для фотографий и для свечки. И тут, когда произносила имена детей, наружу вырвались сдержанные слёзы. Теперь она могла плакать, никто не фотографирует.

Ровно через месяц после похорон все они и приглашённые посетители должны вновь собраться здесь на церемонию открытия памятника.

Ещё до этой церемонии к ней пришёл адвокат её бывшего мужа. Он хотел ознакомить Марго с изменениями, которые наступили «в связи с положением» в их соглашении о разводе, а также показать ей завещание Эли. Правда, завещание не вступает в силу, поскольку Эли жив, но всё может случиться, и она должна быть в курсе.

Оказывается, он ещё при составлении соглашения о разводе сделал в свою пользу всё с учётом предсто-

ящего убийства детей. Недаром он вызвался платить крупные суммы на их содержание: знал, что их не будет. Свою мастерскую со всем оборудованием он сдал внаём, а плату от съёмщика будут получать его родители. Небольшое пособие, которое обязался платить Марго, он платить не будет, так как у него, заключённого, нет никакого дохода. Из дому он её, правда, не может выгнать по соглашению о разводе, но в завешание добавил пункт, что дом завещан родителям, и если Марго выйдет замуж, она обязана покинуть его.

Марго выслушала всё молча. Всякий раз вздрагивала, когда адвокат произносил ненавистное имя. У неё не было вопросов, и он быстро ушёл.

Какой изверг, думала она. Он сделал то, что сделал, не в неудержимом порыве ненависти, его преступный план был хладнокровно обдуман ещё несколько месяцев назад. В течение этих месяцев он ласкал детей, играл с ними, гулял. Целовал их. А потом... Человек ли он вообще? Даже звери берегут свой молодняк.

Несколько дней спустя умер Ицхак, его отец. Лечащий врач сказал, что его можно было вылечить, но он противился всем лечебным процедурам, выбрасывал лекарства, не хотел жить.

Овдовевшая Това, оставшись одна в доме, умоляла Марго перейти к ней. Марго от души её жалела, но не могла жить в доме, где «он» ко всему прикасался, где всё говорит о нём. И в красивом и удобном доме, где они жили вместе, ей всё было отвратительно. С согласия родителей она вернулась в свою «девичью» комнату в их квартире.

Когда начался суд над Эли, в газетах опять запестрели их имена и фотографии. Рассказывали, что зал заседания был полон. Марго на суд не пошла. И родителей не пустила. Рахель хотела идти: «Я бы ему там высказала...»

— Всё, что ты выскажешь, будет мало, — сказала ей Марго. — Он даже твоего плевка не стоит.

В газетах писали, что подсудимый, когда ему дали последнее слово, повторил слова, сказанные им на следствии: «Отчёт буду держать перед Богом». Какой-то мужчина, стоявший близко к скамье подсудимых, выкрикнул громко, на весь зал: «Перед чёртом ты будешь отчитываться, не перед Богом! Такие, как ты, не предстают перед Ликом Божьим!»

ЧЕТЫРЕ ГОДА СПУСТЯ

Четыре года прошло после тех трагических дней. Марго мало изменилась, только в волосах её появились серебристые пряди. Она окончила курсы оптиков и работает в магазине оптических товаров.

День нашего возвращения к героям повести — это особый день. День рождения Даны. Ей исполнилось бы девять лет. Марго отмечает все дни рождения детей. Приходят родственники, близкие друзья. И в числе их — Виталий.

С Виталием Марго связывает тесная дружба. Он сопровождал её в течение самого трудного первого года после несчастья. Начиная со второго года вытаскивал её, чуть ли не насильно, на зрелищные мероприятия. Уверял её, что дети в раю улыбаются, видя, что их мама не пала духом.

Любовь ли это? Конечно, не такая влюблённость, как в восемнадцать лет. Но когда два человека, которым уже за тридцать, необходимы друг другу — это любовь.

На день рождения убитой девочки собралось скромное застолье. Несколько соседей, несколько коллег по работе. Один дедушка и две бабушки. И, разумеется, Виталий. Дедушка Давид прочитал молитву Кадиш и псалмы, начинающиеся с буквы, из которых состоит имя Дана. Вообще-то это полагается делать в годовщину смерти, но Марго объявила, что у неё свой ритуал. Не по книге.

Выпили, закусили, завязалась беседа. Марго попросила всех не говорить теперь о трагедии. Когда стол уже почти опустел и гости начали поглядывать на часы, Виталий встал и попросил Марго подойти к нему.

Когда она встала перед ним, лицом к лицу, он преклонил колено и взял её руку.

— Маргалит, — сказал он, — согласна ли ты быть моей жемчужиной — моей женой?¹

— Да, — сказала она тихо, не все расслышали. И когда он надел ей на палец кольцо с синим камнем, все зааплодировали.

Все поздравляли молодую пару, целовали их, а дедушка Давид сказал:

— Нет счастья без горя и нет горя без счастья. Это жизнь.

Когда они пришли в раввинат, чтобы зарегистрироваться на бракосочетание, там её сразу узнали. Приняли очень тепло.

— Господь Бог наш не завещал нам вечный траур, — сказал клерк, оформлявший бумаги. — Он завещал нам жизнь. Избирая жизнь, ты следуешь Его завету. А погибшие — они теперь ангелочки возле Его престола. Они смотрят на тебя и радуются.

— Я не хочу устраивать свадьбу, — сказала Марго клерку. — Есть ли возможность обвенчаться прямо здесь?

— Да, конечно, многие так делают, — сказал клерк, — особенно если это не первый брак. У нас здесь на такие случаи есть маленький зал, вы можете прийти с гостями, заказать угощение. Нам только надо знать день и час.

— Отлично, — сказала Марго. — Я посоветуюсь с родными и сообщу вам.

Они вышли и расцеловались на ступеньках раввината. Говорят, это к счастью. Много видели эти старые ступени. И много поцелуев, и много слёз.

¹ Слово «маргалит» в переводе означает «перл, жемчужина».

Разумеется, Виталий и Марго не рекламировали своё бракосочетание, но каким-то образом весть вышла наружу. Даже в газеты попала. Ведь трагедия произошла сравнительно недавно, все о ней помнили. Марго не читала, что об этом пишут. Мнения были разные. Иные осуждали: не очень-то долго она оплакивала своих детей. Но большинство восхищалось её силой и жизнелюбием.

Дошла весть и до тюрьмы, где уже четыре года содержался Эли, по прозвищу Чудовище. Сначала перешёптывался персонал, а потом громко заговорили заключённые. «Слышали новость? Жена нашего Чудовища выходит замуж!» Говорили злорадно, чтобы он слышал.

Четыре года жил он как отщепенец, с ним заговаривали только по крайней необходимости. Но в конце четвёртого года отношения стали чуть мягче. Пришли новенькие, не разделявшие прежнюю ненависть. Во дворе, куда заключённых выпускали на прогулку, были баскетбольные сетки. Эли хорошо играл, это все видели, когда он в одиночку забивал мячи в сетку. Ему предложили войти в одну из команд.

Там, во время игры, весть о замужестве Марго дошла до него. Он выронил мяч, отошёл в сторону и лёг на траву у тюремной стены. Надсмотрщик прикрикнул на него:

— Мы вас на прогулку выводим, спать можете в камере! Вот и команде игру сорвал!

Он встал и стоял, шатаясь.

— Мне нехорошо, — сказал он, — пустите меня в камеру.

Один из баскетболистов подошёл к надсмотрщику и шепнул ему что-то на ухо. Надсмотрщик кивнул.

— Хочешь, я тебя к врачу отведу? — крикнул он заключённому.

Тот покачал головой отрицательно.

Но надсмотрщик был озабочен. Он подошёл к заключённому и взял его под руку.

— Идём, врач как раз здесь, — сказал он. — Я за тебя в ответе. Ещё помрёшь, а я отвечай.

Врач, мужчина лет пятидесяти, принял его приветливо.

— Ну, хоть один пациент, а то я тут скучаю, — сказал он. — На что жалуешься?

— На жизнь, — ответил пациент.

— Ну, это не по моей части. От жизни я не лечу. А если серьёзно?

— Он на ногах не держится, шатается, — вмешался надсмотрщик.

Это уже насторожило врача, и он стал обследовать пациента. Измерил давление, температуру. Никаких отклонений от нормы не нашёл.

— Напрасно ищите, доктор, — сказал заключённый. — Это не телесное. Это душевное.

— Плохие вести из дому? — спросил врач. Пациент кивнул.

Врач достал из ящика стола упаковку таблеток.

— Вот, я даю тебе успокоительное. Два раза в день, утром и вечером. Это тебе поможет.

— Доктор, — сказал заключённый, — дайте мне что-нибудь очень сильное. Наподобие морфия. Вот я от жизни и вылечусь.

Врач посмотрел на него внимательно, протянул руку и отнял у него упаковку. — Ишь чего задумал! Не получится! — И, обращаясь к надсмотрщику: — Пусть дежурный выдаёт ему по одной таблетке, два раза в день. И проследите, пожалуйста, чтобы здесь всё было заперто, чтобы ничего опасного не валялось. Даже моющие средства. У него суицидальные намерения. Вы меня поняли?

Надсмотрщик вернул заключённого в камеру. Тот улёгся в своей излюбленной позе — лицом к стене.

О чём он думал? Какие мысли мог породить его изъеденный злобой и ненавистью мозг?

Его план мести на всю жизнь не удался. Она оказалась сильнее. Он сбил её с ног, но она встала. А ведь

ради этой мести он убил детей, которых любил. Да, он любил их, картины его игр с ними всё чаще встают в его сознании. Ему снится, что он бежит, хочет им что-то сказать, объяснить, но не может догнать. Когда он совсем близко, они исчезают, и он просыпается.

Он не любит думать, что убил их. Они ведь были его дети, по его понятиям — его собственность. А поскольку они его собственность, он был вправе делать с ними, что ему угодно. Понадобились для мести неверной жене — он их использовал. Понятие собственности было у него таким же тотальным, как понятие мести. Ради мести всё дозволено. Он даже своей жизнью пожертвовал — знал же, что из тюрьмы никогда уже не выйдет.

Он не идиот. Он знает, что это только ширма, которую он пытается накинуть на пролитую им кровь. Человек не может жить, всё время ясно осознавая свою страшную вину. Он выдумывает разные теории, запутанные сюжеты, оправдывающие его. Одну ширму за другой. Но сквозь все эти ширмы просвечивает кровь. Кровь его детей — это ведь и его кровь...

Он под корень подрубил свою жизнь. И не только свою — всего рода своих предков. Он единственный сын — только он мог продолжить их род. И был уже продолжателем рода — его сын Ави, Авраам. Он ведь для этого и выбрал ему такое имя. Авраам — родоначальник.

Он вдруг рассердился на мальчика. Уклонился от своей миссии — продолжать род отца. Ах, да, он умер. Вновь, в который раз, он слышит удар и треск — треск расколовшейся головки ребёнка. Ох, я схожу с ума...

Нет, это невозможно. Ему некуда от этого убежать. До сих пор он думал, что его сидение в тюрьме имеет хоть какой-то смысл: он здесь страдает — она там страдает. Теперь осталось только его страдание, а она начинает новую жизнь. Его ничто новое не ждёт; значит, надо найти путь прекратить это бессмысленное страдание.

Каким образом? Он надеется на свою смекалку. Он что-нибудь придумает. Но как? Ведь он никогда не бывает наедине, всё время на виду у людей.

Пояса у него нет, брюки пришпилены к рубашке булавками. Обувь со шнурками тоже нет, дали какие-то резиновые бахилы. Простыня есть, он уже однажды пробовал сделать петлю, когда сидел в одиночке. Попытайся здесь, ночью, когда сокамерники спят?

Действительно, они спали крепко. Он успел свить из простыни подобие каната с петлей на конце. Но к чему прикрепить конец каната? На потолке ничего нет. К крану в умывальном уголке? Один очень известный человек, актёр, попав в тюрьму, таким образом покончил с собой.

Он привязал свободный конец каната к крану и закрепил двойным узлом. Просунул голову в петлю. Теперь надо отходить от крана, и по мере удаления петля затянется. Совсем просто!

Нет, вовсе не просто. Один важный фактор он не учёл: для такого способа самоубийства нужно иметь стальную волю. У него, единственного сына, избалованного родителями, такой воли нет.

Он стал медленно удаляться от умывального уголка, но испытывал панический страх. Сейчас он начнёт задыхаться... Сейчас умрёт... Но как только петля стала натягиваться и появилось ощущение удушья, он не смог заставить себя сделать следующий шаг. В ужасе сделал шаг назад и сорвал петлю с шеи. Нет, он не может.

Он обливался потом и весь дрожал. Возле крана он упал. В таком положении его застал надсмотрщик, который заглянул в глазок и увидел, что его нет в кровати.

— Эх, ты, ничтожество, — сказал надсмотрщик, — даже умереть путём не умеешь! Три дня карцера! Может быть, начальник ещё добавит! Вставай, развалился!

Он не мог встать, и ещё один надсмотрщик пришёл на помощь первому. Вдвоём они поставили его на ноги,

и он, шаркая ногами, побрёл с ними к лестнице, ведущей в подвал. В карцер.

Какая тьма! «Как в моей душе!» — подумал он. Он сидел на низкой скамейке и всматривался в темноту. Делать совершенно нечего, только думать.

Когда долго смотришь на чёрный фон, на нём начинают вырисовываться смутные очертания. Как в театре теней. Эли смотрел, не отрываясь, на этот мнимый экран, и вдруг на нём появился силуэт мальчика. «Мой Ави! Это ведь мой Ави! Иди ко мне, мой мальчик!» Но силуэт исчез так же быстро, как появился. Он ощутил острую тоску по детям. Это было странно: он всегда старался о них не думать. Возлагал вину на Марго: это она их убила тем, что изменила ему.

Что-то происходило с ним в карцере. Вместо бешеной злобы на тех, что упекли его сюда, он чувствовал нечто подобное примирению с судьбой. Тьма вокруг — это чернота его души вытекает наружу, в пространство. Никто не издевается над ним: он заслужил всё то, что с ним происходит. Заслужил с лихвой. Некого винить.

После выхода из карцера его повели к психиатру.

— Ты не обязан рассказывать мне, за что сидишь, — сказал психиатр, мужчина лет шестидесяти. — Только если сам хочешь. Но одно ты должен мне сказать: что побудило тебя к попытке покончить с собой?

— Безнадёжность, — ответил Эли.

— Ты приговорён пожизненно?

— Да. И здесь никакой жизни нет, и наружу никогда не выйду. Моя жизнь не имеет никакого смысла. Но даже убить себя я не сумел.

— Ты, может быть, не знаешь, — сказал психиатр, — но даже самых тяжёлых заключённых освобождают после тридцати лет. Нередко даже раньше.

— Так просто освобождают — и всё?

— Есть специальная комиссия по освобождениям.

Тюремное начальство подаёт ей списки тех, кого, по её

мнению, можно освободить досрочно, и пожизненных, которым можно назначить конкретный срок. Комиссия обсуждает и выражает своё мнение. Потом его должны утвердить министр юстиции и президент. Но для этого существуют условия.

— Какие условия? И вообще — зачем всё это? Суд определил наказание, почему комиссия предлагает его изменить?

— Чтобы ни один заключённый не ответил так, как ты — что у него нет никакой надежды. Человеку необходима надежда. А условия очень простые: хорошее поведение заключённого и его готовность покаяться в своём преступлении.

Эли минуту подумал, а потом спросил:

— А в чём заключается хорошее поведение?

— Не нарушать устав, не ссориться и не драться с другими заключёнными, не грубить персоналу. Если проводятся какие-то мероприятия, спортивные или художественные — желательно участвовать в них.

— Я играю в баскетбольной команде, — сказал Эли.

— Отлично. Но мне сказали, что ты отказываешься работать в мастерской. Это большой минус. Те, что работают, во-первых, заняты, и время проходит быстрее. Во-вторых, они могут накопить на своём счету приличную сумму ко дню выхода на свободу. Тебе стоит об этом подумать.

Психиатр встал, давая понять, что беседа окончена.

— Огромное тебе спасибо, — сказал Эли. — Я ничего этого не знал. Теперь появилось маленькое подобие надежды.

— Хочешь ещё раз или два встретиться со мной?

— Да, я буду рад. Ведь здесь со мной никто не разговаривает.

— И об этом я хотел с тобой поговорить. Я слышал, что тебя бойкотируют и называют чудовищем. Не держись таким букой, не будь таким мрачным. Старайся общаться с людьми. Прозвище «Чудовище» должно исчезнуть.

— Это зависит не только от меня, — сказал Эли.

— Я поговорю с вашей администрацией. Они помогут разбить преграду между вами. Здесь не должно быть чудовищ, здесь есть люди, искупающие свою вину перед обществом. И ты, приблизительно в моём возрасте или ещё раньше будешь свободным человеком. Надейся.

Эли поблагодарил психиатра и вернулся в камеру. Сокамерники посмотрели на него, они знали, что он был у психиатра.

Он не выглядел таким угрюмым и отчуждённым, каким они привыкли его видеть. Он смотрит на них, кажется, даже улыбается. Один из них сказал другому:

— Видно, ему в карцере понравилось. Смотри, даже выглядит довольным.

И тут к нему обратился Эли. Сказал:

— Это грубо — говорить при мне обо мне. Если ты что-то хочешь знать, можешь спросить у меня.

Тут второй сокамерник воскликнул:

— Смотри-ка, разговаривает как человек!

Эли ответил словами психиатра:

— Все мы здесь люди, искупающие свою вину перед обществом. У одного вина больше, у другого меньше. Если хватит сил и терпения, ещё выйдем на свободу. Надо надеяться.

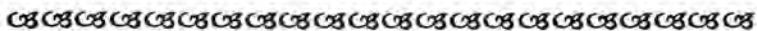
— Смотри ты, какой умный! — воскликнул один из сокамерников.

«Только для моих детей нет никакой надежды, — эта мысль резанула по сердцу Эли словно кинжалом, — они убиты!»

И он заплакал — в первый раз за эти годы.

Но даже в эти минуты, когда приоткрылось что-то глубоко таившееся в его душе, он не сказал: «Я убил их».

День, когда он с глубокой скорбью скажет себе эти слова, будет началом подлинного покаяния.

ЛИДИЯ РЫБАКОВА

ЗАВТРАШНИЙ ВЗГЛЯД

Эссе

Каждую весну птицы — стаями, группами и даже поодиночке — летят домой. Из жарких краёв, где много солнца и зелени, где достаточно воды и еды. Где — по их, птичьим, и нашим, человеческим, понятиям — настоящий земной рай. Осенью птицы поспешно бежали от холодной и голодной зимы, от лишений и смерти, ожидающих тех, кто останется. Это ясно. Непонятно другое: если там, в краях благодати, они находят всё, что искали, то почему возвращаются? Что ищут здесь, на не оттаявших до конца бесконечных русских равнинах, среди скудной и неяркой природы?

Я это прежде видела не раз,
поэтому бродила в одиночку
по улочкам...

¹ В эссе использованы стихи автора.

цыплят водили квочки,
травинку грыз парнишка-козопас,
и лип большущих бархатная тень, —
и долго-долго длился каждый день!

Там Сейм к Десне неспешно воды нёс,
мне о Москве-реке напоминая.
И над водой береговушек стаи
роняли перья на широкий плёс.
И золотились церкви на заре
в заброшенном людьми монастыре.

А в небесах, в большой голубизне,
парили птицы — аисты большие.
Как паруса над кораблём-Россией.
Замедленно и тихо, как во сне,
их крылья обнимали мир людской,
всем обещая ласку и покой.

(Рождённый в июле)

Зачем, ради чего они возвращаются, ежеминутно рискуя попасть под снежный заряд нежданно, пусть даже ненадолго, вернувшейся зимы? Говорят, это называется «запечатление». В самом начале жизни, когда деревья ещё большие, а взрослые кажутся добрыми и справедливыми, юное существо создаёт свой образ мира. Идеальную внутреннюю модель. Это не вера, не убеждение, не картинка, на которую можно полюбоваться. Это образ, наличие которого обычно даже не осознаётся, но с которым раз за разом сравнивается всё окружающее.

Как бы ни было прекрасно вокруг, но если сравнение говорит «не то», увы. Ничего не поделаешь. Красиво, удобно, великолепно — только не моё. Не родное.

И не столь важно, была ли реальность тех времён и пространств — той страны и той действительности, что

запечатлелись на всю жизнь — действительно лучше того, что есть теперь. Обычно она просто не оценивается. Это мера, эталон для сравнения. А эталон вне зоны критики.

И птицы летят, летят с благодатного юга на суровый север. Умно это? Правильно?

Не нам их судить. Мы такие же. Мы стремимся к тому, что когда-то было запечатлено в нашем сердце, даже сознавая, насколько там неприятно.

Мой дом построен на семи ветрах.
И день, и ночь я слушаю их песни.
Ветра сметают прожитого прах,
уносят годы и приносят вести.
Мой дом построен на семи ветрах.

Здесь сквозняки гуляют по углам,
колышутся гардин цветные флаги,
листвой осенней, как ненужный хлам,
кружатся позабытые бумаги.
Здесь сквозняки гуляют по углам.

(Мой дом)

Но всё-таки, люди не птицы. Ведь у нас есть ещё и разум. Странная, почти неуловимая и вечно неудовлетворённая, что-то ищущая субстанция, склонная сомневаться, сравнивать, анализировать и проводить мысленные эксперименты. Мотор, постоянно толкающий человека вперёд.

Разум ищет нового так же упорно, как сердце тянется к старому. Ещё непонятно, какой зов и какое влечение сильнее — тяга к привычному во что бы то ни стало, или стремление к новому, к переменам. Ведь мы разумны, а следовательно сознаём, что прошлое не возвращается, что его образы скорее обманут, чем действительно помогут в изменившихся обстоятельствах, в другое, новое время.

Я очень бабушку любила.
Она всему меня учила —
как:
книксеном гостей встречать
и по-французски отвечать,
заполнить карточку на бале,
для шляпок подбирать вуали,
не падать в обморок в корсете,
как выбрать няню — если дети;
готовить пунш, плясать мазурку,
носить боа из чернобурки,
визиты делать, шлейф держать,
и как загара избежать...

Я так старательно училась!
Жаль: никогда не пригодилось.
(Прабабушке)

Это, конечно, шутка. Но в любой шутке, как известно, настоящей шутки — только доля... На самом деле разве можем мы вернуться туда, где

Ни телесериалов, ни попсы,
ни проституток около дороги.
Носили ситец и не брили ноги,
и лакомством был ломтик колбасы.
В очередях, застывших, словно сны,
шептали: «лишь бы не было войны»...

Мы верили, что выбран светлый путь,
а лагерные тени преходящи.
Пусть несвободно, скудно в настоящем,
но главное — с дороги не свернуть.
Не сытые, но полные идей,
не бога чтили, а земных вождей.

(Рождённый в июле)

Да и не нужно возвращаться. Ведь уже тогда мы чувствовали, что благостная картинка, если отвлечься от её привычности, вовсе не прекрасна.

Мы спорили о книгах. Без вранья — не модно было говорить о личном, и тема диссидентская привычно вплеталась посреди житья-бытья. Запоем мы читали «Самиздат» и слушали все «голоса» подряд.

И анекдоты! Было их полно. Политика — излюбленная тема. Нет, мы не посягали на систему, устои нас устраивали, но... Мне кажется — и кажется всерьёз — скрывали мы за смехом реки слёз.

Твердили нам, мол, всё кругом — для вас! Вы — гордость и хозяева Отчизны. Но мы-то знали: не хозяин жизни ни ты, ни я, ни он — никто из нас. Всё общее — ура. А мы при чём? Нас быстро жизнь учила, что почём.

Учёному — зарплата сто рублей. Давай, родной, вперёд науку двигай. Как стрекоза зимой, пляши и прыгай, ложись костями, как в фильме «Девять дней». Раз голова покамест на плечах — трудись, не то окажешься в бичах.

Рабочий? Нынче ты, брат, гегемон. Ты на плакатах и в поэмах славен. И пусть по жизни, в общем-то, бесправен,

но выборы — отличный угомон.
Поддерживай начальство без затей.
А если что не так — ты тихо пей.

Колхозник тоже счастлив должен быть.
В семидесятых даже паспорт дали.
И лимита осваивала дали,
стремясь о малой родине забыть.
Забиты окна и пусты дома,
как будто по селу прошла война...

А речи... речи сладкие лились.
О мире, счастье, о цветущем крае.
Порою нам казалось: мы играем
в забавной пьесе под названьем «жизнь».
(Рождённый в июле)

Сейчас изменилось очень многое. Для начала, мы
теперь, как птицы, вольны лететь, куда душе угодно.
Но почему-то летим далеко не все. А улетевшие нередко
стремятся вернуться.

Мой друг уехал в Эквадор
и пишет мне, что там тепло.
Ему с погодой повезло —
там нет московских снежных гор.

Там пахнет морем свежий бриз,
и шумно дышит океан,
а в небесах аэроплан
кружит — должно быть, смотрит вниз.

Мой друг там счастлив в первый раз —
он ненавидел снег и лёд,
бессильно он твердил: «пройдёт,
зима пройдёт, уйдёт от нас»...
(Сольвейг, по телефону)

Казалось бы, весь мир открыт. Все дороги. Все края.
Отчего же так печально?

Семь дорог из-под ног — веером.
Мне нужна одна — та, что глянется.
А что выберу — то и станется,
что останется — то утеряно.

(Перепутье)

Иди вперёд, человек! Измени всё, измени жизнь,
измени мир! Что тебе мешает? Может, то, что изменить
мир можно только изменив своё к нему отношение?
Переменив для начала себя?..

Нужно изменить ориентиры — не внешние, а внутренние.
Отказаться слепо следовать привычкам, сменить эталон.
Тот образ, с которым сравнивается всё и вся.

Что же ты качаешь головой, почему пытаешься отступить — чего ты боишься, человек?

Шаг ступить. За порог.
В мир труда, ожидания и рока.
Проходить свой урок
и оплачивать цену урока:
боль, усталость и грязь,
и красивую ложь искушений,
и нащупывать связь,
избегая простейших решений,
и ответы искать,
и страдать, и прощаться, и биться...

(Дети снят)

Революция — это преобразование. Решительное, скачкообразное, резко изменяющее вид, качества и самый смысл происходящего. Это ступень лестницы, ведущей в будущее. Кто не преодолеет этой ступени, тот останется в прошлом — и исчезнет в веках. В русском языке есть поговорка, подходящая к случаю — «исчезнуть, аки обры».

Хотим ли мы вот так же исчезнуть? Нет, конечно. Живое стремится жить.

Но... мы ведь и прежде пытались отказаться от прошлого. Резко скакнуть вперёд, помните?

Я родилась на строящейся башне,
Где в синеву на свет распахнут кров,
чуть выше серой мути облаков,
в пред-житии оставив день вчерашний.

Внимая всем, всё ведая — не зная! —
жила-была так близко к небесам,
что к звёздам приникала я — к сосцам —
и млечности текла струя густая.

К плечу плечо — трудились, жили, пели...
Довольные, не видели тогда:
внизу ветшали наши города —
мы свысока на целый мир глядели!

(Башня)

Как знакомо, не правда ли: «весь мир разрушим, до основанья, а затем»...

Но оказалось, что забывая прежнее, не отталкиваясь от него, далеко прыгнуть не выходит. Вот и башня тоже обветшала, как когда-то прежние постройки. А мы снова пытаемся разом повернуть реку жизни в новое русло. И при этом — не забываем ли снова, что важны одновременно и разум, и сердце. Нельзя ни оттолкнуться от пустоты, ни построить нечто новое по старым чертежам и со старыми мерками.

Получается, что прежде, чем начинать строить и перестраивать, нужно понять, что именно мы хотим. Какое оно, наше желаемое будущее. В чём его новизна, в чём связь с прошлым, а в чём отличие от него. Ради чего, собственно, все революции? И чем мы готовы

поступить, в том числе в себе самих. Каков он, тот новый эталон, который каждый из нас готов хранить в своём сердце? Чтобы понять это, надо вначале увидеть то будущее, которое мы хотим создать. О котором мы мечтаем и которое уже творим — вначале внутри себя.

Я в этот день мечтала о дожде.
Но выдался — до огорчения ясный.
И самолётик бело-сине-красный
на поле ждал, как птица на гнезде
птенцов — ещё неловких, неумелых,
таких, на вид, невероятно смелых...

Но вот раздался возглас «От винта!»
и мы, жалея, что молитв не знаем,
над собственными страхами взлетаем,
почти поверив: страхи — суета.

(Высота)

Настоящая революция состоит именно в этом. В создании нового внутреннего эталона.

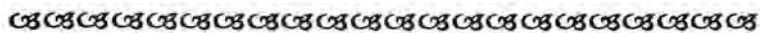
Мир постигая как тёмную комнату,
мальчик его наполняет собой.
Главные тайны вбирая в сердце,
переступая пороги.
Есть ли надежда?
Он верит, что есть.

(Мальчик)

Хочешь изменений? Посмотри на мир взглядом человека, который не оторвался от своего прошлого, но смотрит и на него, и на настоящее — из будущего.

Посмотри не вчерашними, а завтрашними глазами.

Готова ли ты изменить свой взгляд, Россия?

ПАВЕЛ САЛО

Родился в 1950 году на Полтавщине, в семи километрах от старинного города Лубны, в селе Высший Булатец. Автор трёх книг стихов, член Союза писателей России.

ПЕРЕВОДЫ С УКРАИНСКОГО

ИЗ НИКОЛАЯ КОНДРАТЕНКО

* * *

Немногим славилось село:
Ветряк да церковь, пруд-стекло,
И всё травую заросло.

Я уезжал. Снега. Зима.
Смотрю — церквушка не видна,
Лишь высь безмолвная одна.

А в скором времени опять
И ветряка нам не видать.
Его щадила вражья рать.

Где пастбище и склон слегка,
В пруду белели облака,
Теперь — осока и тоска.

О, время, как ужасно ты,
Как будто вновь прошёл Батый.

Вчера ещё осень полями чернела
И в сердце несла мне грусть,
А нынче, а нынче земля посветлела,
Снега, как ромашки, цветут.
Умеешь ты, время,
быть горьким и сладким,
Одежды планеты менять.
Чтоб горя не ведать,
А счастье догнать бы —
Найти бы такого коня!

* * *

Ночь невестится,
Словно девица
С полумесяцем у пруда,
А под липами
Звёзды бликами,
И блестит серебром вода.

Здесь, под ивою,
Свет мой, милая,
Посидим до зари, как тогда,
И под шум листвы,
На ковре травы
Приласкаю я снова тебя.

* * *

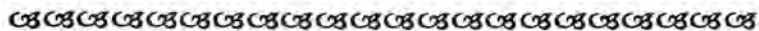
Ты не исчезнешь навсегда,
И я, быть может, буду вечно,
Как по утрам роса в садах,
Как звёзды на дороге Млечной.

Мы вечные, как в поле рожь,
И не уйдём во мглу тумана.
Когда берёзой ты взрастёшь,
Я верным клёном рядом встану.

Не испаряется любовь,
Её несут в бессмертье люди.
Когда цветком ты вспыхнешь вновь,
Я дождиком весенним буду.

Пусть много дней пройдёт, и всё ж,
Любить я буду так, как летом.
Когда зарёй ты расцветёшь,
Я встречу молодым рассветом.

**КРИТИКА,
ОБЗОР,
ИССЛЕДОВАНИЯ**

ЛЕВ АННИНСКИЙ

ВЕЛИКОЕ И МАЛОЕ

Как назвать произошедшее (и надвигающееся)?

Может, так: Взлёт и бездонь?

Или — опираясь на «корневые системы» в сверхзадаче (и в подзаголовке романа) — Корни и вершины?..

А если иметь в виду главного героя, — Большой и маленький Наполеон.

Роман Галины и Павла Барышниковых посвящён Бонапарту и войне с французами. Однако в первой же главе мелькает — Фриц. 1812 год отшатывается в 1941-й. Но и это ещё не всё: повествователи не могут отрешиться от недавнего «Афгана». Так что это нынешнее молодое поколение задаёт Истории вопросы, на которые непросто ответить.

Вопросы вынесены в Пролог. Я тоже попробую вынести в пролог мои ответы. Оговорив их мучительность.

Вопросы такие:

— Почему Гитлер не имеет у нас героического ореола, как Наполеон?

— Почему Европа не смогла завоевать Россию? Татаро-монгольское иго смогло: 300 лет под татарами. А Европа Россию тысячу лет пытается и не может?

А если ещё вытащить из подтекста вопрос о неодолимой, природной воинственности русских?

Этот последний пункт — самый простой. По элементарности. И самый немыслимый для ответа. Хотя ситуация подсказывает ответ: грядущая мировая война уничтожит человечество. А как её избежать, если кровавая агрессивность — в человеческой природе?

Увы, мы не знаем, как и почему столь воинственное племя появилось и закрепилось на этом носящемся в пустоте клочке земли, — и мы ничего не можем поделать с нашей врождённой кровожадностью. Терпеть и сдерживаться?! Куда она денется, если неведомо, откуда взялась?

Ближе — вопрос полутысячелетней давности: почему именно русские сплотили на евразийской равнине великое государство?

Я думаю, что если бы это не сделали русские, то великое многонациональное Целое сплотили бы другие претенденты. От того, как летали стрелы на Угре или на Балтике, зависело: какой язык станет чертой этой великой державы, и шире: славяне, тюрки или угро-финны оформили бы ей пропуск в Историю, но суть была бы та же: великое содружество народов. И ничьего «ига» тут не требовалось. Его и не было, а изобретено оно и вколочено в головы послепетровскими умниками ради их дипломатических забот. С таким же правом татары (или финны) могут назвать нынешнюю Федерацию «русским игом»... Так что я понимаю великого историка Льва Гумилёва, выбросившего «иго» из своего словаря. Суть не в том, что государство — российское, а в том,

что оно многонациональное, другое бы здесь не удержалось.

И, наконец, убойный контраст: Бонапарт — Гитлер.

Сегодня, проезжая по главной московской улице мимо ресторана «Наполеон», я с тревогой спрашиваю себя: «А что, если со временем тут будет и ресторан «Адольф»?»

И отвечаю себе: никогда!

Поразителен контраст целей Наполеона и Адольфа.

Гитлер планировал уничтожение государств и наций, не подходивших под германский покров: он начал с цыган и евреев. Уничтожил бы и славян, но их было слишком много, поэтому Гитлер планировал сделать их подневольными рабами, чтобы померли сами.

Ничего подобного не было в мыслях Бонапарта. Никакой русской территории французы не имели целью. Да и «территория», строго говоря, ещё не оформилась: не азиатский Восток заботил россиян, а Черноморье; если же Восток, то до Урала было ещё далеко, и соответствующая карта в 1812 году ещё только составлялась, французы её исправно скопировали. Не русские и их территория были заботами Наполеона, когда он начинал войну. Досадить Англии. Припугнуть Литву, чтобы не озиралась на Запад... Определялись действия Наполеона необходимостью догнать русскую армию. А её кроили свои противоречия (грузин Багратион против Барклая, числившегося «немцем», хотя никакой он не немец, а шотландец). И дошёл Бонапарт чуть не до Смоленска, и наконец добрался до русского войска — в Бородине.

В Бородинской битве, как известно, французы показали себя достойными победы, а русские — стать непобедимыми.

Кутузов, однако, Москву оставил. Наполеон с Поклонной горы увидел русскую столицу и стал ждать, что к нему придут жители с хлебом-солью. Не дождал-

ся. И тут впервые задумался завоеватель над тем, кого невзначай покорил. До нас дошла реплика:

— Может, эти скифы не умеют сдаваться? Подите к ним и научите!

Научить можно было — профессиональных офицеров, которые по-французски говорили так же хорошо, как французы (до Ватерлоо тем и этим офицерам доводилось встречаться на традиционных великосветских балах, и им не приходило в головы палить друг в друга). Но сдаваться Наполеон так скифов и не научил. Они его кое-чему научили. С помощью погоды... Для своих офицеров заказал Наполеон более рациональные по цене оловянные пуговицы. На русских морозах эти пуговицы полопались, так что завоеватели оказались без штанов и ходили по нашим лесам, подвязанные поясами и верёвками. Недолго ходили. Поняв бессмысленность пребывания в этой Скифии, Наполеон начал отступать. По разорённой старой Смоленской дороге. По ней допятился до Березины, а потом, бросив остатки своей великой армии, рванул восвояси.

Никакой враждебности к русским.

А вот у русских отношение к гостям кардинально меняется. Хотя агрессор и отваливает.

Русские поджигают свою столицу. Рассчитывают, что поджог будет приписан французам «от неумения обращаться с русскими печами». Поразительная параллель со временем Лжедмитриев: тогда тоже русские подожгли столицу, которую были вынуждены отдать врагу.

Наполеон утёк. Вослед ему проснулась ненависть партизан, не простивших агрессора. Били по отступающим. Передавали приказ Кутузова: лихо бить по тылу! С той поры кутузовское имение Троицкое-Голенищево стало зваться: Потылиха (пока пару эпох спустя эту слободу не переименовали в «Мосфильмовскую»).

Загадочная память о Наполеоне накладывается в романе Барышниковых на современную российскую

реальность (провинциально-неподдельную и современно динамичную), сопровождаясь не утихающими спорами о Бонапарте, причём противников у него теперь не меньше, чем апологетов.

Что это? Готовность в давнем прошлом нащупать «корневые системы»?

Да, и это! Но не только.

Ещё — желание понять, что же спасло Россию в 1812 году.

Тут в противовес Бонапарту живёт в историческом сознании образ Кутузова. Кутузов — тот, который решил сдать столицу («С потерей Москвы не потеряна Россия...»)

И оказался прав!

Это фигура, контрастная Бонапарту. Даже если он и проиграл ему иные тактические бои — стратегическую битву Кутузов выиграл.

Что-то мистическое? Пули, попавшие в голову и шею, не убивают, а уходят навывлет. Это и спасает — что навывлет: иначе смерть. А навывлет — потому что в упор. А в упор — потому что не прятался, а смотрел без страха в дула своих врагов. Не верил, что может погибнуть на той земле, которую знает как родную. И с народом, который — свой.

Кутузов в противовес Бонапарту — герой не прошедшего войска, а вот этой земли, этого народа. В том-то и контраст.

Бонапарт — уникальнейший случай, когда личность опирается только на свои силы и добирается до императорской высоты. А теряя всё — сам и расплывается. И плодами своих побед. И плодами своей любви (разрыв с женой). И конец свой принимает — с достоинством. Сам, только сам!

Это возможно и в новейшее время, когда человек возносится усилиями партий, движений, а оказывается верхом на скакуне Истории в силу обстоятельств?

И сегодня — так же?

Так же. Если не считать истории Бонапарта, который всю свою биографию создал и оплатил сам. Своими силами.

У Кутузова «свои силы» неотделимы от сил его народа.

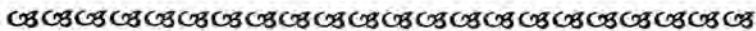
Наполеоновский взлёт возможен. На законопослушном Западе.

У нас, на евразийской пустоши, такой уникальный взлёт невероятен.

А что у нас?

«А тот, кто за Русь страдает... за ту, какая есть — тот и русский».

Тут нечего добавить.

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

«ПРИМИТЕ КАК ЧУДО»

ПРОЕКТ К ЮБИЛЕЮ ЦВЕТАЕВОЙ

В апреле текущего года Дом-музей Марины Цветаевой представил новый проект — двойной компакт-диск «Марина Цветаева. Примите как чудо», выпущенный к 125-летию поэта. «Муза» продолжает публикацию печатных (расширенных) версий текстов, написанных для этого «двухтомного» аудиоиздания.

На двух CD звучат не только произведения Цветаевой, включая одну из вершин мировой поэзии — «Поэму Конца», но и впервые в таком формате, через диалог со слушателями и ответы на самые неоднозначные вопросы, сделана попытка отделить правду от вымысла, рассказать о мифах, созданных вокруг имени Марины Цветаевой современниками и потомками.

Авторские тексты подготовлены и озвучены одним из лучших знатоков творчества и биографии поэта, старшим научным сотрудником московского Дома-музея Марины Цветаевой Галиной Данильевой. В её же исполнении звучит цветаевская лирика — стихи и поэма.

Идея проекта принадлежит Светлане Салтановой, автору книги «Марина Цветаева. Возвращение. Судьба творческого наследия поэта на фоне советской эпохи (1941–1961 годы)».

Аудиоиздание вышло при поддержке и участии Культурного центра «Дом-музей Марины Цветаевой» (Москва). Приобрести компакт-диски можно в книжном киоске Дома-музея (Борисоглебский переулок, дом 6, стр. 1).

МАРИНА ЦВЕТАЕВА
НЕ ПРАВИЛАСЬ МУЖЧИНАМ.
ПОЧЕМУ?

«Я могла бы сказать: не любовь вызывает во мне сердцебиение, а сердцебиение — любовь». (М. Цветаева, из дневника, 1917 год).

При чём здесь мужчины? Они ни при чём. И это явно им нравиться не могло!

Я Вас люблю всю жизнь и каждый час.
Но мне не надо Ваших губ и глаз.
Всё началось — и кончилось — без Вас.

1918 год: «Я не любовная героиня, я никогда не уйду в любовника, всегда в любовь». (М. Цветаева, из дневника).

1919 год: «Одна мысль из сна: «Мой ум, как фонарь на любовном свидании». (М. Цветаева, из записных книжек).

1921 год: «Мне так жалко, что все это только слова — любовь — я так не могу, я бы хотела настоящего костра, на котором бы меня сожгли». (Из письма М. Цветаевой А. Ахматовой).

1923 год:

«Всё любила, всё любить умела, кроме другого, живого. Другой мне всегда мешал, эта была стена, об которую я билась, я не умела с живым! Отсюда сознание: не — женщина — дух! Не жить — умереть. Вокзал». (Из письма М. Цветаевой К. Родзевичу).

«Когда люди, сталкиваясь со мною на час, ужасаются теми размерами чувств, которые во мне возбуждают, они делают тройную ошибку: не они — не во мне — не размеры. Просто безмерность, встающая на пути. И они, м.б., правы в одном только: в чувстве ужаса». (Из письма М. Цветаевой А. Бахраху).

«Я никогда не давала человеку права выбора: или всё — или ничего, но в этом всё — как в первозданном хаосе — столько, что немудрено, что человек, пропал в нём, терял себя и в итоге меня». (Из письма М. Цветаевой К. Родзевичу).

«Никакая страсть не перекричит во мне справедливости. Plus fort que moi [сильнее меня — фр.]. Отсюда все мои потери. Мужчины и женщины беспощадны, пощадны только души. Делать другому боль, нет, тысячу раз нет, лучше терпеть самой, хотя рождена — радоваться. Счастья на чужих костях — этого я не могу. Я не победитель». (Из письма М. Цветаевой А. Бахраху).

«Ведь я не для жизни. У меня всё — пожар! Я могу вести десять отношений (хороши «отношения»!) сразу и каждого, из глубочайшей глубины, уверять, что он — единственный. А малейшего поворота головы от себя — не терплю. Мне БОЛЬНО, понимаете? Я ободранный человек, а Вы все в броне. У всех вас: искусство, общественность, дружбы, развлечения, семья, долг, у меня, на глубину, НИ-ЧЕ-ГО. Всё спадает как кожа, а под кожей — живое мясо или огонь: я: Психея. Я ни в одну форму не умещаюсь — даже в наипросторнейшую своих стихов! Не могу жить. Всё не как у людей». (Из письма М. Цветаевой А. Бахраху).

Надежду довоплотиться — соединить в себе Психею и Еву, духовное и телесное, дала Марине Цветаевой встреча с Константином Родзевичем, адресатом «Поэмы Горы» и «Поэмы Конца». В это же время (1923 год) — в письме к Александру Бахраху:

«Вы говорите: женщина. Да, есть во мне и это. Мало — слабо — налетами — отражением — отображением. Скорей тоска по — чем! Для любящего меня — женщина во мне — дар. Для любящего её во мне — для меня — неоплатный долг. Единственное напряжение, от которого я устаю и единственное обещание, которо-

Марина Цветаева.
Прага, 1924 г.

го не держу. Дом моей нищеты. О, я о совсем определенном говорю, — о любовной любви, в которой каждая первая встречная сильнее, цельнее и страстнее меня.

Может быть — этот текущий час и сделает надо мной чудо — дай Бог! — м.б. я действительно сделаюсь человеком, довоплюшусь.

Друг, друг, я ведь дух, душа, существо. Не женщина к Вам писала и не женщина к Вам пишет, то, что над, то, с чем и чем умру».

В 1925 году существо по имени Марина Цветаева анализирует свою беду:

«Боюсь, что беда (судьба) во мне, я ничего настоящего, до конца, т.е. без конца, не люблю, не умею любить, кроме своей души, т.е. тоски, расплёсканной и расхлёстанной по всему миру и за его пределами. Мне

во всём — в каждом человеке и чувстве — тесно, как во всякой комнате, будь то нора или дворец. Я не могу жить, т.е. длить, не умею жить во днях, каждый день, — всегда живу вне себя. Эта болезнь неизлечима и зовется: душа». (Из письма М. Цветаевой О. Колбасиной-Черновой).

1926 год: «Я, когда люблю человека, беру его с собой всюду, не расстанусь с ним в себе, усваиваю, постепенно превращаю его в воздух, которым дышу и в котором дышу, — в всюду и в нигде. Я совсем не умею вместе, ни разу не удавалось...

Бывают взрывы и срывы. Тогда я очень несчастна, не знаю чего могу, всякого «вместе» мало: умереть! Поймите меня: вся моя жизнь — отрицание ее, собственная из нее изъятость. Я в ней отсутствую. Любить — усиленно присутствовать, до крайности воплощаться здесь. Каково мне, с этим неверием, с этим презрением к здесь?» (Из письма М. Цветаевой С. Андрониковой-Гальперн).

«И обнять дерево или человека для меня одно и то же. Быть». (Из письма М. Цветаевой Р.М. Рильке).

Осознание главного в себе — души — и соотнесение себя с нею: «Одна голая душа! Даже страшно», как сказал о Марине Цветаевой Сергей Эфрон. Отсюда — особость отношений Цветаевой с мужчинами, которая проходит через всю жизнь.

«У меня другая улица, Борис, лирическая, без людей, с концами концов, с детством, со всем, кроме мужчин. Я на них никогда не смотрю, я их просто не вижу. Я им не нравлюсь, у них нюх. Я нравлюсь старикам и женщинам и собакам. Я не нравлюсь голому инст<инкту>, я не нравлюсь полу, пусть в твоих глазах я теряю, мною завораживались, в меня почти не влюблялись. Ни одного выстрела в лоб — оцени.

Стреляться из-за Психеи! Да ведь она бессмертна, ведь ее (даже) никогда не было. Стреляются из-за хозяйки дома, не из-за гостыи». (Из письма М. Цветаевой Б. Пастернаку, 1926 год).

И наконец — прямой и полный ответ. Из дневника Марины Цветаевой 1932 года:

«Почему люди (мужчины) меня не любили.

П.ч. не любила людей.

П.ч. не любила мужчин.

П.ч. я не мужчин любила, а души.

Не людей, а вокруг, над, под.

П.ч. я слишком много давала.

Слишком мало требовала.

Ничего не требовала.

Слишком много (всего) ждала — и не для себя.

Слишком терпеливо ждала (когда не шли).

Никогда не защищалась.

Всегда прощала...

Всё прощала — лично, ничего — надлично.

Всё прощала — пока лично, всё прощала — пока мне (но где кончаюсь — я??), но поняв, осознав кого, что во мне обижают и унижают, уже не прощала ничего, вся бралась (изымалась) обратно из рук.

Потому (боялись), что боялись «связаться».

П.ч. так попросту «связаться» — нельзя.

«Развязаться» — нельзя.

(NB! Впрочем, одолевали и это!)

П.ч. у меня — имя (а это в цене).

Боялись моего острого языка, «мужского ума», моей правды, моего имени, моей силы и, кажется, больше всего — моего бесстрашия —

— и —

самое простое:

— просто не нравилась. «Как женщина». Т.е. мало нравилась, п.ч. этой женщины было — мало. А если нравилась, то бесконечно-меньше первой встречной, к<отор>ую любили бесконечно-больше.

И — правы.

*

Мужчины ищут «страсти», т.е. сильного темперамента (душевные страсти им не нужны, иначе нужна была бы я) — или красоты — или кокетства — или той самой «теплоты» или (для жены) «чистоты» (той самой).

Не той страсти, не той красоты, не той игры, не той чистоты, во мне имеющих.

Есть всё, но моё, единоличное, в моей транскрипции и — потому — неузнаваемое.

Ибо штампа всего этого ищут, общих мест».

«Знаешь, чего я хочу — когда хочу. Потемнения, посветления, преображения. Крайнего мыса чужой души — и своей. Слов, которых никогда не услышишь, не скажешь. Небывающего. Чудовищного. Чуда». (Из письма М. Цветаевой Б. Пастернаку, 1926 год).

Итогом: потому что боялись — потому что не по силам ни физическим, ни духовным; потому что нечего дать и нечем удержать; потому что — «Как музыкант — меньше музыки! И как любовник — меньше любви!» (М. Цветаева, из записных книжек, 1917 год).

«А любить я умела — как никто, и никто об этом не узнал!» (Из письма М. Цветаевой А. Берг, 1938 год).

СОДЕРЖАНИЕ

Валерий Лебединский. Памяти Ларисы Васильевой. 3

ЛИТИНСТИТУТ НА СТРАНИЦАХ «МУЗЫ»

Михаил Попов. Максим Горький — Стефан Цвейг.
Переписка 8
Борис Тарасов. Христианский контекст образа
Татьяны Лариной. 15

ТВОРЧЕСТВО СТУДЕНТОВ

Артемий Бесполов. Небо под соснами. «Мы с друзьями...»
Стихи 27
Алексей Терениченко. Стрижи. Феодосия.
После провинции. *Стихи* 28

НАВСТРЕЧУ ЮБИЛЕЮ ЗИНОВИЯ ВАЛЬШОНКА

Валерий Лебединский. Поэт милостью Божией 32
Зиновий Вальшонок. Стихи разных лет 40

СОЮЗ РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Николай Алешков. Ради музыки, слышной не всем.
Стихи 59
Ольга Альтовская. Венок Кубани. *Стихи* 66
Евгений Асташкин. Терентий. *Рассказ* 69
Татьяна Безридная. Гримаса Белого, ухмылка Рыжего...
Стихотворение 76
Исаак Беккер. Крик в ночи. *Рассказ* 77
Екатерина Белоус. В своей стихии. *Стихи* 83
Геннадий Васильев. Два стихотворения 89
Леонид Володарский. Звезда предназначения. *Стихи*. 92
Фарида Габдраупова. Как знакомо всё и как старинно.
Стихи 97
Екатерина Гладышевская. Время делает взгляд острее.
Стихи 102
Ольга Григорьева. Гул небесный, шёпот божий.
Стихи 106
Лариса Дегтярёва. Найти слова... *Стихи* 109
Вячеслав Егиазаров. Дети войны.
Цикл стихотворений 114

Владимир Зангиев. Элвис. <i>Рассказ</i>	119
Татьяна Иванченко. <i>Новые стихи</i>	128
Елена Кириллова. Краем осени по синеве. <i>Стихи</i>	134
Сергей Круль. Герань. <i>Рассказ</i>	139
Владимир Крюков. Desenzano del Garda	148
Татьяна Лапинская. Утро рождается. <i>Стихи</i>	158
Сергей Мамаев. Потаенное судно Ефима Никонова	164
Игорь Михайлов. Silentium.	177
Наталья Николенкова. Давай засахарим судьбу. <i>Стихи</i>	181
Надежда Папоркова. ...И озаряется тёмная тишь. <i>Стихи</i>	186
Владислав Пеньков. Зарыдают импрессионисты. <i>Стихи</i>	192
Владимир Перцев. Утопленник. <i>Рассказ</i>	196
Светлана Попова (Зюгина). Сквозь откровение. <i>Стихи</i>	201
Татьяна Ровицкая. Свой искренний след. <i>Стихи</i>	207
Марина Савченко. Город как единственное место на карте	212
Леонид Советников. Хотя душа горит огнём. <i>Стихи</i>	217
Лев Сысоров. Городское море	222
Элеонора Татаринцева. Странички жизни стоит перечесть... <i>Стихи</i>	231
Татьяна Третьякова-Суханова. Небесный спутник перелёта. <i>Стихи</i>	236
Шайбулатова. Холодно. <i>Рассказ</i>	241
Любовь Шубная. Я ищу листок зелёный. <i>Стихи</i>	250

ЭСТАФЕТА

Лариса Агафонова. Вижу детство и юность... <i>Стихи</i>	256
Элина Антушева. «Тишину нарушает...» <i>Стихотворение</i>	259
Алла Валько. Мой друг и учитель Сью Уиллнер	260
Таисия Вечерина Лола Звонарёва. Труды и дни Риммы Казаковой. <i>Продолжение</i>	267
Маргарита Вишнякова. Ожидание встреч, упование на случай. <i>Стихи</i>	313
Эллина Вяткина. Волшебных нот живая влага. <i>Стихи</i>	319
Елена Глазкова. Из неопубликованного	321
Александр Городницкий. Доживаю тревожную старость. <i>Стихи</i>	340

Галина Данильева. Сад и старик. <i>Рассказ</i>	348
Ольга Збарская. Судьбы сомкнулся круг. <i>Стихи</i>	352
Виктор Кашкин. Научи покаянию, Господи! <i>Стихи</i>	358
Светлана Корчагина. Два рассказа	361
Валерий Лебединский. Пыл разжигает костёр. <i>Стихи</i>	366
Галина Леонтьева. И слышится далёкий перезвон. <i>Стихи</i>	371
Ирина Лесная-Иванова. Душою умерших событий. <i>Стихи</i>	375
Леонид Подольский. Московские каникулы	377
Ривка Рабинович. Чудовище. <i>Повесть</i>	386
Лидия Рыбакова. Завтрашний взгляд. <i>Эссе</i>	443
Павел Сало. Переводы с украинского	452

КРИТИКА, ОБЗОР, ИССЛЕДОВАНИЯ

Лев Аннинский. Великое и малое	456
Марина Цветаева. «Примите как чудо». <i>Продолжение</i>	462

МУЗА

Международный литературный альманах

Главный редактор Валерий Лебединский

Литературный редактор Р. Рабинович

Художественный редактор В. Кваргов

Оригинал-макет Е. Меркина

Дизайн и компьютерная вёрстка Е. Меркина

Художник Анна Сонц

Издание Валерия Лебединского

Телефоны: 8(495) 467-92-07, 8(903) 587-69-66

Валерий Ефимович Лебединский

e-mail: valerileb@bk.ru

Регистрационный номер ПИ № 77-7878

от 27 апреля 2001 г. в Госкомпечати РФ

Сдано в набор 20.06.2018. Подписано в печать

23.08.2018. Объём 13 печ. л. Формат 84×108/32.

Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Тираж 700.

Цена договорная.